

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Кафедра социальной философии

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

**ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА П.К. ГРЕЧКО**

**Сборник материалов
Всероссийской научной конференции
с международным участием**

Москва, 14 июня 2017 г.

В двух томах

Том II

**Москва
2017**

УДК 1:316(063)
ББК 87+60.5
Ч-39

Под редакцией
*О.Ю. Бондарь, И.Н. Вольнова, М.Л. Ивлевой, Е.М. Курмелевой,
А.М. Орехова, С.В. Рудановской, Ф.В. Тагирова, А.З. Черняка*

Ч-39 **Человек и общество в контексте современности. Философские чтения памяти профессора П.К. Гречко** : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 14 июня 2017 г. : в 2 т. / под ред. О. Ю. Бондарь, И. Н. Вольнова, М. Л. Ивлевой, Е. М. Курмелевой, А. М. Орехова, С. В. Рудановской, Ф. В. Тагирова, А. З. Черняка. – Москва : РУДН, 2017.
ISBN 978-5-209-08399-3
Т. II. – 523 с.
ISBN 978-5-209-08400-6 (т. II)

В двухтомном сборнике опубликованы материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Человек и общество в контексте современности» (Философские чтения памяти профессора П.К. Гречко), которая состоялась 14 июня 2017 г. в РУДН. Участникам конференции было предложено проанализировать проблему трансляции смыслов в истории философии – от традиции к современности, выявить фундаментальные тренды социальной динамики последних десятилетий и основные проблемные точки, связанные с самоопределением человека в современном мире. Содержание сборника соответствует программе конференции и включает научные статьи и доклады, представленные в рамках следующих секций и круглых столов: I том – «Модерн и постмодерн в фокусе социальной философии», «Традиция и современность: проблема трансляции смыслов в истории философии», «Социальная теория и жизненный мир человека», «Религия, политика и образование в постсекулярном обществе»; II том – «Образование и социальные вызовы XXI века», «Философия истории: прошлое, настоящее, будущее», «Science-Art: конвергенция науки и искусств», «Коммуникативно-этическое измерение социального», «“Ценности и смыслы” и П.К. Гречко: проблема идентичности».

Сборник предназначен широкому кругу читателей – научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных специальностей, а также всем, кто интересуется современным философским дискурсом.

ISBN 978-5-209-08400-6 (т. II)
ISBN 978-5-209-08399-3

© Коллектив авторов, 2017
© Российский университет
дружбы народов, 2017

PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
FACULTY OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES
Department of Social Philosophy

**PERSON AND SOCIETY
IN THE CONTEXT
OF CONTAMPORANEITY**

**PHILOSOPHICAL READINGS IN MEMORY
OF PROFESSOR P.K. GRECHKO**

**Proceedings of National Scientific Conference
with International Participation**

14 June 2017, Moscow

Volume II

**Moscow
2017**

Edited by
*O.Yu. Bondar, I.N. Volnov, M.L. Ivleva, E.M. Kurmeleva, A.M. Orekhov,
S.V. Rudanovskaya, Ph.V. Tagirov, A.Z. Chernyak*

**Person and Society in the Context of Contamporaneity.
Philosophical Readings in Memory of Professor P.K. Grechko :**
Proceedings of National Scientific Conference with International Participation. 14 June 2017, Moscow: in 2 vol. / eds. by O.Yu. Bondar, I. N. Volnov, M. L. Ivleva, E. M. Kurmeleva, A. M. Orekhov, S. V. Rudanovskaya, Ph. V. Tagirov, A. Z. Chernyak. – Moscow : RUDN, 2017.

ISBN 978-5-209-08399-3

V. II. – 523 p.

ISBN 978-5-209-08401-3 (v. II)

This two-volume collection of articles includes proceedings of National Scientific Conference with International Participation «Person and Society in the Context of Contamporaneity» (Philosophical Readings in Memory of Professor P.K. Grechko) that took place on the 14th of June 2017 in RUDN University. The conference was convened to focus attention on the following issues: production and transmitting of meanings in the history of philosophy – from tradition to modern times; basic trends in contemporary social dynamics; key factors of human self-determination in the present-day world. The content of this book reflects the program of the conference and embraces the articles and scientific reports from nine sections and round tables in the subsequent order: Volume I – «The Modern and the Postmodern in the Focus of Social Philosophy», «Tradition and Contamporaneity: Communicating Meanings in the History of Philosophy», «Social Theory and Lifeworld of a Person», «Religion, Politics and Education in a Postsecular Society»; Volume II – «Education and Social Challenges of the XXIst century», «The Philosophy of History: The Past, the Present, the Future», «Science-Art: Convergence Between Science and Arts», «Communicative and Ethical Dimensions of the Social», «Science Magazine “Values and meanings” and P.K. Grechko: The Issue of Identity».

This edition is intended for a wide range of readers – researchers, teachers, postgraduates and students of social sciences and humanities, as well as for everybody who is interested in contemporary philosophical discourse.

ISBN 978-5-209-08401-3 (v. II)
ISBN 978-5-209-08399-3

© Collective of authors, 2017
© Peoples' Friendship University
of Russia, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА»

Бушуева В.В., Бушуев Н.Н. Экологическая подготовка будущих специалистов – важная задача в системе высшего образования.....	10
Вермишова П.И. Образование сегодня. И завтра?.....	21
Вершинина И.А., Добринская Д.Е., Курбанов А.Р. Образование в сетевом обществе: проблемы и перспективы.....	27
Волкова Л.В. Качество образования как результат воздействия государственной стратегии на мотивацию субъектов образовательного процесса.....	38
Гладышев Д.Е. Современное образование: пролегомены к отсутствующей программе.....	46
Губанов Н.Н., Губанов Н.И. О движущих силах развития образования.....	55
Гумарова А.Н. Концепции осознанности в образовании: противостояние вызовам информационного общества.....	64
Железнякова С.И. Образование в информационную эпоху: запросы личности и потребности общественного развития.....	70
Земцов Б.Н. Гуманитарная среда в негуманитарных вузах: историософский аспект.....	79
Золкин А.Л. Философские основания современной педагогической антропологии.....	92
Иноземцев В.А. Преподавание когнитивных наук в системе высшего образования XXI века.....	100

Колесник Т.А. Трансформация научной картины мира и необходимость смены приоритетов в образовании.....	105
Кондратьев В.М. Об основаниях формирования компетенций XXI века.....	113
Кузина Е.С. От гуманизма к технократии: цели и задачи образования в XXI веке.....	119
Понизовкина И.Ф. Перспективы или тупики современного «глобального» российского образования?.....	127
Рутковская Е.Л., Половникова А.В. Ключевые навыки XXI века: финансовая грамотность.....	137
Синельников И.Ю. Вызовы информационной эпохи и обновление школьного образования: ориентиры, реалии, риски.....	148
Сотникова А.Е. Современные интеграционные процессы и их проявление в системе образования.....	158

**СЕКЦИЯ
«ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»**

Головко Ю.В. Теория культурных суперсистем П.А. Сорокина как методологическая основа объяснения мировых кризисов.....	167
Догужиева М.М. Постмодернизм в методологии истории: игра стоит свеч?.....	179
Жданова Г.В. Философия истории евразийства.....	185
Кавинова И.П. Исторический контекст феномена внушения и самовнушения в общественной жизни.....	192
Курилов С.Н. Философия русской истории в свете консервативно-либеральной традиции.....	201
Малькова Т.П. Массы и массовое сознание: историко-социальный аспект исследования и современность.....	210

Назарова И.Р. Сценарные технологии в футурологии как способ уменьшения неопределенности будущего.....	222
Нехамкин В.А. Контрфактическое моделирование исторического процесса: перспективы развития.....	229
Тихая-Тищенко И.Г. Проблемы осмысления истории в контексте онтологического дискурса.....	240
Цыганков А.С. Анализ истоков русской революции в социальной философии С.Л. Франка.....	249

**СЕКЦИЯ
«SCIENCE-ART: КОНВЕРГЕНЦИЯ
НАУКИ И ИСКУССТВ»**

Беляев Г.Ю. В преддверии сингулярности: NBIC-конвергенция как вызов XXI века традиционной человеческой идентичности.....	261
Варлыгина А.Е. Многофункциональная особенность сайнс-арта в контексте современности.....	273
Вольнов И.Н. Единство науки и искусства.....	277
Гнатик Е.Н. Трансгуманистические горизонты конвергентных технологий.....	284
Козлов Д.Ю. Принцип узла в математике и современном искусстве.....	295
Колесников А.В. Синтез миров компьютерной графики: от искусственного к естественному.....	307
Коротаева Н.П. Практики современного искусства в системе образования.....	315
Малинецкий Г.Г. Искусство. Синергетика. Будущее....	325
Пусько В.С. Научно-техническое творчество в информационном обществе.....	331
Рябчун Н.П. Исследования воздействия орнамента на психофизическое состояние человека.....	340

Чайкин А.В., Романцов С.С. Синергетическая и нелинейная поэзия.....	349
--	-----

**СЕКЦИЯ
«КОММУНИКАТИВНО-ЭТИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО»**

Гусейнов Ф.И. Феномен корпоративной этики: актуальные проблемы.....	361
Ивлева М.Л. Коммуникация и одаренность: поиск общего предметного поля.....	375
Каримов Р.Н. Современный человек как эмитент и реципиент в системе властных коммуникаций.....	385
Keir J. Mikhail Gromov's Chekhov and Hans Kung's weltethos: comparative analysis (<i>Чехов</i> Михаила Громова и <i>мировой этос</i> Ганса Кюнга: сравнительный анализ)....	391
Косорукова А.А. Моральный выбор человека модерна в контексте генеалогического метода Ф. Ницше.....	402
Курмелева Е.М. Метаморфоза Другого.....	407
Малиновская Н.М. Право на мораль.....	413
Нижников С.А., Марчевски О. (Marchevsky O.) Концепт «осевого времени» в современной философии в России.....	425
Ореховская Н.А. Социальные сети как пространство современного общения молодежи.....	436
Панов В.И. От экологической психологии к субъект-средовым взаимодействиям.....	443
Рахимов М.Х., Тураев Ф. Проблема «Другого» в философии Ж.-П. Сартра.....	450
Рудановская С.В. Критика языка культуры и текстуализация действительности.....	459
Тагиров Ф.В. Эрос и власть: от подавления к дисциплинарному и символическому контролю.....	467

Чистякова О.В. Взаимоотношения <i>Я</i> и <i>Другого</i> в многообразии культурных и религиозных коммуникаций постмодерна.....	483
---	-----

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«"ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ" И П.К. ГРЕЧКО:
ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ»

Смакотина Н.Л. Идентичность российской молодежи как механизм адаптации в условиях социальных изменений.....	495
Фролова И.В. Реальная versus сетевая идентичность: диалектика отражения и искажения.....	501
Черняк А.З. Искусственный разум и трансгуманизм.....	507
Шувалова М.А. Идентичность человека: гражданская и сетевая.....	516

СЕКЦИЯ «ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА»

В.В. Бушueva, Н.Н. Бушueв
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: vbysh2008@rambler.ru,
agrohim1@rambler.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ – ВАЖНАЯ ЗАДАЧА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ*

В статье обоснована актуальность подготовки современных российских специалистов с экологической направленностью. Показано значение интеграционных подходов и гуманитарных дисциплин. Проанализированы основные педагогические приемы для формирования практических навыков решения экологических задач. Рекомендовано использовать в работе со студентами не только отечественные методы решения экологических задач, но и зарубежные подходы.

Ключевые слова: экологическая подготовка, мировоззрение, экологическая ответственность, практические навыки, междисциплинарный подход, педагогические приемы, методы активизации решения экологических задач.

В настоящее время перед человечеством стоит задача рационального и продуманного отношения к окружаю-

* Работа выполнена при поддержке гранта 16-23-01004"а(м)" РГНФ-БФФИ «Философско-методологические и естественнонаучные основания современных биологических и экологических концепций».

щей среде, которое должно обеспечить приемлемые для человека и природных экосистем условия существования. И в этом плане экологическая проблематика в современных условиях приобрела особую остроту. Это проблема комплексная, к решению которой привлечены известные ученые, экологи, философы, социологи, инженеры, правовые структуры и т.д. Дисциплина «Экология» включена в образовательные программы всех направлений высшего образования и реализуется на трех образовательных уровнях – бакалавриат, магистратура, аспирантура. Следует отметить, что прослеживается наглядная связь между уровнем образования в плане экологии и вероятностью возникновения негативных экологических явлений. Другими словами, подготовка современных российских специалистов требует обязательного экологического образования. Это необходимая мера для того, чтобы экологически обоснованная профессиональная деятельность стала нормой при решении как теоретических, так и практических проблем. Законодательной основой такого подхода является Федеральный закон Российской Федерации от 10.01.2002 г. № 7 ФЗ « Об охране окружающей среды». Глава XIII «Основы формирования экологической культуры» содержит статьи 71, 72, 73, 74, в которых отражены основные требования к подготовке специалистов в области охраны окружающей среды [1].

Процесс образования в области экологии наряду с общими моментами в каждом вузе имеет и свои особенности, которые, как правило, тесным образом связаны с профилем вуза. Существенное значение имеют гуманитарные дисциплины. В курсе «Философия» анализируются мировоззренческие проблемы, вопросы общей методологической культуры, методологические принципы прогнозирования, ориентированные на научные достижения науки и техники и т.п. Данные положения

имеют определенное значение в экологической подготовке будущего специалиста [2].

Гуманитарный блок дисциплин направлен также и на формирование у студентов политических, экономических, правовых и других ориентиров, связанных с вопросами экологии. Он способствует критическому восприятию тех или иных популистских заявлений. Политизация экологических проблем имеет неоднозначный характер. Будущий специалист обязан понимать, когда те или иные экологические проблемы используются в политических целях, а таких примеров можно привести немало, и лишь научный подход, анализ позволяют вычлнить реально значимые моменты в популистских программах при решении экологических вопросов.

Не затрагивая правовые формы регулирования экологических процессов, следует отметить, что концепция решения экологических проблем, соблюдение экологических нормативов в тех или иных сферах деятельности, как правило, вступает в противоречие с экономическими интересами. Здесь следует напомнить высказывание В.В. Путина «Из приоритетов по важности между деньгами и экологией мы делаем выбор в пользу экологии. Иначе природе будет нанесен такой ущерб, который мы не сможем устранить никакими финансовыми усилиями» [3]. Это противоречие в определенной степени должно решаться с позиций современных научных достижений, которые с большим трудом внедряются в современную практику.

В зарубежной практике экологическая безопасность, загрязнение окружающей среды часто решается в пользу экономических интересов. И в ряде стран (в основном индустриально развитых) вводятся штрафные санкции против предприятий-загрязнителей, и те часто предпочитают платить штрафы, а не внедрять экологически безопасные технологии, или крупные корпорации переносят

вредные производства в страны «третьего мира, где природоохранное законодательство либо отсутствует вовсе, либо довольно либерально.

Экологическая подготовка будущих специалистов требует определенных педагогических технологий, направленных на практическое обоснование теоретических знаний. Это может выражаться через интегративную форму различных дисциплин, включающих гуманитарные, естественнонаучные и технико-технологические знания. Как известно, экология является междисциплинарной наукой [4]. И в процессе преподавания тех или иных дисциплин с необходимостью затрагиваются и экологические проблемы. В частности, в химии анализируются вредные воздействия на человека и окружающую среду тяжелых металлов, которые широко используются в современном промышленном производстве. В физике изучаются такие физические явления, как высокочастотный и низкочастотный ультразвук, вибрации, электромагнитные поля и другие вредные факторы для человека и окружающей среды. И таких примеров можно привести значительное количество.

Большое значение в экологической подготовке студентов имеет процесс формирования творческих практических навыков [5, 6, 7]. Например, студенты в МГТУ им. Н.Э. Баумана получают хорошую общую и специальную подготовку. Современный студент достаточно эрудирован, но часто знания усвоены на уровне потребности сдачи экзамена, а не на уровне самостоятельного и творческого использования при решении конкретных задач, тем более с экологической направленностью. Не секрет, что часто даже при хороших знаниях выпускник по окончании университета чувствует, что знания лежат в его сознании мертвым грузом. Он не может эффективно использовать их, а также применять их для решения задач конкретной прак-

тической деятельности. Другими словами, на уровне только теории студент не может хорошо владеть материалом, а молодой специалист тем более «все забыл». К сожалению, в учебном процессе сегодня недостаточно практических аспектов. Накопленные знания нужно уметь реализовывать, поэтому встает очень важная задача – не только давать хорошие знания, но и учить студентов использовать их в своей специальности. Другими словами, сегодня необходима подготовка специалистов, обладающих не только высокой профессиональной квалификацией, но и способных творчески мыслить, владеть методами поиска новых технических решений, создавать новую технику с учетом экологических характеристик, нормативов по охране окружающей среды [8, 9, 10]. Это существенный момент в деятельности инженера, а в развитых странах экологический аспект имеет первостепенное значение из-за высоких штрафов и угрозы закрытия предприятия по решению суда.

Итак, подготовка инженера с практическими навыками – довольно сложная задача и имеет много вариантов решения, как в организационном плане, так и в методическом. Хорошие результаты в данном направлении дают активные формы обучения [11]. Разрабатывая и применяя методы активного обучения, следует учитывать некоторые особенности, как учебного процесса, так и самих студентов. Активные методы обучения имеют определенную специфику в техническом университете. В теоретическом плане эта проблема достаточно разработана, но в практическом направлении не всегда те или иные методы себя оправдывают в учебном процессе и дают значимый результат. Эффективность применения методов активизации учебного процесса, а тем более формирования у студентов практических навыков, определяется конкретными требованиями, где должны учитываться специфика той или иной

дисциплины, курс, аудитория, особенности преподавателя и многие другие факторы.

Как известно, студенты начальных и старших курсов значительно различаются между собой в степени адаптации к учебному процессу и университетским требованиям. Значительная часть первокурсников не имеют навыков работы на лекции: не умеют слушать, записывать лекции, или записывают часть лекционного материала, причем не всегда значимую. Они считают, что и так все запомнят и записывать не нужно. Это существенная проблема и она оказывает значительное влияние на успеваемость студентов. К сожалению, данный вопрос в литературе не разработан. Некоторые активные формы проведения учебного процесса (лекции в диалоговом стиле, система вопросов-ответов и т.д.) лишь незначительно активизирует работу студентов на занятиях. Определенный эффект дают конкретные формы контроля с ориентацией на содержание лекций. Например, контрольные работы и тесты с учетом содержания лекционного материала.

На старших курсах эта проблема постепенно исчезает, но возникают другие, которые требуют новых форм активизации учебного процесса. У студентов технических специальностей отмечается значительное расширение круга интересов по специальности, формируется мотивация поиска необходимых знаний, в том числе и по экологическим вопросам, их применения в своей будущей профессии с ориентацией на достойную работу после окончания университета. Они уже не пассивные потребители знаний, хотя еще и не созидатели, они научились выделять значимые моменты в потоке информации [12, 13], видеть единство, когда речь идет о междисциплинарном характере той или иной дисциплины, научились пользоваться дополнительной литературой, хотя еще имеют и недостаточные навыки процесса самообразования, то есть

это уже другие студенты. В этом плане усложняются и методы активизации учебного процесса, где следует учитывать процесс дифференциации в студенческой среде. Принцип «быть как все» меняется, и это диктует необходимость дифференцированного подхода в работе со студентами, что реализуется во внеаудиторных, самостоятельных формах работы. И эти формы многообразны.

Определенное значение имеют студенческие конференции. Здесь студенты учатся выступать перед аудиторией, участвовать в полемике, дискуссиях. Это дает им навыки различать данные формы общения, не скатываясь к неконструктивному спору.

Способных студентов следует привлекать к участию в рационализаторской, исследовательской работе кафедры, написанию статей, включать их в соавторы публикаций, то есть учить их практической реализации теоретических знаний. Только так возможно готовить инженеров, способных с университетской скамьи сразу же включаться в процесс разработки современной техники с учетом экологической направленности.

Особый интерес вызывает зарубежный опыт [14, 15]. На Западе университеты уделяют значительное внимание инновационным разработкам студентов. В отличие от консервативных представителей старшего поколения молодежь, как правило, более гибкая, открытая для творчества и активная. Более того, студенты не требуют огромных гонораров за свои творческие идеи. И поэтому гранты для студенческих программ считаются очень выгодными инвестициями. В России это направление не развито, грантов почти нет, выделяемые суммы малы.

Широкое распространение в МГТУ им. Н.Э. Баумана получила практика привлечения студентов к исследовательской деятельности той или иной кафедры, к практиче-

ской реализации теоретических знаний. В этом направлении появляется много новых моментов в педагогической деятельности, которые способствуют закреплению теоретических знаний. Анализ реальных жизненных ситуаций в инженерной практике в плане экологических последствий также способствует осмыслению, практической аргументации экологических проблем.

Особый интерес представляют студенческие креативные группы [16]. Здесь успешно решаются не только технические задачи, но и осуществляется коллективный анализ при решении вопросов экологической безопасности той или иной технической конструкции, формируются практические навыки, практическое применение полученных знаний. В креативной студенческой группе считается обязательной формой работы высказывание любого опасения, любой негативной информации относительно экологической безопасности, это будет воспринято со всей ответственностью и проблема найдет свое решение. Здесь недопустим принцип – «а мне что, больше всех надо». И действительно, в коллективе, где нет атмосферы креативности, где каждый сам по себе, вряд ли кто-нибудь возьмет на себя ответственность нарушить спокойствие, «напрягаться» при решении технических задач с учетом экологических принципов, которые, как правило, принято считать неосновными, необязательными.

Процесс формирования и работы студенческих креативных групп – это особый вопрос. Существует много методик формирования и работы креативных групп, в том числе и студенческих, выбор определяется задачами, целями, сферой деятельности. Центральная проблема любой креативной группы – найти творческое решение. Весь процесс работы креативной группы формирует творческие навыки, творческий подход к решению любой проблемы. В данном случае речь идет о творческом поиске решения

экологических проблем, и это лучше всего осуществляется в атмосфере креативности.

Привлекательность креативных групп заключается также и в том, что здесь каждый студент может продуцировать творческие идеи, а не только с какими-то особыми талантами, способностями. В зарубежной практике креативные группы охватывают все сферы деятельности, в том числе и университеты, ведь бесплатные мозги студентов – достаточно значимый фактор. Определенное количество элементов работы креативных групп успешно применяется и при проведении практических занятий со студентами, что значительно активизирует творческий процесс.

В последнее время широкое распространение получила такая активная форма обучения, как работа в команде. Данный вид активизации творческой деятельности часто организуется даже самими студентами. Роль преподавателя сводится к наблюдению за процессом работы, консультированием в профессиональном плане. В команде создаются условия, которые в определенной степени соответствуют реальной инженерной деятельности, что дает возможность студентам приобрести практические навыки комплексного решения инженерных задач. Более того, студенты приобретают коммуникативные, организаторские и другие навыки, способствующие распределению различных функций между членами команды. Следует отметить, что данная форма обучения в плане решения сложных технических задач менее эффективна, чем креативные группы, здесь в основном отрабатываются ролевые функции, и методы активизации, организации спланированы именно в этом направлении. Хотя в команде также царит дух единства, обязательны высказывания, которые отражают не только значимые идеи, но и негативную информацию относительно внедрения тех или иных разра-

боток. И эта информация будет воспринята ответственно, по деловому, что способствует решению проблемы.

Однако ни одна форма активизации учебного процесса не может охватить все стороны и разнообразие учебных процедур, полностью обеспечить результативность учебного процесса, в частности, формирование навыков по охране окружающей среды. Поэтому формы активизации учебного процесса следует применять в системе, при этом учитывая конкретные ситуации, стадии, особенности обучения студентов в техническом университете.

Итак, в работе затронуты некоторые направления экологической подготовки будущего специалиста, в данном случае особое внимание уделяется подготовке инженера. Но здесь приведен далеко не полный перечень возможных способов формирования будущего инженера с экологической ориентацией при решении технических задач. И данное направление требует дальнейшего развития и совершенствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «Об охране окружающей среды». 7-е изд. М.: «Ось-89», 2011.
2. *Лебедев С.А., Бушуев Н.Н., Бушуева В.В.* Методологические аспекты экологической подготовки будущего инженера // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2016. Вып. 7 (45). URL: <http://hmbul.ru/catalog/edu/pedagog/376.html> (дата обращения: 24.04.2017).
3. *Сидибее П.* Воз природы. Владимир Путин приехал в Сочи // Российская газета. 4 июля 2008 г. Федеральный выпуск № 47009.
4. *Бушуева В.В., Бушуев Н.Н.* Особенности междисциплинарного подхода в спецкурсах // Россия в глобальном мире: Сборник научных трудов 10-й Всероссийской научно-

теоретической конференции, 15-17 мая 2012 года. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012.

5. *Губанов Н.Н., Губанов Н.И.* Вызов Аполлона и образовательный потенциал общества // Гуманитарный вестник. 2016. № 4 (42).

6. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А.* Теоретическое обоснование разработки проблемы экологического образования студентов технического вуза // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 6. № 1 (15). С. 60-66.

7. *Малькова Т.П.* Интегративная концепция личности в социальной философии: модель идентификации // Гуманитарный вестник. 2014. № 1 (15).

8. *Ивлева М.И., Яблочкина И.В.* Гуманитарные науки в современной системе высшего образования // Современная экономика: концепции и модели инновационного развития Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2016. С. 34-37.

9. *Пусько В.С.* Гуманитарный компонент инженерного образования // Гуманитарный вестник. 2013. № 5 (7).

10. *Chistyakova O.* Rationalization of Contemporary Culture and Education in the Context of Religious Resistance to Violence // Proceedings of the 2016 International Conference on Arts, Design and Contemporary Education 2016. С. 1192-1198.

11. *Бушуева В.В., Бушуев Н.Н.* Методы активизации учебного процесса в техническом университете // Философско-антропологические исследования: научно-теоретический гуманитарный журнал. 2013. Вып. 3-4. С. 63-68.

12. *Ивлева М.Л.* Философские основания психологической концепции одаренности. Учебное пособие. М., Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ), 2011.

13. *Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Иноземцев В.А.* Психологическая концепция одаренности как тип научного знания и методологические принципы изучения ее философских оснований // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 145-155.

14. *Aznar Gi.* La creativite dans l'ertrepise. Paris, 1971.

15. *Vasyakin B.S., Ivleva M.I., Pozharskaya E.L., Shcherbakova O.I.* A Study of the Organizational Culture at a

Higher Education Institution (Case Study: Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 18. С. 11515-11528.

16. *Потапцев И.С., Павлихин Г.П., Бушуев Н.Н., Бушуева В.В.* Использование зарубежного опыта решения технических задач в инженерной подготовке студентов: учебно-методическое пособие / Под ред. проф. В.А. Городничева. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015.

17. *Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Иноземцев В.А.* Основные культурно-философские предпосылки формирования логики как философской дисциплины в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 127-132.

*П.И. Вермишова
МГУПС (МИИТ),
Москва, Россия.*

E-mail: vermi.poli@gmail.com

ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ. И ЗАВТРА?

В статье рассмотрен ряд проблем российской высшей школы, осваивающей рынок образовательных услуг.

Ключевые слова: поколение Net, кризис, высшее образование.

На стыке тысячелетий Россия оказалась, как и многие другие страны, в глобальном пространстве политических, экономических, социальных и культурных трансформаций. Ключевым фактором этих процессов стало бурное развитие информационных технологий. Информатизация всех систем и структур общества привела к появлению нового облика привычных вещей, явлений, понятий. В конце XX – начале XXI вв. появилось поколение людей, которых исследователи называют digital

generation, digital natives или цифровым поколением, поколением Net [1. P. 1]. Их принципиальное отличие от предшествующих поколений заключается не только в специфической коммуникации глобального масштаба, но и в особом характере мировосприятия и возможности параллельного существования в реальном и цифровом мирах.

Информатизация и интернетизация оказывают существенное влияние на роль традиционных (общечеловеческих) ценностей – таких как семья, дружба, любовь, стремление к познанию, труд. Вектор устремлений поколения Net указывает, что для них характерна ориентация преимущественно на потребление и развлечение. При этом под потреблением понимаются не только и не столько реальные товары и услуги, сколько виртуальные: непреодолимая потребность в онлайн-доступе, проверке своих и чужих статусов, попытка добиться увеличения количества комментариев, подписчиков, реализовать желание создавать ирреальные миры, оставляя проблемы реальной жизни нерешенными. Во многом это связано со стремлением самоутвердиться в обществе наиболее легким для этого поколения способом, избегая повседневного труда, требующего ответственности.

Для поколения Net характерны специфическое чтение-скольжение по заголовкам, потребность в поликодовых текстах с картинками и символами, фрагментарность восприятия, затруднения в обработке и осмыслении информации. На подъеме так называемый пользовательский контент: «объективные» обзоры, «народные» рейтинги, мастер-классы своих умений, истории очевидцев, подборки приколов, лайфхаков и т.д. В этом смысле потребление информации смыкается с развлечением. Сетевое общество четко разделилось на демонстрирующих, являющихся иконами нового времени,

и разглядывающих потребителей. Парадоксальным образом молодая часть общества мифологизирует окружающий мир и создает новых идиологов.

Очевидно, что необремененный обязательствами молодой человек имеет больше возможностей проводить свой досуг в интернете, находя в нем широкое поле удовлетворения своих потребностей. Естественно, в силу объективных причин (отсутствие опыта обращения с современными гаджетами, необходимость заниматься реальной работой, обязательства перед семьей и обществом) старшее поколение проводит в интернете гораздо меньше времени, распределение его запросов к сети выглядит иначе. Все это способствует серьезным противоречиям между поколениями. Старшие вынуждены признавать, что они не понимают своих детей и внуков, не принимают их язык, увлечения и ценности, но пытаются по-прежнему учить их жизни. Молодежь воспринимает старших как законный источник материальных ресурсов, но при этом яростно сопротивляется трансляции чужого и чуждого опыта и знаний, так как старшие уже «лишились» эксклюзивных прав на обладание знанием.

Этот конфликт характерен не только для области семейных отношений, подобные трудности испытывают также учителя школ и преподаватели вузов. В образовании налицо противоречивая ситуация: с одной стороны, российской высшей школе присущи характеристики рынка услуг [2. С. 38], где клиентом выступает обучающийся. Сегодня именно студент (его представитель) призван формировать запрос на актуальное знание и иметь возможность свободного выбора среди множества достойных предложений. В этих условиях задачей вуза становится привлечение клиентов с использованием типичных маркетинговых приемов. С другой стороны, наряду с наличием выбора для клиента, то есть студента, практически отсутствует рынок

предложения, особенно это касается региональных и «небрендовых» вузов. Это чревато перекосами: расширяя спектр предлагаемых специальностей и направлений, вузы стремятся быть востребованными на высококонкурентном рынке образовательных услуг, открывая в спешном порядке несвойственные направления подготовки, в которых они не обладают необходимым уровнем компетенций. Поэтому для выполнения плана набора вузы вынуждены не производить отбор из лучших абитуриентов, а принимать всех платежеспособных, не обращая должного внимания на уровень их подготовки. Выбор (конкурс) есть только у вузов с исторически сложившимся хорошим бэкграундом и мощным рекламным бюджетом. Данные обстоятельства оказывают негативное влияние на качество педагогического процесса:

1. У студентов снижается мотивация на обучение в связи с (само) уверенностью в своей востребованности.

2. В свою очередь это приводит к пропускам занятий в дальнейшем и серьезным пробелам в знаниях. В результате, на выходе общество получает не квалифицированного специалиста, а полуфабрикат с завышенной самооценкой и не менее завышенными ожиданиями от рынка труда. Данные явления гипертрофируются в случае платного обучения и, по нашим наблюдениям, больше распространены на социально-гуманитарных факультетах, чем на технических или естественнонаучных.

3. У студентов уменьшается интерес к процессу познания в целом, атрофируется любопытство, не «бьется» исследовательская жилка. Обучение в вузе перестает быть событием, имеющим ключевое значение в дальнейшей судьбе и профессиональной карьере студента.

4. Вуз перестает удовлетворять большинство потребностей молодежи, как интеллектуальных, так и ком-

муникативных. Разумеется, администрация пытается организовать досуг студенчества, активно вовлекая последних во всевозможные творческие, интеллектуальные, спортивные мероприятия. Однако не приходится говорить о массовом характере участия в них студентов.

5. Катастрофически быстро исчезает уважение к труду педагогов. Педагоги в большинстве своем выглядят в глазах студентов беспомощными во владении современными информационными технологиями и эмоционально выгоревшими вследствие перегрузки рутинной работой. Из-за разработки и актуализации рабочих программ, фондов оценочных средств, регулярных разнообразных отчетов у преподавателей остается не так много времени для качественной подготовки к занятиям. А ведь именно к педагогам предъявляется требование проявить инновационность и мастерство для создания уникального интеллектуального продукта! К сожалению, и со стороны администрации вузов преподавательский состав оценивается в первую очередь по умению быстро создавать разнообразные документы и работать с базами данных. Педагогическое мастерство и авторитет преподавателя уходят на второй план.

Увы, список трудностей и проблем отечественного образования постоянно расширяется. Можно говорить о постоянно меняющихся (в сторону улучшения?!) государственных стандартах, недостаточном финансировании вузов, устаревающей материально-технической базе, непрозрачности систем оценивания как студентов, так и преподавателей, несоответствии между наполнением учебных планов и потребностями общества в определенных специалистах, отсутствии полноценных баз практик и многом другом. Об этом говорят... Говорят рядовые преподаватели, кандидаты, доктора, академики. Чаще в своем кругу, реже на официальных мероприятиях, единично пи-

шут публично, взывая к высочайшим инстанциям. Ответа пока нет.

Приходится констатировать, что образование в России по-прежнему выступает в качестве удобной площадки для экспериментов. Все ускоряющиеся темпы социально-экономических изменений обостряют системные противоречия в образовании, оставшиеся от прежних эпох и неоконченных реформ, и практически не оставляют времени для осознания и исправления новых ошибок. Между тем впереди нас ожидает наступление опытных и хищных образовательных гигантов западного мира, обладающих мощными ресурсами и способных подмять под себя наш едва оперившийся рынок. Это неизбежно приведет к «сегрегации» образования на элитарное и массовое.

В конкурентной борьбе за лучшее будущее наиболее талантливая и обеспеченная молодежь сможет выбирать те образовательные учреждения, которые обеспечат ей наивысшую капитализацию на глобальном рынке труда и подтвердят ее элитарный статус. Вопрос в том, будут ли готовы российские высшие учебные заведения выступить в этом качестве?

ЛИТЕРАТУРА

1. Digital Natives, Digital Immigrants. By Marc Prensky. From on the Horizon (NCB University Press. Vol. 9. № 5. October 2001). Available at: <http://www.marcprensky.com/writing/Prensky> (accessed 28 April 2017).

2. Пружинин Б.И., Бажанов В.А., Гаман-Голутвина О.В., Горохов В.Г. и др. Круглый стол «Перспективы российской науки как социального и культурного института» // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 3-43. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=998&Itemid=52 (дата обращения: 28.04.2017).

*И.А. Вершинина, Д.Е. Добринская, А.Р. Курбанов
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия.
E-mail: ark112@yandex.ru*

ОБРАЗОВАНИЕ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются ключевые тенденции функционирования института образования в современных условиях развития науки и технологий, сопровождающихся трансформацией всей трудовой сферы. Особое внимание уделяется проблемам и перспективам системы высшего образования в сетевом обществе. Рассматривается вопрос о возможности адаптации существующей образовательной системы к новым требованиям рынка при сохранении и воспроизводстве классических ценностей высшего образования.

Ключевые слова: образование, сетевое общество, высшее образование, рынок труда, Четвертая промышленная революция.

Заявления о том, что мир стоит на пороге Четвертой промышленной революции [1] и предсказания о неизбежности качественных изменений капиталистической модели экономики вызывают серьезные дискуссии о дальнейшем развитии общества. Инновации Третьей промышленной революции позволили не просто создавать и внедрять цифровые и информационные технологии. Достижения современной науки позволили осуществлять взаимодействия в физической, биологической и цифровой средах [Там же]. Новая цифровая эпоха, пришедшая на смену индустриальной, так называемая «вторая эпоха машин», характеризуется наличием трех фундаментальных характеристик: «экспоненциальное развитие, дигитализация информации и рекомбинирование как ключевой источник инновационного развития» [2]. В резуль-

тате изменяется понимание работы и досуга, содержание повседневного общения и самовыражения индивида. Изменения касаются и политической системы, а также систем здравоохранения и образования. Современное общество исследователи определяют как «сетевое» [3, 4, 5]. В этом обществе, вместо укрепления основ капитализма посредством создания новых информационных технологий, рыночные механизмы становятся менее прочными, разрушаются прежние взаимосвязи между зарплатой, трудом и прибылью [6]. Результаты научно-технического прогресса позволили говорить о наступлении информационной экономики, когнитивном или информационном капитализме, о капитализме третьего типа и даже о недалеком посткапиталистическом будущем [6, 7].

Главными организующими принципами современного общества становятся принципы научности, рациональности и рефлексивности. В основе экономической деятельности лежит воспроизводство и обмен информацией, поэтому рынок труда предъявляет высокие требования к уровню знаний и обязательному наличию высшего образования. При этом современное производство предполагает обязательное наличие способности работника постоянно «создавать самого себя» посредством приобретения им таких навыков, которым нигде не учат, но при этом потребности в этих навыках со стороны работодателей постоянно возрастают. Речь идет, в первую очередь, о навыках работы в команде в условиях высоких рисков и постоянной неопределенности, при этом умении находить нестандартные решения задач. В связи со стремительным развитием науки техническое знание устаревает чрезвычайно быстро. Как следствие, ресурсы среднего и высшего образования позволяют заложить лишь основы того знания, которое в течение всей

профессиональной жизни индивид вынужден постоянно наращивать.

Студенты, работающие во время учебы, хотят получить конкурентные преимущества при выходе на рынок труда после получения диплома. Экономическая составляющая образования приобретает все большее значение, причем не только для студентов. Ряд исследователей отмечает, что последние годы образование развивается преимущественно как сфера услуг, следствием чего становится его «экономизация» или «маркетингизация» [8, 9]. Институт образования и его ключевые компоненты, в том числе и университеты, все чаще рассматривают как фактор производства и анализируют на основе экономического подхода с помощью таких понятий, как «образовательные услуги», «экономическая эффективность», «человеческий капитал» [10. С. 40]. Соответственно, университеты стремятся стать поставщиками кадров в первую очередь для глобальных рынков. Поэтому расположение в глобальных городах является стратегическим, поскольку там существует спрос на весь спектр услуг, которые могут предложить университеты.

Тенденции интернационализации в максимальной степени затрагивают сферу высшего образования, получая развитие, в частности, в различных формах трансграничного образования [11. С. 23]. Современное образование в значительной степени является интернациональным, и эта характеристика в условиях нарастания процессов глобализации становится все более выраженной.

Тем не менее классические университеты по-прежнему занимают лидирующие позиции в международных рейтингах, а города, в которых они расположены, пользуются большой популярностью, причем не только у молодежи. Оксфорд, Кембридж,

Болонья, Гент, Гейдельберг, Мюнстер, Марбург, Фрайбург, Тарту, Краков и другие – типичные университетские города, функционирование которых связано с находящимися в них образовательными учреждениями.

Подобные университеты превращаются в системообразующие центры социокультурного развития города или даже региона. Концентрация жителей с высоким уровнем образования рассматривается некоторыми авторами как фактор, снижающий риск возникновения неблагоприятной социальной обстановки в случае, например, экономических кризисов [12. С. 368], что повышает привлекательность города. Исследования говорят о том, что исчезновение вузов или их реорганизация ведет к деградации городов, как правило, средних, поскольку наличие учебного заведения становится весомым градообразующим фактором [13. С. 122-123].

Если раньше в приоритете у студентов были университеты крупных городов, таких как Париж, Лондон, Берлин, Москва, то сейчас можно наблюдать и иную тенденцию: молодежь покидает мегаполисы ради обучения в университетских городах, где все направлено на нужды студенчества и преподавателей [14. С. 77]. Выбор студентами университетов стран Южной Европы (Испании, Италии, Португалии) объясняется привлекательностью самих стран и отдельных городов с туристической точки зрения (история, культура, достопримечательности, климат и др.) [15. С. 57]. Однако ряд университетов по-прежнему располагается в мегаполисах, поскольку индустрия знаний сконцентрирована в крупных городах, особенно глобальных, где наблюдается высокий спрос на интеллектуальные услуги. Образование в подобных университетах позволяет совмещать обучение с частичной занятостью.

Новая цифровая эпоха демонстрирует два фундаментальных качества. Во-первых, увеличение спроса на талантливых высокопрофессиональных специалистов и снижение спроса на рутинные работы, где машины постепенно заменяют человека. Во-вторых, доля издержек на оплату труда в структуре дохода сокращается, увеличивая долю прибыли владельца. Эти обстоятельства, характеризующие «вторую эпоху машин» становятся причиной увеличения неравенства между лидерами отрасли и всеми остальными. Налицо ситуация, когда машины заменяют человеческий труд намного быстрее, чем раньше. Воспроизводя себя, они одновременно увеличивают объем капитала. Значит, будущее за теми, кто готов создавать и внедрять инновационные продукты и услуги. Владельцы обычного капитала и те, кто предоставляют дешевый труд, будут вытеснены автоматизацией [16].

Основа современного предприятия – совокупность сетей, способствующих мгновенному преобразованию сигналов в товары посредством обработки знаний. Это предполагает возникновение новой системы трудовых отношений, в том числе и индивидуализацию схем занятости. Потребности нового рынка труда свидетельствуют о том, что существующие образовательные системы устарели. Если раньше от работника требовалось четкое следование регламенту и инструкциям, запоминание информации, то сейчас такого рода задачи способны выполнять машины. Исследователи рынка труда прогнозируют, что уже через 20 лет исчезнут от 10 до 50% (по разным оценкам) существующих сегодня профессий, а треть новых будет предполагать наличие неизвестных сегодня навыков [17].

Индивидуализация труда предъявляет новые требования к работнику, который должен быть

высокообразованным и инициативным, способным свободно «перепрограммировать себя сообразно постоянно изменяющимся задачам развивающейся деловой среды». «Самопрограммирующаяся рабочая сила» нуждается в новом типе образования, когда накопленный запас знаний и информации на протяжении всей жизни будет расширяться и видоизменяться. Важным является приобретение интеллектуальной способности к тому, чтобы учиться на протяжении всей своей жизни, находить информацию, хранимую в цифровом виде с последующей ее переработкой и использованием для производства знаний, соответствующих определенной цели [18]. Помимо необходимости отбора, фильтрации или поиска дополнительной информации в условиях ее неограниченных объемов, нетократы [4] обращаются к знаниям и навыкам других индивидов, посредством возможностей, которые предлагают ИКТ. Знания и опыт участников социальной сети индивида расширяют его интеллектуальные возможности и позволяют находить новые решения в процессе трудовой деятельности. В настоящее время проблема поиска возможностей осуществления трансформации образовательной системы является одной из ключевых. В сетевом обществе для работника необходимой становится возможность приобретения новых профессиональных компетенций или усовершенствование уже имеющихся в соответствии с требованиями краткосрочных проектов. Проектная форма работы, типичная для сетевого предприятия, предполагает постоянное приращение новых знаний в связи с отсутствием стандартизированных правил и процедур.

Образование – важнейшая основа развития человеческого потенциала. Его доступность для широких слоев населения определяет возможности общественного развития. Однако необходимо понимать, что возможность

получения высшего образования всеми желающими ведет к его массовизации и девальвации его ценности. Ряд исследователей отмечает, что массовизация высшего образования в России привела к всеобщему доступу к низкокачественным университетам и ограниченному доступу к элитным [19. Р. 18]. Подобная ситуация существует не только в России, но и в других странах. По мнению Ф. Фукуямы, элитные школы и университеты сейчас предлагают качество образовательных услуг выше, чем когда-либо при параллельном снижении уровня преподавания во всех остальных [20]. В современной России высшее образование фактически стало чем-то вроде атрибута образа жизни или, по-другому, товаром, который все желают приобрести [9. С. 110]. Таким образом, можно констатировать, что происходит вытеснение на периферию традиционных ценностей высшего образования.

Однако классические университеты пытаются уменьшить негативные последствия маркетизации [Там же. С. 103]. Возможно удастся найти разумный баланс между рыночными установками и классическими ценностями высшего образования, система образования вновь сможет ориентироваться не на количественные показатели, а на качественные. Пока же, оценивая «качество образования», как правило, смотрят на место учебного заведения в рейтингах университетов. Однако парадокс заключается в том, что ряд рейтингов как раз концентрируется на результатах научно-исследовательской деятельности (количество нобелевских лауреатов, высокоцитируемых исследователей и т.д.), оставляя в тени собственно преподавательскую (учебную) сторону деятельности университета [21. С. 327-328].

Несмотря на это, многие исследователи с оптимизмом смотрят в будущее. Например, Дж. Рифкин

говорит о расширении прав доступа, в том числе и к получению образования [7, 22]. В скорое появление альтернативы верит и Ф. Фукуяма, считая, что средний класс, стремительно утрачивая завоевания XX века, должен предложить альтернативный путь развития [20]. Современный индивид рационален, обладает свободой исторического, социального и политического действия и творчества [23. С. 27]. «Возвращение человека действующего», о котором писал А. Турен [24], – одна из главных задач современного общества, о которой несколько десятилетий говорят социологи.

Перед современной системой образования стоит важная задача – формирование установок на решение существующих проблем, активные действия [25, 26, 27]. А. Турен считает, что общество должно перестать быть «программируемым», что произойдут изменения в культуре, сформируется новая модель знания и новые этические принципы новых форм инвестирования и производства [24. С. 85, 128]. Современные индивиды, осмыслив происходящее, должны участвовать в создании новых социальных практик, конструировать новую социальную реальность.

Цифровой мир будущего предполагает развитие навыков командной работы и креативности. Потребность в инновационном мышлении, раскрытие творческого потенциала и развитие духа предпринимательства становятся основой для разработки новых образовательных программ на всех этапах обучения. Обладание знаниями и технологией обрекли современного человека на «неизбежность стать изобретательным». По мнению М. Серра, это обстоятельство становится обнадеживающим для молодого поколения, поскольку умственный труд отныне становится творческим, а не монотонным, как это было до сих пор [28].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: ЭКСМО, 2017.
2. *Brynjolfsson E., McAfee A.* The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. New York: W.W. Norton & Company, 2014.
3. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.
4. *Van Dijk J.* The Network Society. Social Aspects of New Media. 2nd ed. SAGE, 2006.
5. *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
6. *Мейсон П.* Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
7. *Rifkin J.* The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014.
8. *Смирнова О.М., Бальчева М.Б.* Постмодернизм и технологичность образования – плюсы и минусы // Наука, образование, молодежь в современном мире: Материалы Международной научно-методической конференции (Москва, 26-27 мая 2016 г.). Часть 1. М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2016. С. 200-206.
9. *Костюкевич С.В.* Высшее образование: современные мировые тенденции // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 103-114.
10. *Волкова Л.В.* Реформы в российском образовании: главное – процесс? // Наука, образование, молодежь в современном мире: Материалы Международной научно-методической конференции (Москва, 26-27 мая 2016 г.). Часть 1. М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина Москва, 2016. С. 36-40.
11. *Галичин В.А.* Международный рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

12. *Андрос И.А.* Международный опыт строительства городов-спутников // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 364-372.

13. *Зборовский Г.Е.* Предпосылки и проблемы концепции нелинейного развития высшего образования в российском макрорегионе // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6. С. 120-134.

14. *Богомолов А.В.* Университетский город как основа бренда территории // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции (Екатеринбург, 2014). Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 77-80.

15. *Вашурина Е.В., Вершинина О.А., Евдокимова Я.Ш., Олейникова О.Н.* Возможности международных партнерств и инициатив в привлечении иностранных студентов // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6. С. 54-63.

16. *Бринолфссон Э., Макафи Э., Спенс М.* Труд, капитал и идеи в экономике степенных законов // Россия в глобальной политике. 2014. № 4. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Novyi-mirovoi-poryadok-16934> (дата обращения: 14.04.2017).

17. Realizing Human Potential in the Fourth Industrial Revolution an Agenda for Leaders to Shape the Future of Education, Gender and Work. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_EGW_Whitepaper.pdf (accessed 14 April 2017).

18. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

19. *Hossler D.* A Policy Analysis of the Status of Access and Equity in Russia // Paper presented to the 29th ANNUAL EAIR FORUM 26 to 29 August 2007 / Ed. by D. Hossler, O. Shonia, R. Winkle-Wagner. Innsbruck, 2007.

20. *Fukuyama F.* The Future of History. Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? // Foreign Affairs. 2012. Vol. 91. N 1. Available at: <https://www.foreignaffairs>.

com/articles/2012-01-01/future-history (accessed 14 April 2017).

21. *Костюкевич С.В.* Феномен университетских рейтингов: в поисках университета мирового класса // Социологический альманах. 2014. № 5. С. 326-336.

22. *Артемова Т.С.* Понятие «доступ» в социологической теории Дж. Рифкина // Социология. 2012. № 3. С. 84-96.

23. *Полякова Н.Л.* «Идентичность» в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18: «Социология и политология». 2016. № 4. С. 22-42.

24. *Турен А.* Возвращение человека действующего: Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.

25. *Балычева М.Б.* Проблема формирования и оценки компетенций студентов в рамках постнеклассической системы образования // В сборнике: Формирование гуманитарной среды в высшей технической школе: опыт проектирования и реализации. М.: Издательский центр РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина. 2013. С. 12-15.

26. *Смирнова О.М.* Философская рефлексия в стратегии инновационного образования // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований». Том 25. Философия и филология. Философия образования. Одесса: Черноморье, 2011. С. 65-71.

27. *Волкова Л.В.* Изучение проблем и настроений молодежи как основа управления развитием человеческого потенциала // Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 19-20 ноября 2015 г.) / Под ред. Р.М. Валиахметова, Г.Ф. Хилажевой. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2015. С. 444-448.

28. *Серр М.* Девочка с пальчик. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

*Л.В. Волкова
Российский государственный университет нефти и газа
имени И.М. Губкина
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: volkovasocio@mail.ru*

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ НА МОТИВАЦИЮ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В статье показано, что снижение мотивации студентов к учебно-профессиональной деятельности в период обучения напрямую связано с мотивационным кризисом значительной части педагогического корпуса. Последний, в свою очередь, вызван перманентным снижением статуса педагогов в результате государственной политики в сфере образования.

Ключевые слова: качество образования, мотивация, статус, сокращение штатов, человеческий капитал.

Концепт «качество образования» является одним из ключевых в современной теории и практике образования. Соответствующий поисковый запрос в eLIBRARY.RU выдал почти 40000 отечественных публикаций только за последние пять лет. О том, что качество образования в значительной мере связано с мотивацией ключевых субъектов образовательного процесса – студентов и преподавателей – также свидетельствует количество опубликованных работ (около тысячи за указанный период).

Исследования показывают, что у старшеклассников при выборе образовательных стратегий доминируют мотивы достижения и самореализации (до 95%), такие как получить работу, соответствующую интересам и склонностям, получить престижную работу, быть

компетентными работниками [1, 2, 3, 4]. В то же время у старшекурсников значимость этих мотивов снижается и составляет не более 40%, уступая мотивам утилитарным (закончить вуз, получить диплом, найти хоть какую-то работу, минимизировать усилия в учебном процессе и т.д.) [5, 6, 7]. Иными словами, речь идет о мотивационном кризисе, который характеризуется снижением познавательных мотивов и усилением отрицательной мотивации к учебно-профессиональной деятельности. В качестве объяснения могут быть предложены две гипотезы: либо школьники, недостаточно осознавая собственные мотивы, отвечают «как положено», как требует от них социальное окружение, либо в процессе обучения в вузе какие-то факторы демотивируют студентов, вынуждая их переходить, в соответствии с теорией К. Альдерфера, от более высоких уровней мотивации к низшим [8, 9, 10]. Не имея возможности проверить первую гипотезу, автор предпринял попытку прояснить вторую.

Большинство публикаций связано с исследованием мотивирующих факторов, задачей нашего исследования стало выявление факторов, демотивирующих студентов и преподавателей в ходе обучения в вузе. Методом исследования были выбраны индивидуальные и групповые структурированные интервью со студентами, аспирантами и выпускниками московских вузов, а также с преподавателями. Было проведено 12 групповых интервью со студентами, магистрантами и аспирантами и 34 индивидуальных интервью с выпускниками вузов и преподавателями. Участники исследования учатся, окончили или работают в РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, МГУ им. М.В. Ломоносова, Первом МГМУ им. И.М. Сеченова, Московском государственном психолого-педагогическом университете, Московском технологическом университете

(МИРЭА), Московском техническом университете связи и информатики.

Основные проблемы, по мнению учащихся и выпускников: учиться часто не интересно – на многих занятиях монолог или диктовка, презентации скучные, низкого качества; «лишние», непонятно зачем нужные предметы; равнодушные преподавателей, нежелание общаться, дискутировать, помогать; формальный подход, необоснованные требования; балльно-рейтинговая система стимулирует не учиться, а «набирать очки».

Преподаватели, со своей стороны, констатируют, что им давно уже не до студентов: резкое снижение статуса, проявляющееся не столько в низкой оплате труда, сколько в полной социально-профессиональной незащищенности, бесправии. Постоянное изменение «правил игры» в одностороннем порядке, многократное возрастание учебной (горловой) нагрузки при сокращении всех остальных видов учебной работы. Несправедливые и неразумные критерии оценивания качества работы. Бюрократизация, огромное количество «бумажной», «электронной» или «бессмысленной» работы, всяческие мероприятия, не имеющие отношения к учебному процессу. Постоянно «подвешенное состояние» из-за ежегодного конкурса и связанный с ним шантаж сокращением или переводом на половину ставки. Стимулирование «исключительно кнутом».

Организация педагогического труда в результате реформирования системы образования приводит, как отмечают педагоги, к чрезмерной регламентации и расчленению работы на дробные, не связанные между собой операции и постоянные внеплановые задания с большим количеством двойной-тройной отчетности. Причем, собственно учебный процесс в составе этих заданий учитывается исключительно в количественном выражении – в виде

объема учебной нагрузки (кстати, идет процесс исключения из нее многих традиционных форм работы – проверки домашних и контрольных работ, консультаций, зачетов). Это лишает человека ощущения осмысленности, смещает и делает неясными цели работы.

В результате снижается уровень ответственности, подавляются действительные способности работника, возникает чувство бессмысленности труда и падает удовлетворенность работой. Ощущая, что он является лишь винтиком в гигантской бюрократической машине, что результаты его труда не получают признания, и он не способен ни на что влиять, работник теряет интерес к содержанию работы. Внешняя мотивация, а точнее принуждение, подчиняет мотивацию внутреннюю.

Не менее болезненно педагоги реагируют на демонстративное неуважение к себе как со стороны администрации, так и со стороны власти и социума. Многие респонденты говорили о наличии у «начальства» устойчивого «преподавателя-тунеядца», «преподавателя-дармоеда», незаинтересованного в развитии и инновациях и всячески тормозящего процесс реформирования.

Но главной причиной мотивационного кризиса, по нашему мнению, выступает продолжающееся уже пятый год перманентное сокращение штатов. Правительство планомерно сокращает численность учебных заведений и педагогического корпуса.

В 2016 г. Times Higher Education опубликовал рейтинг вузов по соотношению числа студентов и сотрудников вузов [11]. По мнению составителей рейтинга, соотношение числа студентов и преподавателей напрямую связано с качеством образования: чем меньше приходится студентов на одного профессора университета, тем выше уровень взаимодействия между учащимися и преподавателем. Считается, что именно от этого показателя зависит

количество времени и внимания, уделенного преподавателем студентам.

В топ рейтинга вошли как крупные вузы, так и относительно небольшие, например, Калифорнийский технологический институт, занявший 2 место в основном рейтинге ТНЕ (соотношение преподавателей и студентов 893 к 2,201, 1:2,4). Ни в одном из зарубежных вузов, входящих в топ-100 основного рейтинга ТНЕ (рейтинга лучших университетов мира), показатель не превышает девяти студентов на преподавателя. Так в Оксфордском университете, лидере рейтинга 2016-2017 гг. на 6,221 преподавателей приходится 19,791 студентов (соотношение примерно 1:3,2); в Стэнфордском университете (3 место в общем рейтинге) соответствующая пропорция составляет 3,844 на 16,407 (1:4,3); в Швейцарской высшей технической школе (30 место) – 1,643 на 9,750 (1:6), Токийском университете (39 место) – 5,730 на 27,436 (1:5) [12].

В опубликованный рейтинг также вошли российские университеты: МГТУ имени Н.Э. Баумана, СПбГУ, МИСиС, Томский политехнический университет, МФТИ, НГУ, СПбПУ Петра Великого, МИФИ и МГУ имени М.В. Ломоносова. Для этих вузов российское правительство сделало исключение, разрешив соотношение преподавателей к студентам от 1:4 до 1:6. Остальным предписано к 2018 г. довести соотношение до 1:12 [13]. Представляется логичным следующее объяснение такой стратегии правительства. Высшим руководством страны сформулированы амбициозные планы – катапультировать пять вузов в мировой «топ-100» к 2020 году. А рейтинг мировых университетов ежегодно строится на основе 13 показателей, отражающих пять основных направлений деятельности университетов: образование (30%), научно-исследовательская работа (30%), цитируемость (30%), интернационализация (7,5%), привлечение средств от про-

мышленности (2,5%). Как видно из распределения приоритетов оценки, львиную долю составляют виды деятельности, целиком связанные с работой преподавателей и требующие не просто высокой квалификации, но и значительного времени, весьма значительных ресурсов, а также высокой мотивированности. Чтобы реализовать поставленную задачу, не увеличивая финансирование образования в условиях экономического кризиса, необходимо перераспределить средства на несколько избранных университетов, сократив до минимума остальные или оставив их на «голодном пайке». Удобным объяснением этому становится сокращение численности поступающих в вузы в связи с демографической ситуацией.

Отвечает ли эта стратегия интересам российского общества и российской экономики? В вышеуказанных университетах обучается суммарно чуть более 160000 учащихся, в то время как по данным Росстата, в 2015/16 гг. всего в стране получали высшее образование 4766000 человек [14]. Получается, что качественное образование предполагается давать 3,5% обучающихся. Как быть с остальными, если учесть, что спрос на высшее образование в обществе только растет [2, 3]? Где смогут трудоустроиться они, а также увольняемые преподаватели? Насколько возрастет нагрузка на государственный бюджет в случае роста безработицы? Возможно ли создать инновационную экономику, снижая ценность человеческого капитала? Зачем ликвидировать уже имеющийся в лице педагогического корпуса человеческий капитал? Не приведет ли такая ситуация к росту криминала и социальных конфликтов? Ответы на эти вопросы предстоит искать социологам и экономистам.

В качестве вывода хотелось бы привести слова Ванды Тиллес, сопредседателя Межрегионального профсоюза «Университетская солидарность»: «...Проводя сокращения

ППС в строгом соответствии с дорожной картой, большинство российских вузов уже довели учебную (фактически чисто аудиторную) нагрузку ППС до 850-900 часов для всех, включая профессиуру. А это в 4-5 раз превышает учебную нагрузку европейского профессора. У последнего есть время на научную работу, у российского – нет. Можно, конечно, продолжать требовать научной работы и высокорейтинговых статей от российского профессора и доцента, угрожать им увольнением, не проведением по конкурсу, но присмотритесь ...к хвосту рейтинга вузов Великобритании. Именно туда вы уже привели вузы России и идете далее в том же направлении – строго по дорожной карте в какую-то неправильную страну» [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вершинина И.А., Курбанов А.Р., Панич Н.А.* Иностранные студенты в России: особенности мотивации и адаптации // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6. С. 94–102.
2. *Константиновский Д.Л.* Новая молодежь в новой реальности образования // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Сборник научных трудов. М.: Центр социологических исследований, 2016.
3. *Попова Е.С.* Мотивация и выбор в образовательных стратегиях молодежи // Россия реформирующаяся. 2015. № 13. С. 421-437.
4. *Филатова М.Н., Волкова Л.В.* Социальные компетенции в образовательном процессе: цели, принципы, технологии // Социология образования. 2007. № 9. С. 4-16.
5. *Добринская Д.Е.* Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети (окончание) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 4. С. 43-64.
6. *Смирнова О.М., Бальчева М.Б.* Постмодернизм и технологичность образования – плюсы и минусы // Наука,

образование, молодежь в современном мире: Материалы Международной научно-методической конференции (Москва, 26-27 мая 2016 г.). Часть 1. С. 200-206. М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2016.

7. Университет в перспективе развития: Социологические исследования современных проблем университетского образования. Альманах № 6 / Под ред. М.А. Гусаковского, А.В. Барченко. Минск: БГУ, 2011.

8. *Alderfer C.* The Practice of Organizational Diagnosis. The Oxford University Press, 2010.

9. *Фурсова В.В.* Социология образования. Зарубежные парадигмы и теории. М.: Директ-Медиа, 2013. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=210664> (дата обращения: 21.03.2017).

10. *Ballantine J.H.* The Sociology of Education: A Systematic Analysis. Prentice Hall, 2001. P. 60-65.

11. Информационно-аналитический центр. Факты, исследования и идеи в образовании. URL: <http://iac.kz/ru/sformiroval-reyting-vuzov-po-sootnosheniyu-chisla-studentov-i-sotrudnikov-vuzov> (дата обращения: 21.03.2017).

12. По данным компании UniPage. URL: <https://www.unipage.net/ru/company> (дата обращения: 21.03.2017).

13. Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191846/#ixzz4fmviqTYm> (дата обращения: 21.03.2017).

14. Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/rusfig/rus16.pdf (дата обращения: 21.03.2017).

15. *Тиллес В.* Куда ведет «дорожная карта»? // Газета «Троицкий вариант». 14.04.2017. № 227. URL: <http://trv-science.ru/2017/04/14/kuda-vedet-dorozhnaya-karta/> (дата обращения: 21.03.2017).

*Д.Е. Гладышев
ГБПОУ СО «Свердловский областной
педагогический колледж»,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: postword@gmail.com*

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОЛЕГОМЭНЫ К ОТСУТСТВУЮЩЕЙ ПРОГРАММЕ

В статье рассматривается система образования современной России с опорой на ряд федеральных законов, регулирующих образовательный процесс в РФ. Проводятся параллели между исследованиями Джона Дьюи и современной ситуацией в российском образовании. Предлагается обзор двух перечней перспективных профессий (один составлен Министерством труда РФ, другой предложен негосударственной организацией). В заключение говорится о необходимости выработки единых принципов образовательного процесса, на которые могли бы опереться преподаватели общеобразовательных предметов.

Ключевые слова: образование, воспитание, прагматизм, Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС), профессиональный стандарт, рефлексивное мышление, компетенции.

Основным подходом, присутствующем на всех этапах системы образования в РФ, является деятельностный подход: системно-деятельностный на этапе начального и общего образования и компетентностный в системе среднего и высшего образования. Преемственность всех стадий образовательного процесса – основная ценность данного подхода: те навыки и умения, основы которых формируются в школе, развиваются и углубляются на следующих этапах. Тем не менее, если рассматривать процесс образования «изнутри», мы увидим, что какие бы

цели не ставили Министерство образования РФ или Министерство труда и социальной политики РФ, на пути к ним существует высочайший барьер, преодолеть который может далеко не каждый преподаватель. Барьер этот – отсутствие желания учиться у обучаемых. Это, пожалуй, самая главная проблема современной системы образования: ведь если обучаемые являются составной (или главной?) частью образовательного процесса, то проблемы, обнаруженные в этом элементе, влияют на всю систему в целом.

Необходимо отметить, что актуальность проблемы становится очевидной для Министерства образования – новые редакции образовательных стандартов показывают, что акцент системы образования смещается в сторону инклюзивных моделей, которые предполагают способность каждого обучаемого к усвоению образовательных программ. Любой образовательный стандарт, вышедший позднее 2013 года предполагает инклюзию, а значит поиск подходящих педагогических методик – задача преподавателя. Мы оставим за скобками реакцию социальной группы преподавателей на предлагаемые нововведения, так как экономическая составляющая описанных инициатив находится в «стадии разработки», но можно предположить, что объем работы преподавателя увеличится. И речь идет не только о реорганизации образовательного процесса, но и об изменении всей методики преподавания.

Если обратить внимание на опыт западных стран, то мы увидим, что еще в начале XX века известный философ, психолог и педагог Джон Дьюи озвучивал мысли, предвосхитившие те проблемы в системе образования, с которыми мы сталкиваемся только сейчас. В произведении «Демократия и образование» Дьюи, например, задается вопросом: «Души скольких учеников огрубели к

восприятию идей, сколько из них утратили интерес к учебе из-за навязываемых им педагогических методов? Для скольких из них чтение книг теперь навеки ассоциируется с каторжным трудом?» [1. С. 133]. Вполне понятно против чего борется американский философ – против модели образования как переноса знаний из головы учителя в голову ученика в процессе лекции, а также против необходимости «зубрить» материал учебника дома. Дьюи отстаивает прагматический подход в образовании, равно как и в любой другой сфере человеческой жизни: цель любой деятельности – получение выгоды, значит, и образовательный процесс должен приносить пользу обучаемому. Цель любого образования, с точки зрения прагматизма, – воспитание личности, способной приспособиться к любой жизненной ситуации, а само воспитание, в трактовке Дьюи и его последователей, – это процесс обретения и трансформации опыта, который необходим для реализации социальной жизни. Ребенок – это центр воспитания, а лучи, стремящиеся к этому центру – факторы, влияющие на формирование опыта, в связи с чем процесс воспитания должен быть разносторонним и включать в себя экономические, научные, этические, культурные и другие сферы. Суть образовательного процесса, согласно Дьюи, – обучить личность адекватно реагировать на любые изменения социальной среды, любую жизненную ситуацию. Но для этого недостаточно получения конкретных знаний, гораздо важнее умение работать с информацией, поэтому каждый обучаемый – это критик или скептик, способный как подтвердить, так и опровергнуть информацию, полученную в ходе занятия. Если перевести язык образовательной модели Дьюи на язык философских категорий, то мы увидим, что главный навык, который должен формироваться у обучаемого по модели Дьюи – это навык рефлексивного мышления и

«единственно он действительно представляет воспитательную ценность» [2. С. 39]. Отметим, что для Дьюи идеал свободной, критически мыслящей личности является очень важным, потому что именно из таких личностей, как полагает мыслитель, должно состоять демократическое общество (не случайно одно из фундаментальных сочинений Дьюи носит название «Демократия и образование»).

К сожалению, мы вынуждены констатировать, что описанная модель не получила широкого распространения даже на Западе, хотя у прагматического подхода в образовании, предложенном Дьюи, были и остаются сторонники. Скорее, мы можем говорить об изменении смысла понятия «практическая выгода» в контексте образовательного процесса. Сегодня прагматизм образования выражен в создании ТОП-50 профессий, подготовка которых требует внимательного отношения к профессиональным компетенциям. Прагматика теперь воплощается в формировании конкретных навыков у обучаемых для выполнения строго определенных профессиональных задач. Это прагматизм, обратный прагматизму Дьюи. Цель современного образования – создание специалиста, строго отвечающего требованиям профессионального стандарта. Не напоминает ли это выпуск гаджета с приложенной инструкцией по эксплуатации? Вполне возможно, что истинная цель реформаторов системы образования – создание крупной фабрики (системы образования) с филиалами в каждом населенном пункте страны (школы, техникумы, ВУЗы), где в рамках единой инструкции (программы подготовки специалиста) выпускаются специалисты, обладающие навыками конкретной работы. Посмотрев список, мы видим, что востребованы профессии технического характера, такие как «автомеханик», «мобильный

робототехник», «программист», «сантехник», «сварщик», «техник-конструктор» и т.п. [3]. Однако среди 50 специальностей нет ни одной гуманитарной. Неужели государству не нужны учителя, юристы, экономисты, мастера художественного творчества? Или эти профессии утратили актуальность и привлекательность? Эти вопросы, скорее всего, останутся без ответа.

Но если взглянуть на альтернативный прогноз востребованности профессий, составленный негосударственными организациями, то мы увидим несколько иную картину: возрастает интерес к профессиям, которые синтезируют в себе технологическое и гуманитарное начала, к таким специальностям, которые предполагают не только следование инструкции и точное соблюдение норм, но и творческий подход к решению профессиональных задач. Так, в 2015 году «Агентство стратегических инициатив» разработало «Атлас ста новых профессий» [4], в создании которого приняли участие представители научного сообщества, бизнесмены и топ-менеджеры крупнейших предприятий РФ, в связи с чем можно рассматривать данный список как выражение социального запроса. В отличие от «ТОП-50», атлас содержит большее число профессий, которые каталогизированы по отраслям. Актуальность технических специальностей не вызывает сомнений, они занимают более 60% каталога. Однако в атласе присутствуют и профессии гуманитарного направления. В отрасли «Культура и искусство», например, присутствуют такие специальности, как «science-художник», «тьютор по эстетическому развитию» и «тренер творческих состояний» [4]. Указанные профессии, судя по описанию, находятся на грани педагогики и эстетики – каждая предполагает наличие знаний в области искусства, навыки педагогической работы, коммуникативных умений.

Основная компетенция профессий в данном разделе – умение выстраивать процесс коммуникации.

Раздел «Менеджмент» также содержит ряд специальностей с интересными названиями и содержанием, например: «координатор программ развития сообществ», «координатор производств в распределенных сообществах», «менеджер по кросс-культурной коммуникации», «тайм-менеджер» [Там же]. В описании каждой из этих специальностей обнаруживаем тот же навык – умение строить коммуникацию в сфере производства и управления бизнес-процессами.

Следующий раздел под названием «Социальная сфера» также содержит ряд нетривиальных профессий: «эковожатый», «специалист по организации государственно-частных партнерств в социальной сфере», «специалист по адаптации мигрантов», «специалист по краудсорсингу общественных проблем» [Там же]. В описании специальностей снова обнаруживаем основной требуемый навык – способность к коммуникации в социальной сфере. В каждом разделе Атласа, посвященном социально-гуманитарной сфере в описании новых профессий, присутствует этот ключевой навык. На каком же этапе образовательного процесса и в рамках какой учебной дисциплины он формируется?

Для ответа на этот вопрос, необходимо обратиться к тексту ФГОС [5]. Образовательный стандарт любого уровня содержит ряд требований к усвоению программы, которые делятся на общие компетенции (далее ОК) и профессиональные компетенции (далее ПК). ПК формируются в рамках профессиональных предметов и модулей, а в рамках преподавания общеобразовательных дисциплин предполагается акцент на формирование ОК. Общие компетенции как раз включают навыки выстраивания коммуникации, например: ОК-5 – «владеть

информационной культурой, анализировать и оценивать информацию с использованием информационно-коммуникационных технологий», ОК-6 – «умение работать в коллективе и команде, эффективно общаться с коллегами, руководством, потребителем» или ОК-7 – «брать на себя ответственность за работу членов команды, результат выполнения заданий». Получается, что формированием ключевого для профессий будущего навыка занимаются в первую очередь преподаватели общеобразовательных дисциплин: математики, русского языка и литературы, географии, биологии, экологии, физики, истории обществознания и т.д. Однако по завершению курса каждый из преподавателей проверяет не данную компетенцию, а конкретные знания, полученные обучаемым в ходе образовательного процесса за счет решения тестов, проведения контрольных и проверочных работ. Налицо парадокс – все официальные документы делают акцент на единстве образовательного процесса и формировании компетенций, а преподаватели общеобразовательных дисциплин концентрируют внимание на проверке конкретных знаний.

Возвращаясь к образовательной концепции Дьюи, заметим, что навык рефлексивного мышления, который является ядром образования, по мнению американского философа, также должен формироваться в рамках общеобразовательных дисциплин на всех уровнях обучения. В программах общеобразовательных дисциплин, утвержденных Министерством образования и науки, в перечне общих компетенций можно обнаружить следующие: ОК-2 – «организовывать собственную деятельность, выбирать типовые методы и способы выполнения профессиональных задач, оценивать их эффективность и качество», ОК-3 – «принимать решения в стандартных и нестандартных ситуациях и нести за них

ответственность», ОК-4 – «осуществлять поиск и использование информации, необходимой для эффективного выполнения профессиональных задач, профессионального и личностного развития», ОК-8 – «самостоятельно определять задачи профессионального и личностного развития, заниматься самообразованием». Открытым остается вопрос: кто и как оценивает наличие или отсутствие данных компетенций по завершении обучения?

Точно такая же ситуация обнаруживает себя при анализе процесса патриотического и духовно-нравственного воспитания: формирование соответствующих компетенций обязательно, а способы их оценки не сформулированы. Это противоречие невозможно снять официальными документами, нормативными актами, приказами или концепциями – педагогическое сообщество не успевает знакомиться с существующей и все время обновляемой нормативной базой, поэтому дополнительная документационная нагрузка скажется скорее негативно. Необходимо, на наш взгляд, выработать набор принципов образовательного процесса, на которые могут опереться преподаватели общеобразовательных предметов.

- В первую очередь преподавателю необходимо следить за усвоением учениками структуры предмета, а не только за усвоением фактов.

- Во-вторых, стоит учесть, что помимо инструментальных и научных форм мышления, существуют и нарративные (повествовательные), а значит, задача преподавателя – научить детей использовать такие мыслительные техники, как проницательная догадка, плодотворная гипотеза, смелая идея.

- В-третьих, преподаватель должен понимать, что цель обучения – само обучение, а не получение текущих

отметок и оценки на экзамене, стимулирование интереса к изучаемому предмету происходит за счет самого предмета, а не за счет отложенного результата, который будет достигнут после окончания курса.

Приведенный набор принципов является базой для дискуссии, однако, на наш взгляд, именно сейчас в обществе присутствует необходимость согласовать действия преподавателей на всем образовательном пространстве РФ для выполнения государственной задачи по «формированию конкурентноспособного человеческого потенциала, способного реализовать себя не только в пределах РФ, но и в мировом масштабе» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьюи Дж. Демократия и образование. М.: Педагогика-пресс, 2000.
2. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. М.: Совершенство, 1997.
3. Приказ Минтруда России № 831 от 2 ноября 2015 г. «Об утверждении списка наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий». URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/436> (дата обращения: 13.04.17).
4. Атлас новых профессий. URL: <http://atlas100.ru/catalog/menedzhment/> (дата обращения: 13.04.17).
5. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС НОО). Приказ Министерства образования и науки № 2357 от 22.09.11. URL: <http://xn--80abucjiihv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/922> (дата обращения: 13.04.17).
6. Концепция развития образования на 2016-2020 гг. Распоряжение Министерства образования и науки № 2765 от 29.12.14. URL: <http://2016-god.com/koncepciya-razvitiya-obrazovaniya-na-2016-2020-gody/> (дата обращения: 13.04.17).

*Н.Н. Губанов
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: gubanovnn@mail.ru*

*Н.И. Губанов
Тюменский государственный медицинский университет,
Тюмень, Россия.
E-mail: gubanov48@mail.ru*

О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

При анализе развития образования обнаружен один из главных драйверов роста в этой сфере. Для его описания введено новое социально-философский понятие – вызов Аполлона. Вызов заключается в необходимости разрешения противоречия между требованиями рационального знания и социальными условиями его развития.

Ключевые слова: вызов Аполлона, менталитет административно-образовательной элиты, университетская традиция, образовательная инновация, образовательный потенциал общества, социальное обеспечение знания.

После выхода в свет в 1961 г. «Постижения истории» А.Д. Тойнби его модель «Вызов-и-Ответ» приобрела большую популярность. Мы используем эвристичность этой модели для рассмотрения процесса развития образования. Тойнби писал: «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [1. С. 99]. Ответ на вызов – это узловая точка истории данного общества. Дав неадекватный, слабый ответ, оно стагнирует, деградирует или даже погибает.

Большой интерес представляют периодически возникающие антропогенные кризисы, создающие новые вызовы истории [2, 3, 4, 5]. Существует следующая закономерность: когда вызванные кризисом изменения в массовой ментальности соответствуют вызову, то кризис преодолевается, а общество поднимается на более высокий уровень развития. Когда же нужных изменений в ментальности не возникает, то данное общество покидает историческую арену. Под менталитетом, или ментальностью, мы понимаем множество социально-психологических особенностей индивидуального или группового субъекта. Эти особенности обуславливают стиль его мышления, специфику восприятия им мира и направленность его деятельности [6].

Данная статья посвящена экспликации важного вызова социальной среды, обнаруженного одним из авторов ранее и названного им «вызов Аполлона» [7]: перед обществом периодически встает необходимость разрешать противоречие между накапливающимся знанием рационального типа с его внутренней логикой и имеющимися в данное время социально-культурными условиями его существования и дальнейшего развития. Свое наименование концепт получил по аналогии с введенным Тойнби *вызовом Посейдона* (вызовом трудностей мореплавания). Аполлон у нас символизирует рациональное знание. Знание рациональное (как противоположное иррациональному) представлено логически обоснованным, систематизированным знанием, полученным с помощью наблюдений и логических рассуждений в соответствии с законом достаточного основания, но не на базе манипулирования, шантажа, внушения, авторитета, веры. Оно характеризуется «радикальным исключением мифологических, магических и тому подобных представлений, основанных на вере в сверхъестественное» [8. С. 10; 5. С. 190].

Ответ на вызов Аполлона можно считать успешным (адекватным, сильным), если общество создает социальное обеспечение растущему рациональному знанию, соответствующее внутренним потребностям развития этого знания. Тогда знание станет усложняться, углубляться до той степени, при которой его содержание вновь не потребует себе более богатого обеспечения из-за возникающего противоречия между ним и социальными условиями. И это станет переходом уже к новому витку аполлоновского вызова. Новые компоненты рационального знания, опредмечиваясь в тех или иных сферах жизни социума, обеспечивают его прогресс [9, 10, 11]. В случае невозможности обществом генерировать такой ответ, знание рационального типа не получает позитивного прироста и не способно развить свой когнитивный и порождаемый им праксеологический потенциал. Данный социум, испытывая дефицит рациональных идей, откатывается по показателям эффективности назад. Через какое-то время аполлоновский вызов может возобновиться, и общество приобретет новую возможность ответа. Но бесценное время в конкуренции цивилизаций уже потеряно. Требуется весьма сильный ответ, если этот социум стремится стать в один ряд с передовыми цивилизациями.

Мы выделяем следующие компоненты социального обеспечения знания: 1) состав, количество, функции субъектов знания; 2) общественный статус субъектов знания [12]; 3) организационно-институциональный базис знания; 4) материально-техническая база научного и образовательного процессов. Совместное развитие социальных отношений и культуры, т.е. социокультурную динамику социума, которая инициирована аполлоновским вызовом, можно описать, трактуя ответы общества на исторические вызовы как изменения менталитета, которые предшествуют последующим социальным преобразованиям [13]. Менталитет новаторов

продуцирует новые компоненты рационального знания. Это могут быть новые знания, новые подходы к изучению природной и социальной реальности, новые формы организации образовательного процесса, новые педагогические методы, новые программы рационализации социума. Инновационные культурные формы входят в противоречие с существующими в обществе условиями и требуют (с целью широкой реализации в социуме) нужные для этого социальные ресурсы. В этом и заключается аполлоновский вызов. Сильный ответ в данной ситуации должен заключаться в таком творческом решении социума, которое бы обеспечило новаторское знание адекватным социальным обеспечением. Автором ответа обычно выступает духовная или правящая элита. Речь идет не о сознании новаторов, а об их ментальности, ибо ментальность как часть духовного мира новатора обуславливает новизну, оригинальность и направленность любой активности субъекта [14]. Когда адекватный ответ обществом сделан, то это значит, что программа преобразования общества, возникшая до этого как ментальная особенность новаторов, реализована в социуме. При этом создаются более благоприятные условия для развития рационального знания [15, 16]. В качестве адекватного ответа может быть введение не существовавшего до этого социального института, увеличение числа субъектов знания, повышении их престижа в социуме, более сильная финансовая поддержка и т.п.

Рассмотрим некоторые бывшие в истории ответы на аполлоновский вызов. Очень сильный ответ был дан греками и получил весьма созвучное нашей концепции наименование – «переход от мифа к логосу». Его результатом стало выделение развивающегося рационального знания из мифологии, рамки которой стесняли развитие рациональной мысли. Важными достижениями греческого ответа стали следующие компоненты социального обеспе-

чения знания: 1) возникновение специальных носителей и преумножителей этого знания – первых философов, которые отличались принципиальным отношением к истине и воспринимали ее не как результат догматической веры, поддерживаемой авторитетом, а как результат рационального доказательства, основанного на обосновании логическими аргументами и фактами; 2) формирование института философских школ, который запустил непрерывную традицию, заключающуюся в изучении одними мыслителями идей других, проведении публичных диспутов, взаимном комментировании трудов философами; 3) наделение высоким социальным престижем тех, кто занимается созерцательной и теоретической деятельностью, и, как следствие – широкое вовлечение в нее свободных граждан, что благотворно сказывалось на эффективности их деятельности. Сформированный философами аппарат логического обоснования повлиял на политику и стимулировал развитие демократии [8. С. 18].

Перейдем к Средневековью. Точку отсчета начнем с закрытия Юстинианом I в 528 г. философских школ, которые он считал «оплотами язычества». Философы были изгнаны, а Афины стали глухим провинциальным городом. Но большинство философов – основных носителей рационального знания – переселилось на Восток. В Иране, Ираке, Сирии, Египте отвергнутое на Западе рациональное знание обнаружило благоприятную основу для дальнейшего развития. Имели место два разных ответа на аполлоновский вызов. На Западе вызов Аполлона проявился в непримиримом противостоянии философского и религиозного знания. Юстиниан I, искореняя язычество, дал ответ неадекватный. В итоге значительная часть греческого научного и философского знания в Европе была потеряна. Но греческая рациональность была перенесена в другую культуру. Восточная элита смогла дать адекватный

ответ на аполлоновский вызов, который был связан необходимостью усвоения и творческого развития эллинистического наследия. Благодаря ему возникла арабоязычная интеллектуальная традиция, доминировавшая в мире почти до начала первой научной революции. Арабы ассимилировали не только греческую культуру, но индийскую и китайскую [17].

Арабам долгое время принадлежало ведущее положение в астрономии, оптике, медицине, математике. Причиной этого был адекватный ответ на аполлоновский вызов. Основные компоненты ответа: поощрение и финансирование ученых правящей элитой, открытие библиотек и учебных заведений, установление связей с представителями других культур, придание значительного престижа интеллектуальной деятельности. Поэтому арабский Восток более чем шесть веков опережал Запад в научном и техническом отношении. Но по какой же причине арабская культура не породила современную науку, а последняя возникла в Европе в 16-17 вв.? Мы полагаем, что это произошло в результате изменений в содержании аполлоновского вызова-и-ответа.

Если до этого религиозной компоненте аполлоновского вызова арабы давали сильный ответ, то с течением времени ответ ослабел. Возможно, это было обусловлено тем, что не было философов с интеллектуальным уровнем Ибн Рушда, которые могли бы согласовать возрастающее рациональное знание с религиозными догмами. Религиозные круги усилили критику арабских ученых. Значительная часть научных областей истолковывалась с позиций религии в качестве бесполезных, которые подрывают картину мира, представленную в Коране. Еще один компонент ответа, не соответствовавший потребностям растущего знания, состоял в том, что арабская культура не создала институциональных оснований для рационального знания.

Не произошло образования и признания гильдий и корпораций. Не было юридического оформления профессиональных групп преподавателей и студентов. Автономных академических институтов, обладающих формами внутреннего самоуправления, подобно европейским университетам, так и не возникло. Неспособность арабской элиты включить знание рационального типа в структуру институтов своего социума оказалось слабым ответом на аполлоновский вызов.

Вернемся к ситуации в Европе. Когда философские школы были закрыты, часть античной учености сохранилась в монастырях. Преподавание там велось на латинском языке. Греческий язык был забыт, и был потерян доступ к античному рационализму. Зарождению учености в Европе положил начало Карл Великий (768-824). Его империя не имела сильной административной структуры. Проблемой стало формирование эффективной системы образования. Правящей элитой был дан ответ на аполлоновский вызов, который именуется «Каролингским Возрождением». Император стремился вернуть утерянную античную ученость. В столице Аахене была основана Палатинская школа. Были открыты монастыри и кафедральные школы, на базе которых потом создавались университеты. Долгое время Палатинскую школу возглавлял Алкуин, он стремился возродить греческую идею о *семи свободных искусствах* (*artes liberales*). Имелись две группы искусств: 1) тривиум (*trivium*), включавший в себя диалектику (логику), риторику, грамматику; 2) квадравиум (*quadrivium*), в который входили музыка, астрономия, арифметика, геометрия.

Организация образования на Востоке какое-то время была более эффективной, чем на Западе. Когда же логика развития знания рационального типа востребовала себе новое воплощение в социуме (другой виток аполлоновского вызова), то европейские школы сумели модифи-

цироваться в университеты, обладающие автономией в постижении истины, а восточным медресе была уготована участь «могил» восточной науки. Сначала учебную организацию именовали *universitas stadium*, затем *studium generale* (генеральной школой). Звания и степени, присвоенные в *studium generale*, признавались всеми другими генеральными школами христианской Европы. В 15 в. наименование *studium generale* сменилось официальным названием *universitas*.

Заключение. В настоящее время Россия вступила в активную фазу формирования ответа на аполлоновский вызов [18, 19]. Одна из его важных составляющих – участие России в Болонской системе, вызывающее интенсивные дискуссии. На наш взгляд, Болонская система аналогична идее *studium generale*, которую мы толкуем в качестве сильного ответа. Другие важные компоненты вызова Аполлона, стоящие перед современной российской системой образования это: оптимизация вузов и их филиалов, адекватная мотивация преподавательской деятельности, внедрение наукометрических технологий как объективных критериев научно-исследовательской работы, объединение образования с реальными производством, бизнесом, опытно-конструкторскими разработками и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тойнби А.Д. Постигание истории. М.: Прогресс, 1996.
2. Волобуев А.В., Кузина Е.С. Трансформация системы ценностей информационного общества // Меняющиеся ценности в современном мире: сборник научных трудов. М., 2016. С. 41-43.
3. История и философия науки / Авт. колл.: Губанов Н.Н. и др. М., 2015.
4. Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А., Удовик В.Е. Информационное общество и формирование новой эпистемологической парадигмы современной науки. М., 2013.

5. *Нехамкин В.А.* Контрфактические исторические исследования и синергетика // *Общественные науки и современность*. 2006. № 5. С. 120-130.

6. *Губанов Н.И., Губанов Н.Н.* Менталитет: сущность и функционирование в обществе // *Вопросы философии*. 2013. № 2. С. 22-32.

7. *Губанов Н.Н.* Вызов Аполлона как стимул развития образования // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2014. № 5. С. 19-23.

8. *Ильин В.В.* Философия науки. М., МГУ, 2003.

9. *История и философия науки / Авт. колл.: Бушуева В.В. и др.* М., 2015.

10. *Философия. Рабочая тетрадь. Методическое пособие. Часть 3 / Авт. колл.: Ивлев В.Ю. и др.* Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ). М., 2012.

11. *Ивлева М.И.* Тенденции математизации социально-гуманитарного знания как элемент современной духовной культуры // *Актуальные проблемы и достижения в общественных науках. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции*. Самара, 2016. С. 55-57.

12. *Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И.* История и философия науки. М.: Изд-во СГУ, 2014.

13. *Кашуба Э., Галян С., Губанов Н.* О системе воспитания в вузе // *Высшее образование в России*. 2004. № 6. С. 12-16.

14. *Губанов Н.И., Губанов Н.Н.* Вызов Аполлона и образовательный потенциал общества // *Гуманитарный вестник*. 2016. № 4 (42).

15. *Ивлева М.И.* Философская школа Юрьевского университета и ее место в российской философской культуре // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2009. № 4. С. 35-40.

16. *Черногорцева Г.В.* Категории философии и науки в постижении мира и человека // *Гуманитарный вестник*. 2015. № 9 (35).

17. *Скирбекк Г., Гилье Н.* История философии. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.

18. *Баркова Э.В.* Экофилософия как ответ на гуманитарные вызовы эпохи: к вопросу о предпосылках становления

«зеленой» культуры России и мира // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2014. Т. 3. С. 109-116.

19. *Чистякова О.В.* Человек в медиатизирующемся мире постсовременности: антропологические смыслы и социальные следствия // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2-1 (26). С. 90-98.

20. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л.* Границы влияния московской и киевской культурно-философских традиций в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 2 (20). С. 95-99.

А.Н. Гумарова

МГУ им. М.В. Ломоносова,

Москва, Россия

E-mail: anastasiya-gumarova@yandex.ru

КОНЦЕПЦИИ ОСОЗНАННОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВЫЗОВАМ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В статье исследуется концепция осознанности как особого психологического конструкта, анализируемого в поле когнитивных наук. Устанавливается связь между понятиями «осознание» и «осознанность». Осознанность понимается как одно из основных качеств свободной личности, соответствующей требованиям настоящего и будущего. Отмечаются корреляции рефлексивного типа мышления с положительными результатами в процессе обучения. Предлагается рассматривать осознанность как фактор противостояния вызовам информационного общества.

Ключевые слова: осознанность, когнитивные науки, внимательное обучение, рефлексивное мышление, рефлексия.

В современных условиях постоянно трансформирующегося инновационного общества к результатам обра-

зования выдвигаются нетрадиционные требования. Подчеркивается важность таких компетенций ученика, как гибкость и критичность мышления, рефлексивность, способность к самоменеджменту, включенность в инновационную культуру [1]. Представляется, что данные компетенции подлежат лучшему раскрытию через концепцию осознанности.

Осознанность – особый психологический концепт, внимание к которому в когнитивной науке возросло в последние годы. Особенно интересны данные нейробиологических коррелятов состояния осознанности, ставшие доступными благодаря неинвазивным методам нейровизуализации [2, 3].

Под осознанностью следует понимать метакогнитивную способность, то есть способность рефлексии собственной мыслительной деятельности. В состоянии осознанности субъект оказывается в наблюдательной позиции по отношению к своей мыслительной активности [2]. Рефлексивное мышление предполагает освобождение от автоматизма действия, восприимчивость разума к каждому моменту мысли, способность регистрировать связный поток сменяющихся восприятий. Это особое состояние отвлеченности от событий прошлого и будущего и фокусировки на настоящем моменте. Занимая наблюдающую позицию к своему опыту, человек способен достичь его более полного осознания. Что особенно важно для исследуемого вопроса, этот процесс внимательного созерцания сопровождается осознанием субъективности ощущения, внутренней природы переживаемого.

В основе способности осознанности лежит способность осознания. Это более общее понятие, через которое можно прийти к концепту осознанности. Под осознанием понимается общая континуальность внутреннего переживания, присущая человеку видоспецифическая черта соз-

нения. Выготский определяет осознание как обобщение собственного процесса деятельности и выделение этого процесса как предмета сознания. Осознание развивается под влиянием социокультурных факторов в процессе развития человека. Хотя рефлексия собственной рефлексии и присуща человеческой мыслительной активности в норме, она не предзадана с рождения, а формируется в школьном возрасте во время освоения научных понятий и их логических связей. Именно в процессе обучения способность владения понятием дополняется способностью осознания. Так формируется способность переноса внимания с содержания деятельности, на течение самой деятельности, то есть способность овладения собственной деятельностью [3]. Под осознанностью же следует понимать направленное созерцательное внимание. Оно более интенсивно и направлено на объект, чем осознание, но имеет осознание в основе. В научной и научно-популярной психологической литературе осознанность представляется как определенная черта когнитивного стиля, которую можно развить путем тренировки. Практики внимательного осознания берут начало в буддийских практиках медитаций. В психотерапии феномен осознанности используется как подход к снижению стресса (Mindfulness-based cognitive therapy). Выявлены положительные корреляции подобной когнитивной терапии с психологическим благополучием, жизнестойкостью, оптимизмом, самоконтролем, позитивной самооценкой. В учебном процессе практика осознанности также дает положительный результат: улучшение концентрации внимания, улучшение памяти, большая эффективность противостояния академическому стрессу [9].

Джон Дьюи, американский философ и педагог, вводит понятие рефлексивное мышление (reflective thought) [3], подразумевая под ним связанность и осознанность потока мыслей. Естественный процесс поэтапной рефлексии

лежит в основе его педагогической идеи: процесс обучения – постоянный переход от столкновения с проблемой через сомнение и поиск к ее разрешению. Решающим моментом является постановка внутреннего вопроса – только через ответ на вопрос, направляющий поток сознания в нужном русле, неупорядоченная информация становится знанием.

Идеи Дьюи по содержанию близки к концепции «внимательного обучения» Элен Лангер, американского профессора психологии, специалиста в области теории осознанности [5]. В своей основе «внимательное обучение» строится на принципах осознанного мышления. Образовательный процесс организуется вокруг центрального Я ученика, и новая информация соотнобразуется с ранее полученным личным опытом учащегося. Обучение, основанное на принципах осознанности, представляется актуальным в контексте обсуждения трансформации способа передачи знания в современном обществе. Отход от педагогической модели техногенной культуры характеризуется отказом от передачи знания как единственно достоверного и абсолютно истинного. Формируется представление о динамичности научного знания. Ученику необходимо объяснить сосуществование различных научных концепций [6]. Кроме того, изменяется роль транслятора знания – учителя. Теперь конкуренцию учителю, как носителю достоверного знания, составляет интернет и другие неформальные образовательные каналы. Концепция Лангер предполагает отказ от начетнического подхода в передаче информации. Основная черта внимательного обучения – отсутствие принципа передачи знания как абсолютного и неизменно-го. Неопределенность оставляет место для личного поиска и рефлексии, привлечения дополнительной информации. Поступающие данные обрабатываются не автоматически по ранее проложенным схемам, а подвергаются критическому осмыслению, рассмотрению с разных точек зрения.

Практика осознанности делает мышление активным в улавливании нового.

Современный ученик и учитель находится в состоянии, когда информация поступает из многих источников. Такая многоканальность осложняет создание целостного представления о мире. Лангер отмечает, что внимательное обучение открывает восприимчивость к контексту, а значит, возможность связи отдельных знаний в единое, но динамичное целое. Важное свойство самостоятельно мыслящей личности – умение осознанно совершать выборку необходимого материала из огромного потока информации.

Выделяя черты когнитивного стиля, которому присуща осознанность, отмечается такая особенность, как не-реактивность личности. «Прямое, немедленное проявление или выражение импульсивного устремления пагубно для мышления. Только когда импульс до известной степени отталкивается, возвращается назад, возникает рефлексия» [Там же]. В этом смысле концепцию осознанности следует связать с концепцией эмоционального интеллекта. Осознанность может стать фактором психологического благополучия, психологической устойчивости личности. В последнее время для педагогических и психологических исследований становятся актуальными проблемы кибербуллинга, агрессивного воздействия рекламы на подрастающее поколение, стресса, связанного с информационной загруженностью [9]. Умение осознания собственных ощущений и отделения субъективного ощущения от объективной реальности – ключ к решению подобных проблем современности.

Обучение, основанное на концепции осознанности, предполагает постоянную проблематизацию контекста. Это формирование такого типа мышления, для которого состояние обучения естественно. Одна из основных черт

внимательного обучения – непредвзятый подход к изучаемому объекту. Это дает возможность рассмотреть предмет с разных сторон, взвесить альтернативные точки зрения. Противоречия, с которыми сталкивается ученик в процессе обучения, не ведут в тупик, а концептуализируются в осмысленном вопросе. Обучение становится цельным, целенаправленным и осознанным. Именно такое мышление можно понимать как свободное мышление. Так определял природу свободы Дьюи: «Истинная свобода, говоря кратко, интеллектуальна; она основывается на воспитанной силе мысли, на умении "перевертывать вещи со всех сторон", разумно смотреть на вещи, судить, есть ли налицо нужное для решения количество и качество доказательств, а если нет, то где и как их искать» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Игнатьева Е.Ю.* Менеджмент знаний в управлении качеством образовательного процесса в высшей школе. Великий Новгород: АНО ИНО-центр, НовГУ, МИОН, 2008.
2. *Пуговкина О.Д., Шильникова З.Н.* Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия // Современная зарубежная психология. 2014. Том 3. № 2. С. 18–28. URL: http://psyjournals.ru/files/79141/sbornik_psikhologicheskoe_soprovodzenie_18.pdf (дата обращения: 24.03.2017).
3. *Linkenkaer-Hansen K.* Mind-Wandering // Serious science. 2016. Available at: <http://serious-science.org/mind-wandering-7589> (accessed 24 March 2017).
4. *Siegel D.J.* The Mindful Brain: Reflection and Attunement in the Cultivation of Well-Being // New York: WW Norton & Company, 2007.
5. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.: Издательство «Лабиринт», 1999.
6. *Дьюи Дж.* Психология и педагогика мышления / Под ред. (и с предисл.) Н.Д. Виноградова. М.: Мир, 1919.

7. *Langer Ellen J. The Power of Mindful Learning // Reading, MA: Addison-Wesley, 1997.*

8. *Брызгалова Е.В., Прохода В.А. О критериях оценки педагогической деятельности преподавателя в контексте управления качеством образования // Экономика образования. 2014. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-kriteriyah-otsenkipedagogicheskoj-deyatelnosti-prepodavatelya-v-kontekste-upravleniya-kachestvom-obrazovaniya-1> (дата обращения: 24.03.2017).*

9. *Филиппова С.А., Пазухина С.В. Осознанность как фактор снижения риска возникновения негативных последствий взаимодействия учащихся с современной информационной средой // Психологическое сопровождение безопасности образовательной среды школы в условиях внедрения новых образовательных и профессиональных стандартов. С. 90-94. URL: http://psyjournals.ru/files/79141/sbornik_psikhologicheskoe_soprovozhdenie_18.pdf (дата обращения: 24.03.2017).*

С.И. Железнякова

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия.*

E-mail: zhelezn11@mail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ: ЗАПРОСЫ ЛИЧНОСТИ И ПОТРЕБНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются современные запросы личности в сфере профессионального образования во взаимосвязи с потребностями экономики. Намечены исследовательские подходы к изучению данной проблематики. Сформулированы некоторые выводы по указанной тематике на основе данных конкретного социологического исследования.

Ключевые слова: молодежь, профессиональное образование, непрерывное образование, образовательные потребности, социальное партнерство.

Рассматривая вопросы развития профессионального образования в современную информационную эпоху, необходимо исходить из ряда моментов.

Процесс выбора направления профессиональной подготовки обусловлен двумя видами интересов – это, с одной стороны, интересы личности в удовлетворении своих материальных и духовных запросов; с другой стороны – это потребности общества, обусловленные состоянием и перспективами развития экономики и социальной сферы. Несогласованность этих интересов естественна, однако в рыночных условиях может приводить к невостребованности работника на рынке труда со всеми вытекающими отсюда экономическими и социальными последствиями.

На протяжении периода реформ социологические наблюдения позволяют сделать вывод о тенденции к прагматизации мотивов личности в выборе профессии [1. С. 296]. Диспропорции между популярными профилями подготовки и реальной потребностью экономики в кадрах были очевидными, как в начале эпохи реформ, когда избыточным было количество выпускников инженерных специальностей, так и в 90-е годы, когда количество новоиспеченных юристов и экономистов превышало потребности. Некоторое время назад популярностью пользовались специальности, связанные с государственным и муниципальным управлением. В 2016 году на ведущие позиции вышли медицинские специальности. В ближайшее время, по прогнозам, будут наиболее востребованы педагоги, медики, инженеры в сфере ИТ-технологий, электроники, энергетики, авиации и ракетостроения [2].

Особую остроту проблемы выбора профессии, уровня и качества профессиональной подготовки имеют сегодня. Работодатель предъявляет новые повышенные

требования. Обязательной частью профессиограммы молодого специалиста являются такие навыки, как владение информационными технологиями, овладение смежными профессиями, способность к перепрофилированию, к овладению новыми технологиями, коммуникативные качества. Труд на промышленных предприятиях все более автоматизируется, внедряются наукоемкие автоматизированные технологии, требующие наличия у работника организаторских, технологических, диагностических навыков.

Современный рабочий или инженер на производстве должен обладать набором компетенций, позволяющих периодически и успешно проходить сложные процедуры сертификации, аттестации на соответствие профессиональным стандартам. Это характерно для современного постиндустриального общества. В условиях конкуренции на рынке труда такой специалист востребован, конкурентоспособен, трудоустраивается по профессии и вправе рассчитывать на достойное вознаграждение труда. Учитывая то, что проблема трудоустройства молодежи актуальна, подготовка высококвалифицированных кадров является эффективным способом социальной защиты молодых людей [3. С. 380].

Однако реальность такова, что эти специальности выбираются абитуриентами пока меньше, чем, к примеру, управленческие. Надо учесть, что рынок образовательных услуг ориентирован не только на потребности экономики, но и на потребности личности. Высшие учебные заведения, колледжи предлагают востребованные со стороны абитуриентов направления подготовки, в том числе такие, трудоустройство по которым проблематично. И не всегда обучение новым специальностям, особенно непрофильным для учебного заведения, является качественным. По разным оценкам около половины

молодых специалистов приступают к работе не по полученной специальности. Поэтому только от самого человека зависит, какую профессию выбрать и почему. Что ставится во главу угла? Какие мотивы получения профессионального образования доминируют?

Данную проблему, по нашему мнению, необходимо анализировать в следующих направлениях: изучение представлений о детерминантах выбора профессии; изучение ситуации выбора профессии, направления профессиональной подготовки, или мотивации; обобщенные оценки качества получаемой подготовки; особенности представлений в сфере трудовой этики; оценки работающих респондентов степени соответствия полученной подготовки и реального трудоустройства, а также реальных требований работодателя.

Обратимся к авторским данным опроса молодежи в типичном индустриальном городе (опрос проведен в 2014 году по квотной репрезентативной выборке с учетом половозрастных и социально-профессиональных параметров, объем выборки – 424 респондента, погрешность не более 5%, место опроса – город Нижний Тагил Свердловской области) [4. С. 135].

Согласно данным, наиболее востребованы профессии сферы компьютерных технологий. Финансово-экономические профессии всегда популярны в массовом сознании, не взирая на превышение предложения над спросом. Рост оценок медицинских профессий является новой тенденцией, что подтверждает и возросший конкурс в медицинские учебные заведения в 2016 году. Важно, что представления респондентов о наиболее востребованных профессиях сближаются с потребностями общественного производства. По мнению экспертов, на рынке труда в ближайшие несколько лет будут актуальными следующие тенденции. Будут востребованы выпускники экономиче-

ских вузов, специалисты в сфере информационных технологий, бухгалтеры, маркетологи, бренд-менеджеры, специалисты по клиническим исследованиям, специалисты в сфере услуг, инженеры–химики, пищевики, строители, а также квалифицированные управленцы.

Если обратиться к анализу мотивов выбора учебного заведения, то станет понятно, что ведущий мотив поступления в конкретное учебное заведение у всех категорий студенческой молодежи – это возможность получения интересующего профиля профессионального образования. Фактор возможности эффективного трудоустройства занимает второе по значимости место. Таким образом, при принятии решения оцениваются выгоды (перспектива карьеры и престижной высокооплачиваемой работы) и индивидуальные издержки (оплата обучения, проживания и т.п.).

Образование все больше рассматривается молодежью как ресурс для социальной мобильности и освоения новых социальных ролей, капитал для инвестирования при достижении желаемого социального статуса [5. С. 14]. Отношение молодежи к образованию как человеческому и социальному капиталу влияет на выбор вуза и специальности. В этом случае выбор зависит от возможностей семьи, интеллектуального капитала будущего студента – знания и способностей, институционального капитала вуза и факультета – имиджа учебного заведения, репутации факультета, престижа специальности на рынке труда.

Оценка респондентами таких параметров профессии, как престижность, востребованность, выгодность, детерминируется внешними факторами – модой, имиджем носителя профессии, материальной оценкой обществом, поэтому применимы способы воздействия на установки, определяющие профессиональный выбор. Недостаточная

престижность рабочих профессий связана в первую очередь с нехваткой информации о характере и содержании труда современного рабочего на производстве, а также о материальных аспектах трудовой деятельности.

Одной из проблем является то, что работодатель во многих случаях предпочитает рядового работника, имеющего высшее образование. В развитых индустриальных странах тенденция такова, что доля работников с высшим образованием постепенно приближается к 100%. Однако у нас работник, имеющий высшее образование, резонно претендует на более высокие статусные позиции на производстве. Как сделать так, чтобы высокий уровень образования не вымывал из процесса производства рядовых работников? Эта проблема внутренне противоречива, поскольку здесь потребности производства вступают в противоречие с потребностями личности. На рынке труда наибольший дефицит кадров с рабочими специальностями, для человека более привлекательными выглядят другие профессии.

Существует и тенденция превращения высшего образования в «высшее общее», признаком чего является широкая доступность, иногда независимо от уровня исходной подготовленности. Процесс получения образования для немалого числа молодых людей фактически имеет значение откладывания момента самостоятельного вступления во взрослую жизнь. Мотивы получения образования здесь могут быть следующие: «поступлю в вуз, чтобы получить отсрочку от воинской службы», «мне рано заводить семью», «выучусь на бакалавра, а потом буду учиться той профессии, по которой реально стану работать», «получу диплом, а дальше будет видно» и т.д.

Очевидно, что граней проблемы множество. Необходимо современное профессиональное ориентирование молодежи. Это требует новых форм деятельности. Обозначим ряд принципов: системность и научность деятель-

ности по профориентации; переход к индивидуальному консультированию; знакомство с профессиями с помощью реальных работодателей, а не только педагогов и психологов; формирование ценностного отношения к профессии как способу саморазвития.

Нельзя решить проблему без социального партнерства учреждений образования с производством на этапе обучения. В ходе социализации молодого работника на производстве необходимо стимулирование повышения квалификации, обеспечение (создание возможностей) непрерывности профессионального образования.

К сожалению, имеет место проблема не связанности обучения с требованиями будущей работы. Этот фактор негативно влияет на успешность трудовой социализации молодежи. Между тем способ решения этой проблемы один – это расширение и интенсификация социального партнерства между учебными заведениями и работодателями. Определенные усилия по развитию социального партнерства учреждений образования и предприятий осуществляются, но пока социальное партнерство не стало обязательным атрибутом учебного процесса в любом профессиональном учебном заведении. Это проблема не только учебных заведений. Вопрос заключается и в позиции работодателей, в недостаточном участии предприятий в подготовке кадров по модели социального партнерства.

Причина – и в имеющемся предложении на рынке труда, и в социальной инерции, и в отсутствии понимания необходимости развития человеческих ресурсов, и в дефиците ресурсов на эти цели. Вполне объяснимо, что выплачивать дополнительную стипендию или отслеживать и приглашать к себе на работу перспективных старшекурсников все-таки проще, менее затратно, быстрее с точки зрения результата, чем участвовать в каких-либо долгосрочных организационных формах социального партнерства.

В то же время развитие социального партнерства – это требование момента. И, что важно в социальном контексте, это один из способов сглаживания остроты социализационных проблем молодежи в ситуации экономической нестабильности.

Отражением позитивных перемен в учреждениях профессионального образования может служить тот факт, что постепенно увеличивается количество молодых людей, работающих по той специальности, по которой они обучались. Учреждения системы профессионального образования ориентируются на спрос, открывая новые специальности и профили подготовки. Здесь риски заключаются в качестве подготовки по новым специальностям, в кадровой обеспеченности полноценного учебного процесса.

В нынешних условиях главной задачей профессионального образования является обеспечение рынка труда высококвалифицированными работниками, способными адекватно вписываться в модернизирующиеся трудовые процессы. Принципом профессионального образования стала ориентация на результативность процесса обучения, выражающаяся в овладении личностью ключевыми компетенциями, сопряженными с требованиями профессиональных стандартов. Иначе говоря, это выпуск не только профессионала, но и конкурентоспособной личности. В свою очередь, степень конкурентоспособности личности на рынке труда определяется соответствием его качеств и потенциала требованиям работодателя.

Процесс самореализации человека в профессиональной жизни предполагает не только работу по профессии, закрепление социального и профессионального статуса, способность эффективно выполнять свои обязанности в меняющихся условиях, готовность к постоянному профессиональному саморазвитию. Эти качества могут развиваться только по инициативе самого человека, и только ес-

ли он в полной мере осознает свою ответственность за результаты полученного им профессионального образования, иначе говоря, является субъектом образования. Субъект обладает саморефлексией, позволяющей оценить соответствие своей профессиональной подготовки требованиям работодателя.

Работодатели предъявляют немало существенных претензий к вчерашним выпускникам. Считается, что на приспособление молодого работника к минимально необходимым требованиям работодателя требуется от полугода до двух лет, причем речь идет не об адаптации в коллективе, а о профессионально важных моментах. В ходе исследования были выяснены мнения работающих респондентов о том, каких знаний, умений и навыков больше всего не хватало им в начале работы. Наиболее уязвимый пункт – это практические профессиональные навыки, недостаточная связь полученных знаний с реалиями профессии.

Самооценки респондентов коррелируют с обобщенными требованиями работодателей. По данным различных исследований, для работодателя наиболее важно, чтобы работник: владел смежными профессиями; знал основы менеджмента; владел компьютерными технологиями.

Таким образом, изучение ориентиров молодежи в сфере профессионального образования позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, представления молодых людей о наиболее востребованных профессиях подверглись определенной корректировке в сторону сближения с реальными потребностями рынка труда. Во-вторых, оценки респондентами качества профессионального образования достаточно высоки. В-третьих, респонденты адекватно представляют себе требования современного работодателя и ориентируются на них. В-четвертых, недостаточное развитие эффективно действующих механизмов социального партнерства затрудняет не только прохо-

ждение производственной практики, но и не позволяет сделать процесс обучения адекватным реальным запросам работодателя. В-пятых, необходимо качественное изменение, модернизация системы профессиональной ориентации, акцент на деятельностно-коммуникативные методы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социология молодежи: учебник. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006.

2. *Ивойлова И.* ЕГЭ оценил врача // Российская газета. Федеральный выпуск № 7059 (191). 25.08.2016. Рубрика «Общество».

3. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: учебное пособие. М.: Изд-во «Флинта»: МПСИ, 2005.

4. *Железнякова С.И.* Профессиональное самоопределение молодежи в контексте социальной адаптации // Управление мегаполисом. 2014. № 2 (38). С. 135-139.

5. *Новикова Е.Ю.* Ценности и экономическая деятельность // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2008. № 4. С. 14-21.

*Б.Н. Земцов
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: zemtsovbn@maul.ru*

ГУМАНИТАРНАЯ СРЕДА В НЕГУМАНИТАРНЫХ ВУЗАХ: ИСТОРИОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена проблемам гуманитарной среды в негуманитарных вузах. Автор полагает, что ее сужение явилось непред-

виденным итогом вхождения отечественной системы образования в Болонский процесс. В условиях психологической войны Запада против России сокращение объема аудиторных часов и числа гуманитарных дисциплин отрицательно сказывается на воспитании подрастающего поколения.

Ключевые слова: Болонский процесс, гуманитарная дисциплина, идеология.

С середины 1980-х гг. в средствах массовой информации заговорили о кризисе советской школы. Объектом критики оказались некомпетентность органов управления, сверхцентрализация в управлении, финансировании и т.д. После того как проблема была вынесена на Пленумы ЦК КПСС 1986 и 1987 гг. Министерство просвещения, Министерство высшего и среднего образования, государственный комитет по народному образованию были объединены в Госкомитет по народному образованию СССР. Основным содержанием реформирования высшей школы должны были стать гуманизация и фундаментализация образовательных программ, рационализация и децентрализация управления вузами.

После 1991 г. направления реформирования были изменены: ими стали смена системы духовных ценностей, декоммунизация и десоветизация. К «оказанию помощи» в выполнении этих задач подключились Фонд Карнеги, Всемирный банк, Фонд Сороса и другие организации.

У европейской системы образования в 1990-е гг. были свои проблемы. Ее основным направлением являлось превращение этой системы образования в высокорентабельную сферу бизнеса. Результатом большой организационной работы в этом направлении стало подписание в 1999 г. министрами образования 29 стран Болонской декларации «Зона европейского высшего образования». Ее целями являлись:

- построение европейской зоны высшего образования как ключевого направления развития мобильности граждан с возможностью трудоустройства;

- обеспечение конкурентоспособности вузов в борьбе за студентов, деньги, влияние;

- сближение национальных систем образования на основе общих критериев.

Фактически создавалось единое общеевропейское образовательное пространство, призванное аккумулировать все лучшее, что было накоплено национальными образовательными системами. Конкретно болонский процесс включал в себя введение двухуровневого обучения, кредитной системы, расширение мобильности, контроль качества образования, обеспечение привлекательности европейской системы образования.

Отечественная система образования традиционно имела иные цели. Тем не менее исходя из того, что:

- сутью современного этапа развития человечества считалась глобализация,

- фундаментальные принципы функционирования высшего образования полагались едиными,

- изоляция от мирового образовательного пространства XXI в. является анахронизмом,

- участие в этом процессе должно было позволить добиться равноправного положения наших специалистов в мировом сообществе и укрепить отечественные позиции на мировом рынке образовательных услуг, Россия в 2003 г. присоединилась к этому процессу.

Министерство образования разработало Концепцию модернизации российского образования на 2003-2010 гг.,

которая была одобрена правительством и Государственным советом.

Конкретно о гуманитарном образовании в негуманитарных вузах в Концепции не говорилось. Но ректораты создавали довольно оптимистичные программы. Одной из них стала программа, анонсированная в 2000 г. Президентом Ассоциации инженерного образования России, ректором Томского политехнического университета, лауреатом Премии Президента в области образования Ю.П. Похолковым и директором Томского регионального центра социальных и информационных технологий Томского политехнического университета, лауреатом Премии Президента в области образования Б.Л. Аграновичем. На их взгляд, гуманитаризация высшего технического образования должна означать:

- ориентацию деятельности системы инженерного образования на создание условий для духовного, нравственного и культурного саморазвития личности;

- глубокую фундаментальную и методологическую подготовку инженеров в сфере гуманитарного знания, духовной жизни человека и общества;

- освоение студентами методологии познания и творчества, практической деятельности, социального поведения и саморазвития личности как решающих условий достижений успеха на жизненном пути;

- создание предпосылок для органического включения инженеров в экономические, социальные и культурные процессы развития мировой цивилизации;

- освоение студентами будущей профессиональной деятельности как единства физических, экономических, социальных, социально-психологических и ноосферных закономерностей и оценки полезности создаваемых искусственных сред с позиций историзма, приоритета об-

щечеловеческих ценностей, гуманизма, общецивилизованного подхода;

- органическую связь учебного процесса с внеучебной работой, сферой досуга и отдыха студентов, широкое привлечение к преподаванию в вузе деятелей науки и культуры, искусства и религии, политики, права и других сфер общественной жизни;

- демократизацию всей системы инженерного образования, политический и идеологический плюрализм, сочетание базового и вариативного компонентов учебного процесса, индивидуализацию обучения в соответствии с потребностями личности студента;

- интернационализацию инженерного образования [1].

Организационной основой этих планов должно было стать увеличение числа гуманитарных предметов и аудиторных часов.

Однако ни одну из поставленных целей достичь не удалось. Ситуация только ухудшилась [2]. Одной из причин этого стал переход на двухуровневую систему бакалавриата и магистратуры.

Очень быстро обнаружилось, что выпускники с дипломами бакалавров не отвечают требованиям работодателей. В этих условиях, чтобы хоть как-то повысить уровень квалификации выпускников, специальные кафедры в 3-4-летний курс обучения бакалавров стали втискивать то, что раньше давали за 5 лет. Сделать это можно было в основном за счет освобождения от всего непрофильного.

Второй причиной, породивший сворачивание воспитательного процесса в негуманитарных вузах, стало вполне обоснованное сокращение вмешательства Министерства образования и науки в процесс создания университетами учебных программ. В свою очередь

руководство вузов, и опять вполне обоснованно, переадресовало эту задачу выпускающим кафедрам (у которых наличествовали свои специфические трудности).

Министерство сохранило историю в качестве обязательного предмета, но объем учебных часов не определило. В результате технические кафедры стараются разными способами сократить курс истории и при этом не несут ответственности за невозможность выполнения гуманитарными кафедрами своих задач.

Не отрицая открыто значимость воспитательного компонента в подготовке специалистов-негуманитариев, руководители вузов и выпускающих кафедр новые собственные стандарты создают как узкопрофильные, в то время как «избыточные» (в их понимании) предметы убираются.

В негуманитарных вузах дореволюционной России на изучение гуманитарных дисциплин выделялось до 1/3 учебного времени. 20-30% – сегодня уделяется этим предметам негуманитарными вузами Запада. В Советском Союзе на изучение предмета «История КПСС» выделялось 32 лекционных часа, 32 – семинарских. Завершалось обучение экзаменом. В современных негуманитарных вузах страны на изучение истории выделяется в 4 раза меньше, чем в СССР.

В большинстве технических вузов страны 16 лекционных часов курса истории на рубеже XX-XXI вв. были сокращены до 8, а в последние годы началось сокращение и семинарских занятий с 16 до 8 часов. Наряду с этим из учебных программ большинства вузов исчезли культурология и политология.

Понимая сложность положения, в котором оказались кафедры, выпускающие бакалавров, логично было бы ожидать появление гуманитарных дисциплин на уровне магистратуры и специалитета в вариативной части учебных программ. Однако этого не происходит.

Такова ситуация по стране в целом. Отдельные иные примеры зависят от личных взглядов руководства университетов на проблему воспитания подрастающего поколения и отношения заведующих гуманитарными кафедрами с заведующими профильных кафедр. Например, в отличие от привычных истории и философии, читающихся в негуманитарных вузах в Егорьевском технологическом институте, студенты-технологи изучают также социологию, политологию, правоведение, гражданское право, психологию, педагогику, трудовое право и некоторые другие дисциплины [3].

Исключением из общей негативной тенденции является также Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева: общая трудоемкость истории составляет там 4 зачетные единицы, лекции – 18 час., семинары – 18 час., есть экзамен.

В этих условиях гуманитарные кафедры стараются расширить внеаудиторные формы работы [4, 5, 6, 7]. Так, кафедра истории МГТУ им. Н.Э. Баумана проводит:

– «академические чтения» (представляющие собой встречи студентов с ведущими учеными Института российской истории РАН, Института всеобщей истории РАН, Института Европы РАН, Института США и Канады РАН, Военного университета Министерства обороны, Академии ракетных и артиллерийских наук Министерства обороны);

– на кафедре создано «Студенческое научное общество» (состоящее из пяти секций: «История международных отношений», «История войн», «История техники», «История культуры», «История народов»), кинолекторий;

– регулярно обновляются фотовыставки. За последние годы прошли выставки «Советские плакаты 20-30-х гг. XX в.» (2012 г.), «Российские монархи в живописи (к 400-летию династии Романовых)» (2013 г.), «К столетию

Первой мировой войны (2014 г.)», «К 70-летию Великой Победы» (2015 г.), «К 70-летию бомбардировки Хиросимы и Нагасаки» (2015 г.), «Советское искусство 60-70-х гг. XX в. (2016)», «От СССР к России. К 250-летию образования Российской Федерации» (2016 г.).

Однако внеаудиторная работа не может компенсировать обязательное аудиторное общение студентов с преподавателем.

Реверансом в сторону коллег-гуманитариев со стороны технических кафедр, вроде бы, является сохранение за ними общего числа зачетных единиц при ликвидации аудиторных часов. Одним из аргументов такой позиции оказывается ссылка на современные (компьютерные) технологии, позволяющие ускорить образовательных процесс. Между тем самостоятельная работа студентов (например, чтение исторических источников) без дальнейшего аудиторного общения нерезультативна.

Авторы идеи перевода аудиторной работы в самостоятельную ссылаются на опыт западных вузов, где аудиторное общение по каждому отдельному гуманитарному предмету действительно меньше, чем в наших вузах. Но там, помимо вузов, идеологической работой занимается целый комплекс институтов. У нас же воспитание патриотизма, гражданственности, гармоничного развития личности, формирования духовно-нравственных ценностей фактически ограничивается школой. Все то, что существовало в Советском Союзе – комсомол, партия, общество «Знание» и т.д. – ликвидировано вместе с ним.

В октябре 2000 г. Правительство РФ приняло постановление № 751 «Национальная доктрина образования РФ до 2025 г.». В этом основополагающем государственном документе, имеющим силу федерального закона, сказано, что «стратегические цели образования... включают: 1) преодоление социально-экономического и духовного

кризиса; 2) восстановление статуса России в мировом обществе как великой державы...; 3) создание основы для устойчивого социально-экономического и духовного развития России». Но в Министерстве образования и науки эти задачи относят, в основном, к средней школе, поэтому и механизм воплощения этих целей в жизнь в технических вузах не создан. В результате в технических вузах доминирует технократический подход в подготовке будущих инженеров.

Выпускающие кафедры не воспринимают «Национальную доктрину образования РФ до 2025 г.» как относящийся и к ним нормативно-правовой акт. В национальной доктрине на первом месте воспитание, обучение – на втором. У выпускающих кафедр – только обучение.

Заставить вузы обратить внимание на «Национальную доктрину образования» может только министерство.

Банальностью является утверждение, что фактически только гуманитарные дисциплины в системе образования сегодня способствуют развитию в человеке человеческого начала: нравственности, ответственности, совести, толерантности и т.д. Но, получив право на создание собственных стандартов, а фактически на создание модели технического образования, большинство руководителей вузов пошло на ликвидацию гуманитарной составляющей учебного процесса.

Поэтому было бы логично, если бы министерство «забронировало» за кафедрами минимальный уровень базовых часов для бакалавров и обязательность вариативных курсов, читаемых магистрам. В идеале объем часов должен определяться стоящими перед гуманитарными кафедрами задачами. Этих часов должно быть столько, сколько требуется для формирования патриотизма и гражданственности, гармоничного развития личности и социальной адаптации молодого поколения.

Изучение истории в негуманитарных вузах – это проблема государственного уровня [8, 9, 10]. Результаты работы кафедр истории – это идеология, система духовных ценностей. «Такие "продукты" не воспринимаются непосредственно, "на глаз", вследствие чего выявление данной функции образования чаще всего недоступно не только повседневному сознанию, но и рационально-аналитическому мышлению бюрократического или "менеджерского" типа» [11].

Усилия средней школы в сохранении национальной культуры, воспитании патриотов и граждан очевидны и оцениваются позитивно. С высшей школой все гораздо сложнее.

В настоящее время на первый курс в высшие учебные заведения страны поступает порядка миллиона человек. Из них на гуманитарные специальности – около 150 тыс. Сознание и духовные ценности 800 тыс. студентов негуманитарных специальностей – серьезное основание, чтобы заняться этой проблемой.

Ориентация учеников 10-11-классов на предметы, которые предстоит сдавать при поступлении вуз, и молчаливое понимание ситуации школьными учителями приводят к тому, что гуманитарные предметы абитуриенты практически не знают. И в этих условиях гуманитарные предметы из высшей школы практически вытеснены.

Отказываясь от трансляции национальных традиций посредством образовательного процесса, наши коллеги-технари невольно создают предпосылки для возникновения опасных тенденций в сознании подростков и молодежи. Сегодня (по социологическим опросам) свыше 80 процентов будущих гуманитариев и маркетологов, более 70 процентов инженеров, менеджеров, юристов и экономистов хотели бы после окончания российского вуза уехать на работу за границу [12].

У молодежи стран Запада уровень патриотизма и гражданственности выше, чем у нас. Например, подавляющее число немецких студентов из страны никуда уезжать не собираются [13].

* * *

Одной из важнейших составляющих духовного здоровья нации являются общепринятые социально-политические идеалы. Они формируются, во-первых, социально-бытовыми условиями, то есть объективными реалиями, изменять которые достаточно сложно, и, во-вторых, идеологией, представляющей собой волевые усилия власти.

Значимость идеологии трудно переоценить. Это ясно осознают наши оппоненты на Западе. С первых шагов создания системы идеологического воздействия на СССР Соединенные Штаты использовали термин «война». Именно так именовался «Третий оперативный отчет о ходе работ в исполнение директивы СНБ 59/1 "Информационная программа за рубежом и планирование психологической войны"», составленный в марте 1951 г. [14].

С 1996 г. стратегию психологической войны определяет Консультативный орган по вопросам информационной войны при президенте США. В его работе принимают участие советники и помощники президента по вопросам национальной безопасности, государственный секретарь, главы министерств финансов, энергетики, торговли, директор ФБР, председатель Комитета начальников штабов, другие представители [15. С. 2273].

США и их союзники в отношении слабых стран при гарантированной победе, не раздумывая, используют обычные вооруженные силы. В условиях же ядерного паритета между США и Россией сделать это невозможно.

Поэтому в отношении России психологическая война из вспомогательного средства воздействия давно превратилась в основное.

В советский период усилия Запада в психологической войне против СССР были не столь эффективны как в настоящее время и с технической стороны, и по причине существования в СССР мощной собственной идеологической системы. Ее составной частью был комплекс гуманитарных дисциплин в вузах страны. Этот комплекс (разумеется, с новым содержанием) надо возрождать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Похолков Ю.П., Агранович Б.Л.* Основные принципы национальной доктрины инженерного образования // Новые образовательные технологии в стратегии духовного развития общества. Материалы международной конференции. Ответственный редактор: С.В. Казначеев. Т. 6. Ч. 3. Новосибирск. Городской центр развития образования. 2000. С. 34-45.

2. *Земцов Б.Н.* История в высшей технической школе: методология проблемы // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2011. № 7. С. 23-27.

3. *Драгина О.* Гуманитаризация технического образования. URL: <http://podmoskovye.bezformata.ru/listnews/gumanitarizatsiya-tehnicheskogo/971520/> (дата обращения: 26.02.2017).

4. *Вольнов И.Н.* Инженерное образование как концептуальная инновация // *Русский инженер*. 2016. № 1-2 (48-49). С. 90-91.

5. *Губанов Н.Н.* Образование и менталитет в составе движущих сил развития общества // *Социология образования*. 2010. № 1. С. 22-29.

6. *Ивлева М.И., Яблочкина И.В.* Гуманитарные науки в современной системе высшего образования // *Современная экономика: концепции и модели инновационного развития*. Материалы VIII Международной научно-практ. конференции. М., 2016. С. 34-37.

7. *Кузина Е.С.* Повседневное знание в контексте пост-неклассического образования // Социология образования. 2016. № 7. С. 34-40.

8. *Малькова Т.П., Каплунов В.В.* Зачем инженеру нужна философия // Гуманитарный вестник. 2015. № 6 (32).

9. *Нехамкин В.А.* От альтернативной истории к контрфактическому моделированию // Человек. 2005. № 6. С. 56-61.

10. *Пусько В.С.* Гуманитарный компонент инженерного образования // Социология образования. 2013. № 8. С. 4-11.

11. *Курсанов О.И., Курсанова Е.С.* Гуманитарные науки в инженерно-техническом вузе и проблема воспитания // Высшее образование в России. 2012. № 8-9. С. 104-110.

12. Три четверти выпускников российских вузов хотят работать за рубежом. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2014-08-25/Tri-chetverti-vipusknikov-rossijskih-vuzov> (дата обращения: 17.02.2017).

13. Где хотят работать молодые немцы. URL: <http://www.dw.com> (дата обращения: 26.02.2017).

14. *Николаева О., Громова А.* Оперативный отчет о ходе психологической войны – документы ЦРУ. URL: <https://regnum.ru/news/2231189.html> (дата обращения: 17.01.2017).

15. *Аветисянц Г.Г., Борисов В.И.* Информационное противоборство и информационная война. Что это такое? // Академия социального управления. 2015. № 1. С. 2259-2272.

16. Социальное образование в современном российском обществе / Авт. колл.: Анисимов К.Г. и др. Барнаул, 2015.

17. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л.* Границы влияния московской и киевской культурно-философских традиций в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 2 (20). С. 95-99.

18. *Ореховская Н.А., Ореховский А.В.* Патриотизм как созидаящая идеология российского общества // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 205-210.

19. *Zemtsov B.N.* Philosophy and History of the Soviet Law. Saarbrücken, 2014.

А.Л. Золкин
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
Москва, Россия.
E-mail: az20042004@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье рассматриваются общие принципы педагогической антропологии, актуальные в современном образовательном и воспитательном процессе. Автором выделены основные цивилизационные особенности понимания личности, которые должны учитываться в педагогической деятельности.

Ключевые слова: образование, воспитание, личность, педагогика, цивилизационные основания, социализация, инкультурация.

В философии и педагогической науке уже со второй половины XX в. образование понимается как процесс, направленный на развитие индивидуального, творческого начала в человеке. Идея целостности личности, акцент на развитии ее творческой активности стирает границу между обучением и воспитанием.

Современное образование должно соответствовать жизненным интересам общества и человека, стремящегося к самореализации, к активному поиску своего места в жизни, которое отвечало бы его способностям и возможностям. Поэтому сам процесс получения знаний рассматривается как диалог обучающегося и обучаемого в конкретном социокультурном контексте. Знание становится «личностным», соотнесенным с интересами обучающегося, с его представлениями о перспективах собственного профессионального и личностного роста.

Если обучение рассматривается как принципиально воспитывающее, а воспитание органически включается в

процесс обучения, то проблема личности становится одной из центральных проблем образования. В связи с этим целью обучения и воспитания должно быть не приобретение знаний как набора знаний фактов, теорий, а изменение личности учащегося в результате самостоятельных образовательных усилий. И философия, и педагогика сегодня приветствуют стремление человека к возможно более полному выявлению и развитию своих личностных возможностей и способностей, поиску смысла жизни и своего жизненного пути.

Центральную роль в современных науках об образовании начинает играть педагогическая антропология, занятая поиском «образа личности», который мог бы стать ядром современной идеологии образования. Пафос самоактуализации личности, ее непрерывного стремления к возможно более полному выявлению своих внутренних возможностей, дополняется критической установкой по отношению к господствовавшей прежде социоцентристской парадигме образования, которая видела свою основную задачу в социализации индивида, в «подчинении» личности нормам и стандартам социальной жизни.

Наиболее активные критики социоцентристской парадигмы образования обвиняют ее в «авторитаризме» и «тоталитаризме», в целенаправленном подчинении личности государству и обществу. Испытав значительное влияние экзистенциализма и постмодернистских учений, педагогическая антропология стремится к радикальному реформированию всей системы образования в индивидуалистическом духе. В новой антропоцентристской модели образования преподаватель становится лишь одним из источников самоуправляемого роста обучающегося, создателем среды, позволяющей каждому обучающемуся принимать осознанные решения относительно собственной личности.

В русской философской и педагогической традиции вопрос ставился несколько иначе. Основоположник русской педагогической антропологии К.Д. Ушинский сосредоточил свое внимание не на изолированном индивиде, а на русской национальной школе, полагая, что именно она отвечает духу самого народа, его ценностям и потребностям, национальной культуре России. Другой представитель русской традиции философии образования и один из ярких мыслителей русской эмиграции С.И. Гессен подверг критике идею К.Д. Ушинского о роли народности в образовании, считая ее ненаучной, поскольку черты народного характера не должны диктовать целей образованию. Для любого народа и любого человека, с точки зрения С.И. Гессена, цель воспитания одна – освоение общечеловеческих ценностей. Образование, как он стремился показать, есть не столько развитие индивидуальности человека, сколько его насыщение культурными ценностями – науками, искусствами, нравственностью и пр. Природный человек педагогическими средствами поднимается до уровня общечеловеческой культуры и выходит в лучших представителях человечества за ее пределы, тем самым личным творчеством обогащая ее.

И К.Д. Ушинский, и С.И. Гессен считали антропологию основанием педагогики, подчеркивали зависимость последней от философского решения проблемы человека и культуры. И все же вопрос остался без определенного и однозначного ответа, поскольку законченными концепциями человека мы на сегодняшний день не располагаем. Эта тема продолжает оставаться открытым философским вопросом, разрешение которого должно преодолеть традиционное противопоставление условных «западников» (С.И. Гессен) и «славянофилов» (К.Д. Ушинский) на основе концепции цивилизационного суверенитета России.

Идея цивилизации объединяет принцип традиции и инновации. Одной идеи народности недостаточно, хотя это и очень важная идея. Народность может пониматься чисто традиционалистски, то есть как принцип сохранения традиции в ущерб перспективе развития. Европейская культура и сопутствующая идея «европейски образованного человека» долгое время рассматривалась в качестве инновационной матрицы модернизации и была направлена на преодоление структурных характеристик традиционных обществ, отождествляемых с архаикой и социальной «отсталостью».

Эта идея доминировала в российском обществе почти триста лет, пока не было осознанно, что современная постмодернистская культурная экспансия западной цивилизации ставит своей целью уже не столько преодоление «пережитков прошлого», сколько разрушение фундаментальных оснований человеческой культуры как таковой во имя абстрактных и иллюзорных целей.

Сегодня можно констатировать, что западноевропейская и российская цивилизации имеют не просто различные, но во многом диаметрально противоположные ценности, а значит и перспективы развития личности. Разумеется, следует помнить, что ценности не могут абсолютно слиться с эмпирической жизнью. Это основания «правильной» жизни, хотя в повседневной реальности все может быть по-разному. Не следует идеализировать современное состояние ни российского, ни западного обществ. Насколько сегодня можно утверждать о том, что российское государство солидаристское, а западное – демократическое, хотя и то и другое во многом олигархическое и бюрократическое? И все же там, где западная культура настаивает на мультикультурализме, русская культура говорит о духовном развитии; на идею толерантности русская культура отвечает идеей подлинной терпимости, диа-

лога и взаимопонимания, на идею политкорректности – идеей правды, на идею гражданского общества – идеей солидарного общества и так далее, включая вопросы гендерных различий и нетрадиционных религий.

Заметим, проблема соотношения систем ценностей Запада и России заключается не просто в различии, а в том, что граница между ними носит онтологический характер, то есть ценности различаются по принципу «реальное – иллюзорное». Это означает, что уровень проблемы носит философский характер. Можно предположить, что мы сталкиваемся не просто с эмпирическими различиями или исторической диахронией «отсталый – развитый», а с особенностями цивилизационного кода. Тогда и «российские ценности» составляют имманентное содержание цивилизационного кода и всегда возвращаются, восстанавливаются даже после неоднократной попытки перекодировки в семантическом поле западной цивилизации.

Основным следствием признания различия цивилизационных кодов, которое должно быть осмыслено в теории образования, будет идея относительности процессов социализации, инкультурации и личностной самореализации в западной и российской цивилизациях.

Российская культурная традиция ставит своей целью воспитание личности, а не изолированной индивидуальности. Человек же приобретает личностные качества не через изоляцию от реальности во имя абстрактной свободы, а через восхождение и приобщение ко всем уровням реальности, включая сверхиндивидуальные целостности, такие как семья, общество, государство, цивилизация, культура. Векторы культурного развития российской цивилизации и западноевропейской имеют разные направления, вплоть до противоположности.

С точки зрения постмодернистского либерализма такое восхождение создает угрозу «тоталитаризма», рас-

творения личности в социальных целостностях. Но и сам либеральный постмодернизм фактически носит репрессивный характер, поскольку в образовательной сфере культивирует атомизированного индивида, не способного достичь самоидентификации в силу отрицания реальности, превосходящей этого индивида.

Русская культура отличается от западноевропейской культуры своей философской антропологией, которая имеет персоналистический, а не индивидуалистический характер. Для того, чтобы человек получил возможность сформировать личностные качества, стать личностью, которая мыслится как духовное единство, достигаемое через «состязание» человеческой жизни во всех ее проявлениях, он должен приобрести способность к оценке происходящего с точки зрения, выходящей за пределы частного взгляда на мир, способность подниматься к общему и всеобщему.

Современная российская система образования предприняла очередную попытку изменения цивилизационного кода, поскольку считает его «более реальным», нежели российские образовательные традиции. Результат оказался вполне предсказуем. Следует вернуться к российскому цивилизационному коду в сфере образования, к «духовному суверенитету» в сфере культуры.

Однако эта позиция требует существенного переосмысления основных идей русской культурной традиции.

И в русском марксизме, и в русском либерализме, состояние российского общества трансцендировали с помощью социального идеала (коммунистического или либерального), выступавшего от имени науки, тогда как русская культура осуществляла свое самопознание через литературу, романтическую и религиозную философию. И это создает дополнительные трудности в самоопределении русской культуры сегодня, поскольку возникает вопрос:

насколько реальны русские культурные ценности или это очередная попытка создания красивых иллюзий?

Например, важнейшей частью теоретического наследия славянофилов является учение А.С. Хомякова о соборности, развитое философом еще в 50-е годы XIX в. Главным принципом этого учения являлась идея духовного общения, призванная объяснить свойства как общества в целом, так и отдельного человека. « ...Общение слова, мысли, чувства, – писал философ, – есть не только дело великой важности, но едва ли не лучшее достояние человека на земле» [1. С. 198]. Общение трактуется А.С. Хомяковым как деятельность человека, в которой соучаствуют все душевные способности человека и которая не ограничивается обменом услуг и сухим уважением к чужому праву. Но не фантазия ли это? «Реалистически» настроенному сознанию позиция А.С. Хомякова представляется «романтикой», мечтательной идеализацией патриархальных порядков допетровской Руси, противоречащей трезвой и грубой реальности современной общественной жизни, в которой мы часто видим господство эгоизма, обособленность людей друг от друга и одиночество, на которое обречена человеческая душа.

В том факте, что общество не есть однородное всеединство, а имеет два слоя: первичное единство «мы» и противоборство многих «я», С.Л. Франк видел подлинный трагизм человеческого существования, порожденный несоответствием между его эмпирической реальностью и онтологической сущностью. Эту двойственность С.Л. Франк предлагал различать как двойственность между соборностью и общественностью и считал чрезвычайно существенной для понимания сути общественной жизни. Большинство господствующих социально-философских теорий обычно рассматривает «соборность» и «внешнюю общественность» как два возможных типа, две формы и два раз-

ных идеала общества. Романтическое противопоставление современного общества как чисто «механического» патриархальным формам общественной жизни, в которых усматривается тип органической общественности, в которой власть и народ объединены в органическое целое «семьи», – пример подобных противопоставлений. «Но в чем бы ни заключалось различие между разными возможными формами общественностей, – полагает С.Л. Франк, – оно не может сводиться к абсолютной разнородности между внешним и внутренним, именно потому, что это суть не разные формы общества, а разные моменты общественного бытия» [2. С. 304-305].

Эту идею можно развивать дальше, а можно и не соглашаться с ней. В любом случае, цивилизационная стратегия образования предполагает синтез ценностных и структурных оснований российской цивилизации. Эта философская работа должна быть проделана не только для теории образования, социализации и инкультурации, но и для того, чтобы российская цивилизация справилась с современным культурным вызовом, порожденным во многом кризисом западной культуры. Без единства традиции, культурного языка, без сознания единства «человеческого образа» невозможна даже простая встреча двух людей, немислима никакая цивилизационная синергия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хомяков А. С.* По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Благова Т.И. Родоначальники славянофильства: Алексей Хомяков и Иван Киреевский. М., 1995.
2. *Франк С. Л.* Духовные основы общества: введение в социальную философию // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.

*В.А. Иноземцев
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: inozem_63@mail.ru*

ПРЕПОДАВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ НАУК В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ XXI ВЕКА

В статье рассматривается роль и значение когнитивистики в современной науке. Когнитивистика, которая занимается анализом познавательной (когнитивной) деятельности и связанных с ней когнитивных структур и процессов, выступает в качестве основы когнитивных технологий. Автором предлагается введение в систему образования высшей школы когнитивных наук (когнитивистики).

Ключевые слова: когнитивные науки (когнитивистика), когнитивизм, когнитивная революция, когнитивный подход, когнитивные технологии, система высшего образования.

Под термином «*когнитивные науки*» (когнитивистика) будем понимать ряд научных дисциплин и междисциплинарных направлений исследований, включающих когнитивную психологию, когнитивную лингвистику, когнитивную психолингвистику, эволюционную теорию познания, объектом которых является анализ познавательной (когнитивной) деятельности и связанных с ней когнитивных структур и процессов.

В начале XXI века когнитивные науки становятся основой когнитивных технологий, которые объединяются вместе с нанотехнологиями, биотехнологиями и информационными технологиями в так называемые НБИК (NBIC) технологии. Когнитивные технологии превращаются в авангард конвергенции и синергии высоких технологий, становясь приоритетным инновационным направлением

развития современных междисциплинарных научно-технологических исследований [1, 2, 3].

Когнитивные науки изучают проблемы выявления, репрезентации, получения и использования знаний [4]. Такая трактовка термина «когнитивные науки» является более узкой. Иногда термин «когнитивные науки» трактуют в расширительном смысле. В этом случае в состав когнитивных наук оказываются вовлеченными философия (по крайней мере, теория познания и философия сознания), логика, нейрофизиология, кибернетика, искусственный интеллект (ИИ), вся психология и вся лингвистика вообще. В работе будем придерживаться узкой, а не расширительной трактовки в понимании когнитивных наук.

В силу того, что в когнитивных науках исследуется обработка когнитивной информации (и превращение ее в знание), причем не только людьми, но и компьютерами, у когнитивистики имеются значительные зоны пересечения с компьютерными науками и искусственным интеллектом (ИИ). Следует отметить, что хотя в англоязычной традиции термин «когнитивная наука» используется в единственном числе, в данной работе этот термин будем употреблять во множественном числе для обозначения именно совокупности наук, изучающих когнитивные структуры и процессы.

Каждая *когнитивная наука* занимается изучением процесса познания под особым углом зрения, использует специфические методы [5, 6]. В этом заключается различие предметов когнитивных наук. С появлением когнитивных наук исследователи начинают говорить о когнитивном стиле (подходе), когнитивных метафорах, когнитивной революции (когнитивном повороте), когнитивном моделировании и когнитивизме.

Когнитивизм открывает новую парадигму научного знания, становится одним из факторов становления пост-

неклассического типа научной рациональности. В историю науки когнитивизм привносит новое осмысление того, как следует изучать знание и как можно исследовать проблему представления мира в мышлении людей. Когнитивизм, когнитивный подход и когнитивное моделирование, начиная с 1960-х годов, получают широкое распространение в современной науке.

Утверждение когнитивного подхода в современной науке является результатом произошедшей в конце 1950-х – начале 1960-х годов так называемой когнитивной революции (или когнитивного поворота). Под *когнитивной революцией* будем понимать совокупность радикальных трансформаций в психологии и лингвистике, а также в других науках, исследующих когнитивную деятельность людей. Эти трансформации способствуют преобразованию господствовавших на тот момент парадигм знания и созданию новой интегральной когнитивной парадигмы знания, в которой оказываются представленными результаты когнитивных наук и достаточно близких им компьютерных наук и исследований в области ИИ. Когнитивная революция разворачивается в период формирования и концептуального оформления когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, однако, в этот период происходит сближение и взаимовлияние научных дисциплин, исследующих когнитивные способности и когнитивную деятельность, и применение идей и методов кибернетики, математической логики, теории информации, нейрофизиологии и других наук. Проблематика когнитивной революции рассматривалась ранее в ряде публикаций автора данной статьи [7, 8].

Когнитивная революция ставит в центр внимания современной науки когнитивную информацию как особый вид информации, приобретаемой в процессе познания мира при восприятии, обобщении и закреплении в памяти опыта этого познания. Охватывая значительное число наук

и областей знания, когнитивная революция способствует при конституировании когнитивных наук приданию им статуса междисциплинарных научных исследований. Кроме того, в ходе когнитивной революции вырабатываются новые программы исследования человеческого разума и поведения, интегрируются результаты различных наук, внедряются новые технологии в методы и модели анализа когнитивных процессов.

Несмотря на то, что когнитивная революция представляет собой по преимуществу научную революцию, ее последствия весьма значительны – она кардинально преобразует все науки, связанные с исследованием знания, способами его приобретения, репрезентации, трансляции, а также с анализом человеческого мозга, мышления и познавательной деятельности. Наконец, когнитивные науки становятся одним из важнейших факторов развития так называемой инженерии знаний, которая также исследовалась автором данной статьи [9].

Учитывая все эти обстоятельства, возникает настоятельная необходимость подготовки специалистов в области когнитивных наук и инженерии знаний [10, 11, 12, 13, 14] и введения с этой целью в качестве преподаваемых дисциплин на различных факультетах, специальностях и направлениях подготовки обучения по когнитивным наукам и инженерии знаний в качестве важнейших направлений в системе современного высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузский М.П. Интерсубъективность как свойство культурно-символической формы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 1. С. 6-14.
2. История и философия науки / Авт. колл.: Бушуева В.В. и др. М., 2015.

3. Философия. Рабочая тетрадь. Методическое пособие. Часть 3 / Авт. колл.: Ивлев В.Ю. и др. Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ). М., 2012.
4. *Иноземцев В.А.* Репрезентация знания в когнитивных науках // Психология сознания: современное состояние и перспективы. Самара, ПГСГА, 2011. С. 71-77.
5. *Ивлев Ю.В.* Логика для юристов. М., 2013.
6. *Vasyakin B.S., Ivleva M.I., Pozharskaya E.L., Shcherbakova O.I.* A Study of the Organizational Culture at a Higher Education Institution (Case Study: Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 18. С. 11515-11528.
7. *Иноземцев В.А., Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю.* Когнитивная революция как фактор становления новой эпистемологической парадигмы и методологии исследования знания в современной науке // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. № 1 (15). Т. 6. С. 90-99.
8. *Иноземцев В.А., Ивлева М.Л.* Когнитивная революция и формирование новой эпистемологической парадигмы в современной науке // Материалы международной научной конференции «Философия и ценности современной культуры». Минск: БГУ, 2014. С. 99-103.
9. *Иноземцев В.А.* Инженерия знаний и эпистемологическое содержание искусственного интеллекта // Известия МГТУ «МАМИ». 2015. № 2 (24). Т. 6. С. 56-63.
10. *Бузская О.М.* Гуманитарные технологии и их потенциал в развитии информационного общества // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 4 (8). С. 94-102.
11. *Вольнов И.Н.* Инженерное образование как концептуальная инновация // Русский инженер. 2016. № 1-2 (48-49). С. 90-91.
12. *Губанов Н.Н.* Вызов Аполлона как стимул развития образования // Alma mater (Вестник высшей школы). 2014. № 5. С. 19-23.
13. *Ивлева М.И., Левченко К.Г.* Полиаспектность современного образовательного процесса // Современные направле-

ния развития гуманитарных, юридических и экономических наук // Сборник трудов международной научно-практической конференции. М., 2013. С. 16-20.

14. *Малькова Т.П.* Тенденции развития науки: модели и плюрализм источников развития // Гуманитарный вестник. 2015. № 7 (33).

15. Основные проблемы философской теории. Пособие для подготовки к семинарским занятиям / Авт. колл.: Бушуева В.В. и др. М., 2014.

16. *Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Иноземцев В.А.* Основные культурно-философские предпосылки формирования логики как философской дисциплины в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 127-132.

17. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л.* Границы влияния московской и киевской культурно-философских традиций в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 2 (20). С. 95-99.

18. *Ивлева М.Л.* Философские основания психологической концепции одаренности. Учебное пособие. М., Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ), 2011.

19. *Пустько В.С.* Подготовка научно-педагогических кадров в МГТУ имени Н.Э. Баумана // Высшее образование в России. 2011. № 8-9. С. 37-40.

Т.А. Колесник
Брянский государственный технический университет,
Брянск, Россия.
E-mail: 077767475@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА И НЕОБХОДИМОСТЬ СМЕНЫ ПРИОРИТЕТОВ В ОБРАЗОВАНИИ

В статье рассмотрены изменения в современной научной картине мира. Обоснована необходимость смены приоритетов в со-

временном образовании в связи с тенденциями развития научных знаний и трансформируемой социоприродной реальностью. Особое внимание автор уделяет конвергентной парадигме научного знания. В статье указывается на то, что образование в целом отстает от современных тенденций науки, в силу чего не может подготовить специалистов, способных работать в трансформируемой социоприродной реальности, что ведет к углублению негативных последствий трансформационного развития мира и жизни.

Ключевые слова: научная картина мира, образование, техногенное развитие, трансформационное развитие, междисциплинарные исследования, конвергентные технологии.

В современном мире развитие человека, общества и природы происходит в рамках искусственного, созданного человеком силой разума и труда мире, который получил название техносфера. В техносфере воплощены все виды и формы материального и духовного творчества людей, что позволяет ей служить основой будущего развития цивилизации. Поэтому наиболее прогрессивные индустриальные и постиндустриальные общественные системы движутся по пути не только воспроизводства, но и усложнения искусственной урбанизированной среды жизни. Выбранный ими вектор техногенного развития вызывает множество трансформаций социально-экономических, научно-технологических, природно-биологических, которые имеют как положительные, так и отрицательные последствия для развития современного мира, человека и природы и требуют глубокого философского осмысления и анализа.

На двуликость и неоднозначность процессов усиления социально-техногенного развития особое внимание обращают ученые научно-философской школы исследований социотехноприродных процессов Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова [1]. Характер трансформаций и невозможность в полной мере предвидеть последст-

вия научно-технического развития современной цивилизации, затрагивает ряд мировоззренческих и аксиологических вопросов. От решения этих вопросов зависит, сможет ли мир найти точку равновесия и перейти к устойчивому развитию, создав полноценную научную картину мира и соответствующую ей систему образования.

На наш взгляд, современное развитие общества справедливо назвать трансформационным, вбирающим в себя весь спектр социотехноприродных процессов и проблем глоболизирующей цивилизации. От понимания противоречивости этих процессов и своевременного отражения их в системе образования зависят возможности перехода общества к коэволюционному социоприродному развитию.

Начиная с промышленной революции (конца XVIII – первой половины XIX веков), на основе новых, научно-технических производительных сил (машинной техники) изменяется способ хозяйствования социума, происходит переход к индустриальному типу производящей экономики, а вместе с ним и к становлению промышленного способа производства. Эти изменения приводят к тому, что к середине XX века «техно» (искусственный компонент) становится одним из преобладающих компонентов в социально-природной системе. Усиление техногенного фактора приводит к углублению трансформаций и порождению сложного комплекса глобальных проблем, которые начинают угрожать основам социоприродного развития мира и жизни.

Взаимозависимость трансформаций социоприродной реальности идет параллельно с развитием науки и связанных с ней систем обучения. Эта закономерность, как справедливо отмечает Э.С. Демиденко, обусловлена тем, что техника и технологии, созданные на основе науки и научно-производственной практики представляют собой основу техносферы, а также являются ядром ее генезиса и

формирования, способствуют ее дальнейшему развитию как системного целого [2. С. 13].

Развитие философии и естествознания XVII века приводит к образованию многообразия наук и профессий. Настоящая тенденция свидетельствует о необходимости наращивания исследований в еще более узкоспециализированных отраслях. Данный процесс в конечном итоге приводит к фрагментарности научного знания и изменениям в структуре научной рациональности. В то же время развитие узкоспециализированных направлений в науке предполагает необходимость интеграционного междисциплинарного взаимодействия различных компонентов специального знания.

Академик РАН В.С. Степин отмечает, что научная рациональность в своем развитии проходит три этапа: классический, неклассический и постнеклассический [3. С. 13-30]. Смена научной рациональности становится основой для смены и общенаучной картины мира.

Новый этап интеграции знаний приводит к становлению постнеклассической научной рациональности, который начинается во второй половине XX века и предполагает рассмотрение исследователями сложных саморазвивающихся систем. Интегрированные межотраслевые, а затем и надотраслевые технологии стали отражением новых тенденций последней трети XX–XXI веков и сделали возможным и необходимым объединение трех основных сфер бытия – неживой природы, органического мира и социальной жизни на основе научных принципов. Таким образом, в построении новой картины мира сделаны попытки объединения системного и эволюционного подходов.

Опираясь на основания такого понимания научного знания, каждая дисциплина должна пройти экспертизу на истинность в соответствии с критериями ценностного статуса естественных, гуманитарных и формальных наук. Так

создается новый макет научной картины мира, позволяющий учитывать и тестировать разнообразные варианты с различных позиций и выбирать наиболее актуальные и гуманные проекты, позволяющие сбалансировать предыдущие просчеты техногенного развития.

Этот пересмотр исследовательских позиций может повлиять на вектор цивилизационного развития, направив его в сторону баланса между техногенным обществом и биосферой. Новые тенденции также позволят восстановить связь науки с жизненным миром человека, который наряду с миром биосферным подвергся трансформациям, требующих тщательного осмысления. Ускорение темпов научно-технического прогресса меняет и социально-культурную динамику общества, что, как отмечают С.А. Кравченко и В.И. Салыгин, делает нормой точки бифуркации, травмы, кризисы и уязвимости [4. С. 22].

На наш взгляд, критические моменты возникают вследствие взаимодействия человека и техники, предопределившего доминирующую роль техногенной рациональности, в основе которой лежит рыночная экономическая рациональность, а вместе с ней и экономический эгоизм и меркантилизм транснациональных компаний, стремление к экономической выгоде без учета социально-экономических, социально-экологических, экономико-экологических и технико-экологических последствий [5. С. 37].

Обобщая выше сказанное, можно сделать вывод, что мы стоим на пороге смены научной картины мира, которая требует смены приоритетов в образовании. Однако образование в основном сосредоточено на изучении отдельных дисциплин и не удовлетворяет современным реалиям действительности.

Действительно, по мнению О.Е. Баксанского и Е.А. Дергачевой, современная научная картина мира еще далека от изучения и построения интегрированной социо-

техноприродной реальности, хотя определенные шаги в этом направлении сделаны [6]. Об этом свидетельствует развитие конвергентных нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий, устойчивые взаимосвязи между многими из них пока еще только формируются [7]. Комплексные технологии, в свою очередь, очерчивают приоритетные направления научных исследований, что позволяет говорить о развитии технонауки, ее ядро составляет «техно» (в широком плане – все искусственное). Технонаука носит не узкодисциплинарный характер, а вслед за технологиями техносферы все более становится междисциплинарной, связывающей воедино идеи из различных наук. На этом фоне рождается конвергентная парадигма научного знания и образования, соединяющая в единую систему процессы его дифференциации и интеграции [6]. Однако конвергентная парадигма научного знания находится на начальном этапе своего становления и слабо отражена в современном образовании, что создает определенные трудности при ее реализации.

Развитие конвергентных технологий на современном этапе определяется как NBIC-конвергенция (по первым буквам предметных областей: N – «нано»; B – «био»; I – «инфо»; C – «когно»). Прогрессивные тенденции современных конвергентных технологий дают большие надежды на решение глобальных проблем современности, но и одновременно таят в себе риски потери человечеством устойчивой социокультурной эволюции [8].

Нужно признать, что решение проблем техногенного характера с помощью усовершенствованных техногенных технологий может привести к процессам более непредсказуемым, чем предыдущие попытки трансформации социоприродной действительности. Поэтому хоть они и задают новую стратегию развития цивилизации, но прогнозы и осмысление их последствий пока являются нерешенной задачей [6].

На наш взгляд, установление конвергентной парадигмы в современном образовании – это вопрос времени, так как современная научно-технологическая революция требует от образования трансформации его форм и содержания в направлении конвергенции. Проблема заключается в том, что образование слишком медленно адаптируется к изменениям научной парадигмы, что приводит к проблемам подготовки высококвалифицированных специалистов.

Все описанные выше тенденции отрицательно влияют не только на возможности решения глобальных проблем современности, но и на самого человека, его ценностные ориентиры и установки, которые являются критериями, помогающими определить степень не только духовного развития отдельного человека, но и степень социального прогресса человечества в целом. Тенденции неприкаянности человека в современном мире отмечает П.К. Гречко, который пишет о том, что общественное сознание не способно переваривать ценностный эксцентризизм, социально-нормативное экспериментирование, различные культурные девиации [9. С. 71].

Из выше сказанного можно сделать вывод о том, что мы живем в переломный момент развития цивилизации, когда трансформирующаяся научная картина мира начинает проникать во все сферы жизни общества, которое пока еще не готово в полной мере воспринять и оценить масштаб происходящих изменений в силу отставания образования от прогрессивных тенденций технаук.

Основываясь на этих рассуждениях, можно также сделать вывод о том, что формирующаяся со второй половины XX века постнеклассическая научная рациональность (а вместе с ней и новая научная картина мира) до сих пор не проникла в систему образования. Однако для построения синергетической картины мира необхо-

димы быстрые и соответствующие потребностям времени реформы в системе образования. Именно эти меры, на наш взгляд, позволят более адекватно реагировать на вызовы современности, поспособствуют переходу к устойчивому развитию с оценкой происходящих изменений для человека, общества и природного мира и, как следствие, смягчат негативные последствия трансформационного техногенного развития, направив их в гуманное русло. Однако на сегодняшний день образование – это немаловажная часть рыночной экономики, что ограничивает его гуманную ориентацию и целевую направленность на сохранение биосферной жизни на планете. Оно не служит основой «нового гуманизма», о котором пишет П.К. Гречко. Гуманизма, возвышающего личность и достоинство каждого отдельного человека, гуманизма, в котором человек – это не винтик и не пешка в достижении частной или узкогрупповой цели, а свободная и творческая единица [Там же. С. 77]. На наш взгляд, к воспитанию такого человека и должно стремиться образование, знакомя человека с основами социоприродного развития, давая возможность получать передовые целостные знания для построения единой научной картины мира, а не ее отдельных фрагментов. Именно такой подход к реформе образования имеет смысл на современном этапе развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В. Техногенное общество и земной мир. Брянск, 2007.
2. Демиденко Э.С. Двумерная техносфера в человеческой жизни // Проблемы современного антропосоциального познания. Брянск, 2015. Выпуск 12. С. 13-19.
3. Степин В.С. Научная рациональность в историческом измерении // Философия познания. К юбилею

Л.А. Микешиной: сб. ст. М.: Издательство «РОССПЭН», 2010. С. 13-30.

4. *Кравченко С.А., Салыгин В.И.* Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 22-30.

5. *Дергачева Е.А.* Техногенная рациональность и ее функции в модернизации современного социума // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2007. № 1 (13). С. 31-39.

6. *Баксанский О.Е., Дергачева Е.А.* Конвергентная парадигма современного образования // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении: матер. III Всеросс. конф.: в 2 т. Брянск, БГТУ, 2017. Т. 1. С. 129-138.

7. *Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н.* Нанотехнологии. Биомедицина. Философия образования в зеркале междисциплинарного контекста. М., 2010.

8. *Дергачева Е.А., Баксанский О.Е.* Социотехноприродная реальность: социально-экономические риски конвергенции // Фундаментальные исследования. 2016. № 12. Ч. 3. С. 612-617. URL: <https://www.fundamental-research.ru/pdf/2016/12-3/41141.pdf> (дата обращения: 27.03.2017).

9. *Гречко П.К.* Различия: от терпимости к культуре толерантности. М., 2006.

В.М. Кондратьев

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия.

E-mail: kondrut@mail.ru

ОБ ОСНОВАНИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ XXI ВЕКА

В статье анализируется логика разработки образовательного стандарта. Автор формулирует предложения по формированию компетенций XXI века.

Ключевые слова: образование, компетенция, стандарт, свойство, самостоятельность.

Компетенции – это характеристики свойств субъекта, которые при определенных условиях он может реализовать в своей деятельности, в отношении к другим или к самому себе. Основой компетенций являются способности человека к выполнению какой-либо деятельности. Знания, умения, навыки служат основаниями более эффективной реализации способностей человека, его компетенций. Об умениях и навыках человека можно судить лишь по их проявлению в деятельности, т.е. как о свойствах, а о знаниях человека можно судить и без их проявления в деятельности, т.е. как о признаке человека, об уровне его интеллектуального развития. Знания, конечно же, сила, как утверждал Ф. Бэкон, но сила приобретенная, не природная. Чемпионка мира по шахматам (1962-1978 гг.) Нона Гаприндашвили завоевала это звание, по ее собственному признанию, фактически не зная теории шахмат, теории дебютов. Таким образом, отсутствие знаний компенсируется природными способностями человека, как и обратно, отсутствие природных способностей компенсируется приобретенными знаниями.

Представленная характеристика компетенций позволяет нам перейти к рассмотрению логики их формирования в действующих ФГОС. Заметим предварительно, что любой стандарт – это «образец, эталон, модель, принимаемые за исходные для сопоставления с ними других подобных объектов» [1. С. 470]. Эталон какого-либо продукта или процесса, параметры которого представлены с заданной возможной величиной отклонения. Для стандарта образования параметрами эталона являются приобретаемые человеком знания, умения, навыки осуществления в определенных условиях различных видов образовательной

деятельности и отношений. Приобретенные учащимися в процессе образования признаки и свойства, соответствующие эталону, именуются компетенциями. Логику формирования компетенций рассмотрим на примере ФГОС 44.03.05 – педагогическое образование (с двумя профилями подготовки).

Ключевым для понимания логики разработки стандарта является четвертый раздел, в котором дается характеристика профессиональной деятельности выпускников бакалавриата. Во-первых, конкретизируется область профессиональной деятельности будущих педагогов, в которую входят *образование, социальная сфера и культура*. (Корректнее было бы сказать – система образования, социальная сфера и сфера культуры.) Во-вторых, выделяются объекты профессиональной деятельности: *обучение, воспитание, развитие, просвещение, образовательные системы*. (Фактически, если исключить *образовательные системы*, речь идет о способах осуществления профессиональной деятельности. Реальными объектами профессиональной педагогической деятельности являются учащиеся.) В-третьих, указываются виды профессиональной деятельности педагога: *педагогическая*, включающая обучение и воспитание; *проектная*, заключающаяся в разработке учебных программ; *научно-исследовательская* и *культурно-просветительская*. Далее поясняется, что для академического бакалавриата основным видом деятельности является научно-исследовательская деятельность, а для прикладного бакалавриата – педагогическая деятельность [2].

Логика деятельностного подхода к пониманию профессиональной деятельности педагога выдержана. Однако, на наш взгляд, следовало бы обратиться и к феномену педагогических отношений, без которых не осуществляется ни один образовательный процесс. Соответственно, следовало бы выделить виды профессиональных отноше-

ний педагога, определив тем самым и его образовательное пространство.

Высказанное нами предложение вполне коррелирует с перечисленными далее в Стандарте *профессиональными задачами*, к решению которых педагог должен быть подготовлен. В частности, педагог должен осуществлять отношения с родителями, с общественными и образовательными организациями, с институтами культуры, участвовать в управлении школьным коллективом, разрабатывать индивидуальные маршруты обучения и воспитания школьников и своего профессионального роста.

К профессиональной деятельности выпускников бакалавриата, согласно Стандарту, относятся научно-исследовательская и культурно-просветительская деятельности. Невольно возникает вопрос: не много ли возлагается на выпускника бакалавриата, обычный срок обучения которого четыре года? На наш взгляд, слишком много. Причину возникшего положения мы видим в сокращении сроков обучения с пяти лет (при специалитете) до четырех (при бакалавриате). Стремление придать российскому образованию формы, принятые в Европе, было реализовано без учета имеющихся различий: на Западе бакалавриат – предпрофессиональный уровень образования. У нас же, в России, – профессиональный. Ориентация на профессиональную подготовку обусловила сокращение часов на изучение других гуманитарных предметов. Сегодня выпускник педагогического университета может получить диплом бакалавра без изучения логики, этики, эстетики, как и ряда социальных наук – экономики, управления, политологии. Отнесение научно-исследовательской деятельности к профессиональной предполагает изучение студентами методологии научного исследования, культурно-просветительская деятельность – ориентирует на изучение культурологии. Возникшая ситуация требует совместного

принятия решения представителями профильных (выпускающих) и непрофильных кафедр.

Проанализировав логику разработки Стандарта (четвертого раздела), перейдем к анализу пятого раздела Стандарта, содержащего требования к результатам освоения программы бакалавриата, т.е. непосредственно к анализу логики разработки компетенций.

В данном Стандарте (44.03.05) выделяются три вида компетенций: общекультурные (ОК), общепрофессиональные (ОП) и профессиональные (ПК) [Там же]. Эта классификация соответствует философскому взгляду на мир человека, в котором выделяются три сферы его жизни: внутренний мир, мир ближайшего окружения и внешний человеку мир. Однако далее, в характеристике компетенций, позиции Стандарта и философии не вполне совпадают. Утверждение (ОК-1) о том, что основы философских и социально-гуманитарных знаний формируют научное мировоззрение, не соответствует действительности. Научное мировоззрение формирует, как известно, естественнонаучное знание. Повторимся, знание само по себе является лишь одним из оснований компетенций, а вот отстаивание в полемике истинности научного мировоззрения является компетенцией. В этой связи заслуживает признание правоты формулировки ОК-2: «способность человека анализировать основные этапы и закономерности исторического развития для формирования гражданской позиции» [Там же]. Правда, не столько гражданской, сколько научной позиции. Для формирования гражданской позиции знание логики истории недостаточно. На наш взгляд, подвергать критическому анализу содержание каждой компетенции нет необходимости: достаточно представления принципа анализа компетенций. Каждый исследователь самостоятельно сможет проанализировать интересующие его компетенции. Заметим только, что для большинства компетенций справедливо говорится о свойст-

вах субъекта в будущем времени: способность, готовность что-то решать, реализовать и т.д. Что еще не достает современному стандарту? Как формировать компетенции в последующие годы XXI века? Ответим теперь на эти вопросы.

Во-первых, не хватает взгляда на образование как на развитие осознанной самостоятельности человека, на повышение ее уровня в истории человечества. Данная закономерность не нуждается в особом доказательстве. Возрастание в историческом процессе степени самостоятельности человека – от раба, крепостного до наемного и свободного работника – очевидный факт. В процессе развития человека действует эта же закономерность: ребенок, подросток, юноша и взрослый человек различаются прежде всего уровнем осознанной самостоятельности. Образование человека должно считаться с этой тенденцией.

Во-вторых, подлежит осмыслению и феномен увеличения степени свободы человека с развитием техники, информатизации общества. Соответственно должна увеличиваться степень ответственности человека за результаты своей деятельности. Основаниями формирования ответственности являются рефлексивная способность человека, его понимание значения и смысла того, что он делает.

В-третьих, нужно отметить тенденцию к синтезу различных дисциплин. Трансдисциплинарный подход требует как своей теоретической разработки, так и реализации в учебном процессе.

Высказанные положения могут стать основаниями для разработки компетенций образовательных стандартов XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь иностранных слов. 13-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986.

2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). URL: <http://fgosvo.ru/news/7/1805> (дата обращения: 01.05.2017).

Е.С. Кузина
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия.
E-mail: eskuzina@fa.ru

ОТ ГУМАНИЗМА К ТЕХНОКРАТИИ: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

Статья посвящена рассмотрению проблемы дегуманизации образования как процесса социального воспроизводства человека, последствий этого процесса и возможных путей регуманизации образования. Гуманистическое образование непременно многогранно, обязательно энциклопедично. Оно не может быть сконцентрировано на чисто утилитарных умениях, по крайней мере это относится к высшему университетскому образованию.

Ключевые слова: образование, философия образования, гуманизм, технократия.

В философии понятие технократизма принято противопоставлять понятию «гуманизм». Согласно Шпенглеру, техника как искусственная природа человека материализует волю разума человека-хищника, человека-завоевателя (Raubtier) [1. S. 202]. Рассматривая технику как главный фактор развития цивилизации, человек узаконивает потребительское, завоевательное отношение к природе и обществу. Такой подход к окружающему миру, обществу и самому себе резко контрастирует с идеалами гуманизма [2, 3, 4], являвшимися ядром философской

мысли эпохи Просвещения. Впрочем, при внимательном рассмотрении последней, мы легко обнаруживаем, что, несмотря на наличие гуманистической «обертки», по своей сущности практически все ключевые социологические концепции эпохи Просвещения носят ярко выраженный технократический характер. Технологический детерминизм характерен для многих социологических концепций, например, концепций Конта, Сен-Симона и Веблена. Главная идея техногенной цивилизации – это идея власти технических специалистов или носителей технической рациональности. По мнению Конта, носители знания вообще должны были вытеснить традиционное духовенство, он называл ученых «позитивными священниками». При этом детерминантой социальных связей и воспроизводства человека будут именно технологические связи и продуцируемые на их основе технологические уклады. Подобную же картину мы можем видеть и у более современных социологов, например, у Д. Белла. Этот американский социолог исходит из того, что определяющими для всей совокупности общественных связей оказываются те экономические связи, в рамках которых производится наибольшая часть товаров и услуг. Так Белл выделяет основанное на взаимодействии человека и природы доиндустриальное общество, индустриальное общество, базирующееся на взаимодействии человека и искусственной природы, то есть машин, и грядущее (на момент публикации работы этого американского социолога) постиндустриальное общество, основанное на взаимодействии человека с человеком [5. С. 270]. Может именно последний тип взаимодействий позволит преодолеть разрыв между технократией и гуманизмом? Может конец ограниченности благ все же станет концом почти беспрекословного подчинения человека производственной необходимости? Скорее нет, чем да, поскольку вся система общественных

отношений будет подчинена экономическим интересам, и на смену дефициту товаров придет дефицит времени, которое и станет основой социальной стратификации.

Технократизм (как способ мышления) предполагает концентрацию на категории количества, однозначность, рассмотрение средства в качестве цели. По своей сути технократическое мышление утилитарно и рассматривает образование как социальное воспроизводство человека, обеспечивающего непрерывное развитие механизма экономики, а не саморазвитие человека. При таком подходе к образованию человек не только не может выйти за рамки ограниченности, частичности, узости мышления, развернуть универсальное богатство своего потенциала, но, напротив, не должен выходить за него, т.к. любое отклонение от практической пользы данного блока знаний или умений снижает экономическую эффективность образования. Ведь вместо того, чтобы развивать «бесполезные» с точки зрения экономической эффективности творческие способности, человек мог бы, скажем, зарабатывать деньги.

Противоположностью технократического подхода может стать глубокий сущностный (или субстанциональный) подход с точки зрения духовной культуры. Сама история свидетельствует об этом противоборстве. Техника представляется как надсоциальная и надчеловеческая данность, имеющая свою внутреннюю логику и свои законы развития. Техника становится автономной, так как способна к саморазвитию, усложнению собственной структуры и улучшению собственных ключевых параметров.

Технический прогресс в наше время явно опережает социальный и культурный. В настоящее время техника господствует над человеческим сообществом, диктуя свои законы и свою волю. Тем более, что с точки зрения технократической парадигмы, критерии прогресса должен иметь

количественное выражение, но вот общественный прогресс не так просто выразить в количественных показателях. Что это – снижение уровня насилия? Оно не снижается, наоборот, 2016 год снова бьет рекорды по количеству беженцев. Меньше людей занято неквалифицированным трудом? Но это как раз технологический, а не общественный прогресс, последний подчинен первому.

Схожие тенденции можно наблюдать и в образовании, причем в России последних лет это не просто видно невооруженным глазом – технократический подход к образованию декларируется официально. Количественные показатели подаются как единственно возможный критерий оценки эффективности образования как системы: на сколько больше получают выпускники этого учебного заведения по сравнению с выпускниками других, сколько баллов набирают школьники в стандартных тестах, сколько статей в рецензируемых журналах у преподавателей и каков их индекс цитируемости.

Со времен начала бурного развития техногенной цивилизации разрыв между современным уровнем технологического развития, научных теорий и массовым сознанием увеличивается, несмотря на повсеместное распространение образования. Это явление заметно как в технике, так и в социально-политических технологиях, и являет собой потенциальную угрозу человеку и обществу. В особенности мы можем обратить внимание на расцвет псевдонауки и лженауки, маскирующейся под самые разные идеи, начиная от эзотерики до «альтернативной» точки зрения. Без соответствующей фундаментально-теоретической подготовки, массовому сознанию трудно противостоять «приземлению» лженаучными, псевдонаучными установками, социально-политическому манипулированию и бесконечному информационному шуму в об-

ласти знаний. Но как измерить фундаментальную подготовку? Ведь она не дает напрямую прибавку к зарплате выпускника, более того, может даже помешать карьере, поскольку человек в жизни может начать концентрироваться на отличных от зарабатывания денег и потребления ценностях – что, чаще всего, вредно для экономики. Подобный подход приводит к социальному воспроизводству одномерного человека, как об этом писал Г. Маркузе, а во все не соответствует тем высоким задачам, которые ставили перед образованием мыслители эпохи Просвещения. Технократический подход, с одной стороны, эффективно макдонализует человечество в глобальном масштабе, но, с другой стороны, не остается без противодействия: антиглобалистские и фундаменталистские течения часто имеют направленность, связанную с заполнением десакрализованной и деонтологизированной пустоты социальной реальности [6, 7. С. 1].

Технократический разум также породил вечно скупающего человека-потребителя, для которого ценности заключены только в материальном достатке, а ключевой (а то и единственной) формой социализации является уровень потребления.

Следует отметить, что сам по себе технократический утилитаризм глубоко проник в мировоззрение современного человека, например, многие общеобразовательные предметы в школе и в вузах воспринимаются как «бесполезные». В самом деле, зачем «захламлять» свою голову ненужным знанием об истории или математическом анализе, если с его помощью вряд ли возможно заработать деньги? Для того, чтобы вернуть образованию его гуманистическую сущность, нужно преодолеть такое «узколобое» технократическое представление, вернув человечность в этот процесс социального воспроизводства человека. Для этого необходимо:

1) вернуться к целостности человека; 2) восстановить его содержательную целостность с точки зрения идеала всесторонности; 3) достичь целостности системы «человек – условия его существования»; 4) добиться целостности и единства самой науки о человеке [8].

Гуманистический же подход к образованию имеет целью человека, а не что-то еще, полагая образование средством социального воспроизводства, а не средством достижения конкретных жизненных благ. Человек как таковой устремлен к высшим ценностям, обрести которые возможно лишь в образовательном процессе [9, 10].

Образование в дискурсе гуманизма есть долг человека: обретение знаний – не только и не столько приятное времяпрепровождение, хотя и это, безусловно, ценно и важно, сколько онтологическая человеческая обязанность. Гуманистическое образование непременно многогранно, обязательно энциклопедично. Оно не может быть сконцентрировано на чисто утилитарных умениях; по крайней мере это относится к высшему университетскому образованию.

Чтобы вернуться к этим гуманистическим идеалам, необходим отход от однобокости технократического утилитарного подхода к образованию. Образованию необходимо:

- полностью вернуть себе теряемую под влиянием технократической парадигмы роль основы социального воспроизводства человека;
- отказаться от узкоспециализированного, чисто утилитарного подхода к образованию;
- стать универсальной формой становления и развития родовых способностей человека, позволяющих ему быть и отстаивать собственную человечность;
- воспитывать уважение к основным правам и свободам каждого человека;

- развивать каждого человека как подлинного субъекта общественной, политической и культурной жизни;
- создавать условия для реализации духовных творческих потенциалов каждого человека, реализации его творческих сил, культурного и нравственного развития;
- создавать условия для свободного гармоничного развития личности, физического, интеллектуального и эмоционального развития человека [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tartsch T.* Denn der Mensch ist ein Raubtier: eine Einführung in die politischen Schriften und Theorien Oswald Spenglers. Datteln, Am Mühlenbach: Verlag Books an Demand GmbH, 2001.

2. *Баркова Э.В.* Экофилософская картина мира в проблемном поле современного познания // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2016. № 4 (88). С. 180-186.

3. *Бузский М.П.* Формирование инновационных ориентаций в российском обществе: объективное и субъективное // Образование и культура в контексте формирования общероссийской идентичности. Материалы научно-практической конференции, посвященной международному дню философии. 2014. С. 41-44.

4. *Гусейнов Ф.И.* Экзистенция как предмет философии // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 4 (22). С. 94-97.

5. Хрестоматия по философии. Учебное пособие / Под ред. А.Н. Чумакова. М., 2017.

6. *Волобуев А.В.* Религиозный фундаментализм в глобализованном мире. Век глобализации. 2017. № 1 (21). С. 56-62.

7. *Волобуев А.В.* Становление и развитие религиозного фундаментализма: социально-философские аспекты // Гуманитарный вестник. 2016. № 11 (49).

8. *Возчиков В.А.* Образование как гуманизм // Мир

науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 186-189.

9. *Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Иноземцев В.А.* Психологическая концепция одаренности как тип научного знания и методологические принципы изучения ее философских оснований // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 145-155.

10. *Vasyakin B.S., Ivleva M.I., Pozharskaya E.L., Shcherbakova O.I.* A Study of the Organizational Culture at a Higher Education Institution (Case Study: Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 18. С. 11515-11528.

11. *Гринкруз Л.С.* О критериях реализации принципа гуманизма в профессиональном образовании // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 1.

12. *Агеева Е.А., Зубов В.В.* История отечества. Учебно-методическое пособие для поступающих во ВГНА. М., 2000.

13. *Волобуев А.В., Кузина Е.С.* Исламский фундаментализм как фактор формирования идентичности современных мусульман // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (78). С. 51-54.

14. *Головко Ю.В.* Концепция морально-политического кризиса П.А. Сорокина. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2003.

15. *Замараева Е.И.* Современная культурная политика России в контексте евразийских идей // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. № 4. С. 61-66.

16. *Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Иноземцев В.А.* Основные культурно-философские предпосылки формирования логики как философской дисциплины в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 127-132.

17. Культурная политика России: актуальные аспекты / Чумаков А.Н. и др. Под ред. А.Н. Чумакова. М., 2015.

18. *Zemtsov B.N.* Philosophy and History of the Soviet Law. Saarbrücken, 2014.

*И.Ф. Понизовкина
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия.
E-mail: irina-ponizovkin@mail.ru*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЛИ ТУПИКИ СОВРЕМЕННОГО «ГЛОБАЛЬНОГО» РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ?

В статье рассматриваются актуальные вопросы и перспективы современного образования в вузе. Особое внимание уделяется анализу влияния внедряемых в образование экономических стимулов на характер и качество подготовки молодых специалистов.

Ключевые слова: современное образование, Болонский процесс, высшее образование, реформа образования, социально-гуманитарное образование.

Вполне понятны озвученные более десяти лет назад российскими чиновниками благие намерения и цели государственной политики в области образования, нарисованные ими радужные перспективы внедряемых реформ, которые призваны были кардинально улучшить качество российского образования и поставить его, наконец, в один ряд с образовательными системами других стран. Насколько оправданы эти надежды и стремления в области высшего образования?

Действительно, современные процессы глобализации, формирование информационного общества и «общества знания», а также трудности социально-экономического характера в России привели к необходимости реформирования и интеграции российской системы образования в мировую. Однако при этом между этими феноменами и их целями возникают далеко не однозначные отношения. Особенно много вопросов возникает по

поводу социально-гуманитарного образования в непрофильных вузах и объявленных некогда процессов гуманизации и гуманитаризации высшего образования и сочетаемости этих процессов с нынешним курсом в области образования.

Целью Болонского процесса, к которому РФ примкнула в сентябре 2003 г., было объявлено сближение разных национальных систем образования, унификация образовательных стандартов, самоокупаемость при ориентации на потребителя и всесторонняя коммерциализация, которые сделали бы образование глобальным и легко управляемым с помощью разных ЭОР (электронные образовательных ресурсов), систем тестирования, балльного рейтингования и компетентностного подхода с соответствующей отчетной документацией. Да, выглядит это очень современно, и благодаря переменам российское образование должно было бы зашагать в ногу со временем, способствуя возникновению разнообразных продуктов на рынке образовательных услуг. Однако удивительным образом эти перспективы оборачиваются неожиданными тупиками для российского общества.

Особенно много тупиков возникает на пути гуманитарного образования в вузе, поскольку реформы проводятся без учета специфики дисциплин, выявляются все новые противоречия осуществляемых процессов при отсутствии диалектического подхода к решению проблем в данной сфере. Коммерциализация образования формирует к общегуманитарной составляющей особое отношение – как к излишней «нагрузке», удорожающей стоимость выпускника на рынке услуг. Об этом свидетельствует резкое уменьшение часов, отведенных для аудиторных занятий философией и дисциплинами социально-гуманитарного цикла. Наметилось явное перераспределение учебного времени в пользу прикладных, инструментальных курсов. Но может

быть эта тенденция закономерна и вполне обоснована в условиях рыночной экономики? Однако мировая практика это не подтверждает.

Сегодня в европейских странах наблюдается устойчивый тренд социализации бизнеса и экономических отношений вообще. Мировой кризис прошлого десятилетия заставил Запад обратить более пристальное внимание на нравственную, этико-философскую, аксиологическую составляющую экономики. Эта тенденция наметилась еще до экономического кризиса и, возможно, явилась его предвестником. Выразилось это в появлении институтов практической философии, детальной разработке вопросов этики бизнеса, создании в компаниях управлений по ценностям, формулировании основных проблем корпоративной культуры и социальной ответственности бизнеса, участившихся обращениях к философам в качестве экспертов, назначениях гуманитариев на топовые «непрофильные» должности.

Предсказания известного философа Э. Фромма в произведении «Иметь или быть?» [1] о движении человеческого сообщества к предкатастрофическому состоянию стали сбываться к началу XXI века. Причины этого – в формировании общества потребления с его узкой направленностью на каждодневные ценности приобретения, достижение быстрых результатов с извлечением максимальной прибыли. Это приводит к атомизации общества, нивелированию личностных качеств индивида, увеличению явлений агрессии и насилия во всех сферах деятельности человека [2, 3]. Потому ориентация на другой модус человеческого существования «Быть!», на которой настаивал Э. Фромм – быть Личностью, заинтересованной миром, – отходит сегодня на второй план, представляется молодому человеку бесперспективной и даже «глупой». Такая перестройка человека, в которой активно участвует

и система образования, делает его безликим, неспособным к свершениям и неспособным проанализировать и адекватно оценить этапы своего жизненного пути и результаты деятельности.

Западные деятели в области образования давно сделали соответствующие выводы из своих просчетов в отношении образования и приступили к работе над ошибками, ведь компетентностный подход не оправдал себя в годы мирового кризиса, увлечение тестированием снизило общекультурный и интеллектуальный уровень выпускников, грантомания вызвала возмущение западного научного сообщества [4]. Однако Россия продолжает с усердием следовать намеченной линии. Более того, эта тенденция уже охватывает высшую ступень подготовки научных кадров (аспирантуру), которая намерена отказаться от обязательного вступительного экзамена по философии.

Узкопрофессиональная подготовка специалистов, которая сегодня восторжествовала в российском образовании, формирует своеобразное тоннельное мышление, связанное с углубленным изучением совокупности узкопрофессиональных вопросов в отрыве от контекста и всей совокупности фактов реальной жизни, более широких гуманитарных проблем. Пример результатов такой подготовки нам являют многочисленные западные политики, берущие на себя бремя вершить судьбы мира, но совершенно не способные учитывать опыт прошлого и даже настоящего, поскольку не обладают гуманитарной образованностью и широтой кругозора. Отсюда полная неразбериха в их головах относительно геополитических сведений, событий Всемирной истории, фактов Второй мировой войны, Холокоста и т.д. и т.п. Такие факты все чаще становятся достоянием СМИ и должны служить уроком для тех, кто еще не осознал всей ошибочности курса современного образования.

Проблема современных специалистов в области экономики – не умение говорить на языке общезначимых культурных универсалий, общечеловеческих ценностей, неспособность диалектически тонко улавливать взаимосвязи и доминанты постоянно изменяющегося мира, выделять принципиально важное. Для современного человеческого сообщества, находящегося в крайне неустойчивом состоянии, это может иметь катастрофические последствия. Время потребовало изменения самого понимания личности специалиста и его профессиональной компетентности. Мировая нестабильная ситуация XXI века с ее многочисленными экономическими, социальными, экологическими и культурно-нравственными проблемами глобального характера настоятельно требует специалистов нового типа, наделенных определенными *социальными* и когнитивными характеристиками – общей культурой, нравственными принципами, гражданской активностью, кругозором, методологическими подходами, способностью к диалогу в широком смысле слова, толерантностью. А от вуза требуется не только передача знаний и профессиональных навыков, но и социализация личности и даже воспитательное воздействие на неокрепшие умы формирующихся специалистов. Социально-гуманитарные дисциплины содержат в себе большой воспитательный потенциал, который сегодня не может быть использован в полной мере в силу демонстративного пренебрежения ими.

Организаторы «глобального» образования пока не пришли к простой истине, что современные специалисты – независимо от сферы применения их знаний – должны четко видеть разнообразные тенденции и проблемы мирового развития и учитывать их в своей профессиональной деятельности, уметь прогнозировать ситуацию, предвидя и предотвращая ее негативные последствия, социальные в том числе. Будущих экономистов это требование касается

в первую очередь, однако экономическое образование идет в своем «развитии» по общей схеме подготовки прикладного специалиста [5].

Эта проблема узкой специализации в отрыве от общекультурной составляющей тесно связана с другой проблемой – духовных ресурсов социально-экономического развития. Сегодня, изыскивая все новые ресурсы развития экономики, уже стали рассматривать на полном серьезе в качестве таковых дурака и дебила. И это уже не выглядит смешным, скорее симптоматичным. Не стоит забывать, что высшее образование призвано создавать не только компетентного в своей области специалиста, но и формировать и обогащать его духовный багаж, создавая условия для освоения высших интеллектуальных и культурных ценностей. Сегодня экономические проблемы невозможно решить в сугубо экономическом пространстве.

Однако в серьезных проблемах сегодняшнего высшего образования следует искать не только субъективных виновников-волюнтаристов, но и объективные тенденции общественного развития и современной духовной обстановки. Эпоха постмодерна и особенности переживаемой ныне постмодернистской атмосферы объясняют многие общественные явления, в том числе в образовательной сфере [6]. Постмодернистские установки в определенной мере – это вызов современному образованию. Можно даже допустить, что Болонский процесс с его унификацией и формализацией является попыткой управления хаосом – стремлением преодолеть постмодернистскую сиюминутность и хаотичность, втиснув их в определенные рамки компетенций и единых стандартов. Однако это не самый лучший выход из духовной атмосферы postmodernity. Стоит прислушаться к авторитетному мнению известного специалиста в области менеджмента, профессора Школы бизнеса и государственных административных систем при

университете им. Джорджа Вашингтона Питера Вейлла: «По мере роста сферы услуг становится все яснее, что нельзя подходить к услугам с теми же критериями, что и к производству. Услуги нельзя «упаковать» в стандартную упаковку. Услуга складывается из взаимодействия людей и протекает во времени... Сколько сил стоит отрешиться от привычной схемы «единиц продукции» [7. Р. 27]. Нужен совершенно иной способ и удешевления, и борьбы с постмодернистским «хаосом».

Постмодернистские тенденции и создание информационного общества являются катализаторами друг друга в формировании современного мозаичного «расколотого» сознания, господство которого в полной мере проявляется в образовательной среде. Развитые мультимедийные технологии (ТВ, Интернет, реклама и т.п.) с калейдоскопом новостей, беспорядочных фактов, навязыванием разнообразных смыслов, мельканием сюжетов и акцентом на успехе приводят к отказу от поиска системы и направленности в развитии общественных процессов и замене его технологизацией подходов.

Это лишь внешне соответствует стратегии рационализации высшего образования, которая была провозглашена Болонским процессом. Ведь эта рациональность должна проявляться не только во внешних формах организации, а в формировании рационального правильного мышления у студентов. Однако содержание учебных планов и чрезмерное увлечение «виртуальным» обучением не способствуют развитию познавательных способностей учащихся.

Складывается тип мышления студента, отказывающегося от попыток четкой систематизации знаний о мире, не оперирующего базовыми понятиями (добро – зло, свобода – необходимость, системность, факт и т.д.) и стирающего демаркационную линию между научным и обыденным познанием. Знания не складываются у слушателей в

стройную структуру, чтобы легко актуализироваться при необходимости. Современные студенты не считают нужным обращаться к точному значению основополагающих понятий, вольно трактуя их смысл и часто путая понятия – «материю» с «вещью», «самолюбие» с «себялюбием», «манипулирование» с «влиянием», «гордость» с «гордыней», «эгоизм» с «индивидуализмом». И даже возводят это в ранг принципа «у каждого свое мнение». При этом можно избежать применения знаний логической аргументации, которыми в современном вузе либо пренебрегают, либо поручают обучение ее прикладным основам специалистам в иных областях профильного знания. Методологическая недалекость организаторов образования ведет к снижению его качества.

Специальные исследования Л. Веккера и Дж. Крэбтри из Стэнфордского университета свидетельствуют об общем снижении у человечества уровня интеллекта. Думается, Болонский процесс сыграл в этом не последнюю роль. Аналогичную тенденцию в России на основе результатов мониторинга интеллектуального развития школьников и студентов отмечает руководитель лаборатории социальной психологии СПбГУ, глава центра «Диагностика и развитие способностей» Л. Ясюкова, которая считает, что менее 20% современных молодых людей обладают полноценным понятийным мышлением. Подлинной силой (над обстоятельствами, явлениями, природой и т.д.) обладает лишь истинное глубокое знание, приобретающее в сознании человека системный характер. Решения, принятые на основании поверхностных знаний, допонятийной интерпретации происходящего, невозможно реализовать. В нынешних условиях постоянно изменяющегося мира, неустойчивых социальных систем, катаклизмов слишком велик риск катастрофических последствий от неправильных субъективных решений.

Каков выход из сложившейся ситуации? Надо ли мириться с такими тенденциями? Воспринять ли их как должное, учитывая постмодернистские веяния? Ждать лучших времен? Выход есть. Необходимо прекратить внедрять чуждые российскому образованию каноны и образцы (тотальное тестирование, чрезмерная формализация и т.п.) и обратиться к отечественным образовательным проверенным традициям, в которых общекультурная составляющая, социально-гуманитарное образование всегда играло значительную роль. Именно философские дисциплины должны стать тем системообразующим ядром, вокруг которого будут выстраиваться в стройную систему другие дисциплины и их содержание. Будущим специалистам необходимо дать в первую очередь не «рыбу» в виде множества прикладных инструментальных дисциплин, а «удочку» в виде полноценного философско-гуманитарного образования, способного помочь слушателям сформировать правильное аргументирующее системное мышление, широкий кругозор и методологические подходы.

Но простое увеличение количества аудиторных часов, отведенных на изучение философских дисциплин, проблему перспектив высшего образования не решит. Современная система образования делает философию бессмысленной. Философия изначально рождалась как Диалог, Диалог с Учителем, Личностью. Диалог преподавателя со своими слушателями-студентами был мощной мотивацией к самопознанию и саморазвитию с обеих сторон. Сегодня преподавателю отведена роль эксперта: преподаватель-Личность и преподаватель-Ученый становятся не нужны. Человек-личность теперь не интересен и совершенно выпал из сегодняшней образовательной цепочки в силу чрезмерной формализация процесса и изменения сути высшего образования, формирующего не духовный мир

молодых людей, готовых и способных к раскрытию своего потенциала в будущих профессиональных отношениях, а «правильных» потребителей с набором требований и компетенций.

Итак, анализ стратегии и перспектив сегодняшнего высшего образования получился не слишком оптимистичным. И, возможно, российское общество будет вынуждено заплатить слишком высокую цену за несвоевременное понимание значимости социально-гуманитарного образования в условиях усложняющейся информационной среды и формирующегося «общества знания». Большой политик-профессионал Уинстон Черчилль, завоевавший авторитет миллионов, обращаясь к молодым, говорил: «Двадцать-двадцать пять лет – возраст дерзаний... Вступайте во владение наследием, берите на себя обязательства, не миритесь с неудачами. Вы наделаете массу ошибок, но, оставаясь великодушными, честными и пылкими, не навредите миру...» [8]. В современном динамичном мире, в котором мысли и чувства человека оказывают большее влияние на результаты его работы, чем на то, что он умеет делать, актуальность этих слов выросла многократно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2000.
2. Чистякова О.В. Толерантность в России: история и современность // Всероссийская научно-практическая конференция: материалы. Волгоград, 2008.
3. Чистякова О.В. Насилие и религия как социальные феномены современности (философско-антропологический контекст) // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2015. № 1. С. 116-136.
4. Blommaert J. Rationalizing the Unreasonable: There are no Good Academics in the EU. Available at: <http://alternative-democracy-research.org/2015/06/10/rationalizing-the-unreasonable-there-are-no-good-academics-in-the-eu/> (accessed 21 April 2017).

5. *Понизовкина И.Ф.* Современный образовательный процесс: по пути ли будущему экономисту с философией? // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 1. С. 35-43.

6. *Понизовкина И.Ф.* Влияние общества postmodernity на философско-гуманитарное образование // Роль философии в пространстве информационного общества: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Редакторы Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. Нижний Новгород, 2016. С. 48-58.

7. *Вейлл П.* Искусство менеджмента / Пер. с англ. Козыревой И.Б. М.: Новости, 1993.

8. *Черчилль У.* Мои ранние годы. 1874-1904. Глава 4. Сандхерст. М.: «КоЛибри», 2011. URL: www.ereading.club/bookreader.php/1024891/Cherchill_-_Moi_rannie_gody._1874-1904.html (дата обращения: 21.04.2017).

Е.Л. Рутковская
Институт стратегии развития образования РАО,
Москва, Россия.
E-mail: elena.rut@mail.ru

А.В. Половникова
Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия.
E-mail: avp.71@mail.ru.

КЛЮЧЕВЫЕ НАВЫКИ XXI ВЕКА: ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ

В статье представлены результаты международного исследования PISA-15 в области финансовой грамотности в контексте сравнительного анализа динамики этих результатов. Дан обзор уникального педагогического инструментария, применяемого в исследовании.

Ключевые слова: функциональная грамотность, финансовая грамотность, модель области оценки, познавательная деятельность, умения XXI века.

Ожидание опубликования результатов международного исследования PISA-15 в области финансовой грамотности вновь обострило интерес к этой и без того актуальной теме.

Изучению уровня финансовой грамотности разных категорий респондентов (хозяйствующие субъекты, работающее население, пенсионеры, несовершеннолетние) посвящено значительное количество исследований, проведенных в последние годы [1, 2, 3].

Исследователи, работающие в области финансовой грамотности, констатируют, что «следует обучать различные категории взрослого населения, в том числе и пенсионеров, и студентов, и молодых специалистов, а также детей – будущих потребителей финансовых услуг. Особое внимание следует уделять именно школьникам... Заложив основы грамотного финансового поведения у подрастающего поколения, общество сделает существенный вклад в свое качество жизни на будущее, что будет важным образовательным результатом и для современной школы» [4. С. 9]. Отмечается также, что «задача повышения финансовой грамотности школьников из области постановки проблем и их разработки на теоретическом уровне переходит сегодня в плоскость практической реализации» [5. С. 22]. Фактически сегодня можно говорить о внедрении финансовой грамотности в массовом масштабе в систему образования страны.

Чем обусловлены такие процессы обновления содержания образования? Как соотносится введение формирования финансовой грамотности в качестве обязательного элемента образования с общими процессами модернизации образования? И наконец, что представляет собой финансовая грамотность?

«Модель навыков XXI века» [6] выделяет три ос-

новных компонента: понимание, умение, отношения. Понимание требует функциональной грамотности. По договоренности международного экспертного сообщества функциональная грамотность включает: математическую грамотность, читательскую грамотность, естественнонаучную грамотность, финансовую грамотность, ИКТ-грамотность и гражданскую грамотность, а функциональная грамотность выпускников школы рассматривается как индикатор общественного благополучия и как основа безопасности жизнедеятельности в странах [7. С. 32-33].

Рис. 1. Модель навыков XXI века

Таким образом, финансовая грамотность позиционируется как одна из шести базовых «грамотностей», которые сегодня необходимы каждому: именно эти шесть составляющих обеспечивают социальную адаптацию человека в современном мире.

В течение последних пяти лет финансовая грамотность дважды входила в состав изучаемых областей международного сравнительного исследования PISA. Согласно концепции данного исследования, «финансовая грамотность представляет собой знание и понимание финансовых понятий и финансовых рисков, а также навыки, мотивацию и уверенность, необходимые для принятия эффективных решений в разнообразных финансовых ситуациях, способствующих улучшению финансового благополучия личности и общества, а также возможности участия в экономической жизни» [8. С. 2].

Главный исследовательский вопрос, связанный с финансовой грамотностью школьников (15-летних подростков) в исследовании PISA звучит следующим образом: «Насколько 15-летние учащиеся готовы к принятию эффективных решений в разнообразных финансовых ситуациях, к адаптации и использованию новых финансовых систем?». Иными словами, исследование ставит задачу диагностики степени сформированности способности подростков получать, понимать и оценивать информацию, необходимую для принятия решений с учетом их возможных финансовых последствий. Для решения этой задачи был предложен специально разработанный инструментарий.

Остановимся на некоторых особенностях инструментария, используемого в данном исследовании, учет которых обеспечивает, на наш взгляд, понимание значимости самого исследования не только в контексте получения конкретного результата, сопоставимого с результатами других стран-участниц, но и в контексте задач обновления содержания образования и технологий оценки образовательных результатов.

Прежде всего отметим, что инструментарий исследования PISA-финансовая грамотность включает большой ряд типичных жизненных ситуаций, описаний возникающих в этих ситуациях проблем, возможностей их альтернативных решений, вытекающих из ситуаций личностно-

ориентированных заданий (вопросов), требующих конкретных ответов и их обоснования.

Задания, проверяющие финансовую грамотность 15-летних подростков, как и все другие задания исследования PISA, предлагаются в нестандартной для формального российского образования формулировке. Эта формулировка значительно отличается от большинства учебных заданий, типичных для действующей системы российского образования. В *каждом* из предлагаемых заданий обязательно описывается определенная *жизненная ситуация*, в которой действуют *конкретные люди*, решающие свою *личную проблему* (задачу). При этом в одной и той же ситуации у разных людей в связи с их *различными личными целями* могут возникать *разные задачи*. Задания сформулированы таким образом, что учащиеся не могут напрямую отнести их к какому-либо определенному школьному курсу, и это исключает возможность прямого воспроизведения знаний.

Рис. 2. Модель области оценки заданий исследования PISA в области финансовой грамотности

В своей совокупности все задания формируют область проверки и оценки, которая включает: а) содержание, б) познавательные умения, в) контексты. Это означает, что любое из заданий, во-первых, относится к одному из четырех содержательных разделов (*деньги и операции с ними, планирование и управление финансами, риски и вознаграждения, финансовая среда*), во-вторых, направлено на диагностику уровня овладения одним из четырех способов познавательной деятельности (*выявление финансовой информации, анализ информации в финансовом контексте, оценка финансовых проблем, применение финансовых знаний и понимание*). При этом каждое задание строится на ситуации, связанной с одним из четырех контекстов (*образование и работа, дом и семья, личные траты, досуг и отдых, общество и гражданин*).

Исследование PISA-15 предложило в заданиях, адресованных пятнадцатилетним учащимся, более 30 различных ситуаций, отражающих определенные реалии социальной жизни. Это близкие, знакомые, понятные и лично значимые для 15-летних учащихся ситуации. Например, приобретение необходимых товаров и оплата услуг, в том числе через онлайн-платежи, анализ бюджета, выделенного семьей на свой отпуск, действия с банковскими вкладами, расчет налогов и т.п. Значительная доля заданий повторяла задания первого этапа исследования – PISA-12, что позволяет сопоставлять результаты двух этапов исследования и выявлять динамику. Новые задания, появившиеся в исследовании 2015 года, четко отражали те актуальные финансовые проблемы, с которыми в реальности все чаще стали сталкиваться подростки. Это ситуации, связанные с открытием собственных вкладов, кредитованием, финансовыми мошенничествами.

В исследовании использовались задания с выбором ответа, предполагающие выбор одного из четырех пред-

ложенных ответов. Эти задания в измерительных материалах PISA не составляют большинства – их менее четверти. При этом зачастую они получают свое развитие в идущих с ними «парой» заданиях на объяснение, в которых участник исследования должен дать развернутое обоснование своего ответа.

В качестве особенности можно отметить и содержание ряда «готовых ответов», из которых осуществляется простой выбор. Ответы по части этих заданий представлены, например, в виде числа, или в виде интервала чисел (то есть за выбором ответа стоят реальные математические расчеты, которые необходимо выполнить), а также в виде понятий (когда на основе анализа описанной ситуации учащемуся предлагается выбрать из предложенного перечня экономический термин, определяющий рассматриваемое экономическое явление). При этом задания не требуют академического определения экономических терминов, а проверяют умение прикладного использования терминологии при анализе конкретных социально-экономических ситуаций.

Другую часть представляют задания, основанные на определении верности суждений. В этих заданиях каждое из предложенных суждений учащийся должен был оценить как верное или неверное. Очень близки по логике выполнения к заданиям на «верно – неверно» задания, в которых а) учащийся должен был или подтвердить предъявляемый ему тезис (выбрать позицию «да») или отрицать его (выбрать позицию «нет»); б) дополнить предложенный текст формулировкой «купить сейчас – купить позже», в) определить, что произойдет с покупательной способностью в каждом рассмотренном случае – «снизится – останется такой же – увеличится».

Еще одна группа заданий – это задания, предполагающие произведение самостоятельного финансового рас-

чета. Выполняя задания данной группы, учащийся производит финансовый расчет и фиксирует полученный результат. При этом в вопросах заложена различная сложность расчетов. Абсолютное большинство заданий связано с произведением простых расчетов.

*Наиболее многочисленная группа заданий была связана с процедурой обоснования. Следует особо отметить, что именно эта группа заданий была увеличена количественно в исследовании PISA-15 по сравнению с исследованием PISA-12. Наконец, еще одной существенной особенностью инструментария исследований PISA является особый подбор суждений: достаточно часто учащийся не только дает однозначно верный с его точки зрения ответ на поставленный вопрос с дальнейшим его пояснением, но и вынужден подбирать аргументы согласия-несогласия к *диаметрально противоположным* суждениям.*

Конкретные результаты второго этапа исследования будут объявлены 24 мая 2017 года на международной пресс-конференции. Однако уже по результатам первого этапа можно констатировать ряд важных для российского образования выводов. Они касаются как констатации определенных элементов знаний и познавательных умений учащихся, так и конкретных задач развития финансовой грамотности молодежи.

Наиболее успешно были выполнены задания на выявление финансовой информации и применение финансовых знаний и понимания. При этом достаточно сложными оказались задания, направленные на выявления финансовой информации в контексте ситуации «Деньги и операции с ними».

Наиболее сложными заданиями в целом оказались задания на анализ информации в финансовом контексте и оценку финансовых проблем. *Выработка умений анализи-*

ровать информацию в финансовом контексте и оценивать финансовые проблемы должна выступать одной из приоритетных задач развития финансовой грамотности в целом.

Контекстов, которые вызвали бы очевидное непонимание российских учащихся, не выявлено. Однако среди четырех групп заданий наиболее успешны результаты по заданиям с контекстом «Дом и семья». По заданиям в контексте «Образование и работа» заметно значительное снижение результатов, что подчеркивает актуальность работы по моделированию будущей личной образовательной и профессиональной траектории развития учащихся.

При выполнении заданий с открытым развернутым ответом российские учащиеся затрудняются формулировать самостоятельные суждения в контексте предложенного задания. Недостаточно развиты умения аргументировать ответ, сформулированный самостоятельно, давать законченные суждения в контексте поставленного вопроса. Очевидна актуальность работы по преодолению этих дефицитов в общей образовательной подготовке учащихся.

Значение результатов сравнительного международного исследования финансовой грамотности учащихся трудно переоценить. Исследование такого уровня позволяет государству в целом и каждому заинтересованному социальному институту, образовательной организации, профессионалу (например, политику, руководителю образования разного уровня, преподавателю, разработчику образовательных программ и ресурсов, специалисту в области оценки качества образования), а также представителю общественности получить надежные сравнительные данные о финансовой грамотности и финансовом образовании молодежи, а именно:

- информацию о сильных и слабых сторонах финансовых знаний и умений молодежи, об опыте их финансовой деятельности, что призвано оказать помощь в разработке более целенаправленных учебных материалов в соответствии с международными стандартами финансовой грамотности, направленных на формирование базовых знаний и умений, а также позитивного отношения к изучению вопросов, связанных с финансовой деятельностью;

- информацию об организации финансового образования в странах мира с разным уровнем финансовой грамотности для принятия обоснованных решений по учету факторов, влияющих на уровень финансовой грамотности (например, организации различных мероприятий в системе образования, компенсирующих недостаточные возможности и доступ к полноценному финансовому образованию);

- информацию, позволяющую выявить лучшие практики, основываясь на рейтинге стран по уровню финансовой грамотности, которые можно использовать в системе повышения квалификации управленческих и педагогических кадров;

- данные, которые можно сопоставлять на разных этапах, с течением времени, что позволит оценивать влияние финансовых инициатив в области образования в школе и выявлять возможности для повышения эффективности финансового образования [9. Р. 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирный банк. Проекты в области анализа и мониторинга сокращения бедности. URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/topic/poverty/overview> (дата обращения: 13.04.2017).

2. Кузина О.Е. Россияне ничего не знают о деньгах //

Информационный бюллетень проекта «Содействие в создании кадрового потенциала учителей, методистов, администраторов образовательных организаций в области финансовой грамотности, а также эффективной инфраструктуры по поддержке их деятельности по распространению финансовой грамотности». 2016. № 1. С. 22-25.

3. Проведение исследования измерения уровня финансовой грамотности. Итоговый отчет по контракту Национального агентства финансовых исследований (ЗАО НАФИ) в рамках проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». М.: Министерство финансов Российской Федерации, 2016.

4. *Лавренова Е.Б.* Концептуальные подходы к формированию культуры грамотного финансового поведения у обучающихся общеобразовательных организаций // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1. № 2 (37). С. 8-21.

5. *Лазебникова А.Ю.* Практическая реализация задачи повышения финансовой грамотности школьников: состояние и проблемы // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1. № 2 (37). С. 22-30.

6. New Vision for Education WEF. Available at: <http://sgaathca.blogspot.ru/2016/03/21st-century-skills.html> (accessed 13 April 2017).

7. *Ковалева Г.С.* Финансовая грамотность как составляющая функциональной грамотности: международный контекст // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1. № 2 (37). С. 31-43.

8. Финансовая грамотность российских учащихся (по результатам международной программы PISA 2012). URL: http://www.centeroko.ru/pisa12/pisa12_pub.htm (дата обращения: 13.04.2017).

9. OECD (2013), PISA 2012 Assessment and Analytical Frameworks: Mathematics, Reading, Science, Problem Solving and Financial Literacy. PISA, OECD Publishing. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264190511-en> (accessed 13 April 2017).

*И.Ю. Синельников
Институт стратегии развития образования РАО,
Москва, Россия.
E-mail: siu1104@yandex.ru*

ВЫЗОВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ И ОБНОВЛЕНИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОРИЕНТИРЫ, РЕАЛИИ, РИСКИ*

Статья посвящена проблеме выработки и внедрения новой стратегии развития образования в информационную эпоху. Обоснована актуальность внедрения компетентностной образовательной парадигмы в современных условиях, обозначены основные ориентиры и результаты внедрения метапредметного подхода в практику обучения, выделены основные позитивные стороны, проблемы, риски и возможные негативные последствия, связанные с внедрением инновации.

Ключевые слова: информационная эпоха, компетентностный подход, метапредметный подход, инновация, школа, проблемы, риски.

Рубеж XX-XXI столетий ознаменовался вступлением человечества в новую фазу развития, нередко называемую «информационной эпохой». Сущность нового этапа заключается в качественном изменении роли знаний и степени влияния новой – открытой – информационной среды на жизнь людей. Новейшие информационно-коммуникационные технологии произвели настоящую революцию в образе жизни людей, реалиях и перспективах их образования и работы, в функционировании и развитии систем государственной власти и гражданского общества,

* Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017-2019 годы (№ 27.6122.2017/БЧ).

став «одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века» [1].

Революционность влияния проявляется не только в том, что информационные технологии серьезно меняют мир на макроуровне – в масштабах мировой экономики и политики, – но и в том, что они существенно меняют жизнь на индивидуальном, микроуровне. Открытая информационная среда в виде глобальной сети интернет, массовое распространение новейших средств связи и доступа к информации открывают перед каждым человеком возможности свободного доступа к различным информационным источникам и ресурсам, открытым площадкам для коммуникации, что многократно увеличивает возможности для удовлетворения индивидуальных потребностей и интересов, для самореализации личности. В этом смысле возникшее и развивающееся информационное общество в своем идеальном воплощении ориентировано на интересы людей, где «каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими...» [2].

Однако помимо широких возможностей открытое информационное пространство таит в себе серьезные угрозы и риски. Основную «группу риска» составляют несовершеннолетние – дети, подростки, юношество. Не обладая умениями критически относиться к содержанию и источникам информации, осознанно «дозировать» ее объемы, оценивать ее потенциальную опасность, корректировать цели и характер осуществляемой деятельности и коммуникации в соответствии с социальными нормами, в массе своей несовершеннолетние не способны противостоять негативному влиянию информационной среды. Не случайно поэтому в мире и в России в последнее время наблюдаются тревожные явления в детско-молодежной среде: рост интернет- и мобильной зависимости, механи-

ческое перенесение «виртуальных», игровых моделей поведения в реальную жизнь, увеличение числа асоциальных и противоправных поступков из-за желания получить одобрение в социальных сетях и др. Особое опасение вызывает рост числа самоубийств из-за их романтизации в СМИ, кинофильмах, клипах и других объектах массовой культуры [3]. В таком контексте открытая информационная среда является важным фактором риска и неустойчивости современного общественного развития, предъявляющим людям (особенно молодым) и социальным институтам (в первую очередь семье и сфере образования) новые требования к имеющимся и формируемым информационным и коммуникативным умениям.

Понимание вызовов и требований времени предполагает выработку «ответных» механизмов: в течение 1990-2000-х годов такие механизмы были предложены. Международный банк реконструкции и развития, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ЮНЕСКО разработали новый подход к качественному изменению образования в современном, динамичном, постоянно меняющемся мире. *Стратегия непрерывного образования для устойчивого развития* переориентировала систему образования на формирование умений, дающих людям «инструменты для противостояния и адаптации к изменениям, происходящим вокруг них». Такими умениями признавались: критическое и творческое мышление, навыки оценки и размышления, владение устной, письменной и графической коммуникацией, навыки взаимодействия, сотрудничества и управления конфликтами, умения планировать, принимать решения и решать проблемы, умения использовать информационно-коммуникационные технологии, навыки гражданского участия и действия [4]. В связи с необходимостью учета потенциальных угроз, связанных с возрастающими объе-

мами информации и огромным количеством ее источников, особое внимание было обращено на важность формирования так называемого критического мышления: оно было признано «ключевым требованием для образования» [5. С. 15].

Предложенные международным сообществом ориентиры и приоритеты развития образования нашли свое отражение в основных документах российской образовательной политики. В программе «Развитие образования» на 2013-2020 гг. на фоне приверженности России основным стратегическим направлениям, реализуемым в мире, было отмечено, что в вопросах реализации программ непрерывного образования (обучение на протяжении всей жизни – *life-long learning*) и формирования школой «компетенций, востребованных в современной социальной жизни и экономике», – российское образование еще существенно отстает и нуждается в изменениях [6. С. 8, 11].

В этой связи важное значение имеют принятые в 2009-2012-х гг. и поэтапно внедряемые федеральные государственные образовательные стандарты общего образования (ФГОС ОО), нацеливающие школу на внедрение компетентностного подхода. Предложенные в российских стандартах в качестве обязательных *«метапредметные результаты»* обучения, несмотря на разницу в терминологии, по сути, обозначают те же группы умений, на формирование которых нацеливает образование стратегия, принятая ЮНЕСКО. Во ФГОС ОО результаты, которые должны достигнуть школьники, предполагают освоение к концу каждого этапа обучения (начальная, основная, средняя школа):

- комплекса межпредметных понятий (их перечень и порядок работы школа определяет самостоятельно);
- комплекса умений или универсальных учебных действий (УУД) – познавательных, регулятивных, коммуни-

кативных (их перечень и порядок работы предложен в Примерных основных образовательных программах).

В конечном счете метапредметные результаты школьников должны отразить, во-первых, уровень освоения ими понятий и умений (УУД), во-вторых, сформированность у них компетенций, в частности способностей «учиться», использовать знания и умения в учебной, познавательной и социальной практике, самостоятельно организовывать учебное сотрудничество со сверстниками и педагогами, владеть навыками учебно-исследовательской, проектной и социальной деятельности, выстраивать индивидуальную образовательную траекторию [7, 8, 9]. Таким образом, в части метапредметных образовательных результатов во ФГОС ОО четко обозначена компетентностная стратегия, предполагающая переход школы от приоритетного решения задач, связанных с трансляцией и освоением определенных объемов информации, к формированию у школьников универсальных способов работы с информацией, навыков коммуникации и владения информационными технологиями.

Как показывает анализ, реалии внедрения в школьную образовательную практику компетентностной стратегии в целом и метапредметного подхода в частности – противоречивы и неоднозначны.

Позитивные сдвиги связаны с постепенным совершенствованием учебно- и организационно-методических условий внедрения инновации в жизнь школы.

Требования стандартов в части формирования познавательных и рефлексивных навыков, читательской грамотности находят все более яркое отражение в вопросах и заданиях современных учебников, в контрольно-измерительных материалах для промежуточной аттестации, в методических материалах для учителей-предметников. Вопросы на проверку уровня читательской

грамотности и познавательных навыков школьников включены в материалы для итоговых экзаменов по ряду предметов (ОГЭ и ЕГЭ по истории, обществознанию и др.). Российские школы все шире вовлекаются в участие в международных сравнительных исследованиях PIRLS и PISA, оценивающих среди прочего уровень читательских и познавательных умений учащихся 4-х и 9-10-х классов. В различных городах и регионах России (Москва, Санкт-Петербург, Ивановская область и др.) центрами оценки качества образования постепенно вводится практика регулярного проведения диагностики уровня сформированности у школьников различных познавательных умений и навыков смыслового чтения.

Однако, как представляется, проблем и недостатков в вопросе внедрения метапредметного подхода в практику школьного обучения значительно больше.

Первый блок проблем связан с недостаточной мотивацией и профессиональной компетентностью школьных учителей.

Как показали исследования, проведенные в 2015-2017 гг. сотрудниками Центра социально-гуманитарного образования Института стратегии развития образования Российской академии образования (ИСРО РАО), большинство педагогов-предметников не стремятся переходить от «традиционных» методов обучения (трансляция знаний, описательность, репродуктивность, монологичность, предметоцентризм) к компетентностным (работа со знаниями, проблемность, активность, диалогичность, междисциплинарность). Проведенные опросы педагогов (более 300 чел.), анализ конспектов уроков (более 250) по предметам социально-гуманитарного цикла зафиксировали следующее: при наличии определенных знаний о сущности метапредметности и особенностях метапредметных результатов подавляющее большинство педагогов испытывает серьезные за-

труднения в вопросах организации деятельности, направленной на формирование у школьников универсальных учебных действий (при отборе учебного материала, при выборе технологий и методик обучения, при определении метапредметных понятий и способов работы с ними и пр.). Иными словами, системная и целенаправленная работа по формированию у школьников комплекса понятий и навыков работы с информацией еще не стала неотъемлемой частью педагогической деятельности [10, 11].

Второй блок проблем связан с низким уровнем сформированных у школьников навыков работы с различными источниками информации, с отсутствием прогресса в овладении этими навыками на протяжении всего периода обучения в школе.

Результаты международных сравнительных исследований PIRLS, PISA с очевидностью свидетельствуют: имея высокий уровень читательских умений в начальных классах (с 2006 года в проекте PIRLS Россия находится в числе стран-лидеров), российские школьники не повышают его в дальнейшем, а к старшей школе в этом компоненте начинают отставать от своих зарубежных сверстников: их уровень оказывается «существенно ниже мировых стандартов» [12. С. 45]. Результаты международных исследований подтверждают данные, полученные в ходе исследования Центра социально-гуманитарного образования ИСРО РАО. По данным тестирования 942 учащихся 5-9 классов из 7 регионов России (2016 г.) были выявлены:

- очень низкий уровень читательской грамотности и познавательных умений (не более 15% правильных ответов в наиболее «успешных» классах);
- отсутствие зависимости между правильностью выполнения заданий и возрастом/классом обучающегося, типом образовательной организации, в которой учится школьник (школа, гимназия, лицей), формой предъявления

информации (текст, инфографика, таблица и др.) [13, 14].

Представляется очевидным, что второй блок проблем обусловлен отсутствием системной и целенаправленной педагогической работы по формированию у школьников навыков работы с различными источниками информации (в данном случае социально-гуманитарного содержания).

Указанные проблемы и недостатки создают «проблемное поле», чреватое возникновением потенциальных угроз – рисков: кратко охарактеризуем наиболее вероятные *риски и их негативные последствия*.

Большую опасность представляет *риск инерционного функционирования школы*. Факторами риска являются инерционность и консерватизм педагогического мышления, слабая внутренняя мотивация педагогов к внедрению инноваций, недостаточная психологическая и профессиональная готовность к качественному изменению содержания педагогической деятельности в сторону компетентного, лично- и проблемно-ориентированного обучения, диалоговой и партнерской стилистики коммуникации и взаимодействия. Негативные последствия этого риска могут проявиться не только в сохранении «традиционной» направленности школьного обучения (трансляция знаний, репродуктивность, иллюстративность, авторитарность), но что гораздо опаснее – в деградации школы как социального института, призванного соответствовать требованиям современной информационной эпохи.

Серьезную потенциальную угрозу представляет *риск функциональной «безграмотности»* учащихся основной и старшей школы России. Основным фактором риска является отсутствие целенаправленной, системной педагогической работы в русле компетентностной образовательной парадигмы, традиционная ориентированность процесса обучения на решение задач, связанных преимущественно с транс-

лящей и репродуктивным освоением определенных объемов и форматов предметной информации, а не способов работы с ней. Негативными последствиями этого риска может стать не только еще большее отставание российских школьников от своих зарубежных сверстников, но главное – несформированность у них жизненно важных компетенций («востребованных в современной социальной жизни и экономике»), позволяющих успешно адаптироваться к вызовам и требованиям времени.

Пути преодоления существующих проблем и потенциальных опасностей видятся в качественном улучшении работы по подготовке и повышению квалификации педагогических кадров, в дальнейшем совершенствовании учебно- и организационно-методических условий внедрения метапредметного подхода в жизнь школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Окинавская хартия глобального информационного общества (22.07.2000). URL: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base218/text218v432i641.htm> (дата обращения: 04.04.2017).

2. Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии: Декларация принципов (2003). URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 05.04.2017).

3. Письмо Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей от 18 января 2016 г. № 07-149 «О направлении методических рекомендаций по профилактике суицида». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71218428/> (дата обращения: 28.03.2017).

4. UNESCO (2005). Education for Sustainable Development – A Transdisciplinary Approach to Education: An Instrument for Action. Information brief. Available at: http://portal.unesco.org/education/en/file_download.php/bbf62dcb22c3c1c1742131c079419cebrief+Transdisciplinary+Nature+of+ESD.pdf (accessed 15 March 2017).

5. UNESCO (2014). Education Strategy 2014-2021. UNESCO, Paris. Available at: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002312/231288e.pdf> (accessed 18 March 2017).

6. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы (утв. Распоряжением Правительства РФ от 15.05.2013 №792-р). URL: http://минобрнауки.рф/документы/3409/файл/2228/13.05.15-Госпрограмма-Развитие_образования_2013-2020.pdf (дата обращения: 08.04.2017).

7. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М., 2009. URL: http://минобрнауки.рф/документы/922/файл/748/ФГОС_НОО.pdf (дата обращения: 07.04.2017).

8. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. М., 2010. URL: http://минобрнауки.рф/документы/938/файл/749/10.12.17-Приказ_1897.pdf (дата обращения: 07.04.2017).

9. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. М., 2012. URL: http://минобрнауки.рф/документы/2365/файл/736/12.05.17-Приказ_413.pdf (дата обращения: 07.04.2017).

10. *Синельников И.Ю.* Готовы ли учителя работать «по-новому»: анализ опыта организации работы с источниками на уроках истории // Преподавание истории в школе. 2016. № 3. С. 36-41.

11. *Суходимцева А.П.* К проблеме развития педагогического мастерства педагога в системе современного образования (в аспекте достижения школьниками метапредметного результата) // Педагогическое образование: становление, структуризация, оптимизация, модернизация и прогноз развития: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 21 апреля 2016 г. [Электронное издание] / Сост. Т.В. Болдовская, под ред. И.Ю. Синельникова, Н.Л. Соколовой. М.: ИСРО РАО, 2016. С. 33-39.

12. *Цукерман Г.А.* Оценка читательской грамотности: Материалы к обсуждению. Презентация и обсуждение первых результатов международной программы PISA-2009. М., 2010.

URL: <https://www.hse.ru/data/2011/02/21/1208561931/PISA2009.pdf>
(дата обращения: 19.03.2017).

13. *Амбарцумова Э.М.* Диагностика достижения метапредметных результатов на уроках географии, экономики, обществознания при работе с источниками географической информации // География в школе. 2016. № 7. С. 31-37.

14. *Коваль Т.В.* О сформированности метапредметных умений учащихся в основной школе: что показала диагностика // Преподавание истории и обществознания в школе. 2017. № 4. С. 34-39.

А.Е. Сотникова
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия.
E-mail: sotnikushka@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье исследуется понятие интеграции и его роль в развитии современного общества. Особое внимание уделяется проблеме проявления интеграции в образовании, определяются основные интегративные тенденции в сфере образования.

Ключевые слова: интеграция, современное образование, социальная интеграция.

«Интеграция – многоаспектное научное понятие, характеризующее глобальные процессы развития окружающего мира во всех формах его проявления: физическом пространстве, психике как особой форме жизни человека, социальной среде как человеческой общности» [1. С. 159]. Ее рассматривают как явление, как процесс, как фактор развития, имеющий поливариативность разрешения.

Существует множество определений понятия «интеграция». Так, авторы словаря «Научно-технический прогресс» определяют интеграцию, противопоставляя ее понятию «дифференциация». Отмечается, что дифференциация приводит к возникновению новых теорий, разделов и отдельных научных дисциплин, изучающих специфические закономерности отдельных классов и явлений, интеграция же способствует установлению взаимосвязи и единства между ними, начиная от установления отдельных законов и заканчивая обобщением междисциплинарных методов, теорий, направлений исследования [2. С. 57].

В современном экономическом словаре под словом «интеграция» понимается объединение экономических субъектов, углубление их взаимодействия, развитие связей между ними [3. С. 57].

В философском энциклопедическом словаре приводится следующее определение – «интеграция – сторона процесса развития, связанная с объединением в целое ранее разнородных частей и элементов. Процессы интеграции могут иметь место как в рамках уже сложившейся системы – в этом случае они ведут к повышению уровня ее целостности и организованности, так и при возникновении новой системы из ранее несвязанных элементов» [4. С. 210].

Разнообразие подходов к определению интеграции обусловлено тем, что она является предметом исследования многих фундаментальных наук: философии, социологии, математики, психологии, биологии, экономики, политологии и других.

Однако особое внимание хотелось бы уделить именно философскому пониманию интеграции и ее места в процессе развития социальных систем, каковыми являются социум и среда жизнедеятельности человека, так как именно философия призвана давать теоретические основы как естественно-научным дисциплинам, так и социально-гуманитарным.

С точки зрения философов, целью любого развития является достижение полноты явления или процесса, то есть целостности. «Неполнота выступает предпосылкой прогресса», а его результатом – «максимальная реализация требования замкнутости» [5. С. 317]. В данных высказываниях прослеживается жесткая феноменологическая взаимосвязь: развитие предполагает интеграцию, оно основано на ней, включает ее как свой фактор и наделяет ее своеобразной функцией являться «выражением тенденции преодолеть полноту» [Там же. С. 316].

Таким образом, интеграция – состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое и процесс по достижению полноты и целостности системы, а также результат, демонстрирующий завершенность развития. При этом интегрированные элементы не являются простой суммой, поскольку интеграция предполагает конвергенцию, комбинацию, смешение, синтез и в конечном счете эмерджентность системы.

Важно отметить, что интеграция рассматривается не в качестве самостоятельного процесса. Ей должны предшествовать определенные предпосылки, а именно: произошедшая дифференциация – сторона процесса развития, связанная с разделением, расчленением развивающегося целого на части, ступени, уровни [6. С. 170]. «Суть интеграции связывают с операциями соединительного плана: «связать», «соединить», «восстановить», «сблизить» элементы, распавшиеся в ходе дифференциации» [7. С. 49]. Ее основой служат механизмы восстановления, которые призваны вновь воссоздать систему, но уже на новом качественном уровне.

Другими словами, «процессы интеграции и дифференциации выражают важную закономерность развития, выступая как две наиболее существенные тенденции единого процесса. Оба процесса имеют как объективные, так и

субъективные основания, которые не только противоположны друг другу, но и взаимообусловлены. Общефилософской основой, позволяющей объяснить процессы дифференциации и интеграции, подвести под них объективное основание и вместе с тем сознательно руководствоваться ими, избегая крайностей, является материалистическая диалектика. Она исходит, как известно, из двух главных положений: 1) из принципа материального единства мира, который предполагает взаимосвязь и взаимозависимость всех явлений и областей действительности, и 2) из принципа качественного своеобразия форм движения материи, законы которых несводимы друг к другу» [8. С. 154].

Таким образом, процесс развития может быть представлен как диалектические отношения между дифференциацией и интеграцией, циклически сменяющих друг друга.

В исторической ретроспективе процессов развития действительно обнаруживается переменное преобладание в различные периоды становления общества тенденций интеграции или дифференциации, не исключаящих при этом друг друга.

Так, известно, что в развитии наук до двадцатого века на первый план выходили процессы дифференциации. Это было обусловлено необходимостью изучать закономерности отдельных областей знания. «Поэтому различные научные дисциплины развивались, как правило, параллельно, вне связи друг с другом. Допуская наличие в природе абсолютно первичных элементов и их простейших взаимодействий, ученые предполагали, что после открытия этих элементов станет возможным свести все области науки в одну на базе знаний, выражающих простейшие межэлементные связи с помощью механических законов. В качестве такой всеобщей синтетической науки рассматривалась классическая механика, а ее разделами

должны были стать механическая химия, механическая биология, социология и т.п.» [Там же].

С двадцатого века в науке процессы интеграции стали доминировать над процессами дифференциации. Эта тенденция прослеживается и сегодня. Появляются новые науки, образующиеся на стыке фундаментальных наук, например, биофизика, биохимия, биоинформатика, бизнес-информатика и т.д. Данный феномен связан «с процессом взаимопроникновения различных наук, объективной основой которого является взаимодействие самих объектов внешнего мира, ибо объекты действительности, которые не связаны, не могут явиться источником интеграционных процессов в познании» [Там же. С. 155].

Определяющая роль интеграции прослеживается и в развитии современных международных отношений, как политических, так и экономических.

Процессы глобализации, связанные с интернационализацией экономики и процесса производства, развитием единой системы мировой связи, изменением и ослаблением функций национальных государств, активизацией деятельности транснациональных негосударственных образований, сформировали глобальные объективно необходимые взаимосвязи между странами и обусловили общие интересы субъектов международной политики – глобальные проблемы современности. Необходимость их разрешения – одна из основ глобальной интеграции мирового сообщества.

Добровольная кооперация государств по достижению общих целей и реализации общих интересов прослеживается в развитии общей политики ЕС, а также в сотрудничестве стран БРИКС, что является яркими примерами многонациональной интеграции.

Также можно наблюдать демократизацию международных отношений. На мировую арену активно выходят

негосударственные участники: например, общественные, общественно-политические организации, международные движения и движения отдельных стран. Международные отношения становятся отныне не только отношениями между государствами, но и между народами. Данные факты тоже можно считать результатами процессов политической и экономической интеграции.

Усиление роли процессов интеграции наблюдается и в социальной сфере жизни общества. Так, сейчас социальная интеграция, являющаяся обязательной составной частью развития любого общества, отличается тем, что стала включать в себя два вида активно растущей интеграции, которые имеют особое значение в современных условиях.

Первым из этих видов интеграции является интеграция мигрантов в принимающие общества — неотъемлемая часть современной жизни. Задачи подобной социокультурной интеграции никогда не стояли так остро, как в настоящее время. Более двухсот стран мира вовлечены в миграционный оборот, миграция стала одним из источников трудовых ресурсов (если учесть, что основным видом миграции выступает миграция трудовая) и мощным двигателем экономики. Проводится активная работа сети национальных координационных центров по интеграции, включающая в себя ежегодное проведение Конференции министров по интеграции и Европейского форума для обмена наилучшим опытом между странами ЕС, издание справочника по интеграции. В качестве наиболее важной задачи, стоящей сегодня перед социокультурной интеграцией, выступает создание условий для конституирования мультикультурной политики и осуществления правовой и межкультурной интеграции.

Другим видом интеграции, которому уделяется особое внимание со стороны аппарата государственного

управления и общественности, является интеграция людей с ограниченными возможностями. Различные общества в разные исторические периоды по-разному пытались решить проблему создания комфортных условий для жизни людей-инвалидов, однако сейчас особенно активно предпринимаются попытки решения этой проблемы: разрабатываются различные программы и мероприятия, проводимые в рамках государственной политики, открываются фонды поддержки людей с ограниченными возможностями, делается попытка адаптировать городскую среду.

Тенденция к превалированию роли процессов интеграции над дифференциацией на различных уровнях не могут не влиять на институт образования, который не только является подсистемой общества наравне с другими рассмотренными, но также может называться основой основ общества. Ввиду этого факта образование не просто идет в ногу с развитием человечества, а опережает его. Именно институт образования одним из первых подвергается влиянию происходящих изменений.

Образование кардинально перестраивается в соответствии с запросами времени и теми процессами, которые происходят в обществе, формируется принципиально новая система передачи и обретения знаний и умений, которые востребованы сегодня и будут востребованы в перспективе [9. С. 3].

Главным требованием современности к образованию является применение компетентного подхода, заключающегося в формировании личности нового типа, имеющей одновременно и широкий кругозор, и глубокую узкопрофессиональную подготовку. Компетенции выступают как сплав предметных знаний, метапредметных навыков и личностных характеристик обученного лица. Прогрессирующая интеграция во всех сферах жизни требует от человека наравне с профессиональной компетенцией и

фундаментальными знаниями ориентации во многих сферах познания и широкого кругозора, что невозможно сделать в рамках одной учебной дисциплины. «Глубокая дифференциация содержания образования не отражает более особенностей развития современного общества и науки, узкая специализация учебных дисциплин формирует фасеточное представление о мире» [Там же. С. 10]. Доминирующим фактором сегодняшнего типа образования является интеграция, которая выражается вслед за интегративными процессами в науке.

Понятие интеграции в образовании охватывает все интегративные процессы, происходящие в системе образования:

- интеграцию образования и рынка труда,
- взаимодействие образования и науки,
- интеграцию системы образования, выражающейся в сотрудничестве образовательных учреждений разного типа,
- установление как внутрипредметных, так и межпредметных связей,
- интеграцию технологий освоения разнопредметных знаний,
- интеграцию и социальную адаптацию детей мигрантов посредством их приобщения к культуре принимающей страны,
- интеграцию и инклюзию детей с особыми образовательными потребностями,
- социальную интеграцию обучающихся [10. С. 81].

Таким образом, в настоящее время развитие мировых общественных отношений неразрывно связано с глобальными интеграционными процессами. Главенствующая роль интеграции при сохранении процессов дифференциации наблюдается во всех сферах общественной жизни и

практически на всех структурных уровнях. Особый интерес вызывают интегративные тенденции в сфере образования, поскольку именно этот институт является основой и костяком общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Масльева С.Н.* Интеграция и инклюзия: парадигмальная характеристика // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 159-165.
2. Научно-технический прогресс: словарь. М., 1987.
3. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М. 1999.
4. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983.
5. *Ильин В.В.* Философия науки. М.: Издательство МГУ, 2003.
6. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1983.
7. *Клепиков В.Н.* Интеграция гуманистических и естественно-математических знаний // Педагогика. 2010. № 4. С. 48-54.
8. *Константинов Ф.В., Марахов В.Г.* Материалистическая диалектика в пяти томах. Т. 2. М.: Мысль, 1982.
9. *Игнатова В.А.* Интеграция и дифференциация как универсальные категории науки и их отражение в теории и практике естественнонаучного образования // Образование и наука. 2013. № 2 (101). С. 3-17.
10. *Полянкина С.Ю.* Понятие интеграции в категориальном аппарате философии образования // Интеграция образования. 2013. № 2. С. 76-82.

СЕКЦИЯ
«ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»

Ю.В. Головки
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: yulia_golovko@mail.ru

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНЫХ СУПЕРСИСТЕМ
П.А. СОРОКИНА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ
ОСНОВА ОБЪЯСНЕНИЯ МИРОВЫХ КРИЗИСОВ

В статье исследуется теория культурных суперсистем П.А. Сорокина как основа его философии истории. Категория культурной суперсистемы рассматривается в качестве важного методологического принципа для исследования кризисных явлений в общественной жизни. Анализируется возможность использования учения Сорокина для объяснения современных тенденций развития общества.

Ключевые слова: культурная суперсистема, культура, ценность, кризис, общество, интегрализм.

Сложность и противоречивость явлений, наблюдаемых в социальной, политической, духовной и экономической сферах общественной жизни, неоднозначность событий, происходящих на наших глазах, не оставляет сомнений в том, что современное общество столкнулось с необходимостью выработки новых подходов к решению глобальных цивилизационных вызовов [1, 2, 3, 4, 5]. За несколько последних десятилетий тема кризиса современного западного общества приобрела невиданный до толе

масштаб, выйдя на первый план как в публицистической, так и в научной и философской литературе.

Проблема кризиса подробно освещается и анализируется с разных сторон, исследуются кризисные явления в различных областях [6]. Так, с 2008 г. особое внимание уделяется мировому экономическому кризису (считающемуся наиболее значительным со времен Великой Депрессии тридцатых годов XX в.), где определяющим фактором называют другой кризис – кризис в финансовой сфере. Не остается без внимания и тема кризиса в международной и внутренней политике, кризиса власти, экологического, демографического кризисов, а также кризисов разного уровня в целом ряде других сфер общественной жизни.

Эта тема приобрела новое звучание на фоне актуальных событий, ранее носивших локальный характер и не игравших значительную роль в формировании общемировых тенденций развития. Так, наиболее актуальными, «новыми» кризисными проявлениями нашего времени можно считать политические события последних лет, такие как резкий рост миграционных процессов и сопровождающие его политические изменения, резкое возрастание уровня террористической угрозы, увеличение числа и масштаба военных столкновений и целый ряд других явлений. Также среди конкретных явлений, свидетельствующих о сложности момента, можно отметить такие опасные тенденции, как увеличение числа конфликтов на религиозной, расовой и национальной почве, возрождение фашистских партий и идеологии, падение нравов, рост преступности.

В социально-философской литературе последних лет все чаще звучит идея углубления антропологического кризиса. «Кризис человеческого в человеке» проявляется в дезинтеграции ценностных установок общества и личности, социальной аномии, потере смысла жизни, нравственной деградации и всеобщем аморализме, безразличии и

утрате жизненных ориентиров, распаде личности, росте самоубийств, повсеместной прагматизации, консьюмеризме и т.д. [7, 8, 9]. Перед человечеством встает все больше вопросов, требующих глубокой и тщательной разработки. Среди них наиболее актуальными являются следующие: причины возникновения негативных тенденций развития общества, природа данных явлений, их содержание и характер, внутренние механизмы и способы регулирования кризисных явлений. Все большую значимость приобретает исследование сущностных характеристик кризисов, предпринимаются попытки определить, носят ли кризисы случайный характер, либо их появление закономерно и предопределено ходом исторических событий. Крайне актуален вопрос о возможности предсказания кризисов и моделирования их развития, а также предвидения их последствий. Бесспорно, значима и разработка перспектив развития социума в кризисной ситуации.

В ходе поиска ответов на поставленные выше вопросы необходимо не только разрабатывать новые теории, но и учитывать те классические подходы, которые легли в основу объяснения ключевых событий прошлого в рамках научной общественной мысли. Так, проблема кризиса нашла свое отражение в целом ряде работ по философии истории. Принято считать, что первым внимание на грозящий западному обществу кризис обратил Г.В.Ф. Гегель («Лекции по философии истории» и иные труды). В творчестве Ф. Ницше (работа «О пользе и вреде истории для жизни» и др.) уже явственно прослеживается тема гибели достояний прошлого, конца человеческого начала культуры. Одна из наиболее известных концепций кризиса культуры разработана О. Шпенглером (историософская работа «Закат Европы»), доказывавшим неизбежность превращения культурного наследия прошлого в безжизненные формы механистической цивилизации. О кризисе и разруше-

нии культуры в результате деятельности буржуазно-мещанского типа личности писал В. Зомбарт. В XX в. к теме кризиса обращались многие западные и отечественные философы, социологи, обществоведы: М. Вебер, Л. Гумплович, Р. Дарендорф, Г. Зиммель, Х. Ортега-и-Гассет, А. Этциони, Т. Парсонс, Э. Фромм, Н. Бердяев.

Нельзя не отметить, что современную социальную теорию кризиса невозможно создать без разработки методологии исследования кризисных явлений в современном обществе. На наш взгляд, крайне важным при анализе кризисных явлений современности представляется обращение к философии истории П.А. Сорокина [10, 11], основой которой является теория социокультурных суперсистем. Сорокин не только объясняет исторический процесс в целом посредством данной теории, но и использует ее в качестве методологической основы исследования современного цивилизационного кризиса.

Исследование кризисных явлений и определение сути явления можно назвать одной из основополагающих тем в философии П.А. Сорокина. Кризис исследуется Сорокиным с разных ракурсов. Сюда входит и нахождение конкретных свидетельств кризисного состояния социума, и всесторонний анализ влияния кризиса на личность и общество, и, что особенно важно, выделение внутренних механизмов кризиса, определение закономерностей и причин его возникновения.

П.А. Сорокин доказывает, что кризис XX века нельзя рассматривать как нечто незначительное, как ряд сменяющих друг друга затруднений в различных областях общественной жизни. Дезорганизационные процессы, войны, революции, политические перевороты, экономические спады, проявления аномии, разрушение традиционных взглядов на семью и брак и целый ряд процессов зачастую воспринимаются как отдельные,

самостоятельные явления. Для Сорокина это всего лишь симптомы единого кризисного процесса, имеющие общие корни. Современный кризис крайне глубок, он представляет собой полную смену ценностного базиса западной культуры.

П.А. Сорокин уверен, что преодолеть неблагоприятные тенденции развития общества возможно лишь опираясь на знание причин кризиса. Внутренний, определяющий кризис фактор Сорокин выводит из своей теории социокультурных суперсистем. В связи с этим историк и теоретик общественной мысли Н.С. Тимашев замечает: «Весьма значительно и убедительно сорокинское построение типов культуры» [12. С. 463]. Он особо подчеркивает, что теория П.А. Сорокин позволяет отыскать истоки кризиса и объяснить ход человеческой истории, где кризисы играют важную роль. Сам Сорокин неоднократно подчеркивал важность своей теории для понимания текущих событий, называя ее «ключом», помогающим открывать двери разнообразных социальных явлений.

Теория культурных суперсистем П.А. Сорокина опирается на положение о существовании в истории человечества обширных систем культурных образований. Сорокин вводит понятия «культурная система» («социокультурная система») и «культурная суперсистема» («социокультурная суперсистема»). Главные социокультурные системы – философия, наука, религия, язык, мораль, право и искусство. Социокультурные суперсистемы значительно шире, они включают в себя системы в качестве элементов. Сущность суперсистемы определяется ценностью, лежащей в ее основе. Именно от характера базисной ценности суперсистемы зависят характеристики и сущностные особенности того или иного социума. В своей наиболее значительной работе, «Социальной и культурной динамике» [13], П.А. Сорокин не только постулирует су-

ществование суперсистем, определяет их сущность, но и выявляет закономерности их развития. Сорокин утверждает, что «...в безграничном океане социокультурных явлений существуют обширные культурные системы, суперсистемы или цивилизации, которые живут и функционируют как действительные объединения. Эти системы не идентичны государству или нации, как правило, они превосходят границы любой социальной системы» [14. Р. 378]. Базисная ценность пронизывает все элементы цивилизации и определяет ее сущность. Сорокин пишет: «Всякая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну и главную ценность» [15. С. 429].

Тщательно анализируя историю развития человечества, Сорокин обнаруживает в ней три вида социокультурных образований, объединенных определенной ценностью. На этом основании он делает вывод о существовании идеациональной, чувственной и идеалистической социокультурных суперсистем. В своем исследовании Сорокин опирается на факты истории Древней Греции, Рима, Индии, Китая, Ближнего Востока, уделяя особое внимание цивилизационным особенностям развития Западной Европы. Весь исторический процесс предстает как чередование периодов главенства той или иной суперсистемы, т.е. того или иного вида ценностей.

Идеациональная (идейная или религиозная) система базируется на сверхчувственном, где в качестве идеала выступает некий возвышенный духовный Абсолют, а все элементы пронизывает стремление к единению с ним. Идеациональная суперсистема может строиться «на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога, как единственной реальности и ценности» [Там же. С. 430].

Нравственные нормы данной системы определяются понятием долга и воспринимаются как абсолютные, безусловные и неизменные. Несмотря на то, что в принципе они могут и не отвергать некоторые утилитарные соображения, в целом они не направлены на увеличение чувственного удовольствия, полезности, счастья. В качестве примеров идеациональных систем можно рассматривать религиозные системы христианства, буддизма, даосизма, иудаизма. В Западной Европе господство идеациональной культуры совпало с утверждением христианских ценностей. Идеациональный тип культуры доминировал с VI по XII вв. Теоцентричность мышления определяла направление развития искусства, философии, науки, формировала нравственные и правовые нормы, устройство экономической и политической систем. В основе принципов идеациональной христианской этики лежит всеобъемлющая и всепрощающая любовь Бога к человеку, человека к Богу, человека к человеку. По мнению П.А. Сорокина, идеациональная культура делает акцент на духовности, возвышая человека. Он пишет, что «невозможно большее прославление или освящение человека, чем то, которым его удостоила идеациональная этика христианства» [Там же. С. 491].

Чувственная суперсистема гедонистична по своей природе. Ее ценности носят утилитаристский характер, определяя направленность общественных норм на достижение чувственного наслаждения. Все, что не отвечает жизненным потребностям, не приносит земных радостей и не отвечает принципам гедонизма, отвергается или, в лучшем случае, признается бесполезным. Чувственная культура рационалистична по своей сути, что влияет на объяснение сути морали, права (они признаются творением человеческого разума). Основные нормы должны лишь обеспечивать сохранение человеческой жизни, охрану собственности и имущества, мира и порядка, благополучие общества.

Поворот от религиозных ценностей Средневековья к рациональному взгляду на мир знаменует собой эпоха Возрождения. Именно в это время в Европе происходит утверждение чувственной суперсистемы. Об этом свидетельствует формирование такого специфического явления, как ренессансный гуманизм. Идеи антропоцентризма, смещение акцента с Бога на человека, зарождение утилитаристских воззрений также свидетельствуют о переходе к новой социокультурной реальности. Распространение рационализма сопровождается стремлением к комфорту, материальному благополучию и богатству. Чувственная суперсистема господствует вплоть до начала XX века.

Третий тип социокультурной суперсистемы – идеалистическая суперсистема – представляет собой синтез двух вышеназванных систем. Сам Сорокин часто называет данную систему интегральной. В ней гармонично сочетается стремление к духовности с рациональным отношением к действительности. Идеалистическая система не отрицает ценности религии, не умаляет веру в высшие духовные ценности, но при этом позволяет человеку наслаждаться повседневными благами. Сорокин отмечает, что идеалистическую суперсистему отличает «бесконечное разнообразие, состоящее из чувственного, рационального и надрационально-сверхчувственного аспектов» [16. С. 37]. Интегральный тип системы встречается в истории достаточно редко. Так, идеалистическая суперсистема преобладала на протяжении всего лишь нескольких веков античной истории (в VI–V веках до н.э). В Западной Европе черты интегрального порядка можно заметить в XIII в.

Вся философия истории Сорокина строится на его теории социокультурных суперсистем, а исторический процесс рассматривается как имеющая закономерный характер смена ценностных базисов, и, следовательно, одна из культурных суперсистем господствует до тех пор, пока

ее ценности сильны в обществе. Исходя из утверждения о преобладании того или иного вида социокультурной суперсистемы в определенный период исторического развития, П.А. Сорокин описывает механизм социокультурных изменений. Данный механизм выводится из присущих всем элементам суперсистемы колебаний – перманентной флуктуации. Флуктуации подвержены как системы в целом, так и составляющие их части общественной жизни: экономическая, политическая системы, социальный порядок, мораль, право, искусство, идеология. Положение о флуктуации Сорокин возводит в ранг важнейшей характеристики исторического процесса, называя его основным законом истории.

Флуктуация осуществляется путем прохождения ряда последовательных стадий. Процесс начинается с дезинтеграции ценностных основ суперсистемы, что приводит к развитию кризисных явлений. В определенный момент кризиса происходит мобилизация сил, что, в свою очередь, влечет за собой утверждение новых ценностей и установление нового социокультурного порядка, т.е. осуществляется переход к новой суперсистеме. Таким образом, переход от одной суперсистемы к другой является неизбежным и закономерным.

Современный кризис, по мнению П.А. Сорокина, свидетельствует о наступлении переходного периода: деградации чувственной системы и подготовке к утверждению нового культурного порядка. К кризису в обществе приводит девальвация ценности, лежащей в основе культурной суперсистемы [17. С. 47]. Конкретные проявления кризиса в виде войн, революций, социальных бедствий, экономических спадов, патологического расслоения общества, пауперизации, социальной аномии, деградации моральных ценностей, роста преступности, суицидальных наклонностей, наркомании и алкоголизма лишь свидетель-

ствуют о дезинтеграции чувственной суперсистемы. Сорокин пишет: «Так это было во все великие переходные периоды от одного базисного социокультурного строя до другого; и так это происходит в настоящем столетии. Заметная дезинтеграция чувственного порядка возбудила взрывы первой и второй мировых войн, множество малых войн, кровопролитнейших революций, мятежей, преступлений и насилия в их наихудших формах» [18. С. 30].

Если мы обратимся к нашей недавней истории, мы обнаружим явные признаки кризиса основополагающих ценностей нашего общества. С точки зрения П.А. Сорокина, точно так же как ценность, образующая основу суперсистемы, влияет на культуру и мораль, изменения в области культуры и нравственности могут помочь «продлить жизнь» или, наоборот, прекратить существование господствующей суперсистемы.

Как уже отмечалось ранее, особенностью современных кризисных явлений является их глобальный и системный характер. Почти во всех областях человеческой деятельности можно найти проявления кризиса (экономические спады, падении темпов экономического роста и финансовые колебания, усилении социального неравенства как внутри общества, так и между различными странами; политическая напряженность в мире, этнические конфликты и войны). Все это, на наш взгляд, может рассматриваться как свидетельство распада ценностей чувственной системы.

Ведущую роль в преодолении кризиса Сорокин отводит интегральному подходу [19]. Он утверждает, что интегрированная система обладает наибольшей устойчивостью, что, в свою очередь, является залогом стабильности. Внутренне интегрированный социум более сбалансирован и менее подвержен кризисам. Кроме того, интеграция способствует большей резистентности по от-

ношению к неблагоприятному воздействию извне. В качестве главного решения проблемы кризиса П.А. Сорокин рассматривает интеграцию ценностей как социокультурной основы общества.

Подводя итог, еще раз отметим, что философия истории П.А. Сорокина может быть использована для разработки методологии исследования кризисных явлений и поиска выхода из кризиса. Целый ряд явлений свидетельствует о снижении значимости ценностей чувственной цивилизации и возрастании роли духовного. По целому ряду прогнозов к середине XXI века духовное развитие мира, где основу будут составлять базовые характеристики идеациональной суперсистемы, приобретет решающее значение для судеб мира. Несмотря на то, что Россия столкнулась с гипертрофированными видами и формами кризиса, особенно важным представляется тот факт, что духовно-нравственный фактор в нашей стране всегда имел особую значимость, превалируя над прагматическими ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркова Э.В. Экофилософская картина мира в проблемном поле современного познания // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2016. № 4 (88). С. 180-186.

2. Волобуев А.В. Становление и развитие религиозного фундаментализма: социально-философские аспекты // Гуманитарный вестник. 2016. № 11 (49).

3. Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Вызов Аполлона и образовательный потенциал общества // Гуманитарный вестник. 2016. № 4 (42).

4. Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А., Удовик В.Е. Информационное общество и формирование новой эпистемологической парадигмы современной науки. М., 2013.

5. *Vasyakin B.S., Ivleva M.I., Pozharskaya E.L., Shcherbakova O.I.* A Study of the Organizational Culture at a Higher Education Institution (Case Study: Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 18. С. 11515-11528.

6. *Анатомия кризисов* // А.Д. Арманд, Д.И. Люри, В.В. Жерихин и др. М.: Наука, 1999.

7. *Баграмянц Н.Л., Ивлева М.Л.* Проблемы и перспективы современного профессионального образования как динамичной системы // Известия МГТУ «МАМИ». 2012. Т. 1. № 1. С. 340-345.

8. *Гусейнов Ф.И.* Введение в философию Габриэля Марселя // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 29-34.

9. *Кавинова И.П., Кобзева Е.Ю.* Влияние интернета на современное общество // Гуманитарный вестник. 2015. № 8 (34).

10. *Головко Ю.В.* Концепция морально-политического кризиса П.А. Сорокина. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2003.

11. *Головко Э.П.* Теория конвергенции Питирима Сорокина // Вестник Московского университета. Серия 2: «Химия». 1973. № 1.

12. *Тимашев Н.С.* Научное наследие П.А. Сорокина // Социологос. Социология. Антропология. Метафизика. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991.

13. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Института, 2000.

14. *Sorokin P.* Sociological Theories of Today. N.Y.& London, 1966.

15. *Сорокин П.А.* Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.

16. *Сорокин П.А.* Социологические теории современности. М.: ИНИОН, 1992.

17. *Головко Ю.В.* Концепция культурных суперсистем П.А. Сорокина и современные тенденции развития общества // Вестник института мировых цивилизаций. 2017. № 15. Т. 1. С. 43-48.

18. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Институт социологии РАН, 1993.

19. *Головки Ю.В.* Идеиные истоки формирования интегрального подхода к рассмотрению общества в философии П.А. Сорокина // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. № 4 (22). Т. 5. С. 76-79.

20. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А.* Когнитивная революция как фактор становления новой эпистемологической парадигмы и методологии исследования знания в современной науке // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 6. № 1 (15). С. 91-99.

М.М. Догужиева
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: aniramd@list.ru

ПОСТМОДЕРНИЗМ В МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ: ИГРА СТОИТ СВЕЧ?

Статья посвящена анализу возможностей использования постмодернистской методологии в историческом познании. По мнению автора, несмотря на связанные с постмодернизмом мировоззренческие проблемы и трудности адаптации, ее применение позволит значительно расширить и обогатить историческую науку.

Ключевые слова: постмодернизм, методология, историография, конструционизм.

Среди актуальных проблем философии истории не последнее место занимают вопросы методологии. В советское время исторические науки руководствовались единственно возможной тогда методологией – марксистско-

ленинской, которая при всех ее эвристических возможностях стала идеологическим «прокрустовым ложем» для исторической мысли. Казалось бы, в условиях современного информационного плюрализма перед историками открываются поистине безграничные перспективы в использовании любых исследовательских стратегий, мировоззренческих парадигм, «метапаттернов» (термин П.К. Гречко, предложенный в работе «Концептуальные модели истории» еще в 1995 г.). Но процесс творческого освоения новых теоретических и методологических подходов сталкивается с инерцией традиционного линейного схематизма в историческом познании и с ограничениями, накладываемыми принятыми «цеховыми стандартами». Определенную роль здесь играет и недостаточное знакомство профессиональных историков с возможностями современной философской методологии [1], и давление социально-политического заказа (с обязательным обращением к «духовным скрепам» и прочим консервативным ценностям).

Особенно сильное сопротивление историков встретило – еще на исходе XX века – распространение идей постмодернизма [2, 3, 4], не случайно воспринятого как «вызов» (слово, фигурирующее во многих аналитических статьях). Яростные дискуссии развернулись и на Западе, и в российском научном сообществе – с полным спектром реакций (напомнивших ситуацию в средневековой схоластике XIII века, открывшей для себя Аристотеля): от безусловной поддержки до категорического отрицания. Считается, что победила некая «средняя позиция» [5. С. 124], пытающаяся нейтрализовать опасные крайности постмодернистского дискурса и сохранить при этом его творческий потенциал.

Одной из главных причин столь резкой реакции на постмодернистскую парадигму явилось фактическое

уничтожение ею традиционного предмета исторической науки – независимого от сознания ученых объективного исторического процесса, имевшего место в прошлом. *Историей* всегда называлось и это самое онтологическое «прошлое», и та «картина прошлого», которую мы имеем «здесь и теперь», – точнее, множество различных «картин» – вариантов изображения этого единственного «прошлого». Очевидно, что претензии каждого из этих вариантов на «объективную историческую истину» всегда сталкиваются с невозможностью 100%-ной верификации. Однако в случае с постмодернизмом ситуация усугубляется отсутствием оригинала (внешней исторической реальности как референта), что автоматически «уравнивает» все варианты истории и лишает эту увлекательную науку необходимого фундамента. Но одновременно такая ситуация обеспечивает историкам невероятную свободу в поиске своего места в духовной жизни современного общества – свободу конструировать свой предмет с учетом актуальных потребностей социума и отдельных личностей, имеющих более широкую временную ориентацию, чем большинство его членов. Безграничные возможности «постмодерного конструкционизма» (термин П.К. Гречко) проанализированы в соответствующей статье [6]. (В этой связи нельзя не отметить значительную роль профессора П.К. Гречко в легализации постмодернистского дискурса в нашей стране, хотя он и считал российский постмодернизм «периферийным», справедливо полагая, что во многих отношениях мы по-прежнему находимся на уровне «традиционного общества» [7].)

Отмеченные П.К. Гречко децентрированность, фрагментарность, симулятивность и деконструктивизм, органически присущие постмодернизму, находят непосредственное проявление в исторической методологии – в

виде горизонтального плюрализма концепций (даже с учетом неизбежного наличия идеологической «властной вертикали»), продуктивных комбинаций макро- и микроистории, отстоявшей свое место под «солнцем» альтернативной истории, растущего привлечения контекстуальных объяснений в дополнение к каузальным [5. С. 552] и т.д. Разумеется, во многих случаях историки еще настороженно относятся к «сумасшедшим идеям» постмодернистов, не желая для своей любимой науки участи «бедной родственницы», мечущейся между идеологией и литературой. Однако движение в сторону методологической и мировоззренческой свободы (скорее напоминающее дрейф) обнаруживает себя в самых неожиданных аспектах.

В качестве интересного примера можно привести исследование Л.Р. Хут [8], которая несколько лет назад проанализировала названия около семидесяти вполне серьезных современных историографических текстов, принадлежащих как маститым историкам, так и рядовым служащим Клио. Они оказались довольно далеки от стандартов традиционно понимаемой «строгой научности»: достаточно привести здесь лишь несколько – «Странная тюрьма исторической необходимости» (Л.М. Баткин), «Вперед, к Геродоту!» (М.А. Бойцов), «История России в мелкий горошек» (Д.М. Володихин), «Хватит убивать кошек!» (Н.Е. Копосов), «Клио на распутье» (Ю.М. Лотман), «Смертельные судороги или родовые муки?» (А.И. Филюшкин), «Битвы за храм Мнемозины» (С.А. Экштут). Эти заглавия, напоминающие произведения массовой литературы (вплоть до «дамских детективов» Дарьи Донцовой!), явно свидетельствуют не только о стремлении авторов привлечь внимание читателей – что вполне оправдано в условиях рыночной конкуренции. Л.Р. Хут приходит к выводу о том, что границы между текстами по истории, являющимися научной литературой, и текстами беллетристическими, т.е.

художественной литературой, постепенно стираются, что происходит «стремительное сближение исторического и литературного дискурсов» [Там же. С. 133]. (Это прямо перекликается с замечанием американского патриарха постмодернистской историографии Х. Уайта о том, что столетиями историки только и делали, что *«рассказывали некую историю»*, а не просто «сообщали то, что нашли в архивах о том, что случилось в прошлом» [9. С. 344].) Даже сам термин «историописание», все активнее используемый вместо привычной «историографии», предстает в этом контексте не просто переводом на русский: по мнению автора, его отличает некоторая «размытость и необязательность», балансирование на грани «учености и искусства» [Там же]. Это, безусловно, является шагом в направлении настоящего творческого деконструктивизма, расширяющего поле исследования и разрушающего междисциплинарные границы.

Несмотря на постепенное признание историками возможностей постмодернистской методологии, остается слишком много проблем и трудностей с ее практическим использованием [10, 11, 12, 13]. По-прежнему актуальна констатация начала XXI века – «адекватного ответа на постмодернистский вызов пока не найдено» [14. С. 70]. Остается выразить надежду, что совместная работа историков, философов и других представителей гуманитарного знания, поднимет уровень «постмодернистской игры» до высокого статуса гуманитарного дискурса будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Володихин Д.М.* «Тяжелое дело – писать легко...». Адресат высказываний современного российского историка // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 343-352.
2. *Бузская О.М.* Экология коммуникаций. О ценностях XXI. Saarbrucken, 2015.

3. *Догужиева М.М.* Философия постмодернизма: опыт популярного изложения // Гуманитарный вестник. 2013. № 4 (6).
4. *Чистякова О.В.* Человек в медиатизирующемся мире постсовременности: антропологические смыслы и социальные следствия // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2-1 (26). С. 90-98.
5. *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XIX-XX вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.
6. *Гречко П.К.* Постмодерный конструкционизм // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Том VII. Вып. 1-2. М.: Изд-во Независимого института гражданского общества, 2015. С. 25-42.
7. *Гречко П.К.* Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 166-177.
8. *Хут Л.Р.* «Поэтика заглавий» как отражение дискурсивных практик современного историописания // Терминология исторической науки. Историописание. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 115-133.
9. Интервью с Хейденом Уайтом // Диалог со временем. 2005. Вып. 14. С. 335-346.
10. Основные проблемы философской теории. Пособие для подготовки к семинарским занятиям / Авт. колл.: Бушуева В.В. и др. М., 2014.
11. *Губанов Н.Н., Губанов Н.И.* Вызов Аполлона и образовательный потенциал общества // Гуманитарный вестник. 2016. № 4 (42).
12. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А.* Эволюция концепций компьютерной репрезентации знания и эпистемологического содержания искусственного интеллекта // Известия МГТУ «МАМИ». 2012. Т. 3.
13. *Vasyakin B.S., Ivleva M.I., Pozharskaya E.L., Shcherbakova O.I.* A Study of the Organizational Culture at a Higher Education Institution (Case Study: Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 18. С. 11515-11528.

14. *Филлюшкин А.И.* «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // *Топос.* № 3. Минск: Пропилей, 2000. С. 65-78.
15. *Головко Ю.В.* Есть ли будущее у альтруизма и амитологии? // *Лесной вестник. Forestry Bulletin.* 2006. № 7. С. 117-122.
16. *Гусейнов Ф.И.* Метафизика телесности в творчестве Габриэля Марселя // *Социально-гуманитарные знания.* 2015. № 8. С. 161-172.
17. *Замараева Е.И.* Современная культурная политика России в контексте евразийских идей // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2015. № 4. С. 61-66.
18. *Ивлева М.Л.* Научный этап развития психологической концепции одаренности. Тенденции, направления, подходы. М., 2012.
19. *Ivlev V., Bargamyants M., Selyutin A.* The Methodological Role of Categories of Chance, Necessity and Possibility of Scientific Knowledge // *Известия МГТУ «МАМИ».* 2008. № 1. С. 250-254.

Г.В. Жданова
Московский технологический университет,
Москва, Россия.
E-mail: super.scientist2012@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ЕВРАЗИЙСТВА

В статье рассматриваются основные идеи философии истории евразийства. Автор показывает истоки евразийской философии истории. Анализируется основной исторический метод евразийства.

Ключевые слова: евразийство, философия истории, русская эмиграция, исторический метод, Евразия, культура.

В русской эмиграции послеоктябрьского периода в связи с осознанием утраты родины и стремлением вер-

нуться в Россию возникли новые идейно-политические течения, получившие в историко-философской литературе название «пореволюционных». Одним из таких течений было евразийство.

Среди отечественных исследований, рассматривающих евразийское течение, можно отметить, главным образом, две тенденции в определении времени возникновения этого течения. Ряд авторов (В.Я. Пашенко, С.М. Половинкин, Л.В. Пономарева, А.И. Соболев и др.) связывают эту дату с опубликованием в 1920 году в Софии книги князя Н.С. Трубецкого под названием «Европа и человечество». В ней еще не упоминается термин «евразийство», отсутствует специфически евразийский анализ социально-политических процессов в России, не сообщается о способах преобразования российского общества, нет ничего конкретного относительно стран и народов. Тем не менее книга закладывает методологию новой концепции, формулируются принципы и модели социально-исторического исследования, применимые не к отдельным странам, а к отношениям культур и цивилизаций. Другую точку зрения разделяет большинство российских исследователей (среди них М.Г. Вандалковская, И.В. Виленга, Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская, Н.И. Толстой, Р.А. Урханова и др.). По их мнению, дату возникновения евразийства следует сдвинуть на год позже, связывая ее, таким образом, с появлением в августе 1921 года в Софии коллективного труда основоположников нового идейного течения общественно-политической мысли под общим названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». И сам термин «евразийство», и основы нетрадиционного акцента в анализе исторического развития России, выразившегося в самом названии сборника, новые проекты преобразования России – все это содержалось в сборнике, поэтому и эта точка зрения представляется аргументированной.

Название течения происходит от географического наименования континента «Евразия». Это название было предложено Петром Савицким и связано со стремлением евразийцев объяснить историческое и культурное своеобразие, особый путь России, исходя из особенностей ее «местоположения» и «месторазвития». «Россия занимает основное пространство земель «Евразия», – тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляет скорее некоторый третий и самостоятельный материк – имеет не только географическое значение. Поскольку мы приписываем понятиям «Европы» и «Азии» также некоторое культурно-историческое содержание, мыслим, как нечто конкретное круг «европейских» и азиатско-азиатских культур, обозначение «Евразии» приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики» [1. С. 6].

Евразийское видение истории и места России в ней представляет особый интерес для исследователей. Фактически все исследования, рассматривающие феномен евразийского течения, затрагивают философию истории евразийства. Ряд публикаций посвящен собственно исторической проблематике евразийства.

Исследователи отмечают различные идейно-теоретические истоки евразийской историософии. Большинство из них склоняются к тому, что корни историософских взглядов евразийцев лежат в отечественной историософской традиции.

В.В. Кожин отмечает, что евразийская концепция «явилась, с одной стороны, итогом всего развития русской историографии в XIX – начале XX века, развития, которое создало возможность широкого и многостороннего взгляда на тысячелетний путь России, а с другой стороны, была подготовлена духовной работой крупнейших творцов историософии (то есть философии истории) – от Чаадаева и Тютчева... до К. Леонтьева и Н. Федорова» [2. С. 278].

По мнению И.Н. Сиземской, «историософские воззрения евразийцев своими корнями уходят в сциентистские направления русской философско-исторической мысли, акцентирующие внимание на объективных – природных и этнографических основаниях исторического процесса, точнее на выявлении связи их с определенными такими типами обществ в их историческом движении. П.Н. Савицкий называл свою систему взглядов геософией, подчеркивая, что является восприемником идей Н.Я. Данилевского» [3. С. 27].

Ряд авторов выделяет две основные тенденции развития евразийской исторической мысли: метафизическую (Л.П. Карсавин) и позитивистскую (Г.В. Вернадский, С.Г. Пушкарев). Однако, на наш взгляд, евразийство – относительно единое течение, сильное своим синтетизмом. В качестве наиболее существенного элемента историзма евразийства можно, прежде всего, отметить многоходовую комбинацию. Таким образом, мнение о различных тенденциях евразийской историософии является спорным. Столь однозначная оценка в отношении мировоззрения Вернадского не отражает всей сложности развития его философских взглядов. В частности, сформулированный Вернадским закон соотношения исторического времени и географического пространства, а также его периодизация евразийской истории несут на себе явное внимание к теории идеальных типов, что позволяет говорить о наличии в его методологии элементов неокантианства. Что же касается историософской мысли Л.П. Карсавина, то здесь следует отметить, что это была не тенденция, а специализация. Таким образом, мнение о различных тенденциях евразийской философии истории является спорным.

Основным методом евразийской философии истории является «вживание историка в процесс», «сопереживание историческому процессу». «Понимание» для евра-

зийцев – это «реальное проникновение» в иной душевный мир, нацеленный на объективность познания, имплицитно содержащей установку на «невмешательство» субъективного мира историка в психическую жизнь личности. История попадает в ряд «наук о духе» благодаря наличию в деятельности психологического компонента целеполагания. На этом основании любая социальная деятельность объявлена евразийскими историками социально-психической деятельностью. Выяснение «социально-психического» содержания различных сфер жизни общества становится обязательным условием постижения исторической истины. В евразийской историографии фактически предвосхищен один из принципов современной медиевистики – понять историческую эпоху в свойственных ей категориях сознания.

Риккертанская процедура отнесения к ценности в евразийстве лишается гносеологической функции обоснования достоверности знания и сближается с оценкой как субъективно-психологическим актом. Деятельность оценочная выводится за пределы познавательной. Эта общеметодологическая позиция обусловила оформление евразийской историографии.

Евразийская философия истории неразрывно связана с принципами культурологического анализа, применяемыми евразийцами в их исследованиях. Чисто теоретические проблемы философии истории интересовали евразийцев в меньшей степени, чем конкретные изыскания в области русской культуры. Утверждение цивилизационного единства и своеобразия России базируется на философско-исторической концепции локальных культурных организмов, в евразийской формулировке: «принципе полицентризма культур». В одной из статей евразийцев из архива П. Савицкого (авторство не установлено) говорится о том, что задача истории состоит не «в стремлении к аб-

страктному единому, а в проявлении, в разные времена и разными народами, всех тех сторон, которые лежат виртуально в идее человечества» [4].

Принципиальная новизна евразийского подхода заключается в том, что в качестве предмета своего рассмотрения евразийцы взяли не историю отдельной национально-государственной общности, а процесс развития Евразии как той социально-природной целостности, на фоне которой только и может быть правильно понято специфически-историческое место каждого народа. Рассматривая историю России в рамках Евразии, евразийцы дополнили ее, введя новый элемент – категорию «месторазвитие», которая выявляет, что пространство, на котором развивается история и культура человечества, также принадлежит истории, как и народ. Таким образом, в качестве системообразующего фактора вводится пространственная координата, которой евразийцы придают не менее важную роль, чем времени в историческом исследовании. На этой основе П.Н. Савицким, в частности, был предложен новый класс наук с приставкой «гео-» – геополитика, геософия, геолингвистика и т.п. Это позволяет рассматривать евразийство как одно из оригинальных и продуктивных течений русской мысли.

Другая заслуга евразийцев, согласно взглядам отечественных авторов, заключается в том, что они были первыми русскими историками, которые поставили проблему многонационального государства. Народы азиатской России, благодаря евразийскому рассмотрению русской истории сквозь призму взаимоотношений Руси и Востока, восточных славян и туранцев, «леса» и «степи», были осознаны в качестве активных субъектов истории. Достоинством исторической концепции евразийцев является отрицание ими так называемой «лестницы культур», когда в качестве критерия прогресса выступает степень развития техники и материальной культуры. Культуры, согласно ев-

разийцам, следует рассматривать в горизонтальной плоскости, когда каждая из них развивается самостоятельно, уникально и независимо. Евразийская концепция призвала учитывать опыт всех существующих цивилизаций, а не только западной, таким образом, евразийская концепция имеет положительное значение для осознания связи русской культуры с азиатским миром. Следующим достоинством историософской модели евразийцев, вытекающим из предыдущего, является их попытка преодолеть противостояние «западников» и «славянофилов». Они искали, и в ряде случаев действительно находили, «серединную» позицию в решении этой проблемы. Пафос их концепции связан с утверждением равноценности культур. Особого внимания заслуживает введение понятия «Евразия», во многом прояснившее проблему отношения России к Западу и Востоку, в результате чего усложнялась утвердившаяся двучленная картина мира «Запад-Восток», появлялся третий компонент – Россия как особая цивилизационная общность.

В целом евразийскую философию истории следует рассматривать как органичное звено в развитии российской философии истории XX столетия. Исследователи оценивают евразийство как значительную историософскую школу, заметно выделяющуюся среди других движений эмигрантской мысли «по серьезности исследования российской истории, по глубине проникновения в этнические и духовные истоки русской культуры, по силе прозрения в грядущие пути отечества» [5. С. 8]. Философия истории евразийцев обогатила науку введением новых терминов и категорий, позволила выявить особенности российского исторического процесса, показать важную роль в нем азиатского фактора, раскрыть своеобразие российской цивилизации. Евразийская доктрина – это попытка переосмысления прошлого и настоящего России, новое прочтение российской истории. В основе ее лежит обоснование раз-

вития национальных основ российского общества. Выдвинутые евразийской философией истории положения всегда находились в компетенции философии истории: идея о решающем влиянии социокультурных факторов на общественную жизнь и развитие общественных систем, идея равноценности культур и связанных с ними культурно-исторических типов цивилизаций. Эти вопросы и сегодня не утратили своего смысла и значимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Савицкий П.Н.* Евразийство // Евразийский временник. Берлин, 1925. Сб. 4.
2. *Кожин В.* Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1997.
3. *Сиземская И.Н.* Евразийство: за и против, вчера и сегодня / Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1995. № 6.
4. ЦГАОР. Ф. П.Н. Савицкого 5783. Ед. хр. 262. Ст. «Личное, национальное, общечеловеческое». Л. 1.
5. *Ключников С.* Русский узел евразийства. М., 1997.

И.П. Кавинова
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: irinark@bk.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФЕНОМЕНА ВНУШЕНИЯ И САМОВНУШЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В статье раскрывается специфика проявления феномена внушения и самовнушения в общественной жизни от древности до

наших дней. Особое внимание уделяется раскрытию особенностей манипулирования словом как инструментом воздействия на психику человека в социуме. Также рассматривается предложенная В.М. Бехтеревым и А.Л. Чижевским концепция «психических эпидемий», согласно которой процессы внушения и самовнушения, проявляющиеся на уровне общества, активно воздействуют на ход исторического процесса и потому должны изучаться философией истории.

Ключевые слова: внушение, самовнушение, «психическая эпидемия», гипноз, интернет-зависимость.

В начале прошлого века выдающийся русский психиатр (и на тот момент директор клиники душевных болезней) В.М. Бехтерев читал будущим военврачам Военно-Медицинской Академии в Санкт-Петербурге лекции на тему: «Внушение и его роль в общественной жизни». Сегодня, когда минуло уже более ста лет с момента начатого Бехтеревым разговора о существовании «психических эпидемий» в общественной жизни, становится очевидным, что изучение обозначенной им проблемы далеко еще не окончено.

«Психическая заразительность», проявляющаяся в обществе в форме различных маний (например, тюльпаномания в Голландии XVIII в., радиомания 1924-25-х годов и др.), эпидемий (например, эпидемии самоубийств, эпидемии антисемитизма, эпидемия массового увлечения идеей Х-лучей среди европейских физиков в 1903-1904 гг., после открытия, сделанного Рентгеном) и даже пандемий (например, гонение на ведьм в средневековой Европе), имеет как свои положительные, так и опасно отрицательные стороны. Если тюльпаномания в Голландии породила новую выгодную отрасль в экономике небольшой страны, а радиомания первой половины прошлого века, благодаря фанатизму радиолобителей, спасла ни одну жизнь посылавшим сигналы SOS, то мания социальной, национальной, расовой исклю-

чительности вылилась в такие формы «вождизма» в обществах XX в., как культ Б. Муссолини в Италии, А. Гитлера в Германии, И.В. Сталина в СССР. Суицидальные эпидемии унесли жизни тысячи жизней, а гонение на ведьм и их «атрибуты» – черных кошек, привели к распространению крыс в средневековых городах, нарушению равновесия городских экосистем, и, как следствие, – к чумной пандемии XIV в., сократившей население Европы на треть.

В.М. Бехтерев заострял внимание, прежде всего, на процессах внушения и самовнушения, являющихся базой для возникновения общественных маний. «Внушение служит важным фактором нашей общественной жизни и должно быть предметом изучения не одних только врачей, но вообще всех лиц, изучающих условия общественной жизни и законы ее проявления», – писал он и уточнял: «...микробы ...психической заразы хотя и не видимы под микроскопом, но, тем не менее, подобно настоящим физическим микробам действуют везде и всюду и передаются через слова, жесты, и движения окружающих лиц, через книги, газеты и проч., словом, где бы мы не находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными» [1. С. 3-5]. Бехтереву вторил А.Л. Чижевский, исследовавший влияние солнечной энергии (гелиотараксия) на органику Земли и отмечавший всплески «психических эпидемий» в периоды наибольшей активности Солнца [2]. Он писал: «Вся интеллектуальная и социальная жизнь человеческих сообществ проходит под знаком эпидемий. Эпидемия – не исключение, а общее правило, почти не имеющее исключений... Психическая эпидемия с течением времени переходит в другую форму массовых умственных движений – эпидемию психопатическую» [Там же. С. 350]. По классификации Чижевского, психические эпидемии в социуме можно

разделить на военные, революционные и политические, религиозные и религиозно-исторические, нервно-психические, истеро-сексуальные, эпидемическое распространение идей, психопатические [2]. Переработав огромный архивный исторический материал, Чижевский не только проследил ритмику солнцевлияния на всплески массовых движений на протяжении известной нам человеческой истории на Западе и Востоке, но обратил внимание на то, как могут поменяться местами идея и породивший ее «хозяин» – человек, «когда не общественное мнение движет идею, а идея приводит в движение огромные человеческие массы, помыкая ими» [Там же. С. 352-353]. В частности, он в разрез с настроениями 30-х годов XX в. отмечал, что «эпидемии коллективных убийств» проявляют себя в трех сферах – военной, политической и религиозной, что является следствием «тирании абстрактной идеи». Также для ученого было очевидно, что как затяжные войны в средневековой Европе, так революции и гражданские войны начала XX в. – это события одного порядка, являющиеся коллективными психозами, перерастающими в страшные болезненные формы коллективных психопатий, носящих эпидемический характер (от антисемитских погромов на Украине в 1919 г. до бесконечных процессов против «врагов народа» в сталинскую эпоху, от которых пострадал и сам Чижевский) [2]. Недавно опубликованная В.А. Нехамкиным статья о доносительстве в СССР в 1930-ые годы прошлого века – яркое подтверждение «тирании идеи» на примере печального исторического опыта наших соотечественников. Данное исследование также обнаруживает неисчерпаемость поля изучения философами истории темы разнообразного проявления общественных маний и методов борьбы с этим социальным недугом [3].

Хорошо известно, что эффект внушения, который используется в техниках гипноза и трансформируется в

эффект самовнушения, прежде всего опасен лишением свободы воли, или «зомбированием» человека. Не случайно З. Фрейд в начале XX в. отказался от гипнотерапии в пользу психоанализа, понимая, что психотерапевтический эффект сильнее проявляет себя при *сохранении целостности личности*, чем при ее разрушении во время гипноза [4]. В.М. Бехтерев, в отличие от З. Фрейда, считал возможным сохранение целостности (тождественности самой себе) личности даже под гипнозом, он экспериментально доказывал (!), «что даже в гипнозе личность не вполне устраняется, она только потухает в известной мере и, встречая внушение, противное убеждению, противодействует ему в той или другой мере» [1. С. 13]. Таким образом, есть две точки зрения на внушение, но в целом вопрос о противодействии человека внушению остается открытым.

Кратко обозначенные состояния общественных массовых психопатий – не пустая абстракция, опасность внушений и самовнушений в современных социумах сохраняется. Терроризм сегодня стал страшной реальностью общественной жизни всего человечества. Террористический акт – это холодный расчет одних и полное «зомбирование» других людей через умелое использование (сочетание) эффектов внушения и самовнушения.

Не следует забывать также *об особой роли слова* в нынешнем глобализированном мире, который во многом выступает в форме *текстовой реальности* – интернет, массмедиа и др. [5, 6, 7]. Современный человек привыкает общаться не естественно – «глаза в глаза», а почти магически – «текст – на текст». Древние цивилизации (Египет, Вавилония, Древняя Индия, Древний Китай) существовали в системе магических смыслов: например, египтянин первого тысячелетия до н.э. мог носить талисманы с заговорами, не будучи грамотным, но при этом твердо веря в «защитную силу» слова. Вера в отпущение грехов через

выкупленные папские индульгенции привела к массовым психозам в Европе XVI в., и, в конечном итоге, – к пересмотру основ самой церкви (возникновению альтернативы католичеству в форме лютеранства).

Сегодня *слово* лечит, и слово «убивает буквально» (о чем предупреждал военврачей Бехтерев еще в 1903 г.). Можно внушить целому народу абсурдную идею о враждебности России, как это сейчас происходит на Украине, через словоблудство в средствах массовой информации, откровенную ложь в социальных сетях и прочими способами с использованием техник внушения и самовнушения. Можно настроить, как музыкальный инструмент, человека на совершение ритуального суицида в виде террористического акта, сделав из него «живую бомбу». Можно сыграть на настроениях толпы, разыгрывая карту нестабильности общества, собрав людей на несанкционированный митинг. Таких примеров проявления «психической заразы» достаточно много, опасность в современном мире также представляет скученность людей на территории мегаполисов, что усиливает эффект манипулирования человеком в «толпе».

В суицидологии неоднократно описывается «заразительность» самоагрессии через печатное *слово*, приводящая к «психическим эпидемиям» самоубийств. Например, в начале прошлого века массовый суицид в России спровоцировало широко освещаемое в печати самоубийство поэта Сергея Есенина (парадоксально, но, сыграв такую роль, оно до сих пор считается не полностью доказанным фактом). Выдающийся русский юрист и общественный деятель А.Ф. Кони справедливо осуждал писателя Льва Толстого за излишне выразительное завершение романа «Анна Каренина», которое может выступить провокатором суицидальных настроений в обществе. *Слово*, ставшее зрительным образом, обладает еще большим воздействием на психику человека. «Великий немой», т.е. кинематограф,

уже на заре своего развития столкнулся с проблемой подражательности зрителя поведению героев мелодраматических сюжетов. «Массовое искусство» открыло «ящик Пандоры», обнаружив эффект заразительности убийств, самоубийств, других видов агрессии, переносимых зрителем с экрана в реальную жизнь (например, суициды с использованием фосфорных спичек в начале прошлого века были очевидным следствием подобных опасных «копий»). Конечно, в наше время вариантов воздействия на человека со стороны технических средств в качестве *искусных манипуляторов слова* увеличилось во много раз. Например, разнообразные формы интернет-аддикции (зависимости) также можно и, как мне представляется, должно рассматривать как варианты внушения и самовнушения теперь уже через «экранное» слово. Психическую эпидемию могут породить сайты суицидальной направленности, «игра» в лайки с неустойчивой психикой молодых людей, использование интернета различного рода радикалами, графоманами, недобросовестными политиками [8].

Если поставить ребром вопрос, что можно противопоставить «психической заразе», приходящей к нам, по словам Бехтерева, всегда не с «парадной двери», а с «заднего крыльца» при ослаблении нашего внимания и контроля за собственным поведением (так называемый «рекламный эффект» рассеянного внимания), то ответ не будет однозначным [1. С. 18]. Можно, как это все чаще делают современные родители, на какое-то время в период взросления ребенка ослабить его контакты с современной техникой (исключить использование компьютера, планшета, телевидения и т.д.), однако обратной стороной медали подобной «изоляции» является стремление к «запретному плоду», который, как известно, «сладок». Можно попытаться целенаправленно избавлять интернет от грозящих жизни и здоровью человека сайтов, и подобные програм-

мы, проводимые на государственном уровне, становятся знаком современной эпохи, однако эффективность подобных усилий тонет в *софистической игре словами*, когда поменявший «вывеску» сайт, как таракан, выживает при любых обстоятельствах. Еще один способ – это воспитание в самом человеке защитной реакции на «зомбирование» в социальных сетях, на копирование поведения выдуманных героев, «курс» на правильную ориентацию в «проблемной ситуации» (яркий пример такого стиля поведения – американская школьная педагогика, разработанная Дж. Дьюи в 1930-х гг.). Однако и этот способ не дает полной гарантии защиты от разного вида внушений, бытующих в обществе, – от рекламы до политических технологий.

Подводя итоги, можно сказать, что в исторической перспективе феномены внушения и самовнушения в общественной жизни – это настоящий «вызов» современному человечеству, которое должно научиться давать на этот вызов вполне адекватный ответ. Нет сомнения, что проблема внушения и самовнушения в общественной жизни выступает как *важная составляющая философии истории*, нуждаясь в более тщательной и глубокой проработке современными историками и философами, социологами и социальными психологами, т.е. требует междисциплинарного подхода в исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Изд. К.Л. Риккера, 1903.
2. *Чижевский А.Л.* Космический пульс жизни. Земля в объятиях солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995.
3. *Нехамкин В.А.* Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7. № 2. С. 63-79.

4. *Фрейд З.* Психоанализ и русская мысль. М.: Республика, 1994.
5. *Бузский М.П.* Формирование инновационных ориентаций в российском обществе: объективное и субъективное // Образование и культура в контексте формирования общероссийской идентичности. Материалы научно-практической конференции, посвященной международному дню философии. 2014. С. 41-44.
6. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А.* Эволюция концепций компьютерной репрезентации знания и эпистемологического содержания искусственного интеллекта // Известия МГТУ «МАМИ». 2012. Т. 3. № 2. С. 294-298.
7. *Vasyakin B.S., Ivleva M.I., Pozharskaya E.L., Shcherbakova O.I.* A Study of the Organizational Culture at a Higher Education Institution (Case Study: Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 18. С. 11515-11528.
8. *Кавинова И.П., Кобзева Е.Ю.* Влияние интернета на современное общество // Гуманитарный вестник. 2015. № 8 (34).
9. *Андреев А.Л., Курилов С.Н.* Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 214-216.
10. *Баграмянц М.Л.* Формирование психологической концепции одаренности. Теоретико-историческое исследование. М., МАМИ, 2008.
11. История и философия науки / Авт. колл.: Бушуева В.В. и др. М., 2015.
12. *Ивлева М.И.* О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции / Авт. колл.: Арефьева И.А. и др. М., 2016. С. 64-66.
13. *Кузина Е.С.* Повседневное знание в контексте постнеклассического образования // Социология образования. 2016. № 7. С. 34-40.

14. *Ореховская Н.А.* Эволюция массового сознания россиян. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Краснодарская академия МВД РФ. М., 2011.

15. *Черногорцева Г.В.* Категории философии и науки в постижении мира и человека // Гуманитарный вестник. 2015. № 9 (35).

16. *Chistyakova O.* Media Myth Influence on «Other» Culture Formation in Russian Society (in the Context of External Migration) // Научный альманах стран Причерноморья. 2015. № 1 (1). С. 59-64.

С.Н. Курилов
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: kurilov85@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ В СВЕТЕ КОНСЕРВАТИВНО-ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

В статье раскрывается специфика трактовки русской истории с позиций консервативно-либерального синтеза. Рассмотрена проблема социального идеала в работах мыслителей либерально-консервативной традиции второй половины XIX – первой половины XX вв. Дан анализ трансформации либеральных и консервативных идей в русской социально-философской мысли, которая обусловлена спецификой русской истории.

Ключевые слова: консервативный либерализм, либеральный консерватизм, либерализм, консерватизм, личность, общество, социальный идеал, социокультурная традиция.

Философское осмысление русской истории невозможно представить без двух наиболее влиятельных концепций в современном идеологическом пространстве: кон-

серватизма и либерализма. Эти подходы обусловлены наличием двух базовых элементов социального бытия и развития – творческой личности и социокультурных традиций и норм, олицетворением которых является общество и государство. Ключевой идеей либерализма выступает свобода личности во всех смыслах этого слова, центральным положением консерватизма – идея сохранения историко-культурных традиций общественного и государственного устройства.

В Россию либеральные идеи проникли вскоре после их появления и теоретического оформления на Западе в XVIII столетии в результате петровских реформ. «Однако объяснить причины появления свободомыслия в Российской империи только заимствованиями из западноевропейского источника, было бы не совсем корректным и не отвечало бы исторической правде. Интеллектуальная традиция либерализма возникла во многом благодаря определенным условиям развития русской культуры и цивилизации, похожих во многом на путь стран Западной Европы, вследствие чего и возможно было вхождение нашей страны в общеевропейскую стадию развития с подчинением ее законам» [1. С. 13].

В период екатерининского правления либерализм стал модным среди мыслящих людей, хотя выбор этого курса был не сознательным, и, скорее, зависел от самой императрицы, ее жизнелюбивого характера и веселого нрава. Будучи воспитанной в духе европейских ценностей и реалий, она довольно быстро и целенаправленно освоила русскую самобытность и была яркой представительницей того охранительного начала, коим всегда в России выступало государство, власть. Оставаясь на словах и в переписке либералкой, на деле она являлась консерватором, опираясь более на традицию, чем на закон. Екатерина II, наверное, первая в нашей стране представительница идей-

ного синтеза консерватизма и либерализма в классическом виде – либеральном консерватизме. Взгляды императрицы были действительно во многом либеральными, что выразилось в определенной культурной и бытовой свободе ее эпохи, но действия ее как правительницы характеризуют ее как консерватора (опора на дворянство, сохранение крепостного права, пресечение вольнодумства и т.д.).

В своих истоках русский либерализм уже был слит с консерватизмом, и «просвещенный абсолютизм» – первая форма подобного синтеза, присутствующая пока не в общественном сознании, но на уровне взглядов творческой элиты той эпохи. Благодаря проводившейся культурной политике появилась целая плеяда таких выдающихся умов, как князь П.А. Вяземский, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, разделявших, так или иначе, консервативно-либеральные взгляды.

Важнейшей задачей философии истории выступает проблематизация социокультурного идеала, который в свою очередь формулируется на базе концептуального осмысления общественного развития страны, этноса, нации [2, 3, 4, 5]. Консервативно-либеральный подход дает возможность увидеть умственным взором этот идеал и прошлое в свете указанных теорий. Трактовки истории всегда идеологичны, уйти от этого при всем желании ни одному исследователю не удастся. Любая дискуссия о том или ином событии в СМИ, на научных конференциях, симпозиумах и даже на уровне бытового спора при фактологическом «отжати» сводится к этим двум позициям или их различным вариациям.

Если говорить о максимально объективном взгляде на русскую историю, то необходимо конвергировать эти подходы, сближать их идейно. Сегодня понятно, что любая идейная установка в чистом виде не объясняет всей полноты социальных процессов и не может сформулировать тот

идеал, который был бы наиболее приемлем. Очевидно, что эти концепции необходимо использовать взаимодополняющим образом, применять их к анализу тех или иных фактов, исходя из полноты имеющихся позиций. Один из самых ярких, проблематичных историсофских «споров» – полемика о роли в истории личности и народных масс. Кто из них является движущей силой общественного развития? Ответ возможно найти на стыке этих теорий, на синтезе материала, в котором есть подтверждающие факты в пользу и первой, и второй концепции.

В своем классическом виде консервативный либерализм оформился в работах мыслителей пореформенного периода: К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. В литературе, посвященной анализу трудов этих мыслителей, чаще всего принято их взгляды обозначать термином *либеральный консерватизм*. В данном случае мы не делаем принципиального разграничения между понятиями *консервативный либерализм* и *либеральный консерватизм*, однако уместно отметить, что эти концепции отличаются друг от друга определенными акцентами. Обращаясь к истокам либеральных реформ в «Крестьянском вопросе» (1881), К.Д. Кавелин утверждал, что «у нас консерваторы – народные массы, а историческое движение испокон века сосредотачивалось в верхних наслоениях русского общества» [6. С. 422]. Заслугой Б.Н. Чичерина была критика «торопливых» либералов, которые хотят как можно скорее осуществить конституционные преобразования, перенося на российскую почву «скороспелые» западные идеи, не оглядываясь на культурную и социальную специфику. Показывая различные типы либерализма на уровне обыденного мировоззрения, Чичерин дал актуальную по сей день классификацию «модусов» его бытия, вполне отражающую и объясняющую политические события последних лет и в современной России. Обосновывая концепцию либераль-

ного консерватизма, мыслитель анализировал соотношение таких категорий, как *свобода*, *власть* и *закон* с целью показать возможность гармонического взаимодействия двух оснований общественной жизни – социально-государственного и свободно-личностного. По его мнению, свобода должна мыслиться двояко: как внутренняя и как внешняя, свобода в духе, совести человека и свобода, обеспечиваемая правом. Сам феномен свободы онтологически сопряжен с нравственным законом, основанным на долге личности перед обществом, и ответственность диалектически подразумевает свободу. «Осознание долга не ограничивается умственной сферой; оно охватывает все существо человека, который имеет и чувства, побуждающие его действовать на пользу ближних. Основное нравственное чувство есть любовь. Нравственный закон есть закон любви, а любовь не вынуждается: она составляет явление свободной души человека» [7. С. 25].

В истории России монарх держал в своих руках государствообразующие нити, спланирующие людей в единое целое, выступал гарантией социальной стабильности, и характерными особенностями своей либерально-охранительной концепции Б.Н. Чичерин называет сочетание сильной власти, либеральных мер и духовно-нравственного совершенствования человека. Возможность либерального обновления общества он видит в мировоззренческих, внутриличностных трансформациях людей.

Довольно схожего принципа придерживался последователь Чичерина, яркий представитель идеологии либерального консерватизма первых десятилетий XX в. П.Б. Струве. Его политическое кредо выражалось в формуле одновременной необходимости для России политически сильной власти и охраняемой государством свободы лица, индивида. Если афористически выразить формулу либерального консерватизма Струве, которая

могла бы стать сущностью истинного патриотизма для наших современников, то это – единство двух святынь: *новой жизни и старой мощи*, на основании которых творилась и создавалась российская цивилизация. Основные положения концепции П.Б. Струве обозначали проблемы общественного развития России, а в самом либеральном консерватизме (синтезе «трезвого» консерватизма и «твердого» либерализма) он и его единомышленники видели единственный путь выхода из того идеологического, духовного и политического кризиса, который охватил Россию в начале XX в.

Мощь государства обусловлена «тем духом, который общество вносит в свое отношение к государству» [8. С. 153]. Дух, враждебный государству, узнается в непонимании его органической природы как целостности, которая во имя культурных ориентиров подчиняет жизнь народа правовой дисциплине, а дух государственной дисциплины чужд русской революционной интеллигенции.

В переломные моменты истории граждане России нуждаются в авторитете права, в напоминании о важности самой правовой *идеи*. Конструирование и полноценное функционирование права в обществе связано напрямую с осознанием со стороны государственно-властного начала того, что для каждого человека должны быть созданы условия достойного существования. Решение проблем социального вопроса и политической стабильности будет зависеть именно от этого, а не от формального декларирования кодексов и законов.

Один из ярких представителей философии «Серебряного века» С.Л. Франк, «питаясь» идеями П.Б. Струве, полагал, что русская социально-философская и общественно-политическая мысль столкнулась с двоякой проблемой: с одной стороны – приведение в порядок государственной власти, ограничение ее нормами права и

ориентации на потребности и желания народа, с другой – освобождение личности от диктата идеологии и тотального господства государства над человеком. Осуществление этих задач возможно через философское и практическое преодоление радикальности как либерализма, так и консерватизма, взятых в отрыве от живых процессов общественной жизни.

Ключевая идея политической философии Франка: личность и ее свобода неприкосновенны, т.к. укоренены в собственном, автономном бытии, которое и является основой государственной жизни. В одной из первых своих статей «Государство и личность», посвященной политической тематике, философ объясняет, что «наиболее полное раскрытие правового потенциала личности возможно только в ситуации гармонического равновесия государственной силы и свободы индивида» [9. С. 16]. В свою очередь, это равновесие обеспечивается наличием инстанции, находящейся над государством и человеком, функция которой заключается в конституционном обеспечении либеральных ценностей и которая ориентирована на ограничение государственной силы самим законом. Законность же коренится в морально-правовом аспекте общественного сознания, санкционирующего правоустанавливающие ограничения, реализуемые государством.

В статье «Философские предпосылки деспотизма» [10. С. 117], написанной Франком в 1907 г., комплексно обосновывается свобода личности как единственное средство на пути к социальному идеалу, игнорирование которого любым политическим режимом и строем приводит к бесчеловечной политике. Основная мысль работы состоит в том, что феномен деспотизма имеет не только политические истоки, но коренится в психологии и менталитете людей. Тиран претендует на монополию в обладании абсолютной истиной о том, как должны жить и мыслить люди,

возвышаясь до уровня земного бога. Он якобы думает о судьбах людей в их же интересах, что по факту выступает издевательством над душами и жизнью собственных соотечественников.

Философия консервативного либерализма проливает свет на множество «больных», проблемных мест в понимании исторического процесса и социокультурного идеала нашей страны. Этот подход позволяет уйти от крайних, радикальных установок и обратиться к концептуальному осмыслению тех или иных событий, деятельности исторических личностей. Логика этой концепции с опорой на принцип меры не дает «скатиться» в пропасть бессмысленных споров, дискуссий, в ситуации которых никто никого не слышит.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Курилов С.Н.* Концепция консервативного либерализма в социальной философии С.Л. Франка: монография. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2016.
2. *Курилов С.Н.* Философия консервативного либерализма как учение о единстве социокультурных традиций и творчества личности // Гуманитарный вестник. 2016. № 4 (42).
3. *Лебедев К.С., Нехамкин В.А.* Русская национальная идея в глобализирующемся мире: перспективы эволюции // Гуманитарный вестник. 2015. № 12 (38).
4. *Баркова Э.В.* Экофилософская картина мира в проблемном поле современного познания // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2016. № 4 (88). С. 180-186.
5. *Курилов С.Н.* Проблема личности, общества и государства в социальной философии С.Л. Франка // Соловьевские исследования. 2015. № 4 (48). С. 117-123.
6. *Кавелин К.Д.* Крестьянский вопрос // Собрание сочинений К.Д. Кавелина. В 4 т. Т. 2. СПб., Тип. М.М. Стасюлевича, 1898.

7. *Чичерин Б.Н.* Общее государственное право. М.: Зерцало, 2006.
8. *Струве П.Б.* Великая Россия. Кн. 2. М.: Изд-во В.П. Рябушинского, 1911.
9. *Франк С.Л.* Государство и личность. По поводу 40-летия судебных уставов Александра II. (Новый путь, ноябрь 1904) // Непрочитанное: Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 15-24.
10. *Франк С.Л.* Философские предпосылки деспотизма // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 114-130.
11. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л.* Границы влияния московской и киевской культурно-философских традиций в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 2 (20). С. 95-99.
12. *Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Иноземцев В.А.* Основные культурно-философские предпосылки формирования логики как философской дисциплины в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 127-132.
13. *Ивлева М.И.* Ценностный аспект корпоративной культуры // Аксиология культуры в контексте вызовов современного мира. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 47-53.
14. *Ореховский А.В.* Теоретико-методологический анализ понятия «толерантность» в отечественном гуманитарном познании и его практическое значение // Гуманитарный вестник. 2014. № 2 (16).
15. *Пусько В.С.* Философия богатства и бедности в современной России // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 1 (55). С. 15-20.
16. *Черногорцева Г.В.* Категории философии и науки в постижении мира и человека // Гуманитарный вестник. 2015. № 9 (35).
17. *Чистякова О.В.* Общество и религия в постсекулярную эпоху: теоретические подходы и эмпирическое взаимодействие // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2016. № 2. С. 43-51.

18. Социальное образование в современном российском обществе / Колл. авт.: Анисимов К.Г. и др. Барнаул, 2015.

19. *Orehovskaya N.A.* Problems of Youth Unemployment in Russia // Differences, Inequalities and Sociological Imagination: View from Russia. Papers of Russian Sociologists for the 12th Conference of the European Sociological Association. M., 2015. С. 311-315.

Т.П. Малькова
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: t.p.malkova@yandex.ru

МАССЫ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ: ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

В статье рассмотрен историко-социальный аспект феномена массы (народных масс), массового сознания, массовой культуры. Дана трактовка массового сознания в эпоху информационного общества.

Ключевые слова: массы, народные массы, массовое сознание, массовая культура, субъект культуры, манипулирование сознанием, ресентимент.

Полноценное понимание современного общества и культуры заставляет обратиться к анализу важнейшего субъекта исторического процесса, носителя и творца культуры, каковым являются массы. Они – объект исследова-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Философско-методологические и естественнонаучные основания современных биологических и экологических концепций», № 16-23-01004.

ния разных социально-гуманитарных наук, в том числе и философии истории. Начиная с античных времен массы упоминались в трудах Фукидида, Платона, Аристотеля, Плутарха, Тита Ливия, Гая Светония Транквилла, Полибия и других историков, философов, социальных теоретиков. Мыслители ставили вопросы: что приводит массы в движение? Как взаимодействуют личность и народ? Какова связь индивидуального и массового сознания, поведения? Подобные проблемы не могли не волновать интеллектуальную элиту. В эпоху Просвещения в философии истории термины «массы», «массовое сознание» приобрели статус официальных понятий. Массы, массовое сознание, массовая культура в информационном обществе требуют специального историко-социального исследования, поскольку их функционирование и проблемы, связанные с их ролью в мире, приобрели глобальное значение.

Мировая культура есть совокупность деятельной активности многоликого коллективного субъекта. Субъектом-творцом выступает личность, группа, элита, народные массы. Особенностью реалий XIX-XX веков явилась массовость социальных процессов, охватившая все сферы жизни: экономику, управление, досуг, общение. Активная роль «сотен и сотен» людей в мировом процессе не могла остаться незамеченной. Социальной реальностью стал сформировавшийся новый субъект – народные массы. В XXI веке при переходе к информационному обществу, «экранной» культуре, анализ массы, массового сознания становится весьма актуальным. В любой ипостаси субъект социального творчества полимодален, поскольку вступает в отношения в многообразных сферах деятельности, без которых немислимо его существование. Он многомерен и полифункционален, находится в развитии.

Роль народных масс начала активно обсуждаться в трудах ученых в эпоху «экономики дымных труб». Напом-

ним полемику К. Маркса и Ф. Энгельса с братьями Бауэрами в «Святом семействе» (1844). Бауэры утверждали, что историю делают личности, роль народных масс в истории ничтожна, их деятельность, как правило, приводит общество к деструкции, поражению в решении насущных проблем. Массы виделись Бауэрами «тормозом истории». Маркс и Энгельс первыми рассмотрели роль народных масс с положительной точки зрения. По их мнению, народные массы, движимые экономическими интересами, подталкивают общество к революционным изменениям. Народ – двигатель социального процесса [1. С. 3-230]. Марксом и Энгельсом была сформулирована закономерность повышения творческой роли и роста объема народных масс в общественном развитии. Народные массы были представлены как субъект значимого социального действия. Это предполагало не только общий, но и «послойный» анализ структуры народных масс, выявление реальной роли различных компонентов народных масс, поскольку массы не являются монолитным образованием.

Последователи Маркса отмечали положительные характеристики народных масс. Массы – создатели материальной жизни, непосредственные участники способа производства, носители менталитета, языка, мышления, традиций, поведения [2]. Наряду с марксизмом, в XIX веке в русской и западной социально-философской, исторической литературе появилась устойчивая традиция рассматривать народ, массы в качестве толпы, противопоставляя их личности и интеллектуальному меньшинству – элите. Популярностью пользовались труды Н.К. Михайловского «Герои и толпа» (1882), Г. Лебона «Психология народов и масс» (1896), С. Сигле «Преступная толпа» (1881), Г. Тарда «Личность и толпа» (1903) и др. Суть изложенной в данных работах позиции сводилась, как правило, к отождествлению массы с толпой. Народ несет отрицательные

социальные тенденции, легко «заражается» агрессией. Массы невежественны, лишены идей, не способны к рефлексии. Народу нужен пассионарный, авторитетный «вожак» или просвещенная элита, способная управлять им.

В первой половине XX века глубокий анализ массы, массового сознания и культуры был дан испанским теоретиком Х. Ортега-и-Гассетом [3. С. 135-152]. Он отмечал, что массы внезапно стали видны, они расположились в местах, излюбленных «обществом», они вышли на авансцену, к самой рампе, на места действующих лиц. «Герои исчезли, остался хор». Причину выдвигания масс Ортега видел в низком качестве культуры, цивилизации. Принадлежность к массе рассматривалась им как социальный и психологический признак, ибо человек массы чувствует себя «точь-в-точь» как все остальные. Американский теоретик Д. Белл в работе «Конец идеологии» проанализировал используемые в литературе определения «массы». Стремясь уяснить значение этого термина, Д. Белл выделил основные дефиниции и характеристики: «массы как тождественное себе множество», массы конформны, «питаются» информацией, поставляемой средствами массовой коммуникации. Белл считал массы «синонимом невежественности», «носителями технической функции». В массе человек утрачивает индивидуальность, становясь придатком техники. Поскольку социальные решения принимаются наверху, люди лишаются инициативы, теряют самоуважение. Массы, по мнению Белла, предстают воплощением стереотипности, суммой «стандартных посредственностей». Человек, утрачивая уникальность, приобретает черты «стада» [4. Р. 21-23].

Масса как особый тип «стада» (толпа) – еще один важный, распространенный объект философско-исторического осмысления в XX веке. Толпа имеет социально-исторические и психологические особенности, кото-

рые рассматривались В. Бехтеревым, В. Вундтом, Г. Лебонном, Г. Тардом, З. Фрейдом и др. Люди в толпе обладают особым состоянием психики, подвержены социальному психозу. Толпа не рассуждает, а повинуетя страстям. Человек в толпе – варвар, опускающийся по ступеням цивилизации. Признаками «человека массы» являются: снижение интеллекта и отсутствие личной социальной ответственности, преобладание эмоций, страстей. В итоге массы не рефлексируют, не осмысливают действия.

Историю формирования феномена массы, начиная с трудов античных авторов до работ теоретиков XX века, проследила М. Хевеши [5]. Очевидно, что многие ученые рассматривали массы как атрибут индустриального, а впоследствии – и постиндустриального общества. Именно в этот исторический период встает вопрос, какими средствами воздействовать и как управлять толпой, чтобы получить планируемые реакции массового сознания, деятельности, поведения. Возникла потребность в выработке и апробации методов воздействия на массы. Ведущая роль в этом процессе была отведена средствам массовой информации – радио, а затем и телевидению. Оправдали себя искусственно создаваемые и тиражируемые мифологемы и имиджи, языковые стандарты, стереотипные матрицы мышления, поведения. В постиндустриальной цивилизации сформировалась инфосфера, которая действует по типу фабрики по производству стереотипных объектов. Средства массовой коммуникации «штампуют» информацию и «вкладывают» ее в миллионы голов так же, как конвейеры выпускают мебель для миллионов квартир и домов. Стандартные, произведенные массовым способом, «факты» поступают от «производителей» идей к миллионам потребителей. Население просто включает техническое устройство и использует готовую массмедиа продукцию. Массы лишаются статуса социальных творцов, их удел –

быть потребителями и носителями шаблонов, упрощенных матриц массовой культуры. Массовая культура производит специфические ценности, рассчитанные именно на их массовое усвоение и реализацию в поведении. Она вошла в повседневное бытие миллиардов людей, формируя их потребности, ценности и идеалы, стандарты поведения. «Жить и быть как все» – мечта человека массы. Распространение стереотипов культуры в постиндустриальной цивилизации связано с увеличением времени досуга и потребностью его заполнения, отсюда – рост сферы услуг и индустрии развлечений. Массовая культура помогает снять стрессы с перегруженного работой и информацией человека. Но следует подчеркнуть и скрываемую от публики сверхзадачу: формирование личности, поддающейся манипулированию.

В XXI веке в эпоху компьютеризации, информатизации массы существенно изменились, стали более образованными, информированными, они чаще задумываются о последствиях своих действий и поведения. Информационные технологии позволяют мгновенно распространять социально значимую информацию. Формируется «глобальное сообщество», о котором предупреждал американский теоретик Г. Лассуэлл [6. Р. 518-523]. Интернет, использование гаджетов нового поколения дали возможность пользователям персонально идентифицировать свои интересы с группой, высказать свою позицию и объединить близких людей в сообщество. Сторонники глобализма оптимистически оценивают ресурсы интернета, так как с его внедрением в жизнь людей манипулирование массами затрудняется, поскольку у индивида становится больше возможностей осознанно идентифицировать себя с сообществом. Но остается опасность создания оптимально отлаженного механизма влияния на «одномерного» человека. Неразвитый в личностном плане индивид может воспри-

нимать чуждые ценности как свои, если они преподнесены в привлекательной и демократической «упаковке». Американские теоретики, специалисты по пропагандистским кампаниям Э. Бернайс, братья А. и Э. Ли, У. Липман и др. предостерегали в прошлом веке, что арсенал средств обработки массового сознания расширяется, становится изощренным (имиджмейкинг, пиар, реклама). Например, PR-специалист создает «событие», выступая режиссером и поставщиком новостей, сенсаций [7]. В XXI веке появляются огромные возможности создания массовых симулякров, овладевающих сознанием людей на базе новых информационных технологий. Сферами внедрения симулякров в сознание становятся экономика, политика, мораль.

В России интерес к проблеме масс и соответствующего сознания возрос с 90-х годов XX века. Отметим труды Агеева В.С., Дилигенского Г.Г., Дубинина И.И., Зелинского С.А., Скворцова Л.В. и др. Зелинский, отразив специфику воздействия на массы современных технических средств и новых технологий, ввел понятие «сублиминальный менеджмент» [8]. Современное население рассматривается как массмедиа аудитория, представляющая собой миллионы «лузеров», способы воздействия на которых дают устойчивые эффекты подчинения «Я» массовым стереотипам, за счет повторения, суггестии, дробления информации. Эффектами такого «просчитанного» влияния становятся немотивированные поступки, заразительная агрессивность. В четвертой главе книги «Группа, толпа, массы. Механизмы воздействия» Зелинский отметил законы функционирования толпы (массы): толпа лишена традиций и живет настоящим; быстро заражается, отзываясь на манипуляции; она безответственна и воинственна; уважает силу и авторитет лидера.

Напомним, что еще Ф. Ницше в работе «К генеалогии морали» описал феномен «ресентимента» – ущербной

агрессивности, негодования, озлобленности, поиска врага, виновного в неудачах, как отдельного человека, так и в провалившихся проектах общества, государства в целом [9. С. 424]. Отечественные исследователи обратили внимание на тот факт, что в настоящее время сложился «русский ресентимент», который имеет ярко выраженный агрессивный характер и подогревается официальными средствами массовой информации [10]. Теоретики отмечают, что исторически сложившаяся современная «экранная» культура фактически сломала книжный «линейный код». Вбрасываемые информационные бриф-структуры, утрачивают логику передачи событий, мешают осмыслению полноты и целостности информации. Непонимание усиливает недовольство, агрессию. Странники гуманизма считают, что нельзя оправдать обман, стремление манипулировать сознанием через «зомбоящик», так как теряется высшая человеческая ценность – свобода воли, выбора, действия. Российский ученый А. Пионтковский отмечает негативные последствия «трансформации психосферы общества в целом» [11. С. 395]. Приверженцы технологий манипулирования сознанием настаивают, что незаметное управление массами гуманно, ибо идет во благо общества. Под «телевизионным наркозом» народ спокоен. Противники этой позиции сравнивают манипуляцию сознанием населения с реализацией одного «из глубинных архетипов русского национального подсознания» – с путником, сладко засыпающим «в метель в теплом сугробе. Только теперь это современный, начиненный наноинфополиттехнологиями сугроб» [Там же. С. 292]. Американский психолог К. Рапай в своих работах утверждает, что у человека сохранился «рептильный мозг», содержащий коды культуры на бессознательном уровне (бессознательные архетипы). Выявление этих кодов-матриц поможет сформировать новое маркетинговое мышление, создать генерацию успешных

менеджеров, способных выявить и активизировать врожденные матрицы, созвучные внедряемым массам экономической, политической и пр. информацией, фактически подчиняя людей своей воле [12].

Выскажем еще одно соображение. Исторически массы менялись. Следует признать, что массы стратифицированы, в них есть различные слои, в том числе, – слои образованных, информационно продвинутых людей, владеющих новейшими техническими достижениями. Американский педагог Р.Т. Кийосаки в книге «Богатый папа, бедный папа» констатировал, что в современном информационном обществе информация (знания) в новейших отраслях науки сменяется каждые восемнадцать месяцев, причем процесс ускоряется. Получается, что усваиваемая в университете информация, в течение срока обучения три-четыре раза обновляется и не гарантирует оптимального функционирования индивиду, ибо через полтора года после окончания вуза превращается в «отстой». Кийосаки предлагает специально обучать личность мобильному мышлению, чтобы не потеряться в инновационном мире [13]. Образованные массы должны понимать преимущества нового типа мышления, уметь противостоять навязываемым стереотипам.

Появившееся поколение «айфонов» и «фейсбуков», даже если оно составляет примерно 20% населения, оказывает влияние на общую массу людей, способно, как буксир, вытянуть малоподвижную «баржу» массового сознания на современный уровень. Молодые интеллектуалы быстрее понимают и оценивают технологии манипулирования и зомбирования. Компьютерная революция требует от идеологов и политиков резкого перевоплощения, учета исторических, социальных, психологических реалий компьютерного поколения [14. С. 141-144]. В противном случае, конфликт «власть – народ», «элита – массы» может

оказаться неконтролируемым и непредсказуемым. Свидетельство тому – всякого рода «флешмоб» акции, молниеносно собирающиеся и распадающиеся протестные сообщества. Человек интернет-массы, какой-нибудь «условный навальный», может в короткий срок сломать сложившиеся стереотипы массового сознания, ярко и аргументировано вбросив информацию и призыв к действию в своем блоге, ЖЖ, Instagram. Современные массы более разнообразны, в них разрастается слой интернет-пользователей, объединенных особым типом коммуникации. Такой человек «толпы» вполне осознает свое решение и сознательно примыкает к действиям собравшейся массы людей, протестующей по какому-либо волнующему их поводу. Природа современного человека массы, субъекта массового сознания, поведения должна рассматриваться, по убеждению автора, как двуединая, а именно: одновременно индивидуально-личностная и массовая. В философской и научной литературе теоретики на это обстоятельство не обращают должного внимания.

Суммируя, отметим, что массовое сознание – своеобразный фокус, в котором сходятся все существенные сечения общественного сознания. Отражая действительность на обыденном уровне, оно включает в себя и элементы специализированного, теоретического, научного знания. В массовом сознании концентрированно выражает себя здравый смысл. В реалиях информационного общества содержание массового сознания становится все более текучим, трудноуловимым. Но оно в то же время консервативно, инертно, проявляет стремление к стабильности. Ограниченность массового сознания проявляется в неспособности выявить подлинные детерминанты и общественные закономерности, в неспособности концептуального осмысления социальных и исторических тенденций. Однако в современном мире, в

эпоху глобальной компьютеризации и информатизации образ «всеядной массы», пассивно потребляющей массовую культуру, постепенно уходит в прошлое.

Массовое сознание, по нашему убеждению, двуедино: оно существует на двух основных уровнях – на уровне социальных характеристик сознания отдельной личности и на уровне сознания социальных групп, массовых общностей, отражая их интересы, цели, ценности [15. С. 54-55]. Какие бы механизмы эмоционального заражения не срабатывали на уровне группы (массы), индивид имеет свой социальный опыт, свои ценности, собственное «Я», которые при определенных обстоятельствах будут противостоять автоматическому, бездумному прыжку в «массовый, общий вагон». У индивида в информационном обществе больше возможностей проявить себя в качестве личности. Современный человек должен научиться рефлексировать, развивать свою личность, приобщаться к достижениям культуры, чтобы не быть конформистом, маленьким «винтиком», пассивно воспринимающим навязываемые ему стандарты массового сознания, поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство, или Критики критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Сочинения. Т. 1-39. Т. 2. М.: Изд-во полит. литературы, 1955-1974.
2. *Плеханов Г. В.* К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения в 5 тт. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956.
3. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 135-152.
4. *Bell D.* The End of Ideology. Glenon (II). Harvard University Press, 1964.
5. *Хевеши М.А.* Толпа, массы, политика. М.: Изд-во Института философии, 2001.

6. *Lasswell H.* Future of Word Communication and Propaganda. N.-Y.: Harper and Brathers, 1980.
7. *Lippman W.* Public Opinion. N.-Y.: Free Press, 1965.
8. *Зелинский С.А.* Манипуляция массами и психоанализ. СПб.: Изд-во СКИФИЯ, 2008.
9. *Ницше Ф.* К генеалогии морали. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
10. *Медведев С.* Русский ресентимент // Отечественные записки. 2014. № 6 (63). Электронный журнал. URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/6/russkiy-resentiment> (дата обращения: 02.02.16).
11. *Пионтковский А.* Третий путь к рабству. М.: M-Graphics Publishing, 2011.
12. *Ранай К.* Культурный код. М.: Изд-во Сколково, 2008.
13. *Кийосаки Р.Т., Лектер Ш.Л.* Богатый папа, бедный папа. М.: Изд-во Поппури, 2006.
14. *Черникова В.Е.* Манипуляция массовым сознанием как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 141-144.
15. *Малькова Т.П.* Массовое сознание: тенденции изменения // Актуальные проблемы психологического знания. 2013. № 2 (27). С. 54-58.
16. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л.* Границы влияния московской и киевской культурно-философских традиций в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 2 (20). С. 95-99.
17. *Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Иноземцев В.А.* Основные культурно-философские предпосылки формирования логики как философской дисциплины в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 127-132.
18. *Vasyakin B.S., Ivleva M.I., Pozharskaya E.L., Shcherbakova O.I.* A Study of the Organizational Culture at a Higher Education Institution (Case Study: Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 18. С. 11515-11528.

И.Р. Назарова
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: nazirrad@yandex.ru

СЦЕНАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФУТУРОЛОГИИ КАК СПОСОБ УМЕНЬШЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БУДУЩЕГО

В статье раскрываются новые подходы к сценарному прогнозированию будущего в целях снижения рисков, вызванных глобальным системным кризисом.

Ключевые слова: информация, знание, технологии, риски, прогнозирование, НБИКС-конвергенция.

Проблемы исследования будущего остаются открытыми для многочисленных дискуссий как среди философов, так и среди представителей науки. С возникновением философии истории можно констатировать факт появления эмпирически и рационально обоснованных моделей будущего. В 1940-е гг. возникает особое междисциплинарное направление по исследованию этого феномена – футурология. Происхождением данного термина мы обязаны немецкому социологу О. Флехтгейму, который в 1943 г. предложил ввести его для обозначения «философии будущего» как своеобразного противопоставления различным социальным утопическим проектам. На сегодняшний день чаще приходится сталкиваться с другим понятием – исследованием будущего. Такой терминологический переход вполне оправдан по причине многозначности трактовки содержания футурологии. Исследование будущего, предполагающее опору на теорию и практику социального прогнозирования, занимает собственную определенную нишу и в философии истории (Д. Белл, Э. Ласло, Э. Тоффлер и

др.). Задача социального прогнозирования не сводится к решению проблем будущего, поскольку в условиях нарастающей сложности и неопределенности во всех видах жизнедеятельности этого добиться невозможно. Задача в другом – показать возможные сценарии дальнейшего развития социальной системы в целом или ее отдельного института с тем, чтобы выбрать желаемый и наиболее благоприятный вариант, прежде всего, с точки зрения целесообразности.

В Окинавской Хартии глобального информационного общества записано: «Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества» [1].

Сегодня мы являемся свидетелями беспрецедентного стремительного развития принципиально новых компьютерных и телекоммуникационных технологий, средств мобильной связи, вызывающих изменения во всех сферах жизнедеятельности и общества в целом, и отдельных его институтов [2, 3, 4, 5]. Столь широкое и одновременно глубокое влияние данных технологий можно объяснить тем, что главными продуктами производства и потребления в информационном обществе оказываются информация и знания. Их получение, хранение и передача посредством глобальных сетей становятся для многих людей основой для личностного роста и саморазвития. Это – одна, позитивная, сторона «медали».

Вместе с тем любое явление, как известно, имеет и обратную, негативную, сторону. Как правило, в ней кроются весьма существенные проблемы. Емко и метафорично суть одной из таких проблем можно выразить следующим образом: «познание умножает риск» [6].

Прекрасно осознавая, что знание является фактором не только технологического, но и социально-экономического развития, многочисленные дебаты ученых и общественных деятелей в условиях сегодняшнего системного кризиса сосредоточены в основном на поиске возможностей его преодоления. В качестве таких возможностей чаще всего рассматривают информационные, коммуникационные и вычислительные технологии. Именно в них сфокусированы все «прорывные» идеи не только и не столько для промышленной сферы, сколько для сферы управленческой. Управление нашим будущим – одна из животрепещущих проблем современной футурологии. Однако неопределенность будущего связана не только с сегодняшним кризисом, но и с особенностью моделирования такой сложной системы, как общество. Последнее характеризуют уникальность, открытость, саморазвитие, человекообразность. Все это приводит к возникновению так называемых «кооперативных эффектов» и принципиальной необратимости процессов в социальной системе. Кроме того, включенность мыслящего и деятельного человека серьезно изменяет спектр возможных состояний данной системы. Другими словами, дальнейшее функционирование и развитие системы не могут быть просчитаны однозначно. Такого рода объекты потребовали серьезных изменений в научно-познавательной деятельности, связанной с прогнозированием.

Активизация усилий в этом направлении имеет более чем полувековую историю: «Фабрики мысли» (Think Tanks), которые прочно связали прогностику с управлением, сначала появились в США, а позднее – в других странах. В 1953 г. в RAND Corporation разработан первый прогностический метод Delphi (Делфи). Именно ему было суждено стать ведущим в так называемых «Форсайт-проектах» [7].

Форсайт (англ. «foresight») – «это систематические попытки оценить долгосрочные перспективы науки, технологий, экономики и общества, чтобы определить стратегические направления исследований и новые технологии, способные принести наибольшие социально-экономические блага» [8].

Сегодня Форсайт признан одним из востребованных исследовательских инструментов инновационной экономики, сфера применения которого достаточно обширна: технологии, бизнес, социальная сфера. Своеобразие Форсайта связывают с его принципиально комплексным характером. Сложные динамические объекты исследования требуют высокой методологической культуры, культуры моделирования сложности, умения не только слушать, но и *слышать* друг друга при принятии коллективных решений в междисциплинарных проектах и экспертизе. В западных странах эксперты разных специальностей, вовлеченные в Форсайт-проекты, исчисляются десятками и сотнями тысяч. Это серьезным образом отражается на преодолении профессиональной узости в процедуре принятия решений [9].

Стоит обратить внимание на то, что в большинстве развитых стран в последнее время явно просматривается смена стратегических ориентиров в сторону так называемых ноофакторов социально-экономического развития [10]. Взаимосвязанный набор таких факторов становится инструментом не только сценарного прогнозирования будущего, но и основанием для программирования социума в целях разворачивания желаемого сценария. Отсюда можно заключить, что ноофакторы являются своеобразным «слепок» ноосферы. В настоящее время в орбиту ноосферного пространства включается взаимодействие человека и природы, в котором именно разумная человеческая деятельность

становится определяющим моментом развития как самого человечества, так и природных, социальных, технических систем.

Вполне понятным является сегодняшнее желание свести к минимуму разнообразные стратегические риски, связанные с неустойчивостью, нелинейностью, большим числом взаимодействующих факторов практически во всех сферах жизни. Одним из способов их минимизации можно рассматривать интеграцию управленческого потенциала для обеспечения коэволюционного процесса становления природы, общества и техносферы.

Сегодня мы являемся свидетелями того, что антикризисная стратегия смещается в управленческую область [11], где серьезную роль играет направление, связанное с конвергенцией нано-, био-, инфо-, когнитивных и социогуманитарных (НБИКС) наук и технологий. Они позволяют реализовать очень важную особенность постнеклассической парадигмы научного познания – целенаправленное и оптимальное конструирование мира, что в итоге позволит контролировать процессы, которые происходят не только на атомно-молекулярном уровне, но и на уровне работы человеческого мозга. Вместе с тем в этой перспективе пока очень слабо ощущается присутствие социально-гуманитарного сообщества, и добавка к аббревиатуре конвергирующих наук и технологий буквы «С» не меняет технократическую суть тех проектов, которые представлены, например, Агентством по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам США (DARPA). Даже если взять перечень открытых программ DARPA, которые реализуются в интересах Минобороны США, можно заметить явное усиление интенсивности в исследованиях на стыке группы наук и технологий с опорой прежде всего на ноомониторинговые сервисы в качественно новой информационно-телекоммуникационной среде – гиперсети.

Конвергентная гиперсеть – комплекс синхронизированных интеллектуальных управленческих пространств, выступающих основой для когнитивного программирования субъективной реальности в целях предупреждения различных кризисов и для упреждающего принятия решений в различных сферах деятельности [10]. Из изложенного становится совершенно очевидно: гуманитарное сообщество (включая как ученых, так и философов) не может и не должно оставаться в «тени» подобных проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Окинавская Хартия глобального информационного общества. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Окинавская_Хартия_глобального_информационного_общества (дата обращения: 02.02.2017).

2. Баркова Э.В. Экофилософия как ответ на гуманитарные вызовы эпохи: к вопросу о предпосылках становления «зеленой» культуры России и мира // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2014. Т. 3. С. 109-116.

3. Ивлева М.И. Тенденции математизации социально-гуманитарного знания как элемент современной духовной культуры // Актуальные проблемы и достижения в общественных науках. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Самара, 2016. С. 55-57.

4. Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л. Границы влияния московской и киевской культурно-философских традиций в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 2 (20). С. 95-99.

5. Chistyakova O. Media Myth Influence on «Other» Culture Formation in Russian Society (in the Context of External Migration) // Научный альманах стран Причерноморья. 2015. № 1 (1). С. 59-64.

6. Ефременко Д.В. Концепция общества знания как теория социальной трансформации: достижения и проблемы. URL: http://vphil.ru/index.php?id=91&option=com_content&task=view (дата обращения: 10.04.2017).

7. Буданов В.Г. Синергетическая методология стратегического проектирования и прогнозирования // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2012. № 1. С. 22-36.

8. Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1. URL: <http://www.hse.ru/data/380/621/1234/Whatforesight.pdf>. (дата обращения: 20.04.2017).

9. Назарова И.Р. Форсайт в исследованиях будущего российского образования // Высшее образование в России. 2014. № 7. С. 22-29.

10. Агеев А.И., Логинов Е.Л. Битва за будущее: кто первым в мире освоит ноомониторинг и когнитивное программирование субъективной реальности? URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/04/bitva-za-budushhee-kto-pervym-v-mire-osvoit-noomonitoring.pdf>. (дата обращения: 15.04.2017).

11. Vasyakin B.S., Ivleva M.I., Pozharskaya E.L., Shcherbakova O.I. A Study of the Organizational Culture at a Higher Education Institution (Case Study: Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 18. С. 11515-11528.

12. Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Иноземцев В.А. Основные культурно-философские предпосылки формирования логики как философской дисциплины в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 127-132.

13. Основные проблемы философской теории. Пособие для подготовки к семинарским занятиям / Авт. колл.: Бушуева В.В. и др. М., 2014.

14. Философия. Рабочая тетрадь. Методическое пособие. Часть 3 / Авт. колл.: Ивлев В.Ю. и др. Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ). М., 2012.

15. Губанов Н.Н. Становление университетской традиции в эпоху высокого средневековья // Социология образования. 2014. № 1. С. 56-69.

16. Гусейнов Ф.И. Плехановская культура как гуманитарный проект // Современная экономика: концепции и модели инновационного развития. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2016. С. 23-26.

*В.А. Нехамкин
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: nechamkin@rambler.ru*

КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена выявлению сущности, базовых оснований контрфактического моделирования исторического процесса. Определяется место данной модели среди иных моделей, отражающих как динамику исторического процесса (линейная, циклическая, спиралевидная), так и особенности познания в социально-гуманитарных науках (механистическая, организмическая, идеально-типическая).

Ключевые слова: модель, историческое познание, модельная матрица, механистическая модель, организмическая модель, идеально-типическая модель.

В современном социально-гуманитарном познании существует множество моделей, т.е. теоретических конструкций, на максимально абстрактном уровне отражающих структуру общества, особенности его динамики. Модели «открытого» (демократического) общества (популяризуемые К. Поппером, Ф. Фукуямой и другими мыслителями) соседствуют с моделями «закрытого» (тоталитарного) социума. Теоретические конструкты общественного прогресса противопоставляются его циклической и/или регрессивной трактовке. Модель становления общества в формационной схеме (опять-таки разделяющаяся на различные проявления) противостоит интерпретации исторического процесса в цивилизационном ключе. Расовая (расистская) модель истории

(Ж. Гобино, Г. Лебон и др.) противостоит ее эгалитаристской теоретической конструкции декларирующей (вслед за Т. Гоббсом, Ж.-Ж. Руссо и др.) исходное равенство людей от рождения. Подобный «список» можно продолжать, но при анализе социального познания хочется воскликнуть: «модели повсюду!». Без них представить себе изучение общества (прошлого, настоящего, будущего) невозможно.

Однако наличие множества моделей в социально-гуманитарном познании остро ставит вопросы об их соотношении. Все ли модели равны между собой или некоторые из них «равнее», т.е. являются доминирующими по отношению к иным теоретическим конструкциям? Каково их соотношение между собой?

На наш взгляд, существующие в гуманитаристике модели делятся на две группы: модельные матрицы (ММ) и частные модели (ЧМ). К первым относятся теоретические конструкции, нацеленные на анализ социальной действительности в целом, и базовые положения которых проявляются в иных конкретных моделях. Ко вторым – модели, положения которых не могут воспроизводиться в матрицах и отражающие фрагменты социальной действительности. Например, положения линейной модели исторического процесса (в ее прогрессистской версии) воспроизводятся в формационном подходе (где прошлое делится на ряд фаз, каждая из которых совершеннее предыдущих, есть некая высшая «точка» – коммунистическая формация и т.д.). Значит линейная модель выступает для формационной модельной матрицей. Подобный тезис можно доказать также в отношении циклической модели и формационного подхода. Иногда частная модель базируется на положениях не одной, а нескольких модельных матриц. Так, модель исторического процесса Ж. Аттали исходит из

теоретических конструкций: линейной (линейной), волновой (история движется от одной «социальной волны» к другой), организмической и циклической (каждая фаза, олицетворенная главным городом, возникает, развивается до максимума своих возможностей и затухает) [1. С. 51-53].

Обосновав наличие модельных матриц (ММ) на конкретных примерах, обозначим какие конкретно теоретические конструкции к ним относятся. ММ целесообразно разделить на две группы: динамические и общеметодологические (морфологические). Первые отражают в моделях общий ход исторического процесса, вторые дают универсальные способы (средства, методы) их построения. К динамическим ММ имеет смысл отнести следующие теоретические конструкции: *линейную (линейную)*, представленную такими формами, как прогрессистская, регрессистская, коэволюционная; *циклическая*; *спиралевидная*; *альтернативно-ризомная*. Следует отметить значительный вклад, который внес в изучение подобного типа ММ П.К. Гречко [2]. Во второй половине XX в. к ММ активно добавляются синергетическая (бифуркационная), «социальных» волн и т.п. конструкции, которые широко распространены, но в плане создания универсальной методологии находятся в стадии становления.

Кроме того, в формировании частных моделей участвуют общеметодологические (морфологические) ММ: *механистическая*, *организмическая*, *идеально-типическая*. Первая предполагает рассмотрение социума как определенного, специфического механизма, вторая – организма, третья – фрагмента действительности, максимально абстрагированного от ряда эмпирических связей [3].

В целом механистическая и организмическая модели реконструируют объект путем аналогии по линии «общество – механизм/организм». Идеально-типическая –

исходит из самого социума. Воспроизводит объект, выделяя ряд его существенных признаков и абстрагируясь от других.

Таким образом, в формировании частных моделей активно участвуют ММ. Динамические – *линейная, циклическая, спиралевидная, альтернативно-ризомная* (а с конца XX в. *синергетическая* и «*социальных волн*», претендующие на указанный статус). Общеметодологические (морфологические) – механистическая, организмическая, идеально-типическая.

Однако во второй половине XX века в ряде гуманитарных дисциплин (от исторической науки до политологии, социологии, философии) начинает получать широкое распространение контрфактическое моделирование исторического процесса/прошлого (КФМ). Хотя первый четкий сценарий на тему «Что было бы, если?» в европейской традиции историописания (виртуальная война современной историку Римской и Македонской империй времен правления царя Александра двумя столетиями ранее) можно зафиксировать в «Истории Рима от основания Города» Тита Ливия (I в. до н.э.) [4. С. 517-521], но длительный период подобный метод моделирования время от времени развивался лишь на эмпирическом уровне отдельными мыслителями/учеными без достаточного уровня теоретической (методологической) рефлексии (такие попытки были, но носили крайне несистемный характер). С рубежа конца XIX – начала XX вв. ситуация изменяется. КФМ, его теорией активно интересуются представители различных гуманитарных наук, движимые желанием выявить («достать») из минувшего полезную информацию («уроки») в интересах настоящего и будущего. Вместе с тем вопросы остаются. Какова научно-корректная сфера проведения КФМ? К какому типу моделей КФМ относится – ММ или ЧМ?

КФМ предполагает мысленное изменение итогов отдельных событий прошлого (битву при Саламине в 480 г. до н.э. выиграли персы, а не эллины, как случилось в действительности) или значительных отрезков прошлого (моделирование с позиции «что было бы, если?» наполеоновских войн 1796-1814 гг.). Оно распространено в экономической и военной истории, но затрагивает и иные сферы познания минувшего (политическую, гендерную, архитектурную историю). Поскольку прошлое в традиционном историческом познании, по четкому определению М. Блока, «есть некая данность, которую ничто не властно изменить» [5. С. 35], постольку проводить их в исторической науке нельзя (методологически некорректно). Хотя отдельные историки, подобные А. Тойнби (эссе «Если бы Александр не умер тогда...»), Н.Я. Эйдельману, М.И. Будыко и др., на подобные «эксперименты» все-таки решаются.

Стоит отметить, что такому анализу вредят и предрассудки, имеющиеся у части исторического научного общества. Приведу характерное высказывание современного отечественного историка О.А. Дмитриева: «"альтернативная история" (одно из названий КФМ – прим. В. Н.) неприемлема как средство углубленного изучения истории, ...вредна для формирования исторического сознания молодежи (курсив мой – В. Н.), ибо изучающий не всегда отличает вымысел от свершившихся фактов» [6. С. 7]. По такой логике, если молодой человек, размышляя об альтернативном прошлом, не отличает «потенциальное» от «реального», то полезнее всего «взрослым» ученым не поправить «заблудшего», а вообще запретить подобные опасные «мысленные опыты» (по принципу «как бы чего плохого не вышло»)!

В философии истории (как предлагал, например, И.В. Бестужев-Лада) проводить КФМ тоже сложно, ибо подобная проблематика не всегда корреспондирует с

имеющимся здесь блоком проблем: поиска смысла истории, наличия/отсутствия у нее законов, роли личности в истории, движущих сил исторического процесса и т.д. «Механически» (по принципу «берите философы то же, что исторической науке не гоже») перенести сюда КФМ не получится, а корректных путей «монтажа» КФМ в философию истории пока нет. Да и всегда найдутся историософы, которым подобные «искажения прошлого» не понравятся. Наконец, часто отечественные философы (и не только в СССР) рассматривают КФМ сугубо через методологические «очки», задаваемые концепцией «возможность – действительность», «возможность – необходимость», а любое отклонение от такого подхода полагают «непростительным» грехом.

Автором предложен своеобразный выход из сложившейся ситуации – объявить КФМ междисциплинарным направлением научного познания, чтобы здесь свободно и независимо от чьих-либо предрассудков и «запретов» осуществлять подобные исследования, использовать любую востребованную методологию для достижения познавательного результата [7. С. 131-140].

Если КФМ – междисциплинарное направление научного познания, то позволительно поставить вопрос о характере используемого здесь моделирования. Относится оно к ММ или тяготеет к ЧМ? Однозначного ответа нет.

В пользу тезиса о КФМ как ЧМ говорят следующие аргументы. Во-первых, КФМ моделирует одну сферу гуманитаристики – историческое познание, и не дает (пока) универсальной теоретической конструкции, годной для использования в иных его разделах.

Во-вторых, из общеметодологических моделей здесь наиболее часто применяется одна – идеально-типическая, а механистическая и организмическая – гораздо реже. Хотя и такая констатация не всегда является ис-

черпывающей. Скажем, упомянутый ранее Ж. Аттали сводит альтернативность к личностно-событийному уровню: что было бы, если бы «в июне 1914 года террористу из Сараево что-то помешало осуществить его план (убийство эрцгерцога Австро-Венгрии Франца-Фердинанда – *В. Н.*)»; «в июне 1941 года Гитлер не вторгся в Советский Союз», «Япония в том же году атаковала Россию (СССР – *В. Н.*), а не США»? [1. С. 10]. Однако при моделировании «краткой истории капитализма» ученый, представляя данный процесс как линейную эстафету передачи власти над миром от одного «города-центра» (фактически «ядра» главной «клетки» социального организма), не пытается проводить КФМ. Брюгге, бывший центром рыночного уклада в 1200-1350 гг., передает подобный статус Венеции (1300-1500 гг.) и так далее вплоть до Нью-Йорка (1929-1980 гг.) и Лос-Анджелеса (доминирование которого началось с 1980 г. и продолжается поныне) [Там же. С. 53-95]. Для решения подобной задачи Ж. Аттали достаточно линейарной и «волновой» (для обоснования идеи эстафеты данных фаз), циклической (каждый главный город остается доминирующим определенный период, после чего обязательно передает власть другому) моделей как подвидов динамической ММ и организмической (каждая фаза предполагает наличие социального организма с главной «клеткой-городом») – в качестве общеметодологической ММ. КФМ специалисту не нужно. Вопросов из серии: «Что если бы в 1200-1350 гг. место Брюгге как центра «рыночного уклада» занял другой город?» Аттали даже не ставит.

Почему так происходит? Почему Аттали применяет КФМ к эмпирическим объектам (историческим личностям и событиям), но не спешит его применять для понимания макроуровневых социологических трансформаций? На мой взгляд, причина – в общем недоверии «серьезных» ученых к данному типу моделирования. Причем в данном подходе,

как ни странно, совпадают мнения ученых из СССР, базировавшихся на марксизме, и их западных коллег, не придерживающихся подобной методологии. Как писал советский историк Е.М. Жуков, «альтернативность проявляется преимущественно на «нижних этажах» общественного развития, в *микрпроцессах социального организма* (курсив мой – В. Н.). Чем крупнее исторический масштаб, тем отчетливее выявляется генеральная тенденция – объективная закономерность развития общества, преодолевающая толщу «случайностей» [8. С. 75]. Из такой посылки следует, что раз альтернативность присутствует на «субъективном» уровне (конкретных исторических личностей и событий), то и применять КФМ следует исключительно там же. Для макросоциологических процессов (изучаемых и Аттали) подобный метод не нужен. Конечно, такое мнение постепенно преодолевается в науке (вспомним модель экономического развития США в XIX в. при допущении отсутствия железных дорог, созданную Р. Фогелем, или предложенную им совместно со С. Энгерманом модель становления США того же периода с сохранением института рабства до 1890 г.). Однако до изживания в научной среде такой точки зрения, полномасштабного применения КФМ к макросоциологическим исследованиям прошлого еще далеко.

В-третьих, КФМ, как правило, работает на эмпирическом уровне с определенными конкретными эпизодами прошлого, которые мысленно изменяет и, значит, не выходит за рамки ЧМ. Например, допустив, что битву за Москву осенью 1941 г. выиграла немецкая сторона, логично предположить крах СССР и победу нацистов во Второй Мировой войне. Изменение итога одной частной ситуации влечет трансформацию другой, а она – третьей.

В-четвертых, предмет КФМ – потенциальное прошлое – моделируется искусственно, в «действительности»

оно не существовало. Отсюда на него распространяется принцип, касающийся всех подобных объектов: «Виртуальные объекты существуют актуально; с окончанием процесса порождения... исчезают» [9. С. 157]. Получается, что в ходе подобного моделирования воспроизводится частный («нежизнеспособный»), искусственным путем полученный предмет.

Рассмотрим и аргументы в пользу того, что КФМ как междисциплинарное направление исследований тяготеет к ММ. Во-первых, здесь появляются универсальные приемы исследования, которые затем могут быть перенесены в иные сферы гуманитарного познания. Например, ученый может подвергнуть удалению из исторического процесса ряд различных по характеру объектов: личность (В.И. Ленин не «доживает» до октября 1917 г.), событие (допустить, что поход французской армии на Россию в 1812 г. и в последующие годы не состоялся); фактор (рассмотреть историю США или России XIX в. без железных дорог) [10]. Подобный метод КФМ (мысленное удаление объекта) может применяться в различных дисциплинах, за пределами собственно исторического познания.

Во-вторых, прошлое имеется не только у социальных объектов, поэтому мысленные эксперименты по их изменению будут полезны и за рамками гуманитарных наук. Скажем, моделирование того, что могло произойти, если бы у земли имелся не один естественный спутник (Луна), а было два или больше. Как бы это повлияло на ход эволюции? Возник бы в таких условиях человек? Кроме того, бытие человека «зажато» жесткими физическими параметрами (например, наше естественное «дыхание» обеспечивают содержащиеся в воздухе 78% азота, 21% кислорода, 1% иных газов). Целесообразно поставить вопрос: а что если бы они были иными? В подобном случае станет ясно не только,

почему эволюция живых организмов привела к человеку, но и каковы его альтернативы. Отсюда методология КФМ полезна любым ученым и говорит в пользу того, что создаваемые здесь теоретические конструкции могут в будущем относиться к ММ не только гуманитарных наук, но и естествознания.

В-третьих, поскольку в основе КФМ лежит мысленный эксперимент, он способствует формированию собственного самостоятельного мышления, а не только механическому заучиванию каких-либо фактов, дат и т.д. Подобный метод моделирования, на наш взгляд, особенно востребован в сфере образования, где умение владеть такими навыками вырабатывается педагогами различных дисциплин. О некоторых способах решения подобной задачи автор [11] и иные специалисты [12] неоднократно писали. Здесь же кратко отмечу, что востребованность КФМ в педагогическом процессе говорит, что данное моделирование тяготеет к ММ.

Подведем итог. В настоящий момент имеются аргументы как в пользу того, что КФМ будет относиться в дальнейшем к ММ, так и иные: говорящие, что, несмотря на междисциплинарность, оно останется ЧМ. Вопрос перспектив данных исследований в указанном разрезе до конца не ясен. Ответ на него способно дать будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аттали Ж.* Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014.
2. *Гречко П.К.* Концептуальные модели истории. М.: Логос, 1995.
3. *Комиссаров И.И.* Модели в социально-гуманитарном познании: теоретико-методологический анализ. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. филос. наук по специальности 09.00.11. М.: Изд-во МГТУ, 2017.

4. *Тит Ливий*. История Рима от основания Города. В 3 т. Т. 1. М.: Ладомир, 2002.
5. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986.
6. Битва за Ленинград. Проблемы современных исследований. Сборник статей / Под общей редакцией Е.В. Ильина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
7. *Нехамкин В.А.* Контрфактические исторические исследования в системе научного познания // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 131-140.
8. *Жуков Е.М.* Очерки методологии истории. М.: Наука, 1987.
9. *Носов Н.А.* Виртуальная реальность // *Вопросы философии*. 1999. № 10. С. 152-165.
10. *Нехамкин В.А.* Становление контрфактической истории: философско-методологический аспект. М.: МАКС Пресс, 2010.
11. *Нехамкин В.А.* О методике преподавания истории: контрфактическое моделирование // *Высшее образование в России*. 2005. № 6. С. 101-104.
12. *Нехамкин А.Н.* Так что же нужно предпринять? // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 1997. № 7. С. 5-7.
13. *Замараева Е.И.* Н.С. Трубецкой об образовании в контексте евразийского учения // *Высшее образование в России*. 2009. № 10. С. 148-151.
14. *Зубов В.В.* Объективность исторического исследования: к проблеме русско-французских отношений в период европейского кризиса 1887 г. // В сборнике: *Философские проблемы социально-гуманитарного знания*. М., 2001. С. 88-104.
15. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л.* Границы влияния московской и киевской культурно-философских традиций в допетровскую и петровскую эпохи // *Известия МГТУ «МАМИ»*. 2014. Т. 5. № 2 (20). С. 95-99.
16. *Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Иноземцев В.А.* Основные культурно-философские предпосылки формирования логики как

философской дисциплины в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 127-132.

17. *Баграмянц М.Л.* Формирование психологической концепции одаренности. Теоретико-историческое исследование. М., 2008.

18. *Vasyakin B.S., Ivleva M.I., Pozharskaya E.L., Shcherbakova O.I.* A Study of the Organizational Culture at a Higher Education Institution (Case Study: Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 18. С. 11515-11528.

19. *Zemtsov B.N.* Philosophy and History of the Soviet Law. Saarbrücken, 2014.

И.Г. Тихая-Тищенко
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: i.g.t-t@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Проблема определения онтологического статуса исторического исследования относится к числу наиболее остро дискутируемых в философии истории. В статье проводится идея взаимодополнительности различных субстанциальных подходов, их субъект-объектной детерминации в контексте исследовательских программ.

Ключевые слова: онтология, историософия, субстанциальный выбор, предмет истории, культурно-историческая идентичность.

Под онтологическим дискурсом в русскоязычном философском контексте понимается обсуждение проблем, относящихся к области историософии, предмет которой

включает осмысление общих, фундаментальных оснований, закономерностей исторического процесса, его генезиса и моделей будущего, смысла и предназначения. Истоки названного дискурса разнообразны и проистекают как из существа собственно историософской тематики, так и привносятся извне – из политической, идеологической, конкретно научной и других сфер профессиональной деятельности, прежде всего в стремлении так или иначе утвердить избранные парадигмальные установки [1]. Значимость онтологических изысканий очевидна сегодня исследователям-метафизикам, но названная проблематика, при всей своей внешней отстраненности от насущных человеческих реалий, актуальна и для утилитарной практики повседневности. Деятельность СМИ, их эффективность и результативность, использование тех или иных средств и методов пропаганды, влияние на обыденное сознание и многие другие факторы могут и должны быть оценены в свете онтологических принципов и представлений, предопределяющих тенденции социокультурной динамики.

Сложившееся в историко-философской традиции разнообразие и противостояние онтологических систем, в том числе и в трактовке общественного бытия, представляет собой рационализацию соответствующих уровней развития гносеологического субъекта в контрастах мировоззрения – от религиозно-мифологического до диалектико-материалистического. Изначально трактуемые как противостоящие, взаимоисключающие идейные линии в философии истории – материализм и идеализм, объективизм и субъективизм, рационализм и эсхатология и т.д., – сегодня, в неклассической философии, они рассматриваются как отдельные предметные области единого когнитивного пространства [2], определяемые объектом, мыслящим

субъектом, применяемыми эпистемологическими процедурами [3].

Автор концепции «темпоральной онтологии» А.В. Болдачёв утверждает необходимость соблюдения «релятивистского принципа, согласно которому любое онтологическое разделение не может быть абсолютным, а допустимо только относительно некоторой системы координат» [4. С. 376]. В принятой им терминологии, действительность «онтологического субъекта» (субъекта внутри мира) разделена на непосредственно различаемую/наблюдаемую (феноменальную) и воспринимаемую опосредованно как умо- или духовнопостигаемую (ноуменальную) [Там же. С. 383]. В авторской концепции обозначены и граничные варианты выделения субъектов, создающих те или иные онтологические картины, ассоциируемые с понятиями «монада» и «Бог»: «Элементарный субъект существует в непрерывном потоке, в абстрактном времени, в чистом, содержательно не наполненном мышлении» [Там же]. В действительности абсолютного субъекта, ассоциируемого с полным универсумом событий, наоборот, нет времени. «Весь мир для абсолютного субъекта дан одновременно, пространство развернуто... Он воспринимает все события сразу. Он не мыслит. Он просто созерцает» [Там же. С. 384].

Не вдаваясь в рассмотрение сути «темпоральной онтологии», отметим справедливость авторского резюме о несовпадении онтологических статусов в действительностях разных субъектов: «Совместная деятельность субъектов ...возможна вследствие унификации их сложности в процессе онтогенеза, воспитания и образования. Отличие же субъектов друг от друга по темпоральности (сложности) ...приводит к рассогласованию их субъектных действительностей, которое, безусловно, заметно лишь на ноуменальном уровне» [Там же. С. 385-386]. Эти различия порождают как многообразие и многослойность онтологи-

ческого обоснования исторического процесса, так и своего рода эпигонство, редуцирующее сущностное понимание исторического бытия к линейным абстрактно-логическим схемам, приемлемым в описании лишь ограниченного пространственно-временного интервала событий. Означенная редукция, тем не менее, может быть вполне продуктивна и оправдана целями изучения закономерностей конкретной предметной области, заданного исторического периода или некоторого социокультурного феномена.

Создатель теории исторического материализма Карл Маркс сознательно «покинул» лоно метафизики, претендуя на построение научной теории общественного развития, в основе которой лежит диалектика производительных сил и производственных отношений, определяющая способ производства материальных благ. Зафиксированный биографами факт отречения Маркса от «марксизма» в трактовке его современников можно рассматривать как авторское предостережение возможного идейного эпигонства, что фактически произошло в учении марксизма-ленинизма, отождествившем философию и идеологию.

Замечено, что обращение к эмпирическим реалиям в сфере философии, как правило, связано с необходимостью осуществления назревших перемен в жизни общества [5, 6]. Несоответствие устаревших организационных форм новому содержанию проявляется в различного рода деструктивных тенденциях, низком уровне и качестве жизни и требует конструктивных идей, решений, действий. Поворот, совершаемый в означенных условиях к материализму, указывает на смену мировоззренческого вектора в направлении изучения наличного бытия, воплощенного в реалиях общественной жизни, и предопределяет стратегию практического преобразования действительности, ограниченной конкретным пространственно-временным интервалом. Ассоциативно параллель можно провести с медициной, где

понятие патологии как телесного недуга редуцирует понимание и самого человека к его физиологическому образу, как, например, в представлениях физиологов XIX века – К. Фохта, Л. Бюхнера, Я. Молешотта.

На этом пути мысль покидает лоно философии и в зависимости от поставленных целей и задач трансформируется в суждения из сферы политики, идеологии, науки. Соответственно меняются и онтологические основания исследуемого предмета: его сущностная природа просматривается в прагматичном ракурсе решаемых проблем и не нуждается в предположении трансцендентности бытия и допущениях трансцендентальности познающего субъекта. Сфокусированные на заданном эпистемологическом повороте уровни онтологии впоследствии, в силу отсутствия должной философской культуры и прочих обстоятельств, неправомерно переносятся на построение философского знания в целом, подменяя онтологические универсалии образами так называемой «дурной бесконечности» (в терминологии И. Канта). В интерпретации истории указанная тенденция может проявиться в трансляции достигнутого цивилизационного уровня в будущее в качестве свидетельства «конца истории» (Г. Гегель), абсолютизации переживаемого цивилизацией кризисного момента (О. Шпенглер «Закат Европы»), революционной апологетики как необходимого условия построения справедливого общества (марксизм-ленинизм).

Порождаемый таким образом онтологический релятивизм в своем пределе нуждается в методологической упорядоченности и концептуализации через выработку обобщенной субстанциальной концепции и создание новой онтологии. История философии отражает периоды онтологических кризисов и свидетельствует о том, что их решение следует искать в области метафизики и историософии, связующим бытийно субстанциальное и акцидентальное,

типичное и уникальное, персональное и социальное [1]. Мир прогрессирует в сторону универсальной онтологии, – утверждает А.Ю. Шухов: «На уровне источника систематических представлений философия будет способна удерживать в будущем лишь одну возможность сохранения идентичности, а именно предоставляя сервис исследования любой проблемы в системе координат универсальной онтологии» [7. С. 271].

Декларируемая таким образом онтологическая универсализация философского знания в качестве важнейшего условия его идентификации возможна в русле тенденций естественнонаучной интеграции и информатизации. Вполне допустим и оправдан поиск единых универсалий в методологических принципах критической философии истории, рассматривающей глобальное и локальное в их конкретной диалектической взаимообусловленности фактов, событий, концепций. Однако представляется сомнительной и в наше время едва ли осуществимой в рамках философской методологии идея определения единого субстанциального основания всеобщей истории. Основная причина кроется здесь в глубинах этно-национальных различий народов и культур, изучение которых привело к противоположному универсализму партикулярному подходу в осмыслении истории в работах Н. Данилевского, К. Леонтьева, О. Шпенглера и др. и должно быть учтено в последующих разработках. Попытки онтологической универсализации истории, осуществляемые в рамках заданного типа культуры и мировоззрения, однозначно предопределяют собственный эталон субстанциальности в осмыслении исторического социокультурного разнообразия и идентичности.

В трудах Гегеля, представителей русской религиозной философии истории (теософии), исторический процесс рассматривается через приоритетное становление Духа и

сопутствующее формирование цивилизационных моделей общественного развития [8]. В данной историсофской модели отражается духовно-природная двойственность человеческого бытия, определяемого и как природно-материальная, социальная необходимость, и как сверхприродная духовно целесообразная свобода. «Онтологизм русской мысли проявляется в онтологическом понимании истины, которая отождествляется со сверхчеловеческим абсолютом, в динамической теории познания духовного мира, которая объединяет познание с напряжением духовного подвига... Онтологизм русской мысли проявляется и во взгляде на мир как на откровение абсолютной первореальности, в жизненной конкретности религиозной мысли России, в персоналистической антропологии русской философии», – резюмирует С.В. Посадский [9].

История творится и создается сегодня и каждодневно – в условиях научного прогресса и высоких технологий, мировоззренческого хаоса и идеологического плюрализма, роскоши и нищеты, моральной ответственности и аморализма, насилия и творческого созидания... Вполне объяснимо поэтому наличие острого онтологического дискурса, выражающегося в непрестанном конфликте его историсофских, метафизических, с одной стороны, и материалистических, экономоцентристских, с другой стороны, субстанциальных оснований. Понимание относительности и правомерности выбора тех или иных онтологий в целях решения конкретных социально-экономических проблем при условии предметного ограничения их экспликации в область сущностных смыслоопределяющих ценностей следует рассматривать как необходимое, но не достаточное условие становления историсофского знания.

В целях определения достаточного основания универсальной историсофской онтологии необходимо найти не завершающую логическую модель [10, 11], но единст-

венно возможный интегративный фактор, упорядочивающий уже выявленные онтологические «срезы». В качестве такового в зарубежной эсхатологической историософии, философии религиозного персонализма, в русской религиозной философии предлагается осмысление онтологии моральной и социально ответственной личности, духовные устремления которой совпадают с представлениями о благе, долге и красоте.

«Реальная победа над хаосом требует усилий духа, духовного переворота и духовного возрождения, она опирается не на фатум истории, не на темные иррациональные силы, а на человеческую свободу и на благодатные Божьи силы», – писал Николай Бердяев [12. С. 322]. Обращение к духовным смыслам русской и мировой историософской мысли актуализируется сегодня переживаемым цивилизованным человечеством системным кризисом, преодоление которого возможно лишь на путях ценностно значимых мировоззренческих трансформаций. Пришла пора объединить усилия мыслящего человечества в целях осмысления текущей действительности и новейших разработок западной и отечественной постнеклассики в свете историософских традиций русской и зарубежной философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Филатов В.П.* История, историософия и методология истории. URL: http://spf.ff-rggu.ru/prepod/filatov_v_p/istor_istoriosof_i_met_istor/ (дата обращения: 01.05.2017).
2. *Егорова М.А.* О понятии «когнитивное пространство». URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnoe-prostranstvo-i-ego-sootnoshenie-s-ponyatiyami-mentalnoe-prostranstvo-kognitivnaya-baza-kontsetosfera-kartina-mira> (дата обращения: 30.04.2017).
3. *Фаритов В.Т.* Дискурс и трансгрессия. Перспективы

онтологического исследования. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_14919.html (дата обращения: 02.05.2017).

4. *Болдачёв А.В.* Введение в темпоральную онтологию // Кто сегодня делает философию в России. Т. III. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2015. С. 375-387.

5. *Бузский М.П.* Формирование инновационных ориентаций в российском обществе: объективное и субъективное // Образование и культура в контексте формирования общероссийской идентичности. Материалы научно-практической конференции, посвященной международному дню философии. Балашиха, Российский государственный аграрный заочный университет, 2014. С. 41-44.

6. *Ивлева М.И.* Ценностный аспект корпоративной культуры // Аксиология культуры в контексте вызовов современного мира. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 47-53.

7. *Шухов А.Ю.* Концепция универсальной онтологии // Кто сегодня делает философию в России. Т. III. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2015. С. 267-284.

8. *Глазков А.П.* Содержание понятия историософии и концептуализация термина «эсхатологическая историософия». URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ponyatiya-istoriosofii-i-kontseptualizatsiya-termina-eschatologicheskaya-istoriosofiya> (дата обращения: 03.05.2017).

9. *Посадский С.В.* Онтология духа и природы в персоналистической философии Л.А. Тихомирова. URL: <http://metaparadigma.ru/tihomirov/> (дата обращения: 29.04.2017).

10. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л.* Границы влияния московской и киевской культурно-философских традиций в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 2 (20). С. 95-99.

11. *Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Иноземцев В.А.* Основные культурно-философские предпосылки формирования логики как философской дисциплины в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 127-132.

12. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.

13. История и философия науки. В помощь сдающему кандидатский экзамен: методическая разработка для аспирантов МГТУ / Колл. авт.: Бушуева В.В. и др. М., 2011.

14. *Вольнов И.Н.* Инженерное образование как концептуальная инновация // Русский инженер. 2016. № 1-2 (48-49). С. 90-91.

15. *Головка Ю.В.* Есть ли будущее у альтруизма и амитологии? // Лесной вестник. Forestry Bulletin. 2006. № 7. С. 117-122.

16. *Земцов Б.Н.* Способность российской социальной системы к развитию (методология проблемы) // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 62-69.

17. *Баграмянц М.Л.* Формирование психологической концепции одаренности. Теоретико-историческое исследование. М., 2008.

18. *Тихая-Тищенко И.Г.* Межвузовский центр «звук – музыка – культура» // Высшее образование в России. 2011. № 8-9. С. 60-65.

19. *Черногорцева Г.В.* Категории философии и науки в постижении мира и человека // Гуманитарный вестник. 2015. № 9 (35).

А.С. Цыганков
Институт философии РАН,
Москва, Россия.
E-mail: m1dian@yandex.ru

АНАЛИЗ ИСТОКОВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ С.Л. ФРАНКА

В статье проанализированы истоки и основания русской революции, как они представлены С.Л. Франком. Революция 1917 г. понимается русским мыслителем, с одной стороны, как заключительная сцена драмы освобождения европейского человечества, его бунта против Бога, начавшегося на заре Нового времени,

с другой – как следствие национальных особенностей русского общественного сознания, его всеразрушающего нигилизма.

Ключевые слова: социальная философия С.Л. Франка, русская революция 1917 года, причины революции, русская революционность, русская религиозная философия.

В этом году исполняется ровно 100 лет с того времени как Россия была потрясена революционными событиями сначала февраля, а затем и октября 1917 г. Русская революция, как и подобает социальному катаклизму, исказила многие человеческие судьбы. Ее разрушительная сила не обошла стороной и представителей русской интеллигенции, которая в свое время сделала многое для того, чтобы пробудить революционный дух русского народа. Однако в результате именно интеллигенция оказалась той общественной прослойкой, которая одной из первых ощутила на себе тяжкие последствия революционных преобразований. Одним из представителей русской интеллигенции, «образованного общества»¹ и был философ С.Л. Франк, которого вместе с частью других его коллег и друзей советская власть в лице В.И. Ленина выслала за преде-

¹ Именно словосочетанием «образованное общество» Ленин иронически характеризует представителей интеллигенции. О самих же профессорах философии, к которым относился и С.Л. Франк, Ленин вслед за И. Диценом писал: «...профессора философии в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев на деле не что иное, как "дипломированных лакеев поповщины"». См.: Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 24. В этой связи ср. также высказывание Франка: «Не только религия, но и всякая не материалистическая и не позитивистическая философия были заранее подозрительны и даже заранее были признаны ложными, потому что в них ощущалось сродство с духом "старого режима", их стиль не согласовывался с принятым стилем прогрессивно-революционного мировоззрения». Франк С.Л. Крушение кумиров // Сочинения. М.: АСТ 2000. С. 152.

лы государства в 1922 г. на борту одного из печально известных «философских пароходов». В эмиграции жизнь Франка была сопряжена со многими материальными и духовными трудностями, а зачастую и с прямой угрозой для жизни, что стало особенно актуально после прихода к власти в Германии национал-социализма. Но несмотря на все жизненные и исторические потрясения, которые выпали на долю русского мыслителя, именно в эмиграции появляется целый ряд его программных работ. Тогда же Семеном Людвиговичем предпринимаются попытки философского осмысления истоков и оснований тех революционных событий, которые свершились на его родине. Именно русская революция станет «первым и основным конкретно-историческим явлением, анализ которого был начат Франком еще в России и продолжен в эмиграции» [1. С. 125].

К опубликованным работам С.Л. Франка, в которых внимание уделяется экспликации истоков русской революции и осмыслению специфики революционности русского народа, следует отнести эссе «Крушение кумиров» (1923), «Из размышлений о русской революции» (1923), «Религиозно-исторический смысл революции» (1924), «Большевизм и коммунизм как духовные явления» (1925), «Толстой и большевизм» (1928), а также более ранний текст Франка, написанный им вскоре после октябрьских событий и озаглавленный «De Profundis» (1918). Посредством обращения к анализу этих работ в дальнейшем будет реализована попытка выявления и описания тех истоков и оснований русской революции, которые, согласно С.Л. Франку, во многом и обусловили ее успех в России.

Предварительно хотелось бы обратить внимание на то, что сама проблематика русской революции, русской истории и культуры занимает большое место в работах Франка именно в период 20-х – нач. 30-х гг. прошлого столетия. К середине 30-х гг. творчество Франка становится

все более метафизически и религиозно-философски ориентированным, что, вероятно, связано со становлением и укреплением власти нацистов в Германии. Франк перестает «размениваться» на «анализ конкретных форм проявления зла в социуме. Он тематизирует сам факт существования зла в двух сферах его локализации – человеческой душе и мире» [Там же. С. 136]. В «полночь» человеческой истории XX в. Франк трудится над работой «Свет во тьме», где в том числе разоблачает «ересь» утопических учений, захвативших многих его современников. Так изначальная надежда Франка «на то, что истинное вочеловечение и, стало быть, и обожение мира может быть достигнуто в настоящей зоне, в итоге уступила место точке зрения, по которой зло в наше время не изживаемо и вера в его преодоление есть ничто иное как "ересь"» [2. S. 120]. Во многом именно индивидуальный опыт переживания могущества зла в мире привел русского философа к указанной мысли о непреодолимости зла и даже об опасности подобных попыток. Хотя во многих работах 20-х гг., посвященных русской революции, С.Л. Франк предлагал «рецепты» ее преодоления в русском обществе и сознании русского человека.

Здесь также стоит упомянуть и о той просвещенческой миссии, исполнить которую в Европе, видимо, считал себя призванным Франк. Так в работе «Крушение кумиров» философ отмечает, что: «когда теперь мы, русские, материально и духовно обнищавшие, все потерявшие в жизни, ищем поучения и осмысления у вождей европейской мысли, у которых большинство из нас привыкло раньше учиться, мы, заранее склонные к смирению, всегда чуждые национального самомнения и менее всего способные на него в эту несчастную для нас эпоху, с изумлением узнаем, что собственно учиться нам не у кого и нечему и что даже наученные более горьким опытом наших несчастий, испив до дна чашу страданий, мы, пожалуй, сами

можем научить кое-чему полезному человечество» [3. С. 179-180]. Подобные слова нашли свое конкретное воплощение в том многообразии лекционных курсов и публикаций, посвященных России, русской мысли и культуре, которые делал Франк. Так, среди учебных заведений, где читал лекции русский философ в 20-е – 30-е гг. возможно обозначить Русский научный институт в Берлине и Белграде, Берлинский университет, Религиозно-философскую академию в Берлине и Париже и пр. Однако победа национал-социализма в Германии, да и в целом доминирование как праворадикальных, так и леворадикальных идей в общественном сознании европейцев того времени, на практике продемонстрировали склонность большинства современников русского мыслителя к «ереси утопизма» и нежелание обратиться к опыту русских эмигрантов, пострадавших от одного из проявлений подобной «ереси».

Одним из истоков, в котором берет свое начало русская революция и русская революционность, по мысли С.Л. Франка, является европейское течение освобождения человека, его бунт против Бога. Русская революция есть звено в цепи духовных событий, начавшихся еще в новое время: «в XV веке – духовный мятеж ренессанса, в XVI – религиозная буря реформации, в XVII – английская революция, в XVIII – гордыня просветительства, завершающаяся великой французской революцией, XIX – утверждение демократии и одновременно зарождение революционного социализма» [4. С. 12]. Или, как отмечает философ в другой работе: «в общей перспективе истории духовной культуры русская революция есть последнее проявление того процесса пробуждения и нарастания идеи самочинной личности и связанного с ним процесса секуляризации культуры, который на Западе идет с эпохи Возрождения и Реформации, а в России начался с реформ Петра Великого» [5. С. 219]. Таким образом, получается, что лю-

бая революционность держится на отрицании и негативна по своей природе. Однако в то же время при попытке сформулировать позитивный идеал революционности русский мыслитель указывает на то, что «этот положительный идеал можно определить разве только так: во имя безграничной самочинности рационального устройства жизни» [4. С. 14]. Революционность есть ничто иное как самоутверждение человека Нового времени, которое находит свое максимальное воплощение в русской революции. Вся история духовной жизни, начиная с нового времени, следовательно, разворачивается между двумя полюсами – верой в Бога и верой в человека. Эту мысль Франк будет высказывать и в своих более поздних работах. Так, к примеру, в своей философской антропологии, представленной в книге «Реальность и человек», философ отмечает, что «начиная с эпохи Ренессанса и вплоть до нашего времени европейская духовная жизнь протекает под знаком ожесточенной, смертельной вражды между двумя верами – верой в Бога и верой в человека. От Джордано Бруно и атеистов итальянского Ренессанса непрерывная линия духовного развития доходит до Фейербаха, Маркса и Ницше» [6. С. 216].

Из подобной контекстуализации русской революции, включения ее в общеевропейский бунт человека против Бога, С.Л. Франк приходит к значимым выводам о самом способе существования и основных характеристиках революционного мышления. Подобное мышление, стремящееся к рациональному устройению мира и человеческого общества, начинает воспринимать последние в качестве набора элементов, разнородных составляющих, которые возможно и должно комбинировать в зависимости от поставленной цели. На подобный атомистический, механицистский взгляд, присущий революционному социализму, Франк указал уже в своей ранней работе 1918 г. «De Profundis», где

обозначил «механический и атомистический взгляд на общество как на арену чисто внешнего столкновения разъединяющих, эгоистических сил» [7. С. 259]. В подобной перспективе совершенно не учитывается изначальная общность людей, соборность того или иного социума, потому что сама общность, соборность, является тем, что невозможно просчитать до конца, а стало быть и поставить под контроль. «Единство и общность в общественной жизни ...независимы от сознательной воли отдельных участников и в этом смысле возникают "сами собой"» [8. С. 41]. Соборность, таким образом, «является онтологическим понятием для "самого существа" и "внутреннего слоя или корня" любого общества» [9. С. 103]. По причине подобной «неподконтрольности» системообразующее, имманентное единство социума отвергается революционным мышлением, стремящимся к учреждению господства человека и его воли. Здесь мысль Франка демонстрирует удивительную близость к более поздним попыткам философского осмысления исторических трагедий XX в. Так, в своей «Диалектике просвещения» М. Хоркхаймер и Т. Адорно отмечали: «то, что не желает соответствовать мерилу исчислимости и выгоды, считается Просвещением подозрительным. Сумей оно однажды развернуться без помех со стороны внешнего принуждения, ему не было бы удержу» [10. С. 20]. По этому поводу В.Н. Порус пишет: «за два десятка лет до М. Хоркхаймера и Т. Адорно, взваливших вину за культурный провал человечества на идеи эпохи Просвещения, С.Л. Франк бросает подобные же обвинения» [11. С. 129].

Другой исток русской революции скрыт, согласно Франку, в специфике русского национального духа и русской национальной истории. Сама революция, как отмечает мыслитель, есть «последний этап развития» русского, национального «духовного прошлого» [3. С. 150]. Однако

что в духовном прошлом России выступило фундаментом сначала для Февраля, а потом и для Октября 1917 г.?

Как указывают многие философские предшественники Франка, одной из самых травматичных и болезненных страниц русской истории, повлиявших на все последующее духовное развитие России, были реформы Петра Великого. С подачи первого русского императора, принесшего и навязавшего неорганичную для России западноевропейскую культуру, в стране, по мнению Франка, начинают появляться первые ростки нигилизма. Именно Петр навязывает чуждую для России, не знавшей ни Возрождения, ни Реформации, секуляризацию государства и гражданских институтов. «В этом смысле Петр Великий был действительно первым русским революционером, и не случайно большевики, при последнем ограблении церкви, ссылались на его пример» [5. С. 219]. Именно в XVIII в. в русской мысли возникает, так называемое, «вольтерьянство», из которого, как пишет В.В. Зеньковский, оформляется как «идейный радикализм, так и существенно отличный от него "нигилизм"» [12. С. 82]. Особый успех нигилизма в России Франк связывает со спецификой русской религиозности. В своей работе «Большевизм и коммунизм как духовные явления», говоря о западноевропейской и русской религиозности, философ утверждает, что: «религиозный дух Запада направлялся на формирование нравов и правовых отношений, Церковь формировала жизнь, которая во всех: государственной, нравственной и гражданской областях покоилась на религиозных основах. Вера в эти основы так прочно вошла в душу европейца, что после разрушения теократического фундамента жизни осталась неприкосновенной, как известные "священные принципы", нормирующие жизненное устройство. ... Совершенно иное в России. Большая духовная энергия, черпаемая из неиссякаемого источника православной веры, направлялась в

глубины духовной жизни, не участвуя заметно в формировании гражданской и государственной жизни ...типичный русский не верит в какие-либо автономные, на самих себе покоящиеся ценности и идеалы гражданской и государственной жизни» [13. С. 143-144]. Подобная специфическая религиозность русского человека обусловила широкое распространение нигилизма, потому что в условиях секулярной культуры произошел максимальный поворот от веры в Бога к вере в человека, в его могущество и самочинность. Это же привело к неограниченному революционному переустройству общества, не считающемуся ни с какими моральными и гуманистическими ограничениями.

При этом кроме процесса секуляризации петровские реформы создали культурный раскол внутри самого общества, способствовали отчуждению между различными его слоями: «Для русского мужика барин был не только "эксплуататором", но – что, быть может, гораздо важнее – "барин", со всей его культурой и жизненными навыками, вплоть до платья и внешнего обличья, был существом чуждым, непонятным и потому внутренне неоправданным, и подвластность этому существу ощущалась как бремя, которое приходится и даже нужно "терпеть", но не как осмысленный порядок жизни» [5. С. 212]. В качестве красноречивого примера внутреннего культурного разрыва Франк в одной из своих неопубликованных лекций приводит личности А.С. Пушкина и Серафима Саровского, которые жили почти в одно и то же время [14]. Подобное отчуждение внутри русского общества привело к непониманию и страху, который в свою очередь способствовал ожесточению между европеизированной правящей элитой и остальным народом. Сочетание двух истоков – национального и западноевропейского – и создает специфику русской революции.

Как отмечает С.Л. Франк в работе «Из размышлений о русской революции», содержание того идейного заимствования, которое реализовывалось русскими мыслителями, во многом обуславливалось спецификой русского национального духа, особенностью его религиозности и революционности: «Поскольку русские "западники" оставались русскими, они заимствовали с Запада преимущественно радикальные и социалистические идеи, то есть идеи, в сущности отрицавшие устои западной культуры» [5. С. 220]. При этом подобные радикальные идеи попадали на отличную от западноевропейской духовной почвы почву русского нигилизма, где с ними в известной мере происходила *reductio ad absurdum*, которой не препятствовали никакие самоценные этические и культурные нормы. Так уже в статье «De Profundis» Франк писал, что «на примере нашей судьбы мы начинаем понимать, что на Западе социализм лишь потому не оказал разрушительного влияния и даже, наоборот, в известной мере содействовал улучшению форм жизни, укреплению ее нравственных основ, что этот социализм не только извне сдерживался могучими консервативными культурными силами, но и изнутри насквозь был ими пропитан» [7. С. 256]. Именно подобная нигилистичность как национальная черта русского сознания, которая была усугублена культурным расколом внутри общества, и дает возможность реализоваться в России западноевропейскому социализму в лице большевизма и революции, которая никогда до конца не смогла бы найти свое воплощение на самом Западе.

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на то, что в 20-30-е гг. прошлого столетия к философскому осмыслению истоков и оснований русской революции обращались многие видные философы того времени, анализ этого исторического явления, проведенный Франком, отличается не только своим вниманием к национальным,

чисто русским истокам революции, но он также обращается к общеевропейскому контексту борьбы двух начал – веры в Бога и веры в человека, одним из ярких проявлений которой и являются события 1917 г. Россия становится той страной, в которой сбываются самые заветные мечты и в то же время самые страшные кошмары европейского человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Назарова О.А.* Философия истории Семена Людвиговича Франка // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 125-136.
2. *Ehlen P.* Zur Ontologie und Anthropologie Semen L. Frank // Simon L. Frank. Die Realität und der Mensch. Eine Metaphysik des menschlichen Seins. München: Verlag Karl Alber Freiburg, 2004.
3. *Франк С.Л.* Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. М.: АСТ, 2000.
4. *Франк С.Л.* Религиозно-исторический смысл русской революции // Мосты. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1967. С. 7-32.
5. *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. № 4. С. 207-225.
6. *Франк С.Л.* Реальность и человек. Москва: АСТ, 2007.
7. *Франк С.Л.* De Profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 251-269.
8. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
9. *Элен П.* Семен Л. Франк: философ христианского гуманизма. М.: Макс-Пресс, 2012.
10. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.: «Медиум», СПб.: «Ювента», 1997.
11. *Порус В.Н.* С.Л. Франк: антиномии духа как основания культуры // Идейное наследие С.Л. Франка в контексте современной культуры. М.: ББИ, 2009.

12. *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.: Академический проект, 2001.
13. *Франк С.Л.* Большевизм и коммунизм как духовные явления // Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 137-148.
14. *Франк С.Л.* Религиозное начало в русской мысли // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. S.L. Frank Papers. Box 12.

СЕКЦИЯ «SCIENCE-ART: КОНВЕРГЕНЦИЯ НАУКИ И ИСКУССТВ»

Г.Ю. Беляев
Институт стратегии развития образования РАО,
Москва, Россия.
E-mail: gennady.belyaev2011@yandex.ru

В ПРЕДДВЕРИИ СИНГУЛЯРНОСТИ: NBIC-КОНВЕРГЕНЦИЯ КАК ВЫЗОВ XXI ВЕКА ТРАДИЦИОННОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

В статье анализируется сценарий конвергенции ключевых научно-технологических линий современности в единую стратегию и практику, предполагаемым прогнозом которой станет фазовый переход современного социума и совокупности технологических и гуманитарных слагаемых «техносферы» в неизвестное сейчас и непредсказуемое состояние сингулярности. В статье акцентирован вопрос о связанных с этим рисках целесообразности, правомерности, допустимости изменения традиционной человеческой идентичности, адаптирующейся либо адаптируемой для новых реалий мира, о потенциально возможной необратимой дегуманизации человека и общества. При анализе термина «NBIC-конвергенция» впервые высказано предположение о такой конвергенции как о новой глобальной проблеме человеческой цивилизации.

Ключевые слова: идентичность, конвергенция, синергетика,

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Современная педагогическая компаративистика: роль, функции и факторы развития», № 17-06-00122-а.

фазовый переход, технология, трансгуманизм, технологический уклад, эволюция.

Техносфера и человеческая идентичность – на пути к «постчеловеку»?

Принципиально важное значение для гуманитарной сферы человеческой цивилизации имеют результаты, последствия и последствия экспоненциально ускоряющихся как на собственной, так и на междисциплинарной основе технологий НТР. Наряду с качественными трансформациями производственных отношений, они вполне способны привести к непредсказуемым феноменам, затрагивающим фундаментальные представления человека о собственной идентичности. Причем не только идентичности социальной (этнической, гендерной), но и биологической, как вида – ввиду перспектив ничем и никем не ограниченного внешнего контроля глобальных систем искусственного интеллекта за разумом и поведением людей.

Синергетическая методология (или синергетика как область знания) могла бы стать неким ключом в более адекватном понимании и учете объективных реалий эволюции человеческого общества [1. С. 60-65]. В рамках синергетической модели любого сложного объекта или системы, любой прогресс означает всего лишь восстановление относительной устойчивости системы на все более высоком уровне ее неравновесного состояния. [2. С. 84-86]. Неравновесная устойчивость гуманитарных систем требует особо повышенного внимания именно к связям управления и функционирования, случайная и незастрахованная неадекватность в этой сфере чревата лавинообразными последствиями и событиями, выходящими из-под технологического или, что еще опаснее – социального контроля не только в локально-региональном, но и в глобальном масштабе. Однако роковую роль в девальвации данных, получаемых в

рамках синергетического подхода, может сыграть привычка человеческого сознания мыслить традиционно, проецируя в «завтра» копию-слепок сегодняшнего состояния и технологических укладов общества и биосферы в целом. Точно так же вне всякого учета состояния будущего мира привычно и произвольно экстраполируются социальные идеи предшествующих эпох и техно-промышленных укладов (будь то идея «пролетарской революции», «устойчивого развития», «золотого миллиарда» или «конца истории» по Ф. Фукуяме). Системная человеческая ошибка копирования настоящего в будущем (подмеченная еще в 1970-е г. фантастом и футурологом Вернором Винджем), наложенная на непознаваемые факторы экспоненциального прогресса (закон Мура, G. Moore, 1965), может дорого стоить обществу. Собственно с целью восполнения пробелов своей человеческой идентичности в процессах преобразования внешнего мира, окружающей среды «под себя», под свои растущие потребности и занимается человек, изобретая, внедряя и совершенствуя внешние по отношению к собственно природе технологии, более того – всю техносферу в целом. Идентичность современного человека уже несколько десятков лет оказывается в ситуации ускользающей или мерцающей реальности перехода количества в качество, которому даются заведомо шаблонные, то есть неточные и неверные оценки.

Свои варианты поиска ответов на решение проблемы отставания разума от так называемого «вертикального прогресса» предлагает современный *трансгуманизм* – как (цитируем) «рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и

психологические возможности человека» [2]. Предлагается пойти по пути усовершенствования, модификации, реформатирования базовых настроек самого человека, не останавливаясь перед переделкой некоторых его ключевых телесных и духовных идентичностей. Речь идет, например, о прогнозах ревитализации организма, генной инженерии, киборгизации – протезирования-замещения внешних и внутренних органов человека, утраченных по болезни или после аварии, внедрения прямых нейросиликоновых интерфейсов «мозг-компьютер», микроскопических нанороботов. Наноботы или ДНК-компьютеры размером менее молекулы циркулируют в организме и очищают его от шлаков старения, формируют экзокортекс мозга наработкой программных систем, расширяющих мыслительные способности человека. Говорится и о переносе нейронных сетей мозга и функций разума (неокортексных колонок) на искусственные носители. Такая перспектива, отраженная в проекте *BlueBrain*, получила собственное название *uploading*, загрузка [3. С. 50-57].

Тем не менее особо оптимистических сценариев солнечного человеческого будущего здесь пока не просматривается. События начала XXI столетия пока не опровергают, а в целом только подтверждают процесс расхождения между экспоненциальным ростом технологий и состоянием общественного сознания, включая уровень понимания происходящих изменений на самых верхних «этажах» принятия стратегических управленческих решений, способных повлиять на разрешение хотя бы одной из опасных глобальных проблем. Напомним, что к ним относятся проблемы экологической, климатической, демографической, информационной безопасности, проблема третьей мировой войны с применением оружия массового поражения, триггерными эффектами ядерной зимы и невозможного разрушения биосферы и т.д.

Тревожные противоречия между достигнутым и планируемым уровнем технологий и уровнем обыденного сознания и мышления могут достичь кризисного порога разрыва в понимании и применении достижений научной мысли в рамках чисто потребительского обывательского отношения, даже на уровне политических элит. Впервые в истории человечества его технологическое развитие стало глобальной проблемой утраты контроля не только за его результатами. Возможна непредсказуемость стихийного развития отдельных направлений технологического прогресса, равнозначно способных как возвысить главную производственную силу социальной эволюции – человека разумного, так и ликвидировать его как биологический вид. Такие тенденции существуют, и задача фундаментальных исследований вовремя оценить по достоинству формирующиеся риски, упредив их разрастание до уровней и масштабов их необратимого синхронизированного воздействия на человечество.

Наиболее заметная современная тенденция сдвига парадигмы науки заключается в том, что гуманитарное знание захватывает знание естественнонаучное, существенно изменяясь при этом под интенсивным влиянием естественных наук (разительный пример – эволюция когнитивных наук, когнитивистики, включающей нейрофизиологию, нейронауку, неврологию, нейропсихологию и нейролингвистическое программирование). Модель постановки и решения научных проблем приобретает так называемую «человекоразмерность», парадоксально уходя при этом от традиционной интерпретации гуманизма с его аксиоматическими табу на вмешательство в природу человека как вида (генная инженерия, клонирование). Однако при ликвидации аксиоматических точек опоры разума в категориях объективной реальности наступает мировоззренческий хаос идей и идеологический вакуум фун-

даментальных смыслов человеческой жизнедеятельности. Дисциплинарная матрица, рожденная парадоксами постмодернизма, небезобидна: она может инициировать своего рода «сброс» фундаментальной науки и временное торжество голого эмпиризма и практицизма, лишённого гносеологических опор. Это больше не экзистенциальная «игра в бисер» пресыщенных интеллектуалов, уставших от социальных и культурных противоречий современного мира. Таким образом, гуманитарная парадигма рискует полностью очиститься от традиционных подходов, заложенных еще традициями античной философии, Ренессансом и проектом эпохи Просвещения. Но расчищаемое таким образом место общественного сознания рискует заполниться совершенно неожиданными, *постчеловеческими (posthuman)* проектами, более не нуждающимися ни в каком моральном оправдании.

Технический директор корпорации Google, ученый, изобретатель ключевых гаджетов футуролог Рэй Курцвейл (Kurzweil), опираясь на эмпирическую закономерность или закон основателя корпорации Intel Гордона Мура, вывел *модели экспоненциального технологического роста*, сформулировав закон ускоряющейся отдачи технологий (букв. «the law of accelerating returns») [4. Р. 44-58], в логарифмической прогрессии удваивающих свое собственное развитие и совершенствование скорости передачи данных вплоть до порога создания систем искусственного интеллекта. Это компьютерные технологии, нанотехнологии, генетические исследования, секвенирование генома и сканирование мозга и т.п. высокие технологии, «цепляющие» за собой весь остальной технологический базис, то есть те области научного знания, где результаты стремятся к логарифмическим эффектам сокращения сроков внедрения в практику. Так обстоят дела с кремниевыми (силиконовыми) чипами и их миниатюризацией, на чем стоит весь со-

временный компьютерный тренд. Более того, выяснилось, что высокие технологии и понимаются адекватно только друг через друга, и стремятся в своем экспоненциальном росте даже не к междисциплинарному пересечению, а к слиянию в пределе неизвестности (the S-curve, букв. «изгиб, меандр»), за порогом которого наступит состояние общества и техносферы, о котором ошибочно судить в терминах современного мышления! Это и есть состояние *технологической сингулярности*.

Техно-инфо-нано-био-когно-мир – состояние, этап, фазовый переход сингулярности?

Для понимания этой фазы развития цивилизации удобно воспользоваться термином «технологический (техно-промышленный) уклад», введенным в научный оборот Д.С. Львовым и С.Ю. Глазьевым [5]. Ряд тенденций свидетельствует о том, что шестому техно-промышленному укладу (началом которого является цифровая революция) воспоследует уклад *седьмой технологический*, о котором мало что известно, кроме общих фраз о так называемой «экономике знаний». По выводам Ю.В. Громыко, вполне согласующимися с прогнозами Мура и Курцвейла, основой седьмого уклада станут именно когнитивные технологии, а сознание, соединенное с компьютером, станет непосредственной производительной силой на основе системной инфраструктуры нанотехнологий, которые «оказываются связанными в единую мультитехносистему, где эффекты использования одних технологий поддерживают применение и развитие других технологий» [Там же]. Пик вхождения передовых обществ в седьмой уклад придется, ориентировочно, на 2030-2050 годы, но этот процесс, скорее всего, совпадет и сольется с удивительным состоянием технологической сингулярности с непредсказуемыми пока последствиями для человечества и его базовых идентично-

стей – вида, расы, этноса, социального пола и социальных ролей, прямого диалога человеческого и машинного интеллектов.

Состояние технологической сингулярности было квалифицировано предсказано вторым основателем кибернетики фон Нейманом в 1965 году. Оно означает достижение человечеством такой стадии его технологической зрелости, когда развитие технологий перейдет, ускоряясь до непредсказуемости в «вертикальном прогрессе» роста по логарифмической экспоненте, ключевые технологические линии доведут междисциплинарность до слияния (перечисляемых нами ниже) областей научного знания и человеческой практики, а компьютерные системы достигнут пороговой фазы перехода к искусственному сверхразуму.

Термин NBIC-конвергенция (аббревиатура по первым буквам *N-нано*, *B-био*, *I-инфо*, *C-когно*, термин введен в 2002 г. М. Роко и У. Бейнбриджем в отчете *Converting Technologies for Improving Human Performance* (Конвертирование технологий для улучшения деятельности человека), подготовленном в рамках Всемирного центра оценки технологий (WTEC), означает эволюцию новейших высоких технологий по симбиозу человека и техники, генную инженерию, взаимодействие нано- и биотехнологий в дальнейшем общем ходе развития человечества как цивилизации [3. С. 46-49].

Обозначим эти направления условно (метафорически) как «миры», стремящиеся к соединению, конвергенции в точке «х» не такого уже и далекого будущего.

Техномир. Технологическая революция приобрела глобально-необратимый характер. Цифровая революция продолжается (микротранзисторы сменяются выращиванием трехмерных логических наноэлементов – на наших глазах (за)рождается эпоха оптических, наномеханических и квантовых, голографических компьютеров). Уже ставит-

ся вопрос о возможности мегамасштабного строительства (революция в материаловедении позволяет делать это в сочетании с технологией наноассемблера как мегамашины), способного производить сборки каких угодно конструкций по вводимому в них плану. Иначе говоря, наноассемблер – это самокопируемая сборочная кибермашина, невероятный, но прогнозируемый аналог «скатерти-самобранки»: «за счет параллельной работы множества таких устройств с очень большой скоростью могут создаваться объекты любых размеров, наноассемблеры могут быть распределены в пространстве в ожидании команды на производство» [6]. Более того, подобные технологии могут быть использованы и для перестройки телесности, и даже ВНД (высшей нервной деятельности) самого человека.

Инфомир. В значительной мере информационный мир является не только порождением мира технологического, следствием тотального технологического перехода на цифровые носители, продуктом среды высоких технологий, но и сам начинает быть источником принципиально нестандартных технологических инноваций на субатомном трехмерном моделировании технологических процессов.

Наномир. Нанотехнологический переворот представляет собой новое состояние технологической реальности, чреватое непредсказуемыми сдвигами физической природы (атмосфера, вода, почва) и неожиданными эффектами мутации социальной организации общества.

Биомир. Биотехнологическая революция приведет к созданию наноассемблера, проявляя свои достижения в геной инженерии, клонировании, расшифровке генома человека, в выращивании имплантатов, в конструировании наноботов и др.

Когномир. Когнитивная революция – это прорыв в познании природы сознания и мышления. Инструментарий языка «когномира» – когнитивная наука или когнитиви-

стика. Применяя методы магнитоакустического резонанса, позитронно-эмиссионной и компьютерной томографии, нейровизуализации, электрофизиологии, генетического анализа и поэтапной расшифровки генома, *когнитивная нейронаука* исследует функциональные связи процессов мышления с эмоциональной сферой, с ценностями и смыслами поведения [7]. Новый импульс будет дан *нейролингвистическому программированию* (и в обучении языкам и в программах контроля социального поведения). В теме идентичности человека расставят новые акценты и откроют новые измерения дальнейшие исследования в сфере эмоционального интеллекта [8] (второсигнальное управление восприятием, подтверждение ярких гипотез нейролингвистов XX века (А.Р. Лурия, Т.В. Черниговская) и психолингвистов (Н. Хомски, А.А. Леонтьев)). Особое внимание в исследовательских программах будет сосредоточено на так называемых *«зеркальных нейронах»*, образующих нейронные сети, связи которых лежат за рамками как первой, так и второй сигнальных систем (образуя субстрат надпредметного (метапредметного), нелинейного мышления).

Риски и предостережения

Использование прямых чипированных интерфейсов мозг-компьютер может создать риск (точнее соблазн) нового механистического переноса закономерностей (квази-)биологических систем на социальные системы. Это чревато формированием особых технократических подходов (типа гипертрофированной геной инженерии) в элитном научном сообществе с последующей трансляцией подобных идей, подходов и методов в социально-гуманитарную сферу и в стратегии дегуманизированного образования. Уже сейчас существует риск перегруппировки управленческих и научных элит с выходами на проектирование управляемой популяции «глобального человеконика» (А.А.

Зиновьев, 2002). На человеческую идентичность могут серьезно повлиять в негативном плане изменения морально-этических норм, допускающие формирование неопределенного множества индивидуально-половых гендерных идентификаций. Эрозии могут подвергнуться базовые общечеловеческие ценности – существует риск стирания границ между живым и неживым, вызова обесмысливания понимания жизни, девальвации ее индивидуальной личностной ценности. Опасен переход многих профессиональных информационных интернет-субкультур в полностью онлайную среду, радикально отрицающую сам принцип реальности (тотальная виртуализация аватаров) и поощряющую трансформацию принципа удовлетворения вне какой-либо привязки к конкретным действиям или событиям [9. С. 14-15]. Двояким образом в отношении перемен в человеческой идентичности могут проявить себя и социальные сети, парализуя взаимоотношения, связанные с творческой и познавательной деятельностью, поощряя эмоционально бесконтрольное и интеллектуально депривированное контркультурное и диссоциальное поведение их постоянных или временных абонентов.

NBIC-конвергенция представляет собой и вызов, и глобальную проблему цивилизации. Ее самый общий сценарий просматривается до порогового слияния в фазе экспоненциальной технологической сингулярности. Дальше мир людей вступает во время и пространство неизвестности, когда все привычные сегодня расчеты, прогнозы, пророчества и экстраполяции перестанут действовать. По сути, это и есть *ноосфера* – со всеми ее невероятными возможностям и вызовами человечеству. В состоянии фазового перехода к неизвестности все привязанные к линейной логике современной технологической, социальной, культурной и моральной реальности расчеты лишатся все еще плохо понимаемого, однако привычного сейчас смыс-

ла. Наступит время экзаменов и испытаний человеческой идентичности, и образование должно к этому готовиться, хотя бы не умножая и не усложняя еще больше существующие ныне риски.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буданов В.Г. Как возможна квантово-синергетическая антропология: синтетические миры телесности // Телесность как эпистемологический феномен / Отв. ред. И.А. Бескова. М.: ИФ РАН, 2009. С. 55-70.

2. Буданов В.Г. Конвергенция как новый этап социокультурной революции. Материалы круглого стола № 3 под редакцией Ковальчука В.М. и Нарайкина О.С. III Санкт-Петербургский международный культурный форум. Секция «Наука и образование в пространстве культуры» / НИЦ «Курчатовский институт», 2015. С. 83-86.

3. Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / Под ред. В. Прайд. М: ЛКИ, 2008. С. 7; 47-49; 50-57; 72-77. (Диалоги о будущем).

4. Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. New York: Penguin Group. P. 44-58; 59-63.

5. Громыко Ю.В. Что такое новый технопромышленный уклад? // Альманах «Восток». Выпуск № 4 (40), сентябрь 2006. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1147.htm. (дата обращения: 29.04.2017).

6. Drexler E. & Peterson C. Unbounding the Future: The Nanotechnological Revolution. New York: William Morrow & Company. Available at: http://www.foresight.org/utf/unbound_lbw/chapt_3.html/ (accessed 26 April 2017).

7. Асеева И.А., Пащенко Е.Н., Кравченко О.А. Гуманитарные аспекты nbics-технологий: системный подход // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 6-1 (51). С. 78-80.

8. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Models of Emotional Intelligence / R.J. Sternberg (ed.). Handbook of human intelli-

gence (2nd ed.). New York: Cambridge University Press, 2000. P. 396-420.

9. *Пэлфри Дж., Гассер У.* Дети цифровой эры. М.: Эксмо, 2011.

*А.Е. Варлыгина
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: pusha5585@mai.com*

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ САЙНС-АРТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье поднимается вопрос о функциональности сайнс-арта в современном контексте. Автором рассмотрены основные подходы к определению сайнс-арта и выделены его ключевые функции.

Ключевые слова: наука, искусство, технология, общество, культура, человек, современность.

С конца XX века стала активно формироваться тенденция к междисциплинарному подходу к знанию, в частности научному. Ориентация на взаимодействие различных дисциплин привела к возникновению явления «сайнс-арт», находящегося на стыке науки и искусства. Сложность принятия и интерпретации данного феномена как в научном, так и в художественном сообществах на данный момент не позволяет в полной мере обозначить и определить функциональные особенности сайнс-арта и их значимость в контексте современности. Поэтому нашей целью является попытка сформулировать функциональные особенности феномена сайнс-арта на основе современных на-

учных и художественных исследований и наблюдений по вопросу изучения сайнс-арта и смежных явлений. Источники представлены в виде монографий, статей, материалов с сайтов, выставочных материалов, посвященных взаимодействию науки, искусства, технологий и общества.

Для начала определим, что следует понимать под формулировкой «сайнс-арт». С художественной точки зрения, сайнс-арт можно считать новым направлением в современном искусстве, выходящим за границы художественного мира, проникающим в научные лаборатории. Здесь «научное искусство» находит новые технологичные средства для выражения мысли. С другой стороны, сайнс-арт – это наука, использующая искусство как инструмент визуализации открытий и как дополнительный канал популяризации своего знания в обществе [1. С. 3]. С третьей точки зрения, сайнс-арт – «яркое воплощение культур-конвергентного процесса, утверждающего объединение и тесное взаимодействие двух сфер культуры – рационально-дискурсивной и художественно-эстетической» [2. С. 7]. Объединив все вышечисленные понятия, становится очевидно, что сайнс-арт – многогранное и многофункциональное связующее звено в гармоничном взаимодействии и развитии современных науки, искусства, технологий и общества.

Таким образом, возникает вопрос: в чем заключается многофункциональность сайнс-арта и какое значение оно может иметь для современности? Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, для начала следует обратить внимание на то, как воспринимается современная эпоха и происходящие процессы учеными. Доктор философских наук П.Д. Тищенко в своей монографии описывает современную эпоху, в частности эпоху биотехнологий, следующим образом: «В основе эпохи биотехнологий лежит повально поставленный диагноз экзистенциальной угрозы и пути спасения. Характерная для классической эпохи экзи-

стенциальная установка сохраняется, но при этом сам научный разум и стремительно растущая власть техники оказываются признаны в качестве одной из главных угроз сущности и существованию человека. Иными словами, на базисном экзистенциальном уровне складывается парадокс – угроза видится там же, где и спасительное» [3. С. 56]. В данном труде поднимается важнейший вопрос об этике в эпоху технологий. Какова роль сайнс-арта в нахождении той самой границы между губительным и спасительным и как данное явление помогает его увидеть? Важной функцией сайнс-арта как многогранного сбалансированного пути познания является возможность человека увидеть внутри себя истинно «человеческое», открыть скрытые смыслы в контексте стремительно развивающегося технологического мира. Процесс познания себя интерпретируется как отделение «своего» от «чужого». «Причем отношение между «своим» и «чужим» не просто структурирует мир человека, но как бы размечает пространство определяющего судьбу поединка – экзистенциального противоборства целью в спасение или гибель. «Узнай себя!» – значит отличи в самом себе собственное (свое бытие) от инородного – чужого, угрожающего гибелью и небытием. Узнай – значит встань на путь спасения, значит проясни свою жизненную ситуацию как экзистенциально ориентированную между полюсами «блага» и «зла» [Там же. С. 73].

Доктор физико-математических наук, Г.Г. Малинецкий, утверждает, что ответы на вопросы «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?» являются основой мировоззрения и идеологии, понимаемой как дальний прогноз. Без ответов на них общество «рассыпается», а человек лишается внутренней опоры и легко становится объектом манипуляций и жертвой предрассудков. Культура и наука, рассматриваемая как ее важная часть, должны дать эти ответы» [4].

Многофункциональность сайнс-арта также находит себя и в многогранном трансдисциплинарном подходе к изучению реальности, что возвращает нас от специализаций к «широкомасштабному и образному мышлению» [5. Р. 12]. Данный подход позволяет комплексно осмыслить и использовать все преимущества развития современной научно-технической мысли, иными словами, более творчески и в то же время технологически и научно обоснованно подойти к решению актуальных проблем и вопросов. Такие условия, в свою очередь, являются наиболее благоприятными для возникновения и реализации инноваций, а наличие «человеческого» (речь идет в том числе и о персонификации) предоставляет возможность максимально интегрировать полученные знания в общество, тем самым развивать культурный уровень человека и общества в целом.

Таким образом, отвечая на поставленный выше вопрос, можно сделать вывод о том, что многофункциональность сайнс-арта проявляется в следующих процессах: популяризация науки, развитие современного искусства в новых «координатах», поднятие актуальных для всего общества (в широком смысле слова) вопросов и поиск ответов и решений, возвращение человека к «человеческому» (обретение скрытых смыслов) – все это, в широком смысле, является задачами глобальной миссии – поиском гармоничной жизни в контексте современного технологического мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Polytech. Science. Art: Наука. Искусство. Технологии. Отчетный каталог / Ред. М. Сикирина. Сост.: Н. Фукс, А. Тахтаева. М.: Изд.: Политехнический музей, 2015.
2. *Левченко О.Е.* Освоение природы средствами сайнс-

арта: «естественное» и «технологическое»: дис. канд. культ. наук. М., 2016.

3. *Тищенко П.Д.* Биовласть в эпоху биотехнологий. М.: ИФРАН, 2001.

4. *Малинецкий Г.Г.* URL: <https://www.facebook.com/larisa.pastukhova.1/posts/757505787756343> (дата обращения: 29.04.2017).

5. *Fuller R. Buckminster.* Operating Manual for Spaceship Earth. Southern Illinois University Press, 1969.

И.Н. Вольнов

Московский политехнический университет,

Москва, Россия.

E-mail: ilja-volnov@yandex.ru

ЕДИНСТВО НАУКИ И ИСКУССТВА

В статье рассмотрены вызовы ближайшего будущего, приводящие к смене жизненного уклада и способа мышления. Рассмотрены условия единства наук и искусств и возможность становления *Science-Art* как третьей культуры.

Ключевые слова: будущее, наука, искусство, *Science-Art*, третья культура, монолектика, диалектика, трилектика, междисциплинарность, трансдисциплинарность.

Современная цивилизационная ситуация уникальна. В жизни современного нам поколения происходят процессы, аналогов которым не было за всю историю существования человечества. Это большой демографический переход (С.П. Капица), технологическая сингулярность (Р. Курцвейл), эволюционная сингулярность (А.Д. Панов), большой семантический переход (И.Н. Вольнов), информационный взрыв [1, 2, 3, 4, 5] и др. Для регулирования некоторых процессов у человечества есть инструменты,

соизмеримые с масштабом происходящего. Например, уже запущен механизм социального торможения технологического прогресса и информационного торможения демографического взрыва (С.П. Капица). Для других процессов, например, эволюционной сингулярности, таких инструментов у человечества пока нет, и оно оказывается перед необходимостью быстрой смены жизненного уклада и способа своего мышления как единственной возможности адаптации к новой реальности. Эта ситуация критична тем, что господствующее мышление, на котором выстроена вся классическая культура, имело претензию на универсальность [6, 7, 8], предполагая, что границ у него нет. Однако на рубеже тысячелетий эти границы не замечать было уже нельзя. Так, В.В. Налимов констатирует исчерпанность семантического потенциала чувственного восприятия окружающего нас мира, а также указывает на невозможность дальнейшего развития через продолжение накапливания модельных представлений о реальности без их качественного преобразования. С другой стороны, технологический уровень развития поставил новые вопросы о границах живого и неживого, человеческого и нечеловеческого (в контексте биомедицины, управления геномом, клонирования, киборгизации), возможности личного бессмертия (трансгуманизм) и т.д. [9, 10, 11].

Эти и другие вопросы оказываются неразрешимы в рамках классического мышления.

Рассмотрим в этом контексте проблематику Science-Art как третьей культуры и как инструмента возможной смены способа мышления. Поставим следующие вопросы: Возможно ли объединение наук и искусств? Если возможно, то при каких условиях?

Проблема раскола «двух культур» (на физиков и лириков) давно и хорошо известна, яркими выразителями ее стали в конце 60-х годов Ч. Сноу и позднее Е.Л. Файн-

берг. Предполагалось, что ответом на данный вызов станет синергетика, которая в последней трети XX века предложила проект междисциплинарности. Сейчас уже можно говорить, что этот проект не оправдал ожиданий и привел лишь к умножению дисциплинарного знания. Рассмотрение наук и искусств на междисциплинарном уровне способствовало возникновению в начале 90-х нового направления современного искусства Art-Science, которое, однако, не развилось в третью культуру.

Попробуем рассмотреть происходящее с позиции классификации способов мышления (размерности мышления) предложенной С.Б. Переслегиным [12]. По Переслегину, *естественнонаучное мышление* конкретно, нецеленаправлено, материалистично, рефлексивно, оно использует такие понятия, как пространство, время, материя, атом, капитал и другие, а в аргументации использует логику или схоластику (опирается на математику). «Естественнонаучное мышление является очень сильным и до нашего времени претендует на роль всеобщего, единственно верного мышления, "правильного мышления". Во всяком случае, современный технологический мир и современная наука, в том числе, кстати, и гуманитарные дисциплины, построены именно им» [Там же. С. 24].

Гуманитарное мышление неконкретно, телеологично (целенаправленно), идеалистично и нерефлексивно, оно оперирует понятиями добра, зла, красоты, бессмертия, души, человечности. Большинство этих понятий не только не могут быть корректно определены, но и вообще лишены смысла вне конкретной, фиксированной онтологии, в отличие от естественнонаучных понятий. Аргументация сводится к конвенционально признанной традиции, обычно довольно случайной по своему содержанию.

Естественнонаучный и гуманитарный способы мышления, по С.Б. Переслегину, являются производными

научного мышления, которое по сути монолектично (в противоположность диалектичности) и имеет следующие слабые места: монолектическая аналитика и конструирование всегда представляют собой перенос локальной области знания, причем только своей, вперед; оно склонно к неоправданным обобщениям (генерализациям); является принципиально неполным (вторая теорема Геделя) и в этом смысле показывает свое несовершенство.

В этой классификации видно, что естественнонаучный и гуманитарный способы мышления по всем признакам противоположны. Они также не могут образовать диалектического единства, т.к. находятся в поле монолектики. Другими словами, междисциплинарность Science-Art внутри этого мышления невозможна. Теперь поставим вопрос – а где Science-Art возможен? Ответ на него очевиден. Необходимо подняться над монолектикой, выйти на уровень диалектики и дальше – триалектики.

Рассматривая Science-Art как единство в рамках диалектического мышления, приходим к затруднению другого рода. Люди науки не могут быть носителями Science-Art в силу монолектичности своего мышления. Такими носителями являются инженеры. Технологическое диалектическое мышление инженеров умеет работать с простыми бинарными противоречиями [13, 14, 15], рассматривая их как источник и причину развития конкретных систем (технических, социальных или административных), и использует для преобразования базовых противоречий эволюционные модели и приемы ТРИЗ (теория решения изобретательских задач Г. Альтшуллера).

Другой вариант единства Science-Art возможен в рамках триалектического мышления. Для этого базовое противоречие науки и искусства преобразуется в триединство добавлением третьей стороны – технологии. Здесь следует говорить о тройном противоречии (единстве) Science-

Art-Technology. Триалектическое мышление практически не используется ни современной наукой, ни инженерией. Оно не является конвенциональным и требует личной ответственности мыслителя. «Главной и сложной задачей для аналитика-триалектика является перевод результатов его деятельности в конвенционально принятый и понятный аудитории результат» [12. С. 27]. «Все гениальные инженеры были стихийными триалектиками, выбирая в треугольнике прототипы-новации-иное, последнее» [Там же. С. 28].

Переход от диалектики к триалектике открывает возможность увеличивать размерность мышления и дальше. Такое мышление становится уже сложным и в этом смысле может быть сопоставлено вызову сложности, сопровождающему режимы сингулярности, о которых было сказано вначале. Однако предметно говорить о сложном мышлении в ситуации не полного освоения цивилизацией диалектического мышления и лишь частичного освоения триалектического весьма затруднительно. Но следует сказать, что единство наук и искусств на этих уровнях сложного мышления возможно, при его обнаружении, оно, по всей видимости, покажется нам как минимум оригинальным.

Подведем итоги.

– Единство науки и искусства на междисциплинарном уровне невозможно. В лучшем случае возникают новые дисциплинарные направления, типа нового направления в современном искусстве Art-Science.

– Science-Art как третья культура возможно только на трансдисциплинарном уровне, с диалектическим, триалектическим или более сложным мышлением.

– Носителями диалектического единства Science-Art являются инженеры (не ученые и не художники).

– Носителями триалектического единства Science-Art-Technology являются гениальные инженеры.

– Единство Science-Art на более сложных уровнях мышления возможно и при его обнаружении будет как минимум оригинально.

– Трансдисциплинарное единство Science-Art может рассматриваться как один из вариантов нового мышления при ожидаемой смене способов мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркова Э.В. К определению человека XXI века: философия образования в поисках целеполагающих стратегий // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Философские науки». 2013. № 1 (7). С. 46-53.

2. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Роль менталитета в преодолении антропогенных кризисов // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6. № 1 (11). С. 166-180.

3. Ивлева М.И. Межкультурные коммуникации в российской университетской философии // Культура диалога культур: постановка и грани проблемы. Материалы Международной научной конференции. Ответственные редакторы И.М. Меликов, А.А. Гезалов. М., 2016. С. 253-256.

4. Культурная политика России: актуальные аспекты / Колл. авт.: Чумаков А.Н. и др. Под ред. А. Н. Чумакова. М., 2015.

5. Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А. Эволюция концепций компьютерной репрезентации знания и эпистемологического содержания искусственного интеллекта // Известия МГТУ «МАМИ». 2012. Т. 3. № 2. С. 294-298.

6. Бузский М.П. Всеобщность субъекта (природа, генезис, формы осуществления в современном социуме). Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. М., 2003.

7. Ивлев Ю.В. Учебник логики. М., 2003.

8. Малькова Т.П. Массовое сознание: тенденции изменения // Актуальные проблемы психологического знания. 2013. № 2. С. 54-58.

9. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А.* Кризис техногенной цивилизации и формирование новой экологической парадигмы общественного сознания // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 50-57.

10. *Нехамкин А.Н., Нехамкин В.А.* Антиурбанизм в современном мире: формы проявления и последствия // Гуманитарный вестник. 2016. № 8 (46).

11. *Черногорцева Г.В.* Человек в философском дискурсе: к истории идей // Гуманитарный вестник. 2015. № 9 (35).

12. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л.* Методологическая роль категорий необходимости, случайности и возможности в научном познании. М., МАМИ, 2011.

13. *Никитин В., Переслегин С., Парибок А.* Инженерная онтология. Инженерия как странствие. Учебное пособие. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2013.

14. *Ивлева М.И., Левченко К.Г.* Информационное пространство фундаментальных и прикладных наук в высшей школе // Инициативы XXI века. 2012. № 4.

15. *Малькова Т.П., Каплунов В.В.* Зачем инженеру нужна философия // Гуманитарный вестник. 2015. № 6 (32).

16. *Потапцев И.С., Бушуева В.В., Бушуев Н.Н.* Основные направления технического творчества в инженерном образовании // Известия высших учебных заведений. Машиностроение. 2014. № 8 (653). С. 80-88.

17. Основные проблемы философской теории. Пособие для подготовки к семинарским занятиям / Авт. колл.: Бушуева В.В. и др. М., 2014.

18. *Вольнов И.Н.* Инженерное образование как концептуальная инновация // Русский инженер. 2016. № 1-2 (48-49). С. 90-91.

19. *Лебедев К.С., Нехамкин В.А.* Русская национальная идея в глобализирующемся мире: перспективы эволюции // Гуманитарный вестник. 2015. № 12 (38).

20. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А.* Теоретическое обоснование разработки проблемы экологического образования студентов технического вуза // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 6. № 1 (15). С. 60-66.

21. Ореховский А.В. Научная деятельность на социально-гуманитарном факультете // Высшее образование в России. 2011. № 8-9. С. 46-51.

Е.Н. Гнатик
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия.
E-mail: ekaterinagnatik@rambler.ru

ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье обсуждаются вопросы трансформации человеческих ценностей под воздействием конвергентных технологий, создающих возможности на органическом, нейробиологическом уровне изменять человеческое сознание, служащих стимулом для разработки способов преодоления фундаментальных пределов человеческих возможностей, методов целенаправленной модификации биологической природы человека.

Ключевые слова: трансгуманизм, NBIC-конвергентные технологии, постчеловек, манипулирование личностью, культурные ценности, нравственные ценности.

Становление конвергентных NBIC-технологий, широта охвата рассматриваемых ими и подверженных их влиянию предметных областей – от атомарного уровня материи до разумных систем, свидетельствуют о наступлении кардинально нового этапа научно-технического прогресса, не имеющего исторических аналогов по степени влияния на человеческую цивилизацию. На нынешнем этапе развития познания, характеризующемся активным процессом взаимопроникновения, тесного переплетения науки и порождаемых ею технологий, проблема будущего человечества переходит в область социального проектиро-

вания и стратегического планирования, становясь вопросом духовного, нравственного и культурного выбора человека и человеческого сообщества.

За последние десятилетия весьма существенно изменились философские представления о человеческой природе, и представление о «вызове нового человека» не выглядит сегодня уже столь фантастическим как прежде. Совершенствование NBIC-разработок переносит эти проблемы в конкретную прикладную плоскость: речь, прежде всего, идет о расширении физических, психологических и интеллектуальных возможностей человека. Более того, многие эксперты полагают, что именно создание «сверхчеловека» путем «расширения» нынешнего человека и является главной целью всей технологической деятельности, в то время как все остальное является лишь «операцией прикрытия». Нейроимплантанты, биоэлектронные устройства, психотропные вещества обладают возможностями изменять как физические, так и когнитивные параметры человека, способствовать его интеллектуальному, морфологическому и функциональному преобразованию. На наш взгляд, нынешняя экспансия сциентистского, технократического сознания, готового вытеснить, разрушить «привычного нам человека», его нравственно-эстетические идеалы, заменить их на нечто «более передовое и совершенное», не может, мягко говоря, вызвать особых симпатий. Да и «плата за блага – радикальное продление жизни, наделение новыми органами чувств и сверхспособностями – может оказаться слишком велика и для одного человека, и для всего человечества в целом» [5. С. 414].

Развитие NBIC-конвергентных технологий по стихийному сценарию может повлечь за собой серьезные и необратимые последствия и, возможно, повернуть ход истории в непредсказуемое русло, поскольку их проблематика во многом сфокусирована на возможностях овладения

законами развития искусственной реальности, созданной человеком, но при этом выходящей за рамки естественных возможностей его восприятия, мышления и способа бытия. В этой связи с новой остротой встает проблема модификации природы человека. Нельзя абсолютно исключить, что неудержимая активность человеческого разума, воплощенного в практически-преобразовательной деятельности, на определенном этапе своего развития не приведет к наступлению эры «постчеловека». Открытия, ожидающие исследователей на этом пути, необычайно расширят возможности науки и границы человеческого творчества, позволят ученым реализовать самые амбициозные планы. Однако нано- и когнитивные технологии открывают новые перспективы «денатурализации» человеческого организма. К примеру, конструирование антропоморфных роботов может привести к исчезновению различий между мыслящим существом, обладающим разумом и свободной волей, и жестко запрограммированной искусственной системой. В свете последних исследований все более нивелируется и так уже пошатнувшееся благодаря биотехнологиям привычное различие между живым и неживым. Развитие конвергентных технологий грозит полностью стереть эту грань. Данное размывание границ между жизнью и нежизнью ведет к деформации понимания жизни и отношения к ней. Ведь если нет ничего «однозначно живого», то исчезают и основные традиционные ценности, связанные с отношением к жизни. Подвергаются модификации представления об абсолютной самоценности жизни, трепетном к ней отношении (ее «святость», «благоговение» перед ней, отношение к ней «как к цели, а не как к средству», запрет и осуждение убийства и т.п.).

Нано- и биотехнологизированная среда артефактов грозит до неузнаваемости изменить привычный способ бытия человека в мире. Как отметил А.И. Фурсов, «искус-

ство сопротивления не только прошлому, но и будущему – вот что должно шлифоваться и отрабатываться» [1. С. 69]. Необходимо осознание того, что «самопреобразование человека равносильно самопреобразованию общества, ибо все известные нам до сих пор основные социальные структуры и функции были обусловлены именно природой человека, что проявляется в таком социальном институте, как государство с его функциями упорядочивания и принуждения» [4. С. 254-255]. Таким образом, технологические возможности, раскрывающиеся в ходе NBIS-конвергенции, могут спровоцировать серьезные мировоззренческие, культурные и социальные потрясения. В целом можно предположить, что земная цивилизация стоит у черты, перейдя которую, она столкнется с неизбежностью переосмысления фундаментальных ценностей, пересмотра таких базовых понятий, как жизнь, разум, человек, природа, существование.

Особую тревогу вызывают последствия разработки так называемых «технологий двойного назначения». Известно, что передним краем создания и «обкатки» многих новых технологий является военное дело. Человек (уж такова его природа) воевал в глубокой древности, он продолжает воевать в наши дни и, по-видимому, будет воевать, пока существуют человеческие сообщества. Подсчитано, что за последние 5000 лет истории человечества было свыше 15000 войн и лишь 300 лет мира [7. С. 439]. С течением времени менялись представления о типах и характере войн и армий, модифицировались системы обороны, средства и силовые методы, однако «во все времена человеческие сообщества в различных формах и ипостасях отнюдь не считали мир высшим благом» [2. С. 3]. И нынешнее время – увы, не исключение. Сегодня, как и сто, и двести лет назад, в международных отношениях доминирует ориентация на собственные (национальные и др.) ин-

тересы и на силу как инструмент их отстаивания. На современном этапе несколько не уменьшились риски кризисов, войн, насилия. Международная арена не стала более уютным и безопасным, чем ранее, местом. По-прежнему в мире велико стремление решить крупные международные проблемы силой оружия, которое становится все более совершенным и высокоточным.

Вместе с тем, как и много лет назад, наиболее слабым звеном в вооруженной борьбе является сам человек. В этой связи специальными учреждениями и лабораториями активно изучаются возможные варианты дальнейшего усовершенствования батального искусства. Один из них – минимизация (а в идеале – исключение) непосредственного присутствия человека в театре военных действий путем создания дистанционно управляемых «машин смерти». Уже сейчас на вооружении некоторых стран числятся самолеты-беспилотники и т.п. Второй вариант – максимальная защита личного состава на основе использования новейших технологий. В настоящее время речь идет, в частности, о повышении функциональности военного обмундирования, методов контроля, повышении прочности деталей, а также повышения уровня медико-биологического обслуживания личного состава. Третий вариант – модернизация самого человека, наделение его сверхспособностями. Известно, например, о создании в Массачусетском технологическом институте специального института (Institute of Soldier Nanotechnologies) [11. Р. 110-111], где проводятся эксперименты в ходе реализации программы по созданию «идеального солдата». Воинов XXI века планируется снабдить улучшающим их органы наноборудованием, в частности, существенно расширить возможности имеющихся органов чувств человека и установить новые, такие как инфракрасное зрение; создать на основе новых наноматериалов более совершенное об-

мундирование – более легкое и обладающее, например, свойствами приспосабливаться к окраске окружающей местности. Кроме этого, разработчики и идеологи полагают, что программа создания «идеального солдата» была бы неполной без экспериментов по вживлению в человеческий организм биологических, электромагнитных и химических наносенсоров. Так, документ, содержащий Нанотехнологическую Национальную Инициативу США, на первый план выдвигает задачу модификации сенсорных способностей солдат с помощью нейроэлектрического интерфейса с целью получения преимуществ в боевых действиях [12]. Помимо преумножения физической силы, адаптивных способностей, выносливости и неуязвимости военнослужащих, существует цель разработки высокотехнологических методов воздействия «в нужном направлении» на их психику. Не секрет, что нервная система далеко не каждого человека способна справляться с тяготами и ужасами войны. Нарушение психики совсем не обязательно может быть связано, например, с получением тяжелого ранения; вполне достаточной причиной может оказаться шок, потрясение при виде убитых товарищей. Кроме того, несмотря на специальную подготовку, отнюдь не каждый солдат «с легким сердцем» может убивать других людей. Конечно, на современном этапе это сделать психологически гораздо проще, нежели несколько веков назад. Как отмечает К.С. Гаджиев, «увеличение расстояния, на котором действует оружие убийства, в значительной мере снимает проблемы моральной ответственности, угрызений совести, жалости и других неприятных для убивающего моментов. Более того, считается, что изобретение пороха и огнестрельного оружия подорвало не только социальный порядок рыцарской эпохи, но и ее этику. Именно удаленность от результатов во многом делает возможным то, что даже самый безобидный, казалось бы, человек оказывается спо-

собен нажать спусковой крючок винтовки или пусковую кнопку ракетносителя оружия массового уничтожения» [2. С. 6].

Насколько известно, проблема разрушительного воздействия обстоятельств военного времени на личность солдата и офицера была впервые вынесена на обсуждение лишь век назад, после Первой мировой войны. Военные неврозы были названы Э. Лидом «логическим и необходимым последствием реальности современного боя». Исследователь отметил, что «на этой первой индустриализированной войне техника превзошла человеческие двигательные способности. Дальнобойная артиллерия, пулеметы и колючая проволока сделали бой неподвижным, а войну – позиционной. Такая неподвижность требовала от солдата пассивности «перед лицом сил механизированной бойни», сил, которые делали необходимыми новые техники дисциплинирования и внутреннего контроля. На подобную ситуацию все большее число фронтовиков реагировали психическим заболеванием» [10. С. 163].

На современном этапе может появиться принципиальная возможность использовать в качестве солдат людей с измененными, генноинженерно- и нанотехнологически трансформированными не только физическими, но и психологическими качествами, ведь командный состав во все времена нуждался в подчиненных, способных выполнять боевые задачи абсолютно хладнокровно, что называется, «без лишней лирики».

Не исключено, что окажется куда менее сложной задачей создать некоего биоробота, чем изменить уже имеющегося военнослужащего. Во всяком случае, известно о представлении Агентством передовых оборонных исследовательских проектов Пентагона DARPA программы «BioDesign», предусматривающей создание в военных целях искусственных биологических существ, наделенных

определенными биологическими качествами и способных жить неопределенно долгий период времени [13]. Таким образом, идеи, которые ранее можно было почерпнуть лишь из фантастических произведений, начинают всерьез овладевать умами военных инженеров. Однако, как пишет Ф. Фукуяма, возникает вопрос: что будет, «если мы действительно сможем вывести две породы людей: одну – с седлами на спинах, а другую – со шпорами на сапогах?» [6. С. 22]. Совершенно очевидно, что наличие таких бойцов может кардинально изменить тактику и стратегию вооруженной борьбы. Предполагается, что искусственные организмы будут запрограммированы на генетическом уровне и смогут выполнять любые команды своих создателей.

Планируется, что формально неограниченная продолжительность их жизни станет возможной благодаря молекулам, обеспечивающим сопротивление механизмам старения. Для того чтобы эти существа вдруг не начали воевать против своих хозяев, ученые намерены разработать эффективную «систему подчинения» на уровне ДНК. То есть формирование нежелательных эмоций и мыслей планируется пресекать и с этой целью в ДНК организма будет записана информация о его создателе. Кроме того, за этими существами будет налажен постоянный контроль, поскольку в ДНК синтетических организмов будет записываться последовательность их действий, которая может быть расшифрована. В случае выхода ситуации из-под контроля ученые планируют задействовать так называемый молекулярный выключатель, который приведет к немедленному самоуничтожению организма. Все это звучит как-то нереально, однако серьезность намерений заказчиков и разработчиков подтверждается значительными финансовыми вложениями в эту программу (6 млн. долл.), а также 20 млн. долл. в развитие синтетической биологии и 7,5 млн. долл. в исследования по анализу генома и экспе-

рименты по его изменению. Таким образом, то, что еще недавно существовало в виде разрозненных и бессистемных усилий отдельных исследователей, превратилось в хорошо скоординированную и финансируемую из федеральных источников деятельность сплоченной команды.

Вышеизложенное позволяет заключить, что использование био-, когнито- и нанотехнологий в военных целях влечет за собой непредсказуемые последствия и может представлять серьезные опасности для человечества вообще. Таким образом, исследования возможностей применения новых технологий в военной сфере в последние годы значительно расширились, и это означает, в частности, что развитие современных военных технологий не только служит обширнейшим испытательным полигоном для технологий манипулирования личностью, но и способствует снижению моральных критериев и увеличению бесчеловечности участников военного конфликта. Вполне очевидно, что военные – «люди подневольные», обязанные подчиняться приказу. И в этом смысле они – наилучший «экспериментальный материал». В связи с возможностью внедрения различного рода имплантантов в человеческий мозг возникает опасность манипуляции сознанием, в частности, на расстоянии через радиокommunikационные устройства. Воздействие может быть психическим или физиологическим, например, вызывание болевого шока или моторно-двигательной блокады. «Уже проводились эксперименты воздействия с помощью слабого электрического тока на специально смонтированный за ухом прибор для того, чтобы вывести человека из состояния равновесия (так называемая вестибулярная гальваническая стимуляция): испытуемые сначала начинали шататься, а затем падали. ...Такого рода электростимуляцию возможно использовать как для борьбы с депрессиями, так и как допинг или для улучшения настроения, а также для экстатического со-

стояния» [8. S. 135-136]. Нельзя исключить, что это может привести к созданию, по словам специалиста по биоэтике Л. Касса, «счастливых рабов с рабским счастьем» [9. P. 35]. Однако, как справедливо отметил В.Г. Горохов, «даже если человек и согласен на такое вмешательство в свой организм, он не в состоянии оценить меру тех непредвидимых негативных последствий, которые могут привести к деструкции не только его организма, но и личности (при вмешательстве в нейрофизиологические процессы человеческого мозга). Этого, в сущности, не могут предвидеть и сами ученые» [3. С. 42].

Работа с нелинейными системами показывает, что во многих случаях подобные объекты ведут себя парадоксальным, антиинтуитивным образом. Потянув за одну ниточку, можно неожиданно для себя вызвать целую лавину изменений. В качестве примера стоит напомнить о побочных действиях различных медикаментов. Специалисты в сфере биотехнологий сегодня нередко упоминают о «проклятии Люцифера», суть которого заключается в том, что изменение одного элемента человеческого организма с целью придания ему «сверхсвойств» приводит к риску получения абсолютно неожиданных последствий, побочных результатов, многократно превосходящих все положительные эффекты от искусственного вмешательства. Стихийно создавая новую реальность, человек не может учесть все возможные последствия, и созданная новая реальность начинает «жить своей жизнью». Этот мир мало изучен, он содержит в себе много тайн и опасностей, плохо освещены и практически не видны пути, по которым следует в нем перемещаться. В силу этих обстоятельств научное сообщество должно системно, всесторонне и профессионально изучать проблемы, перспективы и потенциальные опасности использования науки и технологий как способов преодоления фундаментальных пределов человеческих воз-

возможностей. Это необходимо для того, чтобы наука, эта одна из величайших надежд человечества, сегодня не оказывалась нацеленной как на косвенную и скрытую, так и на прямую и непосредственную разработку самых бесчеловечных средств научно обоснованного насилия над телом и духом человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будущие угрозы человечеству и России. Материалы научного семинара. Вып. № 4. М.: Научный эксперт. 2009.
2. *Гаджиев К.С.* Размышления о тотализации войны: политико-философский аспект // Вопросы философии. 2007. № 8.
3. *Горохов В.Г.* Нанозтика: значение научной, технической и хозяйственной этики в современном обществе // Вопросы философии. 2008. № 10.
4. *Дубровский Д.И.* Природа человека и социальные процессы // Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей. М., 2007.
5. *Малинецкий Г.Г.* Математическая история, стратегические риски и ограничения исторического прогноза // Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства». М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 20-23 мая 2009 г. В 2-х тт. Том 2. М.: МАКСПресс, 2009.
6. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004.
7. *Чертищев А.В.* Массовое политическое сознание русского народа и его армии в начале века: сущность, национальные особенности // Безопасность Евразии. 2006. № 2.
8. *Hennen L., Grunwald R., Revermann Ch., Sauter A.* Einsichten und Eingriffe in das Gehirn. Die Herausforderung der Gesellschaft durch die Neurowissenschaften. Berlin. 2008. S. 135-136 (цит. по: [3]).
9. *Kass L.* Toward a More Natural Science: Biology and Human Affairs. New York, 1985 (цит. по: [6]).

10. *Leed E.* No Man`s Land. Combat and Identity in World War I. Cambridge. 1979. P. 163-192 (цит. по: *Кауфман Д.* Интерпретация психической «нормы» и контроль над ней: психиатрия в условиях Первой мировой войны и Веймарской республики // *Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины.* СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2008. С. 232-233).

11. *Paschen H., Coenen Chr., Fleischer T. u.a.* Nanotechnologie. Forschung, Entwicklung, Anwendung. Berlin, Heidelberg, New York. 2004.

12. The National Nanotechnology Initiative Strategic Plan. National Science and Technology Council, December 2007.

13. Available at: <http://www.darpa.mil/Docs/FY2011PresBudget28Jan10%20Final.pdf> (accessed 21 March 2017).

*Д.Ю. Козлов
НИИ теории и истории архитектуры и
градостроительства,
Москва, Россия.
E-mail: kozlov.dmitri@gmail.com*

ПРИНЦИП УЗЛА В МАТЕМАТИКЕ И СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

В статье рассматривается возникновение темы узлов в современном искусстве XX в. Художники и скульпторы обращаются к узлам как к эффективному средству выразительности, порождающему образность и экспрессию восприятия замкнутой линии в пространстве. К новейшим применениям принципа узла в области научного искусства относятся предложенные автором кинематические формообразующие структуры, основанные на свойствах изменяемых точечных поверхностей.

Ключевые слова: узел, топология, математика, современное искусство, научное искусство, кинематическая структура.

Органичное объединение математики и искусства наиболее успешно осуществляется в тех областях, где возможна визуализация и образное представление одновременно с математической формализацией и логической структурой. Такими смежными областями математики и искусства уже давно стали орнаменты, симметрия, теория пропорций, различные системы перспективы, геометрия многогранников, а в конце XX в. – также топология, фрактальная геометрия, компьютерная графика. Как наука, так и искусство сосуществуют в сознании людей и своим общим источником имеют творческие способности человека. В целостных и гармоничных культурах непреодолимых границ между наукой и искусством не существует. В частности, еще О. Шпенглер подчеркивал, что «...математика... является подлинным искусством, наряду с ваянием и музыкой...» [1. С. 94].

Узлы известны человечеству с момента зарождения самой материальной культуры и за многие тысячелетия стали не только удобными и совершенными орудиями и техническими приспособлениями, но также предметом и составной частью традиционных декоративно-прикладных искусств. Символика узлов занимала особое место в традиционных метафизических представлениях и духовной культуре многих народов.

Возникшая в конце XIX в. математическая теория узлов уже во второй половине XX в. нашла разнообразные практические приложения в естественных науках: химии, биологии, физике, где узлы рассматриваются как форма самоорганизации в живой и неживой природе. Современный подход к узлам как к математическим объектам породил и новый эстетический интерес к ним. Тема узлов стала проникать в современное искусство: скульптуру, компьютерную графику, дизайн декоративных изделий.

Изучение узлов и зацеплений стало одним из разделов топологии, который тесно связан с алгеброй, геометрией, теорией групп, теорией матриц, теорией чисел и другими областями математики. С точки зрения топологии, узел – это «одномерная кривая, расположенная в обычном трехмерном пространстве так, что она начинается и заканчивается в одной и той же точке и не пересекает саму себя» [2. Р. 84]. Два и более узла могут образовывать зацепления – связные структуры, которые невозможно разделить без разрывов составляющих их узлов. В действительности всякий узел топологически гомеоморфен тору, и его представление в виде одномерной кривой является абстрагированием, не учитывающим толщину реальной материальной образующей.

По-видимому, первым современным художником, по достоинству оценившим потенциальное эстетическое содержание узлов и других объектов топологии, был А. Флокон². В своей статье, посвященной влиянию идей топологии на современное искусство, Ж.-М. Кантор (J.M. Kantor) упоминает, что Флокон «...писал и рисовал на тему узлов с воображением художника, очарованного топологией» [3]. Прежде чем изображать узлы на плоскости, Флокон моделировал их из бумаги, в результате чего у него образовалась целая коллекция бумажных моделей. Можно предположить, что на увлечение Флокона моделированием узлов оказала влияние его учеба в Баухаузе под руководством Й. Альберса, разработавшего специальный курс моделирования из бумаги для будущих дизайнеров и архитекторов.

Работы Флокона оказали большое влияние на творчество Маурица Эшера. М. Эшер, познакомившись с гра-

² Альбер Флокон (Albert Flocon), настоящее имя – Альберт Менцель (Albert Mentzel) (1909-1994) – французский гравер немецкого происхождения, а также теоретик и историк гравюры.

вюрами Флокона, также вначале строил картонные модели узлов, ставшие прообразами узлов на его знаменитых гравюрах. В свою очередь, Флокон с восторгом отзывался о работах Эшера, говоря о его «удивительных открытиях, когда оказывается, что такие, казалось бы, незыблемые понятия, как верх и низ, близкое и далекое, правое и левое, могут меняться местами» [4. С. 155].

Флокон и Эшер изображают узлы с соединенными концами, то есть как топологические узлы, которые невозможно развязать без разрыва их образующих. Для этих художников узлы не являются сакральными символами или элементами декоративных узоров, что характерно для традиционного искусства, но несут в себе современную эстетику изображения искривленного пространства, подвергнутого воздействию внешних сил. Художники предлагают зрителю любоваться сложной непрерывной формой, по-разному открывающейся с различных ракурсов. Узлы становятся метафорами внутренней игры заключенной в них энергии, которая, по выражению друга Альбера Флокона философа Гастона Башляра (Bachelard), «дугами напряженности и спиральями расслабления» [3] воздействует на ощущения зрителя неожиданным и непривычным образом.

Совсем по-другому воспринимал узел другой известный теоретик дизайна и основоположник многих современных течений в практическом формообразовании – Р.Б. Фуллер (1895-1983). В своем программном труде «*Synergetics*», в котором он изложил теоретические основы формообразования, применявшиеся им в дизайнерской и инженерной практике, Фуллер посвятил несколько параграфов формообразующему принципу узла. Он рассматривал узел как проявление структурной целостности (*pattern integrity*) и исходил из физической трактовки узла, приближающейся по своей сущности к воззрениям У. Томсона (лорда Кельвина), который в середине XIX в. выдвинул

гипотезу о том, что строение атомов подобно замкнутым узлам.

Согласно Фуллеру, «каждый из химических элементов является уникальной комплексной структурой энергетического явления. Они взаимодействуют, проникая друг в друга, чтобы постоянно перемещать задействованное количество энергии. Эти компоненты интерферирующих с самими собой атомных структур элементов являются во многом подобными семейству узлов, которые моряки завязывают на веревке...» [5. Р. 228]. Энергия, концентрирующаяся в узле, по Фуллеру, порождается растягивающим усилием, приложенным к свободным концам узла: «...два конца веревки, находящиеся непосредственно за узлом, растягиваются друг от друга силами, извне приложенными к узлу, и таким же образом все притягивающие силы Вселенной, воздействующие на атомы, могут воздействовать на сохранение атомных узлов стянутыми» [Там же].

Говоря об узле как синергетическом явлении, Фуллер прежде всего отделяет узел как формообразующий принцип от его физических носителей, таких как материал, из которого сделана веревка (пенька, хлопок, шерсть или нейлон), ее цвет и текстура. Фуллер отмечает, что узел может свободно перемещаться вдоль веревки в виде локально повторяющейся структурной конфигурации, не оказывая никакого влияния на ее материальные свойства. Это наблюдение позволило Фуллеру дать следующее определение узла: «Узел не является веревкой; это – невесомая, математическая, геометрическая, метафизически концептуальная структурная целостность, мгновенно завязанная на веревке задумывающим узел невесомым духом человеческого разума – изобретателя узла» [Там же. Р. 231]. Тем самым Фуллер переходит от физической к математической трактовке узла, к узлу как структурному принципу интеллектуального порядка.

Сама же веревка, по Фуллеру, рассмотренная как формообразующий принцип, представляет собой волновое явление: «То, что мы называем самой веревкой, оказывается волновым явлением. Сами волокна были сплетены человеком в виде спиральной волновой структуры. ...Нет слишком большого различия между внешним осязаемым представлением и реальными частотными явлениями, которые мы не можем видеть в интервалах между волнами» [Там же]. Для Фуллера узел – это, прежде всего метафора сложных процессов во времени, мгновенно «замороженных» в пространстве и ставших видимыми и осязаемыми. Поэтому Фуллер настаивает на метафизической природе узла и принципиальной невозможности ее сведения к тому или иному материальному воплощению. К таким воплощениям и проявлениям принципа узла он относит процессы во времени – потоки, течения, волны, циклы: «Метаболический поток, который проходит через человека, не является человеком. Он – абстрактная структурная целостность, которая сохраняется во время всех его физических изменений и процессов, узел, через который проходят быстрые потоки согласованных экологических циклов многократно преобразованной солнечной энергии» [Там же. Р. 232].

Потенциальные возможности теории Р.Б. Фуллера пока еще остаются недостаточно понятыми и востребованными, так как заключаются не столько в практических способах построения конструкций и их комбинаторике, сколько в особой точке зрения на формообразование как комплексный процесс, отражающий иерархию уровней последовательного воплощения первичных принципов формы, одним из которых является принцип узла.

Проникновение темы узлов в современное искусство неизбежно вызывает попытки теоретического осмысления их эстетики в контексте многотысячелетнего примене-

ния узлов в декоративно-прикладных искусствах разных народов. При этом обращает на себя внимание тот факт, что исследования эстетических свойств узлов предпринимаются в основном математиками, которые интересуются искусством или сами занимаются художественным творчеством. Для математиков эстетические и художественные свойства узлов чаще всего представляются лишь одним из приложений теории узлов, даже в тех случаях, когда узлы или их изображения были созданы задолго до возникновения самой математической теории, или же когда они создаются современными народами, сохраняющими связь с традицией.

В статье сербских математиков С. Яблана и Р. Сазданович, озаглавленной «Симметрия и красота узлов» [6], рассматриваются свойства узлов как симметричных кривых, свойства их зеркальности и обратимости с точки зрения теории узлов и математического искусства (*math-art*). Симметрия представляет собой как эстетическую, так и научную категорию, находящуюся на пересечении математики и искусства. Поэтому не случайно, что эстетическое осмысление узлов начинается с симметричных узлов, что характерно не только для современных исследователей, но и для людей глубокой древности, предпочитавших использовать в своих плетеных орнаментах лишь несколько типов симметричных узлов. Яблан рассматривает эстетические свойства узлов как проявление их симметрии и возможности закономерного построения регулярных диаграмм узлов в виде мозаик из ограниченного числа модульных элементов. К примерам модулярных структур, комбинирующих искусство и математику, Яблан относит и «различные проекции узлов, которые появляются в узловых орнаментах (исламских, кельтских...), полученные из правильных и полуправильных плоских мозаик, используя только несколько основных элементов»

[7. С. 301]. Таким образом, с математической точки зрения «красота узлов» сводится к свойствам симметрии и модулярности их диаграмм – проекций на плоскость.

С. Яблан отмечает, что «в различных областях (дискретной) математики поиск модулярных структур сводится к опознанию множеств основных элементов, законов построения и полному исчерпывающему выявлению всех возможных получаемых структур. В общем смысле модулярность – это проявление универсального принципа экономики в природе: возможности различия и варьирования структур, получаемых из некоторого (конечного и очень ограниченного) множества основных элементов их комбинарованием» [Там же. С. 299]. Симметрия при этом выступает в качестве основы комбинаторно-модулярного формообразования, так как «во многих случаях вывод дискретных модулярных структур базируется на симметрии. Используя теорию симметрии и ее обобщения (простую и кратную антисимметрию, цветную симметрию...), для некоторых структур можно определить исчерпывающие алгоритмы и иногда получить комбинаторные формулы для перечисления получаемых структур» [Там же. С. 300].

Некоторые простейшие узлы и зацепления издавна привлекают внимание художников и скульпторов. К ним, в частности, относится зацепление трех колец (трех тривиальных узлов), известное как «кольца Борромео» и характерное тем, что в нем каждые два кольца являются незацепленными, но при этом все три невозможно разъединить без разрыва любого из них. Так как по законам топологии кольцо может быть преобразовано в треугольник, то и кольца Борромео могут быть преобразованы в зацепленные треугольники Борромео. С. Яблан пишет по этому поводу: «Треугольник с отверстием – это область, ограниченная в плоскости двумя гомотетическими концентрическими окружностями, т.е. плоским треуголь-

ным кольцом. Австралийский скульптор Дж. Робинсон изобразил три таких треугольных кольца, формирующих структуру (скульптуру под названием «Интуиция»), которая является топологическим эквивалентом круговых колец Борромео» [Там же. С. 311-312].

В современном искусстве узлы чаще всего изображаются в виде статичных скульптурных композиций или в виде плоских проекций – диаграмм, то есть фактически плетеного орнамента. Для прообразов трехмерных объектов обычно выбираются лишь простейшие узлы, которые выполняются с замкнутыми концами, то есть в виде бесконечной замкнутой линии. Современные художники и скульпторы, обращаются к узлам, прежде всего как к эффектным формам, позволяющим выразить образность и экспрессию восприятия пространства, создавая замкнутые пространственные кривые. В частности, американский математик и скульптор Н. Фридман рассматривает красоту узлов как особую эстетическую категорию, проявляющуюся в построении формы замкнутой непрерывной линией в пространстве и ее восприятии с различных точек зрения, сохраняющем при этом целостный многомерный образ. Свою концепцию восприятия заузленных форм в искусстве Фридман назвал «гипервидение» (*hyperseeing*) [8].

Еще одним направлением в современном научном искусстве (*science-art*), основанном на принципе узла, становится разрабатываемое автором кинетическое формообразование поверхностей, образованных структурами сложных узлов и зацеплений. Как особое художественное междисциплинарное направление, объединяющее в себе новейшие достижения науки и техники, новейшее кинетическое искусство является продолжением экспериментов с движущейся формой в авангардистском искусстве начала XX в. Новое применение узлов и зацеплений как механических устройств было впервые предложено автором

[9, 10]. Основной функцией узла при этом становится конструктивное обеспечение существования точечной поверхности и ее закономерных пространственных преобразований.

Большая часть известных кинетических конструкций использует принцип механической трансформации, предполагающей наличие геометрически неизменяемых элементов, соединенных между собой шарнирами. Кроме того, известна также органическая трансформация, характерная для объектов живой природы, основанная на обратимой деформации элементов и использующая эффект резильянса³. Такие «органические» трансформируемые каркасные структуры могут быть выполнены из непрерывного упругого замкнутого переплетенного стержня, образующего циклический узел или зацепление нескольких узлов. Энергия упругости, возникающая в изогнутых упругих стержнях, сохраняется в них благодаря замкнутости узла и равномерно распределяется по непрерывной структуре узла благодаря его цикличности.

Так как энергия упругости в стержнях стремится к своему наименьшему значению, то их средняя линия стремится совпасть с плоскостью, в результате чего все скрепления узла становятся контактирующими, и их множество образует подвижную точечную поверхность, физическим носителем которой является замкнутая в узел решетчатая структура. Под действием внешнего усилия, приложенного к такой структуре, в ней возникает избыточная энергия упругости, благодаря которой структура стремится выйти из плоскости и принять пространственное положение соот-

³ Резильянс (франц. *resilience* – упругость, эластичность) – известный в бионике и биомеханике эффект, связанный с накоплением энергии упругости в конструкционном материале, обратимо деформирующей его, не вызывая при этом повреждений в самой конструкции.

ветствующее ее энергетическому минимуму. Таким образом, упругие замкнутые циклические узлы работают как трансформируемые каркасные структуры, способные изменять кривизну точечной поверхности, заданную множеством их контактирующих точек.

Процесс трансформации структуры упругого узла представляет собой непрерывную последовательность изменяющихся форм, например, от плоскости к сфере. Такая трансформация является обратимой: сфера может свертываться из плоскости и вновь разворачиваться в нее без образования разрывов или складок на своей поверхности. Изменяя свою форму, структура узла аккумулирует упругую энергию, напрягается и тем самым увеличивает свою несущую способность. Любое промежуточное пространственное положение структуры узла может быть зафиксировано посредством дополнительных элементов крепления, в результате чего трансформируемая структура может быть превращена в геометрически неизменяемую конструкцию.

В процессе трансформации структуры упругого узла происходит волновое перераспределение взаимного расположения ее точечных контактов (бегущие волны), в результате чего структура изменяет площади своих граней, длины ребер и величины углов между ними, сохраняя лишь инвариант количества точек-вершин и связность между ними. Благодаря этим особенностям, структура упругого узла способна изменять свою геометрию в целом и образовывать точечные поверхности произвольной гауссовой кривизны: параболической, эллиптической и гиперболической и их комбинаций.

В противоположность общепринятому в научном искусстве подходу к узлам и зацеплениям как к самостоятельным объектам, эстетика которых обусловлена их сложной пространственной формой, новое применение узлов в качестве кинетических формообразующих структур пере-

носит акцент восприятия на задаваемые ими формы поверхностей. При этом форма самих узлов представляет собой второй уровень восприятия, образуя квазирегулярное пространственное плетение-решетку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шпенглер О.* Закат Европы: Пер. с нем. М.: Айрис-пресс, 2004. Т. 1.
2. *Neuwirth L.* The Theory of Knots // Scientific American. June. 1979. P. 84-96.
3. *Kantor J.-M.* A Tale of Bridges // Nexus Network Journal. Vol. 7. No. 2 (Autumn 2005). Available at: <https://www.emis.de/journals/NNJ/Kantor.html> (accessed 4 May 2017).
4. *Левитин К.Е.* Геометрическая рапсодия. М.: Знание, 1984.
5. *Fuller R.B.* Synergetics. Macmillan: New York, 1982.
6. *Jablan S., Szadanovic R.* Symmetry and Beauty of Knots // The Proceedings of Seventh Interdisciplinary Conference of the International Society of the Arts, Mathematics and Architecture (ISAMA). Universidad Politécnica de Valencia, Valencia, 2008. P. 155-176.
7. *Яблан С.В.* Симметрия, орнаменты и модулярность: Пер. с англ. М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», Институт компьютерных исследований, 2006.
8. *Friedman N.A.* Hyperseeing, Hypersculptures, Knots, and Minimal Surfaces. Available at: <http://members.tripod.com/vismath7/nat/index.html> (accessed 4 May 2017).
9. *Козлов Д.Ю.* Регулярные узлы и зацепления – структурный принцип кинематических архитектурных конструкций // Архитектурная бионика. М.: ЦНИИЭПжилица, 1989. С. 72-82.
10. *Козлов Д.Ю.* Узлы как формообразующие структуры и возможности их применения в дизайне: дисс. канд. иск.: 17.00.06 – Техническая эстетика и дизайн / ВНИИТЭ. М., 2008.

*А.В. Колесников
Институт философии НАН Беларуси,
Минск, Беларусь.
E-mail: andr61@mail.ru*

СИНТЕЗ МИРОВ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ: ОТ ИСКУССТВЕННОГО К ЕСТЕСТВЕННОМУ

Статья подготовлена на основе опыта использования синтеза миров посредством компьютерной графики в образовательном процессе, который осуществлялся на протяжении ряда лет автором со студентами специальности «Управление информационными ресурсами» Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Практика подобных занятий позволяет объединить философию, науку и искусство в целостный акт познания, соединить технологию и творчество, рациональный анализ и целостное эстетическое восприятие.

Ключевые слова: фотореалистичная компьютерная графика, фрактальная геометрия, научное искусство, междисциплинарный подход, творчество, космизм.

Рассуждая о том, как именно осуществляется процесс познания, не все и не всегда отмечают существенную роль и уделяют должное внимание художественному образу, с которого, по сути, все и начинается. Рациональная логика и рассуждения приходят потом. Первичен как раз образ, возникающий в мозгу и канализирующий весь ход дальнейшего мыслительного процесса. Образ неотделим от понятия красоты и ее восприятия. Что-то воспринимается нами как красивое, а что-то – нет. Восприятие красоты тесно связано с понятием целесообразности и природосообразности [1]. Являясь частью Вселенной, органами ее самопознания, мы наделены способностью чувствовать эти тонкие корреляции воспринимаемых и порождаемых нами образов и звуков с глубинными космическими процессами.

Поэтому можно говорить о том, что искусство и наука по существу являются двумя различными формами единого познавательного процесса. Управляя нашим эмоциональным и душевным состоянием, красота управляет миром, выступая одновременно его смыслом и целью.

Вступая на путь самопознания, а также познания окружающего мира на заре времен в эпоху зарождения философского и научного знания, молодой человеческий ум выделил первоэлементы природы. К ним относились огонь, вода, земля, воздух... [2]. До Аристотеля природа души трактовалась преимущественно как соединение тех или иных первоэлементов. Несмотря на всю кажущуюся наивность этих взглядов с точки зрения науки сегодняшнего дня, в них можно увидеть и глубокий метафорический смысл. А метафора лежит в основе познания. Именно так человеческий интеллект образует новые классы объектов, осуществляет наследование их свойств, структурируя процессы и явления окружающего мира [3].

Парадоксально, но математическая сущность древних первоэлементов природы – воды, земли, огня и воздуха – стала нам понятна лишь совсем недавно, в прошлом двадцатом веке. До этого мы не могли сказать, какую форму имеют языки пламени, водная поверхность, камни, горы и облака в небе. Мы попросту этого не понимали. А это ведь именно то, из чего состоит окружающий мир. Долгое время лишь искусство было способно отображать богатство форм природы. И только в последней четверти двадцатого столетия к этому подобралась рациональная наука с ее математическим аппаратом. Это в значительной степени оказалось возможным благодаря возникновению нового инструмента познания – современного компьютера. Вооружившись устройством, способным очень быстро и много считать, математики обрели способность многократно итерировать одни и те же формулы. При этом оказалось, что при многократном итериро-

вании даже самых простейших формул возникают очень сложные структуры, невероятно похожие на те объекты, которые мы наблюдаем в природе [4]. Благодаря компьютерам и способности человека нестандартно мыслить возникла фрактальная геометрия, и мы, наконец, поняли, какой формы огонь, горы, облака, камни, рябь на воде... А поняв, мы научились изображать элементы природы уже не интуитивно, как делали это живописцы прошлого, а рационально на основе математики и точного научного знания.

С возникновением фрактальной геометрии и новым прорывом науки в области познания первоэлементов природы появилась возможность превращения изображения объектов окружающего мира из искусства в технологию. То есть, если раньше создание реалистичных изображений настоящего либо выдуманного мира было доступно лишь немногим, наделенным природными склонностями изображать, то теперь эти возможности стали доступны каждому. Благодаря фрактальной геометрии, математическим методам компьютерной графики появились программные средства, позволяющие конструировать и воссоздавать на экране любые комбинации первоэлементов природы, включая небо, горы, воду, огонь, бионические и техногенные формы. Взяв на себя всю эту техническую часть работы, компьютер освободил человека для творчества и предоставил ему возможность выступить в роли демиурга, создающего различные миры, руководствуясь лишь своим замыслом, воображением и творческой фантазией.

Упражняясь в создании собственных миров, можно лучше понять свой собственный мир. Выступая в роли творца собственных миров, легче глубже проникнуть в замысел этого мира и природу его красоты. Поэтому осмысленный синтез миров компьютерной графики представляет собой хороший повод задуматься и поставить вечные гогеновские вопросы – откуда мы, кто мы, куда идем..? Практика подобных занятий

со студентами позволяет объединить философию, науку и искусство в целостный акт познания, соединить технологию и творчество, рациональный анализ и целостное эстетическое восприятие. Опыт использования синтеза миров посредством компьютерной графики в образовательном процессе осуществлялся на протяжении ряда лет автором настоящей статьи со студентами специальности «Управление информационными ресурсами» Академии управления при Президенте Республики Беларусь. При этом ставилась цель как чисто утилитарного освоения соответствующих компьютерных технологий, так и эстетического развития, раскрытия творческого потенциала, приобщения студентов к научному и философскому осмыслению загадок бытия, научных принципов и законов устройства мира. За это время у автора настоящих строк скопилась целая коллекция миров, созданных студентами, некоторые из которых представлены на рисунках. В иллюстрациях приведены работы текущего 2016-2017 учебного года студентов 2-го курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь специальности «Управление информационными ресурсами», выполненные под руководством доцента Колесникова Андрея Витальевича, старшего научного сотрудника Центра философско-методологических и междисциплинарных исследований Института философии НАН Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефремов И.А.* Лезвие бритвы. В 2-х томах. М.: Оникс 21 век, 2004.
2. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Издательство «Наука», 1984.
3. *Хофштадтер Д.Р.* Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. М.: Издательский Дом «Бахрах-М», 2001.
4. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2002.

Пирамида стихии огня
(Анастасия Савич)

Замерзающий мир
(Анна Копырина)

Отражения цвета фанданго
(Полина Витко)

Приметы нездешней весны
(Алеся Мацкевич, Дарья Корнейчук)

Космический сон
(Мария Новайчук)

Гравитационные аномалии
(Анастасия Станевич)

Фрактально-евклидовая эклектика
(Анастасия Лисичкина)

Застывающий вечер
(Валерия Наумович)

*Н.П. Коротаева
Московский политехнический университет,
Москва, Россия.
E-mail: n.korotaeva@seethat.ru*

ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрены точки соприкосновения современного искусства и образования, формы взаимодействия Art&Science и системы высшего образования.

Ключевые слова: art&science, образование, научное направление, система образования, современное искусство, художественный язык.

Ускоренная социальная динамика, непрерывно возрастающие потоки информации, прорывы в сфере технологий заставляют мир стремительно меняться. В условиях всеобщего сдвига культурных координат изменяются границы и понимание экономических и общественных институтов. Биотехнологии, искусственный интеллект, нейрокommunikации, непрерывный пересмотр отношений искусственного и естественного, субъекта и объекта... – с какими задачами столкнется человек через 10-20 лет? Новые культурные условия требуют соответствующего мышления. Становится важна пластичность и в то же время устойчивость сознания, умение мыслить вне шаблонов и институциональных границ, способность творчески подходить к решению задач в любых сферах деятельности.

Общественный интерес направляется на поиск новых методов обучения, адекватным актуальным культурным условиям и задачам. Переосмысливаются задачи образовательной системы. Процесс обучения исследуется на уровне как когнитивной психологии, так и психологии развития, а также нейрофизиологии. На основе новых данных прово-

дится разработка и внедрение новых программ обучения. В этой связи можно отметить доклад «How People Learn: Brain, Mind, Experience, and School: Expanded Edition», опубликованный в 2010 году Национальной академией наук США. Доклад анализирует те процессы, которые происходят сейчас в области образования под влиянием новых научных результатов, содержит множество ссылок на исследования и практических рекомендаций. Уточнению и пересмотру в нем подвергаются ключевые вопросы: Как функционально организовано знание? Как знание трансформируется в понимание? Чем отличается мышление эксперта от мышления новичка? Исследуются вопросы дизайна сред обучения и возможности, которые открываются с применением новых технологий. Доклад ярко иллюстрирует тот факт, что и сама область образования сейчас является полем для творческого переосмысления того, как соединить данные исследований с реальной практикой обучения.

Если 100 лет назад главной задачей образования было обучение чтению и письму, то позже к этому добавилось решение стандартных задач по разработанным оптимальным шаблонам. В настоящее время ситуация значительно усложнилась, способности запомнить и повторить информацию уже недостаточно, основной фокус сместился на способность находить информацию и ее использовать, способность размышлять на различные темы, выстраивать связи, формулировать и передавать результаты собственных размышлений в наиболее подходящей форме. Для естественнонаучного образования ключевым становится умение переносить решение задач в новые условия. Стали принципиально важны метакогнитивные процессы, или навык отслеживать и регулировать собственный процесс обучения: понимать, когда информации достаточно, а когда нет, выстраивать план обучения и следовать ему [1]. По-видимому, непрерывное обучение – ключевой навык человека ближайшего будущего.

Другой доклад – «ImagineNation: The Value of Cultural Learning», опубликованный в начале 2017 года британской ассоциацией The Cultural Learning Alliance (CLA), который сейчас широко обсуждается в британской образовательной среде, на основе исследований показывает снижение показателей обучения, дисциплины и даже здоровья, если дети не заняты в школе творческой деятельностью, не занимаются искусством. Творческая активность повышает успеваемость по математике и английскому, общая успеваемость повышается на 17%, а детское здоровье – на 38% [2]. Выводы закономерны – если хотите воспитать умное, ответственное и деятельное поколение, проводите больше занятий, посвященных искусству и творческой деятельности в школе.

Более того, речь уже идет даже не столько о некоем «эстетическом воспитании», сколько о практиках подготовки к «взрослой» социальной повседневности. Современное общество характеризуется неоднородной и изменчивой конфигурацией, а эволюция коммуникации заставляет современного человека по-новому взаимодействовать с окружающим миром [3]. От умения оптимально интерпретировать ситуацию взаимодействия зависит комфорт ее участника. «Попробуйте определить ситуацию неверно, и она определит вас» – это высказывание социолога И. Гофмана резюмирует комплексность задачи, с которой сталкивается современный человек в обычных, повседневных социальных ситуациях [4]. Гибкость мышления, активный творческий подход становятся необходимы даже в тех ситуациях повседневности, в которых прежде могли успешно применяться и устоявшиеся шаблоны поведения.

Наконец, реалии сервисной и когнитивной экономики заключаются в том, что современное производство и труд нематериальны, то есть производят идеи, концепции

и отношения [5]. Соответственно, от индивида, участвующего в общественном производстве, ожидается высокая степень изобретательности, творческое воображение и умение находить нестандартные решения и/или грамотно оперировать эмоциональными реакциями других участников. В этом отношении общественное производство вплотную приблизилось к области, традиционно определяемой искусством и законами артистической коммуникации.

Некоторые выводы из истории развития художественных языков XX и XXI вв.

Одна из ключевых ценностей современного искусства – это прямое, непосредственное высказывание. «Черный квадрат» Малевича, в начале XX века ставший иконическим выражением абстракции и беспредметности в искусстве, явился одновременно прямым и непосредственным выражением этого перехода: он назван именно тем, чем является, то есть выражает сам себя. Этот поворот открыл дорогу исследованию смысловой выразительности обычных, повседневных вещей и явлений, которые стали рассматриваться в качестве художественных высказываний.

Далее, на протяжении XX века искусство постепенно вбирало в себя весь окружающий контекст в качестве своего инструментария. Эта тенденция проявилась и в исторически знаковых работах Марселя Дюшана, который начал использовать готовые объекты – редимейды – в качестве средства художественного высказывания, обозначая тем самым ретинальное искусство, то есть искусство не столько для зрения, сколько для ума.

Одновременно искусство постепенно выходило за пределы музеев, галерей и других специальных мест, в том числе в форме конструктивистских устремлений 1910-30-х гг. к преобразованию окружающей действительности, когда оно нашло свое продолжение в областях повседневно-

сти, в виде дизайна бытовых предметов, социальных пространств, архитектуры и т.д.

Следующей волной стала «дематериализация» произведений – оперирование процессами, временем, местом. Искусство включает процессуальные и социально-интерактивные формы работы. Огромное влияние оказали проекты массового международного движения Флуксус 1950-60-х гг., в которых участники использовали и обыденные объекты, и бытовые, каждодневные поступки в артистической и эстетической среде с целью изменить и расширить восприятие. Под произведением искусства понимался уже не результат творческой деятельности, а процесс, концепция, идея.

Вместе с тенденцией «дематериализации» в 1960-70-х появляется необходимая фигура куратора, который теперь уже иногда и сам выступает в качестве художника, выразительные средства которого – работы других художников, а также время и место. В качестве знаковых примеров можно привести выставку Харальда Зеемана «Когда отношения становятся формой» (1969) и деятельность американского художественного активиста Сета Сигелауба – например, выставку «Июль август сентябрь 1969» (July August September 1969), которую он стал разворачивать в разных точках планеты с тем, чтобы единственным местом их сборки становилась публикация в виде книги [6].

Наконец, искусство вбирает в себя и инструментарий научных исследований: средства высказывания художника начинают совпадать с тем языком, на котором «говорят» актуальные научно-технологические направления, такие как робототехника, биотехнологии и т.д. Задействуя инструментарий науки, такое произведение выходит за рамки прикладного взгляда ученого [7].

К настоящему моменту все явления, объекты, процессы, информационные каналы, любые культурные знаки

и т.д. могут рассматриваться как инструмент и самостоятельное средство выразительности, включая и методы, и инструментарий любых областей знания и деятельности. В то же время художник – это такой агент, который и сам себя может понимать как инструмент. Таким образом, искусством сегодня называется все, что художник обозначает как таковое своей практикой.

Современное искусство в образовании

Открытым остается вопрос об областях пересечения образования и искусства в его современных формах, есть ли им место в образовании (как в базовом, так и в высшем), в каких формах возможно эффективное взаимодействие искусства с образованием.

В базовом образовании на практике стиль преподавания, методология учителя оказывается продолжением самого учителя и не отделима от него. Каждый учитель, помимо непосредственной передачи информации, рассматривает практики работы с учениками как продолжение себя, собственной компетенции, своей собственной психоэмоциональной конституции. Иными словами, преподавательская практика имеет очевидный авторский характер, и в этом смысле она становится практикой художественной. Соответственно, значимым является базовое образование учителей в области современной эстетики, включая понимание форм современной культуры, их истоков и тенденций, а также знакомство с инструментарием и методическими наработками в области современного искусства.

Другой возможностью является непосредственное использование синтетических форм современного искусства, таких как, например, конструирование альбома или создание фильма. Этот способ обладает хорошим потенциалом с точки зрения соединения в одном проекте разных областей знания, организованного вокруг живого интереса

автора к самостоятельно выбранной теме. По-видимому, актуальные базовые навыки (поиск информации, размышление, способность передавать результаты размышлений в подходящей форме, а также навык постоянного обучения) можно рассматривать в качестве одной комплексной задачи – организации творческого процесса.

Еще одной интересной возможностью является модель, в которой практикующие художники различных направлений art&science выступают в качестве учителей. Эта возможность является актуальным предметом рассмотрения с точки зрения проектирования интернет-сред обучения.

Art&Science в системе высшего образования

Рассмотрим две модели, формы взаимодействия современного искусства и системы высшего технологического образования.

Первая – модель, при которой факультеты современного искусства учреждаются непосредственно в технологических вузах. Такая модель работает, например, в Университете штата Огайо, третьем по величине университете США, где на факультете современного искусства и робототехники студенты параллельно получают два диплома (в области современного искусства и робототехники), а затем встраиваются в экспериментальную деятельность, оперирующую медиумом робототехники. По аналогичной гибридной модели работает Университет Перта в Западной Австралии (факультет современного искусства и тканевой инженерии), Университет Амстердама (факультет современного искусства и геномики) и т.д.

Другая модель – приглашение art&science художников для проведения воркшопов, параллельного чтения лекций. Эта модель является наиболее актуальной для ситуации российского образования, поскольку требует минимальных структурных изменений. Подобные проекты

локальны, предполагают знакомство одновременно с художественным и техническим мышлением и замечательную возможность совместной работы с известными деятелями в области art&science. У такой формы взаимодействия есть несколько практических преимуществ.

Компактные трансдисциплинарные проекты. Сегодня мы наблюдаем ситуацию, когда на пересечении технологий стремительно развиваются новые технологии, вокруг них возникают новые рынки. В результате наблюдается ускоренное отставание системы российского высшего профессионального образования от актуальной ситуации мирового рынка высоких технологий. Более того, отсутствующий локальный рынок означает и отсутствие практиков в данной сфере, а значит, и компетентных преподавателей, способных передать свой опыт и принять участие в подготовке новых специалистов. В этом случае, работая над компактным art&science проектом, соединяющим в себе, например, биотехнологии, робототехнику, усилия дизайнеров, проектировщиков интерфейсов, биологов, инженеров и т.д., студенты получают практический опыт работы над реальным трансдисциплинарным проектом. Таким образом, художественная практика в области art&science, задействуя самые необычные междисциплинарные сочетания, непосредственно влияет на подготовку специалистов, необходимых для развития отраслей, связанных с высокими технологиями.

Концептуальная разработка, или conceptual thinking – это то, чему уделяется огромное внимание в университетах технологически прогрессивных стран и что часто упускается из виду в российских технических университетах. Во многом следствием этого является слабый дизайн при сильной инженерной составляющей в разработках российских технологических стартапов. Распространена практика, когда сильные технологические решения экспортируются в за-

падные стартап-акселераторы, где уже под руководством местных менторов целиком пересматривается дизайн продукта. Умение согласовывать содержания проекта на разных смысловых уровнях – это навык, из которого вырастает хороший дизайн и применение которого можно тренировать. В качестве примера можно привести совместный проект Московского политехнического университета и Политехнического музея. Студенты университета создавали 3-метровую инсталляцию – машину цепных реакций по типу Руба Голдберга – под руководством художника, дизайнера и изобретателя Yuri Suzuki (Япония/Великобритания). Инсталляция представляла из себя storytelling⁴, инженерную конструкцию, которая по замыслу иллюстрирует жизнь и деятельность И. Кеплера. Каким образом инженерная конструкция может иллюстрировать это? В ходе работы над проектом студенты провели предварительное исследование жизненного пути Иоганна Кеплера, создали карту-таймлайн⁵ событий его жизни, проанализировали их значимость, составили сториборд⁶ с основными сценами, а затем эти сцены переосмыслили с помощью инженерного языка – составили эскизы механизмов, протестировали их в виде прототипов и уже на основе всей этой предварительной работы создали финальное инженерное решение. Дизайн машины, равно как и конструктивное исполнение, явился ре-

⁴ Сторителлинг (от англ. *story telling* – рассказывание истории) – это способ передачи информации, знаний и ценностей компании через истории, подробные рассказы и образы, которые обращены на эмоции и образное мышление.

⁵ Таймлайны (от англ. *timeline* – букв. «линия времени») обычно понимаются как нарисованные линейки (полосы), на которые нанесены даты, события с пометками о времени их происшествия.

⁶ Сториборд (от англ. *storyboard*) – это серия иллюстраций, которая создается для предварительной визуализации будущего рекламного ролика, мультипликационного фильма или кино.

результатом осмысления истории жизни ученого и стал ее естественным, осмысленным продолжением.

Взаимодействие в творческих командах в ходе проектных работ – это еще один необходимый навык, который получают студенты. Задачи, решаемые в рамках подобных проектов, начиная с уровня концептуальной разработки, – это задачи, не имеющие готовых решений и, следовательно, наиболее трудные с точки зрения самоорганизации команд, поэтому они наиболее эффективны с точки зрения обучения.

Осмысление технологий. Практика смотреть на типично научно-технологическую деятельность как на процесс артикулирования идей и смыслов с помощью технологических медиумов приводит к многоуровневому, более полному пониманию технологий, их значения и последствий – с одной стороны, и развивает интуицию – с другой. Результатом становится более эффективное и в то же время гармоничное развитие технологий.

Несмотря на основной плюс – компактность и относительную легкость внедрения – описанная вторая модель все же имеет недостаток: ее результаты ограничены с точки зрения развития главного потенциала гибридных образовательных центров в подготовке специалистов с сильной интуицией. С этой точки зрения смещение акцента на преподавание современного искусства, оперирующего технологическими медиумами, является более действенным; такая модель проверена многолетней международной практикой.

Художник, владеющий медиумом на уровне инструментария, непосредственно занимается конструированием будущего, поскольку создание художественного произведения – это не просто работа по двунаправленному отображению действительности, это работа по ее преобразованию, работа по производству реальности.

В то же время открытым остается вопрос более широкой и действенной интеграции современного искусства в

систему образования в целом и art&science – в систему высшего технологического образования в России в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. How People Learn: Expanded Edition / Committee on Developments in the Science of Learning. Committee on Learning Research and Educational Practice, 2000.

2. ImagineNation: The Value of Cultural Learning. Cultural Learning Alliance, 2017.

3. *Гофман И.* Эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003.

4. *Фуко М.* Другие пространства. Интеллектуалы и власть. М.: Изд-во Праксис, 2006.

5. *Вирно П.* Грамматика множества. М.: Ад Маргинем, 2015.

6. *Мициано В.* Пять лекций о кураторстве. М.: Ад Маргинем, 2015.

7. «Художник – как соучастник исследования» – Интервью с Дмитрием Булатовым, куратором Калининградского филиала ГЦСИ // Ph Paper, 2009.

Г.Г. Малинецкий

Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша,

Москва, Россия.

E-mail: gmalin@keldysh.ru

ИСКУССТВО. СИНЕРГЕТИКА. БУДУЩЕЕ*

Синергетика – теория самоорганизации – состоялась как междисциплинарный подход. Лежащий в рациональной

* Работа поддержана грантами РГНФ 15-03-00404 и 16-23-01005.

области, на пересечении сфер предметного знания, математического моделирования и философской рефлексии. Однако будущее требует более широкого синтеза рационального, эмоционального, интуитивного способов осмыслить реальность. В статье обсуждаются вызовы будущего и основания для такого синтеза.

Ключевые слова: будущее, синергетика, искусство, культура, междисциплинарность, футурофобия.

*Прошлое миновало, настоящее эфемерно и заботиться следует лишь о будущем.
Августин Блаженный*

*Любовь – это все, что у нас есть, и только любовью мы можем помочь друг другу.
Еврипид*

В 2017 году мир оказался на грани Третьей мировой войны. Руководители стран и парламентарии уже рассуждают об ограниченном ядерном ударе, об уничтожении 200-300 тысяч человек «на каком-нибудь острове», чтобы избежать глобального конфликта. Все это можно рассматривать не только как результат манипуляции массовым сознанием или действие элит, ориентированных на войну, но и как «болезнь культуры».

Судя по статьям А.В. Луначарского, нечто подобное имело место и перед Первой мировой войной. Альфред Нобель полагал, что он борется за мир, создавая «самое страшное оружие, которое знало человечество» – торпеды. Черное на этом рубеже воспринималось как белое, а белое – как черное. Элиты основных стран-участниц даже отдаленно не представляли себе масштаб перемен, которые принесет война...

Возможно, у мира и у России еще есть время для того, чтобы осознать эту болезнь культуры и попробовать

справиться с ней. И в этой связи стоит высказать несколько соображений.

Одна из причин культурной катастрофы – отсутствие гармонии тех пространств, в которых живет человек. Мы живем в рациональном, эмоциональном и интуитивном пространствах. Последние три века именно *рацио* было в центре внимания. «Он блудил и мыслил», – писал Альбер Камю о человеке XX века. Мы очень мало знаем об эмоциональной сфере и почти ничего не знаем об интуитивной. Они целиком были отданы на откуп искусству, которое со своей задачей не справилось – не стало моральным и нравственным «предохранителем», исключаящим алгоритмы решения собственных проблем ценой жизни других людей. Не справилась и религия. Именно эмоциональная и интуитивная сферы, поиск «человеческого в человеке» должен стать императивом всей науки XXI века.

Синергетика – теория самоорганизации – мыслилась как мост над пропастью, разделяющей две культуры – естественнонаучную и гуманитарную [1]. Чарльз Сноу писал об этой пропасти между первой культурой, отвечающей на вопрос «Как?» и устремленной в будущее, и второй, обращенной в прошлое, которая должна ставить цели и знать «Что». Синергетика многого добилась в организации диалога между естественными и гуманитарными дисциплинами и математикой [2]. Но сегодня этого недостаточно! Сейчас нельзя ограничиваться междисциплинарными проблемами только в научном пространстве. Необходим более широкий синтез, апеллирующий к смыслам, ценностям, образу будущего, к искусству и сознанию человека.

Философия сегодня, поддавшись искусству научности, отвлеклась от ключевых кантовских вопросов: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?». Ответы на эти вопросы являются основой мировоззрения и идеологии, понимаемой как дальний прогноз. Без ответов

на них общество «рассыпается», а человек лишается внутренней опоры и легко становится объектом манипуляций и жертвой предрассудков. Культура и наука, рассматриваемая как ее важная часть, должны дать эти ответы. Без них нас ждут войны и откат на много веков назад.

Одним из серьезных стратегических рисков для России является то, что наша цивилизация не видит и не предлагает миру свой образ будущего. Она более-менее удачно отвечает на вызовы, но не прокладывает свой курс и пытается все еще «жить без измов». Мы больны «футурофобией» – боязнью будущего.

Вместе с тем альтернативные центры силы действуют иначе. Например, в книге основателя Давосского экономического форума Клауса Шваба говорится: «В конце концов, все сводится к людям, к культуре и к ценностям... Я твердо верю, что новая технологическая эпоха (в том случае, если она будет сформирована эффективным и ответственным образом) может служить началом нового культурного ренессанса, который позволит нам почувствовать себя частью чего-то большего, чем мы сами, частью по истине глобальной цивилизации» [3]. После этих прекрасных слов обосновывается конкретный проект, по сути, реализующий антиутопию Э.Л. Вачовски «Матрица». В этой мрачной антиутопии представлен мир виртуальной реальности, управляемый гигантской компьютерной сетью под началом нескольких «хозяев дискурса». В частности, в книге Шваба прогнозируется до 2025 года рождение «прозрачного мира», в котором «10% людей носят одежду, подключенную к сети Интернет», «1 триллион датчиков, подключенных к сети Интернет», «первый имеющийся в продаже имплантируемый мобильный телефон» и т.д.

Иными словами, в настоящее время происходит глобальная культурная бифуркация. Нынешнее состояние

становится все более неустойчивым и возникают две новые ветви развития. На одной лежит «прозрачный мир», реальность «матрицы», на второй – свобода, неотделимая от ответственности и необходимости понимать и чувствовать происходящее.

Вторую ветвь, которая продолжает многовековую традицию культуры и рассматривает человека как цель, а не как средство, мы представляем гораздо хуже первой.

Футурофобия проявляется в «клинической смерти» научной фантастики, которую вытеснила фэнтэзи. Но фэнтэзи – это будущее в прошлом. Возврат от науки к магии, путь в Новое Средневековье. Яркий пример этого – сага о Гарри Поттере.

На крутом культурном сломе, связанном с книгопечатанием, Эразм Роттердамский писал: «Только дураки рискуют предсказывать будущее». С того времени ситуация кардинально изменилась. Перефразируя Ф.М. Достоевского, сегодня можно сказать: «Если будущего нет, то все позволено». Будущее должно вернуться в культуру, науку, массовое сознание. Ведь для корабля, пункт назначения которого неизвестен, нет попутного ветра.

Перед культурой и наукой стоит сейчас совершенно новый вызов, равного которому в истории еще не было. Судя по опыту стран-лидеров технологического развития, в «постиндустриальной экономике» или в «обществе знаний» распределение людей по сферам деятельности будет примерно следующее. 2 человека работают в сельском хозяйстве и кормят всех остальных, 10 – в промышленности, 13 – в управлении. Чем должны заниматься остальные 75? Это вопрос вопросов, который определит наш XXI век, а может быть и все последующее.

С широким внедрением роботов в сферу производства, число людей, занятых в ней еще уменьшится. Описанные в антиутопиях попытки развлекать «ненужных»

людей, морочить их, загружать напрасной работой, по-разному отбирать и воспитывать детей, неконструктивны. История показывает, что подобные стратегии в конце концов завершались революциями...

И основные надежды здесь на искусство, науку, самопознание, совместную деятельность, расширяющую горизонты человечества, на «вертикальный прогресс». Вполне возможно нам следует вернуться к звездам – поставить перед собой гораздо более масштабные цели, чем те, которые ставят перед собой нынешние ученые, футурологи, философы. Удивительно, что этим ключевым вопросам и наука, и общество, и искусство практически не уделяют внимание, надеясь, что в будущем все как-нибудь устроится. Чтобы у следующих поколений был шанс все устроить, эти вопросы следует осмысливать и решать сегодня. Замечу, что идея «непрерывного образования» – одна из немногих интересных попыток предложить путь к решению этих проблем.

Одно из важнейших препятствий на пути в Будущее – это доставшееся нам от общества потребления концепция вещей, которые надо постоянно менять (цивилизация одноразовых стаканчиков) и «взаимозаменяемых людей». Экшн, ужастики, блокбастеры пришли на смену попыткам искусства разобраться в удивительном мире человека.

По-видимому, нас ждет курс на «вечные» вещи, сооружения, инфраструктуру. Вечность предполагает добротность, удобство, красоту, иное отношение к будущему. Осознание уникальности каждой личности возвращает нас к идеям Н. Федорова, русских космистов, концепции преображения.

Чтобы будущее состоялось нам стоит повернуть на путь, намеченный блаженным Августином: «В необходимом – единение, в сомнительном – свобода, во всем – любовь».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малинецкий Г.Г.* Чтоб сказку сделать былью..: Высокие технологии – Путь России в будущее. М.: ЛЕНАНД, 2015. (Синергетика: от прошлого к будущему. № 58. Будущая Россия. № 17.)
2. *Малинецкий Г.Г.* Пространство синергетики. Взгляд с высоты. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. (Синергетика: от прошлого к будущему. № 60.)
3. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017.

*В.С. Пусько
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: vipusko@bmstu.ru*

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается научно-техническое творчество как вид деятельности ученых, инженеров, изобретателей для получения новых результатов в развитии науки, техники, технологий в современных условиях. Творчество представлено как объективно-субъективный процесс, когда объективные условия определяют субъективную активность личности, коллектива, организации.

Ключевые слова: наука, техника, технология, творчество, научно-техническое творчество, активность, личность, коллектив.

В основании развития общества лежит научное знание, которое формируется на основе творческого мышления. Научно-техническое творчество становится главным фактором эволюции цивилизационного процесса

особенно в эпоху информационных цифровых технологий, когда инновации как вид интеллектуальной деятельности превратились в основной стимул развития современного общества.

Творчество в целом является одной из наиболее развитых форм активности человека, а научно-техническое творчество в век индустриального и постиндустриального развития человечества превратилось в самый массовый вид творческого процесса. Всестороннее раскрытие ценности научно-технического творчества в информационном обществе выступает одной из важнейших задач овладения этим процессом и сознательного контроля и управления им со стороны общества.

Под научно-техническим творчеством понимается процесс получения новых социально значимых знаний, их материализация в новейших изделиях и технологиях. Научно-техническое творчество, видимо, следует рассматривать с точки зрения отражения в рамках теории познания как специфическую форму труда и как одну из высших форм развития общества. Во всех этих трех позициях явно просматривается диалектика необходимости и случайности, ибо общественный прогресс не зависит от воли и сознания какого-либо его участника. Практика развития науки и техники показывает, что одно и то же открытие, или изобретение совершается разными учеными, конструкторами примерно в одно и то же время в разных точках Земли (в разных странах), а фундаментальные данные науки, как правило, становятся очень скоро известны всем ученым в конкретной области.

Научно-техническая идея почти всегда материализуется в каком-то изделии, конструкции и это служит дальнейшему совершенствованию подобных данной вещи образцов и передачи технологических приемов другим изделиям, т.е. объективно формируется преемственность в

научно-техническом прогрессе. Таким образом, научно-техническое творчество идеально по содержанию (генерация новых идей) и материально по форме – предмет творчества всегда превращается в его продукт.

Каковы же социальные, научные, технические, психологические, политические предпосылки научно-технического творчества?

Основной движущей силой научно-технического творчества являются общественные потребности. Потребности предстают как самое непосредственное выражение значимости того или иного технического устройства. Человечество стало свидетелем всеобъемлющего воздействия техники и технических систем на все сферы общественной жизни. Техника меняет способ и формы человеческого существования, его мышление, производственную и повседневную деятельность. Более того, современная техника и новейшие технологии (особенно информационные) все глубже вторгаются во внутренний мир человека. Он постепенно становится объектом технических манипуляций, происходит своеобразная тотальная технизация личности. Естественная среда обитания человека все в большей степени замещается средой искусственной со своими ресурсами и законами, зачастую «созданными» самим человеком.

Нарастающие научно-технологические изменения в обществе непосредственно связаны с прямым использованием новейших научных знаний как важнейшей производительной силы. Наука становится более важным фактором в формировании глобального общества, чем используемые природные ресурсы. В современных условиях невозможно найти такую отрасль научного знания, которая так или иначе не влияла бы на общественный прогресс.

Научно-техническое творчество представляет собой процесс, в котором происходит интеграция образования, науки и инноваций при активной роли новых информационных технологий. В современном обществе первостепенное значение приобретает интеллектуальный потенциал человека, саморазвитие личности, непрерывность ее образования в сочетании с научной деятельностью, постоянное пополнение своего научного потенциала новейшими данными науки. В мире происходит быстрое увеличение объема научных данных, которые необходимо освоить человеку, чтобы успешно жить и работать в изменившихся условиях. Мировой фонд патентной документации содержит более 20 миллионов описаний изобретений. В ЮНЕСКО разработана программа ЮНИСИТ, направленная на развитие международной системы по обработке, накоплению и обмену научно-технической информацией. Знания выступают как своеобразный «технологический» фактор (ресурс), как жизненная среда существования и развития отдельных субъектов и общества в целом.

Интеллектуальный потенциал можно рассматривать как фундамент научно-технического творчества, как единство побудительных (потребности) и деятельных (способности) сил человека, общества. Совокупный интеллектуальный потенциал общества характеризуется его способностями продуцировать логические, образные и эвристические формы отображения и моделирования объективной действительности.

На протяжении XX века и за шестнадцать лет XXI века существенно изменились основания науки (идеалы и нормы научного исследования), философская база науки, научная картина мира, организация науки. Все это связано с процессом технологизации научной деятельности, формирования научного производства как специфического и сложного вида труда. Компьютеризация науки, создание

сложных приборных комплексов на базе информационных технологий и вычислительной техники способствовали разработке комплексных исследовательских программ, в реализации которых могут принимать участие ученые и творческие личности разных областей знания.

Сегодняшняя наука представляет собой концентрированное выражение широкого спектра знаний нескольких тысяч профессиональных областей. Но наиболее объективно представлены в науке сферы математического, физико-математического, химического, биологического и в конечном итоге технического познания. Новым направлением в научно-техническом творчестве явилось создание технопарков и промышленных комплексов. Например, только в Москве статус технопарка присвоен 52 объектам, которые объединяют 1,5 тысячи предприятий со штатом более 170 тысяч человек.

Исходя из концепции технологического знания, можно говорить о том, что авангардная роль в научно-техническом творчестве принадлежит естественным, техническим и технологическим наукам. Эти науки стали относительно самостоятельной отраслью, которая выполняет функции познания законов природы, разработки, конструирования и использования искусственно создаваемой технической среды. Особенно быстро растет удельный вес и значимость таких научных и научно-технических направлений как информатика, биотехнология, нанотехнология. Математическое и информационное моделирование превратились в самостоятельный компонент научного творчества наряду с теорией и экспериментом.

Информационные технологии существенно изменили язык научно-технического творчества, способы общения в современном научном сообществе, которое становится интерактивным и дистанционным (например, интернет-форумы, телеконференции, телемосты).

Современному научно-техническому творчеству присущи следующие внутренние черты: беспрецедентное возрастание информационной насыщенности практически всех сфер социума; превращение информационной индустрии в самую динамичную, престижную и выгодную сферу функционирования общества; широкое вхождение информационно-коммуникационных технологий в жизнедеятельность социума и каждого человека; глубокое изменение моделей социальной организации и сотрудничества, благодаря широкому распространению гибких сетевых структур. Это приводит к тому, что именно информационно-коммуникационные технологии играют значительную, в большинстве случаев решающую роль в жизнедеятельности человека, в том числе в его ценностной ориентации. В результате их воздействия на человека в его сознании формируется та или иная модель окружающего мира, которая, в свою очередь, влияет на конструирование социальной реальности.

Важнейшим социальным институтом общества, непосредственной функцией которого является развитие всех видов научно-технического творчества, выступает высшая школа и в первую очередь университеты. Система высшего образования представляет собой социально-когнитивный комплекс, основанный на триединстве генерации, трансляции и ассимиляции научного знания. Имманентность, неразрывность, диалектичность, а значит, целостность этого триединства является своеобразным «пусковым механизмом» для осуществления преобразований в экономической, социальной, политической и духовной сферах общества.

Сегодня научный потенциал высших учебных заведений страны характеризуется достаточно высоким уровнем профессионально подготовленных ученых и специалистов. В университетах, академиях и институтах страны

трудится более 270 тыс. докторов и кандидатов наук, это свыше 60% научного потенциала нашего общества высшей квалификации. Высшая школа с ее исторически сформировавшейся структурой, педагогическими кадрами, научными связями, устойчивыми традициями и преемственностью подготовки научных работников является не просто рядовым, а главным субъектом сохранения и преумножения интеллектуального потенциала страны, развития разностороннего творчества людей.

Анализ структуры научных кадров показывает, что 56% в ней приходится на долю ученых технических и физико-математических наук. В год в стране защищается примерно 2600 диссертаций по техническим наукам и 1050 – по физико-математическим дисциплинам. И это вполне объяснимо. Ведь создает материальный фундамент общества научно-техническая элита. От конкретных действий инженерно-технических кадров и математического моделирования физических, технологических и социальных процессов в определенной степени зависит решение не только насущных материальных потребностей людей, но выживание человечества как биологического вида.

Наряду с подготовкой специалистов высокой квалификации для различных сфер общественного производства преподаватели вузов, сотрудники университетов, аспиранты и докторанты занимаются научно-исследовательской деятельностью. В высшей школе сохраняется преемственность в подготовке и сохранении интеллектуального потенциала государства. Опытные высококвалифицированные педагоги в процессе обучения студентов не только передают им свои знания, навыки и умения, но и привлекают их к научно-исследовательской деятельности, определяют наиболее талантливых, склонных к научному творчеству и рекомендуют их по окончании вуза в аспирантуру. Ярким примером активного привлечения мо-

лодежи к научно-техническому творчеству является созданная в 1998 году в МГТУ им. Н.Э. Баумана программа «Шаг в будущее», которая стала всероссийской. В ней участвуют 102 координационных центра, вузы, научно-исследовательские учреждения, институты РАН, центры молодежного научного творчества, школы. В рамках этой научно-социальной программы ежегодно в университете проводится межрегиональная научная олимпиада для будущих ученых, инженеров, специалистов. Школьники, победившие на олимпиаде, Экспертным советом рекомендуются к зачислению в МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Процесс научно-технического творчества породил проблему особой ответственности конструкторов, изобретателей, рационализаторов. Суть этой антропологической проблемы – дать реальную социальную и научную экспертизу всем новейшим изобретениям. Вопрос, на который пока никто не ответил: почему любое новейшее научное открытие и изобретение в первую очередь идет в военную область, т.е. для уничтожения людей, а не для создания лучших условий их жизни?

Приоритеты научно-технического творчества в нашей стране заложены в принятой два года назад Национальной технологической инициативе и в Стратегии научно-технологического развития России, утвержденной указом Президента Российской Федерации. В Программе все прописано грамотно, разумно. Все дело за конкретными творческими исполнителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абанкина И.В.* Таких не берут в инженеры. «Троечников» отсекали от вузов // Поиск. 2011. № 33-34.
2. *Булгакова Н.* Силы скифов. Инженеров объединяет интеллектуальное проектирование // Поиск. 2011. № 31-32.

3. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л.* Границы влияния московской и киевской культурно-философских традиций в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 2 (20). С. 95-99.

4. *Ивлева М.И.* Тенденции математизации социально-гуманитарного знания как элемент современной духовной культуры // Актуальные проблемы и достижения в общественных науках. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Самара, 2016. С. 55-57.

5. *Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Иноземцев В.А.* Основные культурно-философские предпосылки формирования логики как философской дисциплины в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 127-132.

6. *Ильин В.В.* Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. М.: Проспект, 2016.

7. *Карпов А.О.* Образовательный институт, власть и общество в эпоху роста культуры знаний. СПб.: Алетейя, 2013.

8. *Консузьян Л.В.* Инженерная деятельность как предмет социально-философского анализа. М.: Этносоциум, 2012.

9. *Куликов С.Б.* Концептуальная модель трансформации философских образов науки // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 13.

10. *Малькова Т.П.* Информационное общество: тенденции развития образования // Мир образования – образование в мире. 2013. № 1. С. 99-106.

11. *Митрущенкова А.Н.* Цифровые технологии как фактор развития технического творчества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 2.

12. *Нехамкин В.А.* Сценарии несостоявшейся истории: за и против // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79. № 12. С. 1099-1106.

13. *Ореховский А.В.* Теоретико-методологический анализ понятия «толерантность» в отечественном гуманитарном познании и его практическое значение // Гуманитарный вестник. 2014. № 2 (16).

14. *Пигров К.С.* Научно-техническое творчество. Л.: ЛГУ, 1979.

15. *Попов Е.В.* Гносеологическая сущность технического творчества. Воронеж, 1977.

16. *Пусько В.С.* Философия богатства и бедности в современной России // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 1 (55). С. 15-20.

Н.П. Рябчун
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет,
Москва, Россия.
E-mail: ryabchun@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОРНАМЕНТА НА ПСИХОФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

В статье исследуется воздействие орнамента на человека посредством информационно-волновых процессов, обусловленных цветом, ритмом и структурой рисунка. Автор объясняет механизм гармонизирующего влияния орнамента на биологический организм.

Ключевые слова: орнамент, информация, золотое сечение, расфокусированное зрение, энергия, волновые колебания.

Неотъемлемой принадлежностью народного быта в традиционном обществе является орнамент. Орнамент мы видим везде: на одежде, обуви, украшениях, кухонной утвари, мебели, оружии, на сельскохозяйственных орудиях, ремесленных инструментах, на священных предметах, на стенах, дверях, подоконниках внутри и на внешних сторонах жилого дома и хозяйственных построек. Орнамент широко применялся еще в палеолите (первый период каменного века, около двух с половиной миллионов лет назад); расцвета он достигает в эпоху земледельческих обществ.

То, что орнамент на протяжении тысячелетий являлся обязательной составляющей повседневной жизни человека, наводит на поиски ответа на вопрос: чем обусловлена такая необходимость? Неразрывность орнамента и быта человека традиционного общества свидетельствует о том, что функции орнамента явно не должны сводиться только к эстетическим, а имеют и онтологическое значение. Возникает предположение, что орнамент оказывал воздействие на психофизическое состояние человека.

Прояснить ответ на этот вопрос помогли научные исследования последней трети XX века, касающиеся информационных процессов, проходящих в живых организмах [1. С. 31-38; 2. С. 116; 3. С. 21-23; 4. С. 97-170. 5. С. 206-219].

Согласно этим исследованиям, информация рассматривается как всеобщее состояние материи. Информация существует, циркулирует и постоянно передается и принимается всеми элементами мира в виде волновых колебаний. Эти колебания бывают различной амплитуды. Информацию излучают живые и неживые источники на клеточном и атомарном уровнях.

В живых существах информация проявляется в виде части всеобщего космического информационного поля. Живой организм посредством собственных излучений непрерывно передает в пространство закодированные сведения о строении, функциях и состоянии составляющих его структур. Он несет в себе информацию, содержащую в генетическом аппарате опыт всех предшествующих поколений, накопленный самостоятельно в процессе взаимодействия с изменяющейся окружающей средой.

Орнамент – это созданная искусственная среда, с помощью которой человек на энергоинформационном уровне гармонизировал свое пребывание в мире, укреплял здоровье, активизировал свою энергию. Причем воспри-

нималось это и действовало в значительной мере на бессознательном уровне.

Как же происходит воздействие орнамента на человека посредством информационно-волновых процессов?

Орнамент – это совокупность трех начал: цвета, ритма и структуры рисунка (его формы). Сочетание этих факторов создают определенные волновые колебания, представляющие собой потоки сложной конфигурации, наложенные друг на друга, сплетающиеся и расходящиеся, воспринимаемые человеком зрительно. Возможность зрения определяется генетическими особенностями биохимического состава и строения клеток головного мозга и нервной системы человека, проводящих нервные импульсы – нейронов, т.е. родовым генетическим кодом (ДНК) человека. Символы, из которых состоит народный орнамент, обладают специфическим ритмом, задающим при его зрительном восприятии определенную ритмическую волну, которая передается по цепи нейронов в различные участки зоны зрительной коры головного мозга. Каждый участок этой коры перерабатывает поступающие разноимпульсные сигналы в определенном порядке, что дает возможность проявиться разным реакциям организма. Любая световая волна совершает колебательные движения в определенном диапазоне частот, которые оказывают влияние на клетку, ее структуры, а также на геном человека.

Таким образом, орнамент пробуждает и активизирует родовую память человека. А родовая память – это весь физический, психический и интеллектуальный опыт, накопленный данным народом в процессе пребывания в мире в наличных природных и социальных условиях; этот опыт можно назвать также национальной культурой; можно назвать сокровищницей национальной мудрости. Это навык гармоничной и благополучной жизни во всех аспектах – физическом, психическом, интеллектуальном и духовном.

Механизм этого процесса на микробиологическом уровне таков. В структуре ДНК содержится генетически передаваемая (родовая) память, которая обладает конкретной реакцией на определенные типы возбуждения. Если в ее структуре заложены близкие параметры информационно-волновых процессов, появляется возможность ответа на данный раздражитель, вследствие чего могут активироваться не проявленные гены из генофонда индивидуума. В итоге воздействия на родовую генетическую программу пробуждается древняя генная («родовая») память.

В результате ритмическая структура народного орнамента обладает способностью постепенно физически трансформировать генетические характеристики нейронов (следовательно, и всего ДНК человека). Так же как это делает любой источник волновых колебаний при воздействии на разные структуры коры головного мозга. Подобные исследования были проделаны со звуковой волной и по их результатам сделаны выводы о связи структуры ДНК с ритмичностью волновых колебаний любого происхождения [6. С. 102-115].

От чего еще зависит характер электромагнитных колебаний, свойственных орнаменту, помимо цвета, ритма и формы рисунка? От толщины нити и конфигурации узора, который она выполняет. Как доказала в своей книге исследовательница славянского орнамента Марина Качаева, использование в качестве базовой единицы нити, толщина которой в каждом конкретном случае меняется, роднит принципы выполнения узоров народной одежды с канонами и измерительными системами древнерусской архитектуры [7. С. 40-45]. Структура ритмического ряда заложена траекторией рисунка и физически воплощена при изготовлении орнаментированного изделия за счет микроперепадов в расстояниях между уровнями нитей на его поверхности. Конфигурации нити, замыкаясь вокруг человека,

создавали дополнительное биополе, которое выполняло охранительные функции.

Благодаря этому исключалось возникновение разрушительных для человеческого организма резонансных явлений и обеспечивалось постоянное воспроизводство благоприятных ритмов. Орнаментальные узоры гармонизировали и ритмы излучений человека, и ритмы геомагнитных полей.

В орнаменте используется принцип золотого сечения. Золотое сечение – особый закон гармонии, который является основой всего совершенного в этом мире, а также основой жизни, бытия как такового. Об этом принципе знали еще в глубокой древности – создатели египетских пирамид, Пифагор; о нем писал Леонардо да Винчи. Принцип золотого сечения, или «золотая пропорция» – это соотношение 1:1,618; художники, ученые, модельеры, дизайнеры делают свои расчеты, чертежи и наброски, исходя из соотношения золотого сечения. Биологические параметры человека (строение лица, тела, органов) также включают в себе «золотую пропорцию».

Линейное расстояние по горизонтали между каждой повторяющейся точкой орнамента, называемое в технологии выполнения узора его раппортом, может быть представлено в виде ряда ритмичных импульсов, одной или нескольких продолжительностей типа решетки. Ее удобно назвать ритмическим рядом, характеризующимся определенной частотой. Если представить этот ряд в виде круговых (сферических) импульсов определенной величины (амплитуды), взаиморасположение их центров соотносится между собой по закону золотого сечения. Их графическое изображение выглядит спиралью с последовательно и ритмично меняющимся расстоянием между витками, общий диаметр которой определяет энергетическую мощность узора.

В основе спирали как таковой – принцип золотого сечения. Спираль имеет важное значение в моделях природных объектов. Спиралевидную форму можно увидеть и в положении семян подсолнечника, и в шишках сосны, и в строении лепестков роз, и в раковине улитки. Молекула ДНК, содержащая все сведения о физиологических особенностях живых существ, также имеет вид спирали. Поэтому спираль можно назвать графической формулой жизни. Спираль – в основе орнаментального узора.

Орнамент формирует в человеке расфокусированное зрение (цель многих аскетических практик). Это обеспечивается соблюдением т.н. «правила равновеликости фона и узора», которое древние мастера строго соблюдали. Состоит оно в следующем: площадь фона и узора в орнаменте должны быть равны. При внимательном рассмотрении таких узоров у наблюдателя возникает эффект объемного или расфокусированного зрения.

Способность к расфокусированному зрению издавна считалась условием интуитивного, сущностного постижения мира. Обычное, сфокусированное зрение является условием такого же сфокусированного на отдельных предметах сознания. Сфокусированное на отдельных предметах сознание видит мир раздроблено, фрагментарно, не умеет увидеть целостности, «за деревьями не видит леса». Древние мудрецы обладали способностью расфокусированного зрения. Кстати, расфокусированное, или объемное, зрение воплощено в древнерусских иконах: на них мы часто видим предметы как бы в формате 3D: сразу четыре стороны здания или одновременно события, происходящие в разное время. Т.е. на иконах отсутствуют пространственные или временные ограничения; в них выражен взгляд с точки зрения вечности. В мировых аскетических практиках эту

способность видеть мир с точки зрения вечности связывали со способностью к расфокусированному зрению. Разглядывание орнамента развивает в человеке эту способность.

Этнографы неоднократно отмечали практику использования текстильного орнамента в лечебных целях [8. С. 54-56]. Например, в северных областях России отмечено такое название вышитой рубахи, как «исцельная». Этнографы давно обратили внимание на то, что традиционные места вышивки на одежде (ворот, запястья, пояс, подол) связаны с биологически активными точками организма, по которым, согласно тибетской медицине, проходят важнейшие энергетические каналы. Энергия концентрируется в организме человека особым образом, и в зависимости от разных обстоятельств поток энергии принимает у конкретного человека ту или иную конфигурацию. При физическом или душевном неблагополучии происходит «блокировка» энергетического потока, что приводит к болезням и смерти. Орнамент призван нормализовать работу энергетических каналов. Воздействие орнамента на организм человека выражается в изменении электромагнитного поля в месте наложения.

В книге М. Качаевой «Сокровища русского орнамента» приводится следующий эксперимент, свидетельствующий о том, что орнамент воздействует не только на живого человека, но и на биорезонансные электрочувствительные приборы: «С помощью терапевтического аппарата «ДиаДЭНС-ДТ» нами были проведены замеры изменения потенциалов биологически активных точек по методу Фолля, отвечающих за состояние тех или иных меридианов до и во время контракта с рисунками народного орнамента той области человеческого тела, которая прилегает к органу, связанному с исследуемым меридианом. С целью

исключить психосоматическое воздействие узора исследования выстраивали таким образом, чтобы испытуемые не могли видеть рисунков. Измерения показали способность ряда узоров приводить в норму параметры биологически активных точек отдельных меридианов и, следовательно, благотворно воздействовать на функционирование связанных с ними внутренних органов человека» [7. С. 50].

Поскольку орнамент непосредственно влияет на состояние человека, характер орнамента варьировался в зависимости от обстоятельств его применения – от географии, возраста, национальности и множества других факторов.

Определенный орнамент оказывает воздействие на человека одной национальности, но нейтрален по отношению к представителю другой национальности: «В ходе эксперимента по замеру потенциалов биологически активных точек по методу Фолля мы столкнулись со следующим показательным фактом: тестируемый текстильный узор, характерный только для территории исторической Скандинавии (подобных исключительно «местных» узоров вообще очень немного) и обладающий необычным оригинальным рядом, никак не проявлял себя по отношению к испытуемым, проживающим в средней полосе России. Единственный зафиксированный факт «активности» этого узора при наложении его в области солнечного сплетения имел место у человека, предок которого – скандинав, перебравшийся в Россию в XVII столетии» [Там же. С. 63].

Итак, орнамент, на протяжении веков окружая повсюду человека в течение всей его жизни, сопровождая каждое его действие, исцелял, пробуждал физические и

духовные силы, согласовывал биологические ритмы человека с ритмами окружающей среды, передавал определенное мировоззрение, духовный опыт предков, приобщал к духовному опыту рода. Орнамент можно назвать средством массовой информации для живущих в традиционном обществе; это СМИ влияло и на сознание, и на подсознание, формируя и корректируя человека от рождения до старости. Его воздействие было не агрессивным, скорее подспудным, но эффективность определялась длительностью и постоянством.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаряев В.П.* Волновой генетический код. М.: Институт проблем управления РАН, 1997.
2. *Лошилов В.И.* Информационно-волновая медицина и биология. М.: Академия медико-технических наук РФ, отделение биотехнических систем и образования при МГТУ им. М.Е. Баумана, 1998.
3. *Рогожкин В.* Эниология: Энергоинформационный обмен. Ростов-на-Дону: Энио, 2003.
4. *Чечельницкий А.М.* Волновая структура Солнечной системы и ритмы биосферы // Современные проблемы изучения и сохранения биосферы. СПб.: Гидрометеоздат, 1992.
5. *Чиркова Э.Н.* Иммуноспецифичность волновой информации в живом организме. М.: Новый центр, 1999.
6. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская этносуггестология в повседневном бытии и обеспечении здорового образа жизни». Минск: Центр обучающих технологий, издательство «Ладога-100», 2006.
7. *Качаева М.А.* Сокровища русского орнамента. М.: Белые альвы, 2008.
8. *Иванов С.А.* Орнамент народов Сибири как исторический источник // Труды Института этнографии АН СССР: новая серия. М.-Л.: Наука, 1963.

А.В. Чайкин
МГТУ им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия.
E-mail: chaika1983@inbox.ru

С.С. Романцов
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет (ЧГПУ),
Челябинск, Россия.
E-mail: zvezdocvet@gmail.com

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ И НЕЛИНЕЙНАЯ ПОЭЗИЯ

В статье показаны возможности применения синергетических принципов в поэтическом тексте, приведен анализ нескольких синергетических стихотворений и продемонстрированы примеры нелинейной поэзии.

Ключевые слова: синергетика, нелинейность, поэзия, постмодернизм, анализ стихотворения.

Развитие поэзии и литературы в целом идет в ногу с развитием научного мировоззрения человечества, которое характеризовалось ранее наличием нескольких научных представлений о мире, противоречащих друг другу. Например, теория эволюции, основанная на представлении о движении мира «от простого к сложному», противостояла классической термодинамике с ее вторым началом, согласно которому все движется в обратном направлении «от сложного к простому» вплоть до тепловой смерти мира. Таким образом, противостояние отдельных научных основ друг другу вызывало многочисленные нестыковки при попытке воссоздать единую картину мироздания и в итоге приводило к неполному и искаженному восприятию мира человеком [1].

В наше время уже невозможно отрицать факт переплетения различных видов науки и искусства. В этом свете естественным видится переход некоторых элементов искусства в научную область и наоборот. В конце прошлого века процесс проникновения друг в друга отдельных областей научного знания оформился в виде новой научной парадигмы – синергетики, основными идеями которой являются: нелинейность, дискретность, сложность и целостность. Синергетика утверждает, что адекватного описания физического мира получить не удастся, оставаясь в рамках устаревшего линейного приближения, следовательно, необходим шаг по замене его на нелинейное. Одним из мест возможного применения такой замены является литература, а в частности – поэзия.

Следует отметить, что нелинейность в поэзии начала развиваться достаточно давно. Можно вспомнить акrostихи, месостихи и другие подобные эксперименты. Естественно, большая часть из них написана поэтами интуитивно, на уровне обычной игры с буквами и словами, без осознания принципов нелинейности, поскольку даже самого понятия синергетики тогда не существовало. Но этот интуитивный выход поэзии за рамки классических правил стихосложения доказывает, что человеческому познанию тесно в рамках линейного существования. Линейная поэзия хороша для заучивания наизусть в младшем школьном возрасте и для обучения азам стихосложения, но современному человеку нужны стихотворения, в которых он сам, а не поэт, сможет выбирать, что будет идти дальше, что должно быть в начале, а что в конце. Таким образом, задача автора сводится к созданию в своем произведении нескольких точек бифуркации, т.е. мест, в которых развитие стихотворения может идти различными путями, т.е. опять-таки нелинейно.

процесс пиления – возвратно-поступательные движения, и даже чуть ли не звук пилы. Единственное адекватное озвучивание этого визуального приема, в случае, скажем, чтения стихотворения вслух – непосредственное пиление или воспроизведение записи с процессом пиления во время чтения (или между чтением). Практически здесь в графике парой символов было передано действие как оно есть – не описано, а именно выражено (иконически). Преодоление текстовой природы, вывод текста на телесный уровень – тенденции современной поэзии, проблема, решаемая по-разному. В данном случае распиливание, расчленение является главной темой стихотворения, она выражена на графическом уровне всего текста (текст пилится на четыре части), на графическом уровне конкретной части текста и на вербальном уровне.

Во втором «бруске» текста речь идет о расчленении Пьеро на две части: [Пьер) и (рo]. Особая форма скобок отсылает нас к скобкам в математике: квадратные обозначают включение элемента, круглые – исключение. Слово «Пьеро» было распилено так, что «р» осталось в обоих отрезках. Это позволило в дальнейшем использовать анаграммы и вообще свободно скользить по смыслам (Пьеро – Робеспьер – Пьер Безухов). Кроме этого, такой способ распила отсылает к расчленению живого, цельного: бруски слова нельзя соединить механически, они должны проникнуть друг в друга, органически срастись в [Пье(р)o]. Отсюда возникает переход от графической семантики к вербальной. Герой стихотворения, словно Грегор Замза, проснувшись, обнаруживает себя в иной идентичности (предположительно Буратино). Агрессивность литературного героя может быть объяснена первыми двумя строчками – у автора стихотворения аллергия на березу (чего читатель, конечно же, знать не может, но может предполагать), и когда он оказывается в теле кук-

лы, сделанной из березы, в нем неизбежно появляется стремление к суициду, которое в итоге переходит во враждебность к окружающим его персонажам. Это напоминает посттравматический аффект. Текст становится маcabрическим хороводом знакомых с детства персонажей, искаженных насилием и черной иронией. За кукольным представлением в театре Барабаса таился кошмар, так и здесь за кукольными масками и языковыми играми таится мрачная подкладка.

Впрочем, такое обращение с опытом детского чтения само по себе не ново, в начале 00-х подобной оптике даже дали название «некроинфантильность» (понимание детского опыта как опыта смерти). Важнее в этом тексте применение синергетического принципа, возможности письма передавать действие через графические приемы или, иначе говоря, перформативные возможности графики как таковой.

Другой пример применения синергетических принципов в поэзии – запись цифрами частей слов. Рассмотрим следующее стихотворение:

*Арифмометр № 4,
интернационально- международный [4]*

Со1аю безалкогольный конструктор
с2ком сердца в окно,
Как неудавшийся 3вер троллейбуса
из кас4 немого кино
выбегаю на улицу 5лый, а кто-то
голо6к это же король!"
Узнали! Хоро7с в рыцари и вас туда же!..
И тут в голове цельно-8ная боль –
и голос извне: «Уже 9 электрошоков подряд
этот, 0тошел в мир иной.
Давайте приниматься за следующий ряд...»

В стихотворении использованы цифры в транскрипционно-буквенном варианте, украденные из следующих языков (транскрипции автора могут отличаться от привычных читателю): 1 – бир (казахский); 2 – ту (английский); 3 – драй (немецкий); 4 – сы (китайский); 5 – го (японский); 6 – сита (арабский); 7 – шива (иврит); 8 – рва (грузинский); 9 – девять (русский); 0 – сэро (испанский).

Данное стихотворение неотделимо от комментария, поскольку лишь в нем ключ к адекватной вербализации цифр. Впрочем, читатель может самостоятельно попытаться найти решение этого ребуса, которое может отличаться от предложенного автором. Теоретически, таким образом, текст приобретает некоторую степень интерактивности. Практически же вероятность иного прочтения слишком мала, учитывая контекст, в котором оказывается элемент. Так, строку «с2ком сердца в окно» можно прочесть как «скачком сердца в окно», можно и как «стуком сердца в окно», однако второй вариант имеет мотивировку, в то время как первый таковой не имеет. Строку «Со1аю безалкогольный конструктор» можно прочесть как «Соединяю безалкогольный конструктор», однако такая замена звучания [ад'ин] на [ид'ин'], а последующей буквы «а» на букву «я» кажется натянутой.

Поэтому авторский комментарий-постскрипtum является, пожалуй, главным ключом к тексту, тем самым входя в состав текста на правах паратекста.

Для того чтобы осмыслить прием, надо сперва осмыслить стихотворение. Для удобства составим «дешифровку» текста:

Собираю безалкогольный конструктор
стуком сердца в окно.
Как неудавшийся драйвер троллейбуса
из кассы немого кино

выбегаю на улицу золый, а кто-то
голосит: "Так это же король!"
Узнали! Хороши! Вас в рыцари и вас туда же!..
И тут в голове цельно-рваная боль –
и голос извне: «Уже девять электрошоков
подряд
этот, сэр, отошел в мир иной.
Давайте приниматься за следующий ряд...»

Эксцентричное повествование от первого лица (внутренняя речь) сменяется чужой речью, которую герой слышит откуда-то извне. Эта развязка объясняет в стихотворении многое, но при этом сохраняет двойственность восприятия. Есть два логичных объяснения происходящего: 1) герой является пациентом психиатрической клиники, которого лечат электрошоком; 2) герой находится в состоянии клинической смерти, и его пытаются вернуть к жизни опять-таки электрошоком. Выбор читателем одной из указанных позиций влияет на общее восприятие картины, но не меняет ее сути. Все элементы сюжетности и описательности в стихотворном тексте относятся к внутреннему миру героя и являются либо шизофреническими галлюцинациями, либо видениями, возникающими при кратковременном выходе из состояния клинической смерти в момент удара электрошоком. В каждом стихе, кроме последнего, какие-то части слов заменены цифрами (по одной на стих), которые читаются как соответствующие числительные различных языков, омонимичные этим частям слов. В итоге одиннадцать строк стихотворения содержат десять простых чисел (в бытовом значении, не математическом, проще – десять знаков, которых хватает для записи другого числа в десятичной системе), расположенных в традиционном порядке от 1 до 0.

Для понимания используемого приема рассмотрим первое объяснение ситуации: субъект высказывания – пациент-шизофреник, которого, пытаясь излечить, подвергают действиям электрических разрядов во время высказывания. Каждым разрядом электрошока предполагается заменить алогичность, шизоидность мышления пациента на привычную нормальную логику. Внезапная замена частей слов на цифры возникает в момент разряда. Разряд не приносит ожидаемого результата: речь остается алогичной (хотя отдельные сюжетные элементы переданы вполне адекватно: «выбегаю на улицу голый, а кто-то голосит», «вдруг в голове боль и голос извне», это необходимо для создания относительно понятного читателю нарратива, это ключ к тексту), но та ее часть, на которую приходится разряд, выпадает из потока, обособляется и воспринимается как название какого-то числа на каком-то языке, то есть входит в рамки математического дискурса (оставаясь по большей части в лингвистическом), который обязательно апеллирует к логике. Шизоидное сознание по-своему реагирует на попытку привить логику, отвечая на это лишь знаками-ассоциациями, связанными с логикой [5].

Тем не менее знаки образуют вполне логичный ряд от 1 до 0. По большей части названия цифр заменяют собой омонимичные части русских слов, иногда одна цифра относится сразу к двум словам. Однако есть одно характерное исключение – цифра 9 читается по-русски и означает саму себя. 9 – это наибольшее число ряда, после него начинается новый ряд. Это число появляется в речи извне, в речи ассистента доктора – здорового, логично мыслящего человека. Девятый разряд оказался смертельным для пациента, и ассистент предлагает приниматься за следующий ряд – следующего пациента. И 0 выступает одновременно как завершение ряда предыдущего и начало следующего, поэтому цифра вновь трансформирует слова

(впрочем, если в данном стихе изъять обращение и прочитать 0 как О по принципу омографии, то ничего сильно не изменится).

При рассмотрении ситуации с точки зрения второго объяснения (клинической смерти) примененный синергетический принцип не меняет своего значения и все так же представляет собой ежестрочный разряд электрошока в момент появления в строке цифры. Однако при этом немного меняется восприятие мира героем. События стихотворения уже не галлюцинации больного человека, а видения умирающего, борющегося за жизнь индивидуума. В этой связи проявляются попытки души вырваться из тела, отсюда часто возникающие в тексте атрибуты ограничения личного пространства – это и окно, и касса кинотеатра, и общественный транспорт. Герой же пытается вернуться к жизни: он стучит в окно (что характерно – сердцем, а не кулаком, что подчеркивает действие электрошока на сердечную мышцу), он пытается уехать на троллейбусе, став его водителем (заметьте, не автобуса, что опять-таки наводит на мысль об объединении троллейбуса в голове героя с дефибриллятором в реальной жизни), он выбегает на улицу, несмотря на наготу. Но в конце концов герой все-таки погибает, его душа покидает тело, он слышит голос извне, который и констатирует его смерть.

Стоит отметить, что в данном случае не столько прием используется как дополнительное выразительное средство в самоценном тексте, сколько текст создан на основе приема и как средство реализации приема. Текст прямо назван «арифмометром», что указывает сначала на числовой ряд, а потом – на принцип чтения чисел этого ряда: «Арифмометр № 4, интернационально- международный»; кроме того, текст снабжается необходимым комментарием. Следовательно, нельзя вести речь об излишней приукрашенности текста – необходимо говорить именно об ориги-

нальном способе выражения, о взаимосвязи приема с синергетикой произведения.

Приведем еще ряд примеров применения синергетических принципов в стихотворных текстах. Подробно останавливаться на этих текстах не будем, просто отметим сам факт присутствия синергетического приема.

Отрывок из стихотворения «*Ку-ку-ку-кушка и ка-ка-ка-каратист*» [6]:

Не-не-не-ненавижу за-зайцев и к-к-к-
кроликов,
Но очень лю-лю-лю-бой
К-к-к-крестик без но-но-но...
Тпру!
Оба-ба-ба-жа-жа-бы-бы-ли-ли
П-п-п-принцессами в п-п-п-рошлой
Жи-жи-жи-ши-ши пиши
Че-че-че-ре-репа и ко-ко-кости
Не хватает на таких, как я, злости!...

В данном случае синергетический эффект возникает за счет введения в текст элементов заикания. При прослушивании стихотворения (или при чтении вслух) мозг стремится продолжить начатое слово в привычном для себя контексте, но оказывается обманутым автором, и так продолжается несколько раз по ходу всего текста.

Отрывок из стихотворения «*воду пей, а воду пей*» [7]:

перестрелка не указ для карнавала:
когти спрячь!

*удача самураев забивает льстиво-
смятый мяч...*

Это стихотворение фактически представляет из себя месостих. В тексте стихотворения содержится еще одно стихотворение (выделено курсивом). В итоге синергетика стиха заключена в его нелинейности: читатель может сам выбирать, какой вариант стихотворения читать. При чтении «встроенного» текста в приведенном отрывке получим следующее высказывание: *стрелка указала, когда часам разбиться...*

И в заключение приведем еще один яркий пример нелинейного поэтического текста. Отрывок стихотворения «*?числительно-знаменательная потеха ли*» [8]:

$$\begin{array}{c} \text{кр} \frac{\text{ест}}{\text{ан}} \text{ не } \frac{\text{сёт}}{\text{бо}} \text{ по } \frac{\text{койник}}{\text{ливает}} \\ \\ \text{в об} \frac{\text{ратную}}{\text{а,}} \text{ с } \frac{\text{торону}}{\text{мотри — ка,}} \frac{\text{от места распятья.}}{\text{крана.}} \dots \end{array}$$

В данном случае два различных текста возникают в зависимости от того, какой вариант прочтения будет выбран читателем: по числителю («кран несет покойник в обратную сторону от места распятья...») или по знаменателю («кран небо поливает в оба, смотри-ка, крана...»). Читатель также может выбрать свой собственный маршрут движения текста в данном стихотворении, не опираясь на варианты, предложенные автором.

Таким образом, применение принципов синергетики и нелинейности в текстах позволяет создать уникальный пласт поэзии, в котором читатель на равных правах с автором решает судьбу литературного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вольнов И.Н.* Полисемантичесность «кузнецовского письма». URL: <http://iconkuznetsov.ru/index.php?did=28&sid=332> (дата обращения: 14.05.2017).
2. *Чайкин А.В.* Деревянный суицид. URL: https://vk.com/sistemauravneniy?w=wall-65061218_19%2Fall (дата обращения: 14.05.2017).
3. *Романцов С.С.* Рецензия на стихотворение «Деревянный суицид». URL: http://www.litsovet.ru/index.php/recenses.view?recense_id=26956 (дата обращения: 14.05.2017).
4. *Чайкин А.В.* Арифмометр № 4. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=395055 (дата обращения: 14.05.2017).
5. *Романцов С.С.* Рецензия на стихотворение «Арифмометр № 4». URL: http://www.litsovet.ru/index.php/recenses.view?recense_id=26949 (дата обращения: 14.05.2017).
6. *Чайкин А.В.* Ку-ку-ку-кукушка и ка-ка-ка-каратист. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=369267 (дата обращения: 14.05.2017).
7. *Чайкин А.В.* Воду пей, а воду пей. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=357326 (дата обращения: 14.05.2017).
8. *Чайкин А.В.* Числительно-знаменательная потеха ли. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=361776 (дата обращения: 14.05.2017).

СЕКЦИЯ

«КОММУНИКАТИВНО-ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО»

Ф.И. Гусейнов
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия.
E-mail: metafizika@mail.ru

ФЕНОМЕН КОРПОРАТИВНОЙ ЭТИКИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье исследуется понятие корпоративной этики. Автор показывает историю взаимоотношений этики и экономики, взаимосвязь индивидуальной и публичной морали, в том числе применительно к посттрадиционному обществу.

Ключевые слова: корпоративная этика, деловая этика, профессиональная этика, общая этика, специальная этика, публичная мораль, себялюбие, эгоизм, прагматизм.

Настоящая статья не ставит целью просто дать дефиницию корпоративной этики. Таких дефиниций в научной и околону научной литературе достаточное количество. Многие из них страдают тавтологиями и содержат ошибку логического круга, когда определяющее понятие повторяет определяемое. Для примера возьмем определение, которое дает автор книги «Бизнес-этика»: «Под корпоративной этикой в широком смысле слова понимается система универсальных и специфических нравственных требований и норм поведения, реализуемых в процессе функционирования корпоративных структур» [1. С. 7]. Очевидно, что такие дефиниции не дают ответа на вопрос о сущности

предмета нашего анализа, поэтому мы ведем речь не об определении, а о вычленении и прояснении основных признаков данного феномена. Задачей для нас является уточнение понятия корпоративной этики в гегелевском смысле, что в свою очередь необходимо для дальнейшего корректного понимания предмета исследования.

Корпоративная этика, рационально предположить, с точки зрения соотношения категорий части и целого, должна занимать в структуре этического знания некоторое место [2, 3, 4]. Чтобы обнаружить ее собственное место, обратимся к этике как науке и рассмотрим ее структуру. Этику как целостную теорию морали и раздел философии принято делить на две части – общую (теоретическую) и специальную (прикладную).

Теоретическая (фундаментальная) этика является предметом классической моральной философии и делится на три подуровня, каждому из которых соответствует своя стадия исследования. К первому уровню относится описательная этика, которая тесно связана с антропологией, работает, так сказать, «в поле» и собирает первичный этический материал – описывает нравы конкретного народа, сравнивает культуры и этические системы. Описательная этика, в свою очередь, подготавливает первичный материал для нормативной этики. Эта последняя представляет собой следующую, более высокий уровень исследования. Нормативная этика опирается на материал описательной этики и строится на ее базе. Ее цель – выявить и обосновать иерархию ценностей и основные принципы конкретной моральной системы. Третий, еще более высокий уровень исследования, представляет аналитическая этика или метаэтика. В ее задачи входит концептуализация основных этических понятий и исследование логики нравственного мышления.

Второй раздел этики включает специальную этику, которую также именуют «прикладной этикой». Соотноше-

ние общей и специальной этики есть самостоятельная тема типологии и классификации знания, ставшая актуальной на современном этапе вследствие чрезвычайно многочисленных аспектов употребления термина этика. Можно сказать, что сегодня сложилась парадоксальная ситуация, когда существует столько же этик, сколько и практик (в частности, выделяют биоэтику, этику права, власти, науки, искусства, интернета, экологии и др.). Каждая общественно значимая практика, имеющая содержанием определенную профессию, составляет предмет для рефлексии соответствующей этики. Таким образом, для нашей классификации не будет ошибкой сказать, что этика профессии, взятая с точки зрения содержания деятельности, выступает частью прикладной этики.

Специальная этика, как принято считать, применяет принципы общей этики для решения конкретных «моральных проблем нового типа» (эвтанази, информированного согласия, конфликта интересов, допинга и др.) в специальных сферах человеческой жизнедеятельности. Их число постоянно увеличивается и закономерно выглядит переход от философской к прикладной парадигме этики, под которой подразумевается «конкретизация универсальных моральных предписаний» [5. С. 10]. Прием конкретизации универсального правила к частному случаю в отдельных сферах социальной жизни, на наш взгляд, вызывает множество вопросов методологического плана и требует самостоятельного анализа.

Автор монографии «Прикладная этика» В.Н. Назаров выделяет, в частности, три методологических принципа – интегральности (единство философской, общей и специальной, прикладной этики), конкретности (применение универсальных предписаний в частных случаях) и антиномичности (наличие феномена «нравственной дилеммы»). Однако не все профессии заслуживают, с его точки зрения,

присвоения почетного статуса «прикладной этики»: «Вместе с тем не всякий общественно значимый вид профессиональной деятельности образует прикладную этику. Так, деятельность в области театрального искусства или спорта не формирует прикладную этику театра или спортивную этику, оставаясь на уровне профессиональной или корпоративной морали» [Там же. С. 11]. Причину этого он, довольно спорно на наш взгляд, видит в том, что у актера или спортсмена, в отличие от предпринимателя, политика, врача, учителя, журналиста, ученого, отсутствуют специфически профессиональные отношения, которые могли бы вызвать конфликт моральных интересов в обществе, вступить в противоречие с универсальными принципами этики и породить феномен дилеммы. Нам кажется, что исключать эти сферы некорректно. Допинговые скандалы в международном и отечественном спорте (от футбола до биатлона), разоблачения в олимпийском движении (выборы страны-хозяйки Олимпийских игр), в гастрольной артистической деятельности, проплаченной политическими партиями во время выборов, участие деятелей шоу-бизнеса в политических акциях за деньги свидетельствуют об обратном и дают достаточно пищи для размышлений.

Для дальнейшего более или менее ясного изложения уточним ряд используемых нами терминов, таких как специальная, прикладная, профессиональная, корпоративная, организационная этики. Понимая, что концептуализация терминов является важной частью языка науки, в настоящем тексте мы не имеем возможности углубляться в этот вопрос. Поэтому подчеркнем еще раз, признавая возможную долю погрешности, что мы будем использовать конкретно в данной работе термины «специальная этика» и «прикладная этика» как синонимы. Термин «профессиональная этика» схватывает содержание конкретной общественно значимой деятельности. Термин «корпоративная

этика» входит в более общее понятие «организационная этика» и отражает формальную структуру организации. В этом смысле всякая корпорация является организацией, но не всякая организация является корпорацией.

Понятие корпоративной этики тесно связано с термином «экономическая этика», которая, в свою очередь, является более широким понятием, охватывающим все процессы экономической сферы социального организма. За последние два столетия наблюдается растущая колонизация или поглощение экономической сферой многих других областей жизнедеятельности. Мы можем представить, какое важное значение имеет данное понятие, включающее в свой объем понятие «предпринимательская этика» и синонимичное «бизнес-этика». Под бизнесом будем понимать не английское слово «дело» (работа), а принятое в русском словоупотреблении «зарабатывание денег». Термин «деловая этика» вместе с «этикой бизнеса» и «этикой деловых отношений» стоит также в этом ряду, как подвид экономической деятельности. Существует много различных монографий и учебников с подобными названиями, но, на наш взгляд, все они преследуют узкие цели мультипликации преподаваемых дисциплин, все они примерно об одном и том же, отличия в содержании не принципиальны, а от перемены мест слагаемых, как известно, сумма не меняется. На этом мы остановим процесс разграничения понятий, так как для целей данного исследования сказанного вполне достаточно.

Термин «экономическая этика» является синтетическим и возникает на стыке наук этики и экономики. Этот ключевой момент важен в аспекте рассмотрения вопроса о корпоративной этике, о том, как этот феномен появился в фокусе современных дискуссий и исследований. История взаимоотношений этих двух дисциплин очень интересна сама по себе. Вначале они были в тесной связи друг с дру-

гом, затем между ними произошел раскол, сегодня мы наблюдаем постепенное выравнивание отношений. Некоторые философы и экономисты продолжают относиться друг к другу с изрядной долей недоверия. Наступило время исправить это положение. В.А. Канке в монографии «Современная этика» справедливо подчеркивает: «Вопрос о соотношении этики и экономики, несмотря на многократное его обсуждение, все еще остается остродискуссионным. Отсутствует единство в понимании его сути» [6. С. 272].

История взаимоотношений этики и экономики уходит далеко в историю и начинается с Аристотеля. Надо признать, что Аристотель по праву считается «отцом-основателем» этики. У Аристотеля экономика входила наряду с политикой в состав этики, где этика представляла собой науку о правильном поведении, экономика – умение вести свой дом и домашнее хозяйство, а политика – поведение вне дома, во внешней публичной сфере среди других деятелей государства полисного типа. Традиционно этике отдавался приоритет перед экономикой. Этика у Аристотеля была «этикой добродетелей» и учила, что добродетельный человек – это тот, кто умеет управлять и господствовать над своими страстями и следовать разумным устремлениям своей души. Фундаментальным принципом этики является единство нравственного субъекта и объекта.

Адам Смит был профессором моральной философии шотландского университета в Глазго и «отцом-основателем» классической экономической теории. Всем знакома его концепция «невидимой руки», в результате которой этика осталась «за бортом» экономической теории. Существует две точки зрения на взгляды Смита. Первая позиция гласит, что «этика несовместима с принципом невмешательства *laissez-faire*. Смит вольно или невольно заложил основы позитивизма в экономической теории, ан-

тиэтическая направленность которого хорошо известна» [Там же]. После больших усилий в лице Дж. С. Милля и Дж. Н. Кейнса был введен принцип методологического экономического дуализма, закрепивший деление экономической теории на позитивную и нормативную.

Вторая точка зрения стремится реабилитировать Адама Смита и вернуть этику в экономику. Йозеф Шумпетер даже сформулировал так называемую «проблему Адама Смита», под которой понимается «проблема эгоизма в теориях Смита» [7. С. 314]. Не все однозначно читают А. Смита. Чешский экономист Томаш Седлачек полагает, что нужна «перезагрузка Смита» [Там же. С. 330]. По его мнению, существует «два Смита» – Адам Смит «Богатства народов» и Адам Смит «Теории нравственных чувств».

Смит, как известно, выдвинул тему мотивации личности, живущей в обществе среди других людей на основе комбинации принципа «корысти» (Богатство народов) и принципа «взаимной симпатии» (Теория нравственных чувств). Распространенным является представление, что Смит – это автор первого принципа. Современный мейнстрим провозглашает себя наследником экономики и игнорирует этику. Вторая точка зрения, которая в меньшинстве, утверждает, что Смит не изменял этике и всегда придавал ей важное значение. Рассуждение здесь строится следующим образом. Нужно доказать, что для Смита «корыстолюбие» не является ведущим принципом, которому подчиняется принцип «взаимной симпатии».

Принцип корысти является синонимом эгоизма или себялюбия (self-interest)⁷. Принцип симпатии не основывается на себялюбии и не является вариантом себялюбия. Если я сочувствую другому, исходя из принципа симпатии, то я мысленно совершаю «вхождение в положение друго-

⁷ Смит чаще использует не эгоизм, а термин *себялюбие* – self-interest.

го». Мы со-чувствуем, симпатизируем не потому, что воображаем себя на его месте. Т. Седлачек приводит пример, заимствованный у Смита. В этом примере автор «Теории нравственных чувств» указывает на мужа, который почувствовал боли, испытываемые его женой при родах, хотя он как мужчина прекрасно знает, что ему, согласно мужской физиологии, таких мучений бояться не надо. Другими словами, он не ставил себя на место другого, он входил в положение другого, а это не одно и то же. С другой стороны, «отец экономики» Адам Смит считает «себялюбие» синонимом «корысти» (self-interest), которую признает добродетелью, ибо данная черта характера играет важную роль в торговых операциях.

Вышеприведенный фрагмент указывает, что точки пересечения и взаимовлияния этики и экономики с самого начала возникновения сходятся и расходятся. На современном этапе отношения экономики и этики вновь стали укрепляться. На этот раз зачинателями активности стали экономисты, которые первые обратились к этике в рамках новой теории менеджмента, кадровой деятельности, мотивации персонала, маркетинговых коммуникаций. Вкратце основная мысль заключается в том, что всякое эффективное действие в бизнесе должно с необходимостью иметь двойную мотивацию. Во-первых, оно должно быть мотивировано юридически, т.е. оно должно быть легально в рамках действующего правового законодательства. Во-вторых, оно должно быть экономически, т.е. коммерчески оправдано, рентабельно — когда доходная часть должна превышать расходную часть. Доведя до оптимума эти два фактора, экономисты стали думать над новыми формами научного менеджмента. На основе научной организации труда (идеи Ф. Тейлора, Г. Форда, Г. Эмерсона), подкрепленной веберовской моделью рациональной организацией управления, в середине XX века происходит переход от

директивного стиля управления к эпохе «человеческих отношений». Происходит «замена старых приемов физической интенсификации труда новыми, направленными на раскрепощение и поддержку работника, играющего главную роль в повышении эффективности производительной деятельности и качества продукции» [8. С. 277]. На этой основе появляются теории ценностной мотивации. Эти процессы вызвали к жизни феномен «корпоративной культуры», когда сотрудники принимаются за работу, что называется, «не за страх, а за совесть». Наглядным примером для европейцев стала японская трудовая этика, которая быстро завоевала популярность в свободных экономиках глобального мира.

Справедливости ради надо отметить, что средневековая Европа тоже знала нечто похожее на корпоративные принципы. Так, французский исследователь Фернан Бродель в своем построении концепта «мир-экономика» приводит в качестве примера «цеховую корпорацию», известную в истории под названием Ганзейский союз («Ганза» с готского языка – «союз купцов»). Это был один из ранних примеров объединения более ста городов в простую и крепкую систему, чья «прочность проистекала из общности интересов, из необходимости вести одну и ту же экономическую игру» [9. С. 90].

Классическим примером данного подхода к управлению является «корпоративная культура Toyota». Исследователи указывают, что «корпоративная культура – это то, что у нас в головах» [10. С. 14]. Речь идет о правилах, которые разрабатываются и принимаются в социальных системах – группах, предприятиях, университетах, – которые мы можем объединить термином корпорация. Под корпорацией (с лат. яз. – «объединение») будем понимать большую организацию с принципом ограниченной ответственности, с долевой собственностью, где в силу большо-

го количества работающих все участники не могут знать друг друга. В больших мультинациональных компаниях стали целенаправленно разрабатываться корпоративные кодексы и миссии, символика, создаваться свои корпоративные культуры, стержнем которой является корпоративная этика [11, 12]. Транснациональные корпорации больше всех испытывают потребность в подобных инструментах, так как анонимный характер производства, когда подчиненные не контактируют с руководством напрямую, требует определенных правил, которые бы все соблюдали как свои собственные.

Экономисты стали активно исследовать эту область и внедрять в практику результаты научных поисков. Их вдохновлял принцип «честным быть выгодно!». Надо отметить, что для моральных философов, традиционно далеких от экономической сферы, такая аргументация не считается научно обоснованной. Отечественные исследователи В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов, обозначая проблему реального конфликта между бизнесом и этикой, в монографии «Честная игра. Торговец в Храме» пишут: «...максима, согласно которой добрая этика есть добрый бизнес, в конечном итоге апеллирует к эгоизму, а не к совести, к выгоде, а не к должному. Таким образом, она принижает истинное значение и важность этики [13. С. 111]. Мораль есть особая форма человеческих взаимоотношений, базирующихся на ценностях и принципах. Соответственно, люди регулируют свое поведение на основе этих ценностей. Моральным является такое поведение, при котором действие производится не ради интереса, а как фактор принадлежности к человеческому роду.

Если теория не идет к практике, то практика идет к теории. И под сложившуюся практическую потребность строится адекватная новая теория. Вопрос заключается в том, как это сделать. История знает немало примеров по-

добного рода. Протестантизм в истории христианства стал ответом на происходящие процессы в жизни общественного организма, им были выработаны новые подходы к успеху, богатству, деньгам, т.е. всему тому, что столетиями отвергалось двумя классическими ветвями конфессии – православием и католицизмом.

Рефлексия над данной проблематикой привела исследователей к попытке разделения морали на индивидуальную и общественную, публичную. Несколько лет назад в Институте философии РАН прошла большая дискуссия на тему о статусе «общественной морали». Тем самым была предпринята попытка проанализировать понятие «коллективного субъекта». Действительно, как быть с вопросом о моральной ответственности корпорации, ведь корпорации – это не люди. Американский исследователь Р.Т. Де Джордж в работе «Деловая этика» пишет по этому поводу: «Корпорация как таковая не обладает собственной совестью, чувствами, самосознанием. Она обладает совестью лишь в той мере, в какой те, кто входит в ее состав, действуют от ее имени таким образом, что это демонстрирует нечто сравнимое с совестью» [14. С. 327].

Данный вопрос является основным для осмысления понятия корпоративной этики как подвида институциональной этики. Немецкий исследователь К. Хоман попытался осветить эту проблему через обращение к широко известной «анalogии между спортивной игрой и экономической конкуренцией» [15. С. 193]. По его мнению, надо мыслить современную экономику как двухступенчатую, где мораль находится на одной ступени, а бизнес – на другой. Разведя мораль и выгоду (экономическая эффективность) в разные стороны, немецкий мыслитель полагает, что нашел решение проблемы взаимоотношения морали и бизнеса. Индивидуальный уровень он предлагает заменить институциональным. Управление только посредством

внутренних мотивов, посредством разумных причин и угрызений совести, полагает данный автор, нельзя делать решающим критерием понятия «мораль» [Там же. С. 211]. Он выдвигает формулу, согласно которой мораль заключена в правилах игры, эффективность – в ходах игры. По его замыслу, синхронно находясь на разных уровнях, они не должны противоречить друг другу. В этой современной версии средневековой теории «двух истин», или еще более ранней формуле «Богу – Божье, Кесарю – Кесарево» прослеживается попытка снять субъективную моральную ответственность и переложить ее на объективные безличные структуры. Справедливости ради отметим, что немецкий исследователь не одинок. Так, польский исследователь Войчек Гаспарский идет еще дальше и предлагает выделить три уровня делегирования моральной ответственности: «1) микро-уровень, т.е. уровень человека/индивидуального действия; 2) мезо-уровень, т.е. уровень организации/деятельности корпорации; 3) макро-уровень, т.е. уровень национальных экономических систем» [16. Р. 155].

В заключении отметим, что тема корпоративной этики поднимает еще один интересный вопрос – о соотношении и взаимодействии морали и права как двух форм регуляции поведения. Это связано с тем, что, как отмечают ученые, в обществе посттрадиционного типа мораль теряет все больше функций и заменяется правом в качестве своего эквивалента. На смену этике добродетелей приходит институциональная этика.

Корпоративная этика, таким образом, относится к публичной морали и выступает «особой сферой» между индивидуальной моралью (опирается на идеальные санкции), с одной стороны, и, с другой – правом (внешнее санкционирование). Особенность корпоративной этики в том, что она и не право, и не индивидуальная мораль. Об-

щий вывод, к которому мы приходим в рамках данного исследования, заключается в том, что публичная и индивидуальная мораль не взаимоисключают, но скорее дополняют друг друга. Индивидуальная мораль – это всегда индивидуально-ответственное поведение самоопределяющейся и совершенствующейся личности (в духе кантовской этики категорического императива). Главные ее признаки – неформализованность и неинституциональность. Мораль формально (как совокупность норм) опирается на идеальные санкции. Мораль содержательно утверждает ценность человеческой жизни, стремление к миру и взаимопомощи. Как пишет академик А.А. Гусейнов, «...мораль (нравственность) состоит в том, чтобы не убивать и не лгать. А задача этики состоит в том, чтобы обдумать, почему это так» [17. С. 282].

Корпоративная этика как сфера публичной, институциональной морали формализована и кодифицирована [18, 19]. Как вид институциональной этики она опирается на внутренние правила и распорядки и в этом смысле более жестко определяет способ взаимоотношения людей. Типичным примером корпоративных отношений служат современные университеты, где можно наблюдать процессы, когда мораль смещается с индивидуального уровня на уровень общих правил, в рамках которых каждый должен понимать и ограничивать излишние проявления индивидуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузнецов И.Н.* Бизнес-этика. М.: «Дашков и К», 2007.
2. *Гусейнов Ф.И.* Моральный компонент в современном бизнес-образовании // Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016.

3. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А.* Когнитивная революция как фактор становления новой эпистемологической парадигмы и методологии исследования знания в современной науке // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 6. № 1 (15). С. 91-99.
4. *Vasyakin B.S., Ivleva M.I., Pozharskaya E.L., Shcherbakova O.I.* A Study of the Organizational Culture at a Higher Education Institution (Case Study: Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 18. С. 11515-11528.
5. *Назаров В.Н.* Прикладная этика. М.: Гардарики, 2005.
6. *Канке В.А.* Современная этика. М.: Омега-Л, 2008.
7. *Томаш Седлачек.* Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-Стрит. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
8. *Капитонов Э.А., Капитонов А.Э.* Корпоративная культура и PR. М.-Ростов-на-Дону: ИКЦ «МАРТ», 2003.
9. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: ВЕСЬ МИР, 2007.
10. *Лайкер Дж., Хосеус М.* Корпоративная культура TOYOTA. Уроки для других компаний. М.: АЛЬПИНА Паблишер, 2011..
11. *Ивлева М.И.* Ценностный аспект корпоративной культуры // Аксиология культуры в контексте вызовов современного мира. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 47-53.
12. *Малькова Т.П.* Интегративная концепция личности в социальной философии: модель идентификации // Гуманитарный вестник. 2014. № 1 (15).
13. *Бакутановский В.И., Сагомонов Ю.В.* Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Т. 2. Торговец в Храме. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992.
14. *Де Джодж Р.Т.* Деловая этика в 2-х томах. Т. 1. СПб.-М.: Институт «Экономическая школа», Издательская группа «ПРОГРЕСС». 2001.

15. Политическая и экономическая этика. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
16. *Wojciech W. Gasharski*. Business Ethics on the Way to Integrated Europe: As Seen from the Polish Perspective. Business Ethics from Theory to Practice. Vilnius: Vilnius University, 2002.
17. *Гусейнов А.А.* Мораль: разнообразие понятий и смыслов: сборник научных трудов. К 75-летию академика А.А. Гусейнова. М.: Альфа-М, 2014.
18. История и философия науки / Авт. колл.: Бушуева В.В. и др. М., 2015.
19. *Ореховский А.В.* Теоретико-методологический анализ понятия «толерантность» в отечественном гуманитарном познании и его практическое значение // Гуманитарный вестник. 2014. № 2 (16).
20. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л.* Границы влияния московской и киевской культурно-философских традиций в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 2 (20). С. 95-99.
21. *Мионов А.В.* Соотношение ценностных подходов в исследовании проблемы поиска смысла жизни // Общество: философия, история, культура. 2015. № 5. С. 8-13.

М.Л. Ивлева
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия.
E-mail: ivleva_ml@rudn.university

КОММУНИКАЦИЯ И ОДАРЕННОСТЬ: ПОИСК ОБЩЕГО ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ

В статье предпринята попытка на основе анализа предметных областей одаренности и коммуникации сформировать общее проблемное поле за счет введения категории «развивающая коммуникативная среда». Намечаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: коммуникация, одаренность, социоадаптационные проблемы, развивающая коммуникативная среда.

Проведенный нами анализ теоретических, экспериментальных и практических исследований одаренности позволил предположить, что надежды и перспективы их дальнейшего развития могут быть связаны с включением в проблемное поле одаренности коммуникации как одного из важнейших атрибутов современной социальной реальности. Обоснованность этого тезиса может быть аргументирована следующим образом.

Обращаясь к предметному полю коммуникации, мы обнаруживаем единодушное признание исследователями коммуникативного фактора в качестве конституирующего персональную и социальную реальность, формирующего идентичности и среды, способствующего трансформациям и реализации внутренней потенции самоосознающего индивида [1, 2, 3, 4, 5]. В контексте одаренности и ее развития именно социоадаптационные проблемы (коммуникативная некомпетентность, социальная изоляция, затрудненность процесса социальной адаптации, агрессивность у девочек и феминизация у мальчиков, неадекватная Я-концепция и самоуважение, негативное отношение к себе и своему окружению, сверхчувствительность, несформированность социальных навыков и способностей, нервозность, неумение решать проблемы и др.) стоят в ряду наиболее значимых и трудноразрешимых для одаренных.

Проблемы, рассматриваемые в области одаренности и коммуникации, могут быть объединены не только содержательно, но и в степени, возможной для фундаментального социально-гуманитарного знания, прикладным характером. В частности, полученные в ходе решения поставленной задачи результаты, факты и данные могут быть использованы для лучшего понимания ряда актуальных

социальных проблем и их разрешения, к примеру, преодоления антиинтеллектуалистских тенденций в обществе, обеспечения самореализации и полноценного развития детей, в том числе и одаренных, и достижения оптимального соответствия конкретных программ обучения особенностям развития детей.

Актуальности постановки обозначенной задачи способствует и наличие общих для обеих областей знания черт. Речь, в частности, может идти о концептуальном статусе исследований одаренности и коммуникации. С точки зрения общей методологии науки система накопленных в них знаний по своим структурным характеристикам соответствует концепции как форме организации научного знания. Как известно, «теория как форма организации знания, в отличие от концепции, претендует на существенно более высокий уровень логической организации, она призвана давать целостное и внутренне согласованное в логико-методологическом отношении представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности» [6]. Если же проанализировать современное состояние исследований в названных областях, можно зафиксировать противоречие между, с одной стороны, наличием эмпирической базы исследований одаренности и коммуникации, с другой стороны, отсутствием единой теории, адекватно объясняющей собранные эмпирические данные и обосновывающей различные практики. Это противоречие проявляется в отсутствии единого категориального аппарата теоретических, эмпирических и прикладных разработок; наличии в рамках проводимых исследований различных категориально несовместимых подходов к изучению данных явлений; отсутствию единых критериев истинности и эмпирической верифицируемости. Отмеченная особенность позволяет выделить в качестве общей тенденции и перспективы научных исследований

переход от накопления и обобщения эмпирических данных к их объяснению и прогнозированию, что предполагает создание нового теоретического базиса, понятийного аппарата и процедурно-методологического инструментария. Так, несмотря на обилие определений и коммуникации, и одаренности задача построения конструктивного определения, отражающего существенные характеристики обоих явлений, остается пока не решенной. Попытка решения этой задачи приводит к выявлению еще одного факта сходства, а именно наличия соответствующих концептов в естественном языке. В истории человеческой мысли оба феномена изучались с древности, причем корни различных представлений о них следует искать в обыденном сознании, культуре, религии, философии. Поэтому ключ к пониманию и правильной оценке многочисленных и разнообразных подходов к определению и изучению данных явлений лежит в том числе в исследовании их культурных и прагматических корней.

Объединяет обе предметные области и расположенность на пересечении гуманитарных, социальных, естественных и технических наук, ряда отраслей внутри некоторых из них, многочисленных направлений и подходов. Как следствие – наметившееся в последние годы взаимонаправленное движение и взаимодействие ученых из различных областей знаний, концентрация их усилий на междисциплинарных исследованиях одаренности и коммуникации, шире – среды, в которой осуществляется коммуникация. Вообще понятие среды было ключевым в формировании целостного взгляда на природу человека, отвечающего современному развитию науки и общества. Анализ выделенных нами тенденций развития исследований в данной области свидетельствует, что главной или господствующей является разработка проблематики среды и одаренности в сторону интегративного синтеза нескольких

наук. До сих пор движение исследований в разных науках, причастных к построению теорий, было разрозненным и параллельным, они соприкасались фрагментарно. Сейчас предпринимаются попытки комплексного, междисциплинарного научного исследования рассматриваемой проблемы взаимовлияния развивающей среды и одаренности. Материалы свидетельствуют о том, что отечественная и зарубежная наука располагает довольно основательно представленным феноменологическим описанием развивающей среды и одаренности. Тем не менее все, что связано с их взаимоотношениями как сложным и многоаспектным явлением, продолжает вызывать споры и ставить новые вопросы, на которые пытаются ответить исследователи: теоретики, экспериментаторы, практики. Целый ряд этих вопросов, как свидетельствуют проанализированные материалы, можно с некоторой долей условности считать решенными. В отношении других (например, роль общения в процессе развития одаренности) специалисты продолжают высказывать столь различные суждения, что их дискуссионный характер не удастся преодолеть. Единодушные проявляется лишь в признании того факта, что огромное число проблем одаренных детей лежат в области их взаимодействия с окружающими людьми и проявляются в ряде поведенческих моделей, которые затрудняют их общение. Эти проблемы являются следствием опережающего развития познавательных способностей в ущерб пониманию законов общения. Вот наиболее типичные поведенческие модели одаренных детей: стремление прервать собеседника (дать преждевременный ответ, неизменно быть активным на уроках, опережать рассказчиков с нарушением правил ведения беседы); привычка поправлять других; издевка, высмеивание окружающих.

Одна из первых исследовательниц одаренности L.S. Hollingworth [7] выявила следующие проблемы адаптации

одаренных детей: неприязнь к школе из-за несоответствия учебной программы способностям ребенка; интерес к сложным играм, который не разделяют сверстники; отсутствие конформизма; погружение в несвойственные сверстникам философские проблемы; несоответствие между физическим, интеллектуальным и социальным развитием. В. Fine [8], J. Gallaher [9], M. Pringle [10], J. Whitmore [11] отмечают в качестве причин, создающих проблемы на пути реализации способностей одаренных детей, такие их особенности, как нарушение отношений с родителями, отсутствие самодисциплины и неспособность нести ответственность за свои поступки и действия, эмоциональная неуравновешенность, подверженность колебаниям настроения, депрессии и духу противоречия, низкая самооценка, неприятие состязательности, чувствительность к критике и стремление критиковать других, недостаток настойчивости, негативное отношение к школе и к учебе и т.д. Шансов адаптироваться в обычном мире у них гораздо больше при условии оказания им своевременной помощи, создания развивающей среды средствами оптимально организованной коммуникации.

Проанализировав выработанное в науке знание в области коммуникации (общения), мы обнаружили неполноту наличных предметов изучения общения, их несоответствие нашим задачам. Это выражается в том, что исследовательские стратегии, лежащие в основе изучения влияния общения на психическое развитие, рассматривают его в качестве фактора, обуславливающего те или иные индивидуальные психические проявления. Общение и психические явления предстают как два самостоятельных, хотя и связанных, но параллельно существующих явления. Характер их связи сводится к изучению воздействия общения на психические явления, но не наоборот (например, работы В.М. Бехтерева, В. Мёде, Ф. Олпорта).

Целям нашего исследования в наибольшей степени соответствует другая исследовательская стратегия, в которой воздействие общения на динамику психических характеристик его участников рассматривается как целостная система [12]. Мы предлагаем ввести термин «развивающая коммуникативная среда» (РКС), который более адекватно и валидно описывает процессы социального взаимодействия одаренного ребенка в социальной среде и отражает направление, которое эта среда придает развитию одаренных детей.

Под РКС понимается система ключевых факторов, оказывающих решающее воздействие и благоприятствующих развитию ребенка через оптимальное общение с ним. Ее структурные компоненты – люди (включая одаренного ребенка), культура, природный и материальный мир вокруг ребенка. Каждый компонент обладает разной степенью активности. Если попытаться графически представить РКС, то она может иметь форму эллипса с двумя равноценными фокусами (ребенок и взрослый). Все остальное пространство заполнено такими составляющими РКС, как культура и природа, а фоном, нитью, связующей все обозначенные выше элементы, окажется общение. РКС можно рассматривать в трех взаимосвязанных планах: 1) как систему; 2) как процесс; 3) как индивидуальный или совокупный результат этого процесса. В работе РКС характеризуется в соответствии с принципами системности. Она предстает целостной, не сводимой к сумме свойств составляющих ее элементов (одаренный ребенок, значимый другой, культура, природа) и не выводимой из свойств целого, системой. Каждый элемент, свойство и отношение РКС зависят от их места и функций внутри целого.

Другое ее свойство – структурность, или наличие сети связей и отношений, которые в составе структуры могут обусловить поведение РКС. РКС обладает еще одним

свойством – иерархичностью, то есть каждый ее компонент в свою очередь может рассматриваться как система. Еще одно свойство – взаимозависимость РКС от среды в более широком смысле (среда обитания), в процессе взаимодействия с которой РКС проявляет свои свойства, являясь при этом активным компонентом. Наконец, для РКС характерно и многоаспектная представленность в силу ее сложности. В результате адекватное познание РКС - возможно на пути создания разнообразных моделей, которые описывают отдельные определенные аспекты.

Установлено, что все педагогические и психологические воздействия среды, направленные на одаренного ребенка, представляют собой единое психологическое пространство существования и развития ребенка. Одаренный ребенок рассматривается как активный субъект всех отношений, складывающихся в РКС, и личность ребенка является центральным компонентом этой среды. Изучение и оценка факторов среды проводится с учетом их отношения к субъектным качествам одаренного ребенка.

Перспективы дальнейших исследований мы связываем с решением задач функционирования и развития коммуникативной среды, ее структуры и функций с целью выделения тех аспектов детерминирующего воздействия на одаренных детей, которые могут быть полезны и применимы в практике их обучения и развития. Очевидно, что при всей успешности осуществляемых в разных областях знаний (психологических, педагогических, философских, биологических, социологических исторических) исследований связанных с этой проблемой вопросов окончательное ее решение как самостоятельной предполагает выработку определенной теории и методологии, основанных на новых, обобщенных представлениях о характере и принципах связей и взаимодействий человека (одаренного ребенка) и среды. При этом одновременно необходимо разработать тео-

рию и методологические позиции познания и воспитания самого одаренного ребенка как главного субъекта, активного деятеля в среде. После ряда лет исследований автор пришел к твердому убеждению, что реализовать данный подход возможно лишь в рамках интердисциплинарности с использованием концептуальной структуры, категориального аппарата и методологии смежных социально-гуманитарных наук [13, 14, 15]. Именно такой подход позволяет не ограничиваться строго научным описанием и объяснением изучаемых феноменов, а делает возможным проникновение во внутренний мир одаренного ребенка и его преобразование.

Понятие РКС является точкой соприкосновения, интеграции, взаимоотношений различных подходов к проблеме одаренности и коммуникации одновременно, точкой отсчета и роста, которая дает возможность создать новое, творческое видение, нестандартное решение в интересующей нас области.

Результаты, полученные в ходе реализации поставленной задачи, предполагающие упорядоченное, систематическое и проанализированное представление о сущности развивающей коммуникативной среды и одаренности, их взаимодействия, будут иметь самостоятельное научное значение в рамках социально-гуманитарных наук, всемерно способствовать процессу образования и развитию научного знания в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бузская О.М.* Экология коммуникаций. О ценностях XXI. Saarbrucken, 2015.
2. *Головка Ю.В.* Этика ответственности – актуальные проявления // Лесной вестник. 2011. № 2. С. 73-78.
3. *Губанов Н.Н.* Менталитет и его функционирование в обществе // Философия и общество. 2006. № 4 (45). С. 125-141.

4. *Баграмянц М.Л.* Психология одаренности: теория, эксперимент, практика. Учеб. пособие. М., 2003.
5. *Vasyakin B.S., Ivleva M.I., Pozharskaya E.L., Shcherbakova O.I.* A Study of the Organizational Culture at a Higher Education Institution (Case Study: Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 18. P. 11515-11528.
6. *Ивлева М.Л.* Философско-методологические принципы исследования философских оснований психологической концепции одаренности // Гуманитарный вестник. 2017. № 1 (51).
7. *Hollingsworth L.S.* Gifted Children. N.Y.: Macmillan. 1927.
8. *Fine B.* Underachievers: How Can They Be Helped? N.Y.: E.P. Dutton, 1967.
9. *Gallagher J.J.* Teaching the Gifted Child. Boston: Allyn & Bacon, 1985.
10. *Pringle M.* Able Misfits. London: Longman Group, 1970.
11. *Whitmore J.R.* Giftedness, Conflict and Underachievement. Boston: Allyn & Bacon, 1980.
12. *Ивлева М.Л.* Научный этап развития психологической концепции одаренности: тенденции, направления, подходы. М., 2012.
13. *Ивлева М.Л.* Философские основания психологической концепции одаренности. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). М., 2009.
14. *Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Иноземцев В.А.* Психологическая концепция одаренности как тип научного знания и методологические принципы изучения ее философских оснований // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 145-155.
15. *Ивлева М.Л.* Познавательная парадигма психологической науки и концептуализация одаренности // Гуманитарный вестник. 2016. № 8 (46).
16. *Звонова Е.Е., Кузина Е.С.* Некоторые философские основания целостности образовательного процесса в свете представлений о единстве интеллекта и аффекта // Социология образования. 2016. № 11. С. 32-39.

17. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л.* Границы влияния московской и киевской культурно-философских традиций в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 2 (20). С. 95-99.

18. *Ивлев Ю.В.* Логика для юристов. М., 2013.

19. *Нехамкин В.А.* Роль образования руководителя государства в процессе исторического развития // Социология образования. 2012. № 2. С. 82-97.

Р.Н. Каримов
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия.
E-mail: karimovramil@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК КАК ЭМИТЕНТ И РЕЦИПИЕНТ В СИСТЕМЕ ВЛАСТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

В статье отражены основные подходы к пониманию человека, включенного в систему коммуникаций, которая, в свою очередь, включена в отношения власти и подчинения. Автором выделены некоторые подходы к интерпретации горизонтальной и вертикальной коммуникаций, а также рассмотрены современные тенденции и возможные эффекты развития явлений social networking. **Ключевые слова:** digital медиа, social networking, коммуникация, власть, сдвиг социальной парадигмы.

Мы рассмотрим несколько различных подходов, выходящих за рамки понятия коммуникации и охватывающих более широкий спектр проблем. Попытаемся вычленить на этой основе необходимое нам понимание коммуникации в контексте властных отношений. В частности, мы сфокусируемся на разделении горизонтальной и вертикальной коммуникаций.

Согласно Г. Почепцову [1. С. 287], коммуникацию можно разделить на два больших типа – вертикальную и горизонтальную. Вертикальная коммуникация строится «сверху вниз» – от эмитента, обладающего некой властью над реципиентом, к собственно самому реципиенту, являющемуся подвластным субъектом. Горизонтальная же коммуникация, чисто теоретически, выстраивается между априори равными субъектами. Неважно, на каком они находятся уровне – будь то государства, корпорации или люди – здесь нет институционализированных прямых властных отношений, но есть межличностные отношения равных. На уровне горизонтальной коммуникации равных происходит борьба за власть, а на уровне вертикальной – ее удержание. В горизонтальной коммуникации борьба за власть – это процесс, в то время как в вертикальной – власть уже определена и институционализирована.

Почему же в современном мире нас интересует горизонтальная коммуникация? Что существенного изменилось за прошедшие несколько десятилетий с момента популяризации интернета, а затем и новых медиа? Доступ к знаниям и информации в целом стал не просто универсальным, он стал невероятно быстрым, при этом процесс получения этих знаний стал гораздо проще и, более того, гораздо менее контролируемым самим субъектом. Благодаря экстенсивному росту так называемых «новых медиа» или «digital медиа» произошел сдвиг в процессе получения и передачи информации. Если ранее процесс обучения можно было отнести к вертикальной коммуникации, то чем ближе к современности мы оказываемся, тем чаще замечаем переход процесса обучения в сферу горизонтальной коммуникации – смещение данной парадигмы к внеклассным занятиям, самообучению и обучению друг друга, т.е. *networking* [2]. Сегодня принцип *networking* возведен в абсолют, по-английски новые медиа так и называ-

ются *social networks*. Однако в данной связи мы можем говорить не только о росте горизонтальной коммуникации, но и о росте вертикальной. И вертикальная коммуникация сегодня обрастает дополнительным измерением. Если раньше вертикальная коммуникация исходила исключительно от институционально зафиксированных властных структур, то в век развития *social networking* каждый представитель масс может стать эмитентом информации и выстроить свою довольно широкую вертикальную коммуникацию. Вопрос уже состоит лишь в легитимизации данной коммуникации.

Для того чтобы понять, как работает горизонтальная и вертикальная коммуникации, их причины и цели, разберем ряд теорий, которые помогут нам ответить на данный вопрос. В рамках антропологии изучение человека как биологического организма сводит коммуникацию к упрощенным схемам взаимодействия в животном мире. Здесь нет социальной коммуникации, а есть элементарная знаковая система, связанная с завоеванием жизненного пространства. И что самое важное – в животном мире процесс коммуникации основан на инстинктах и базовых потребностях. Вся коммуникация при данном подходе может быть проинтерпретирована сквозь призму демонстрации или реализации силы, т.е. доминирования. Каждый отдельный организм сигнализирует о готовности или неготовности завоевать/защитить свое жизненное пространство. К примеру, согласно К. Лоренцу [3. Р. 13], высокая концентрация людей в больших городах противоречит человеческой природе и влечет за собой рост конфликтов внутри социума, поскольку каждый человек невольно вторгается в жизненное пространство другого. Таким образом, данный подход объясняет глубинные движущие силы социальной коммуникации биологическими причинами.

Поскольку мы уже начали говорить о социальной стороне антропологии, обратимся к теориям, трактующим человека как социобиологическое существо с некой внутренней жизненной силой, в качестве которой может выступать бессознательное Фрейда [4], воля в чистом виде, воля к жизни Шопенгауэра [5], воля к власти Ницше [6] и др. Это приводит нас к теориям социодарвинизма, эволюционизма, витализма и волюнтаризма. В трудах Г. Спенсера [7] и Т. Гоббса [8] человек определяется в первую очередь через его животное начало. Основной целью человека остается удовлетворение животных потребностей, реализация инстинктов. Согласно же Шопенгауэру и Ницше, человеком движет не столько инстинкт, сколько внутренняя энергия, а именно воля. У Ницше воля реализуется как воля к власти. Все стремления человека, в том числе и коммуникативные, направлены на реализацию воли к власти. Коммуникация, однако, сводится к простой сигнальной системе и как таковая ничем не отличается от коммуникации в животном мире. К примеру, ракетный удар можно проинтерпретировать не как некое коммуникативное действие, а именно как удар. Но ведь можно рассмотреть его и как послание (message), тогда он будет являться средством горизонтальной коммуникации между акторами власти, например, странами. Т.е. действие также является посланием, знаком, жестом, сигнализирующим о каком-то третьем значении. Мы можем говорить об акте агрессии как о коммуникации, потому что в ней присутствуют все необходимые элементы, согласно, например, Р. Барту [9, 10]: коммуникатор, реципиент, означаемое и означающее, значение. Действительно, согласно М. Маклюэну [11], война без зрителей не имеет смысла, как не имеет смысла спорт без болельщиков. Таким образом, любое военное действие – это не только действие, но и message, причем направленный на широкую группу разнообразных реципиентов: страну, в отношении которой осуществляются

военные действия, ее жителей, третьи страны и их жителей, международные организации и интернациональные корпорации, и, наконец, жителей самой этой страны.

Еще один ключевой подход к изучению коммуникации, который в большей степени сконцентрирован на изучении внутренних аспектов жизнедеятельности индивидуума, мы находим в рамках психологии. К примеру, можно обратиться к триаде «свой-чужой-другой», которая позволяет объяснить многие аспекты успешной или неуспешной властной коммуникации, а также легитимизации властных отношений. Данная парадигма «своего-другого-чужого» во многом определяется современными технологиями коммуникаций. Какой-либо публичный деятель или персонаж в social networks может вызывать симпатию или антипатию на основе внутреннего считывания реципиентом кода «свой, чужой или другой». Однако если говорить об успехе или популярности данного деятеля, то тот, кто считывается как «чужой», может быть таким же успешным, как и тот, кто считывается в качестве «своего», просто со знаком минус.

Еще одно интересное психологическое явление, получившее распространение вместе с развитием social media, – это усиление когнитивной ошибки под названием *confirmation bias* [12], под которой имеется в виду естественная установка человека отдавать предпочтение информации, усиливающей существующие мнения, игнорирующей при этом оставшуюся часть информации. Механизм работы социальных сетей (*Facebook, Youtube, VK, Одноклассники* и др.) построен на том, что он предлагает человеку новую информацию, контент, основываясь на его предыдущих просмотрах и интересах. Таким образом, этот механизм усиливает не только *confirmation bias*, но и эффект поляризации, т.е. усиливает уже существующие предубеждения (с опорой на то, что так функционирует человеческая психика), физически элиминируя альтернативную информацию.

Психологический подход также интересен в рамках анализа межличностной горизонтальной коммуникации индивидов, а также при рассмотрении процесса адаптации человека к доминирующему в обществе дискурсу. Если говорить о горизонтальной коммуникации равных, то юнговская Персона [13] является непосредственным участником коммуникации и стремится выстраивать горизонтальные связи, а Тень – то, что сокрыто в данном процессе. Иначе может обстоять дело при коммуникации вертикальной от источника к реципиенту, особенно если реципиент получает информацию в одиночестве и максимально ослабил присутствие своей Персоны, к примеру, при чтении газеты. Тогда транслируемый дискурс будет восприниматься человеком иначе, нежели при межличностном взаимодействии, поскольку здесь отсутствует социальный элемент. Персона будет играть минимальную роль и уступит ее более целостному Эго. Если Персона и Эго практически ничем не отличаются, то индивид и не будет по-разному относиться к транслируемой сверху информации, будь он в одиночестве или в социуме. Если же Персона и Эго существенно отличаются, тогда человек может совершенно по-разному относиться к транслируемой информации в ситуациях, когда он один и когда он находится среди людей. Таким образом, данный индивид (как статусный набор и как психофизическое существо) может оказаться участником двух типов коммуникаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М., 2009.
2. *Limbu M., Gurung B.* Emerging Pedagogies in the Networked Knowledge Society: Practices Integrating Social Media and Globalization. Michigan, 2014.
3. *Lorenz K.* Civilized Man's Eight Deadly Sins. New York, 1974.
4. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М., 1989.

5. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. М., 1992.
6. *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005.
7. *Коломыйцев В.Ф.* Социология Герберта Спенсера. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/475/176/1217/004.KOLOMYITSEV.pdf> (дата обращения: 21.04.2017).
8. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1991.
9. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. М., 1989.
10. *Моррис Ч.* Основания теории знаков. Семиотика. Сборник переводов. М., 1982.
11. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.
12. *Massoun R.J.* Biases in the Interpretation and Use of Research Results // Annual Review of Psychology. 1998. Т. 49. Р. 259-287.
13. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.

J. Keir
University of Tübingen,
Tübingen, Germany.
E-mail: keir@weltethos-institut.org

MIKHAIL GROMOV'S CHEKHOV AND HANS KUNG'S WELTETHOS: COMPARATIVE ANALYSIS

ЧЕХОВ МИХАИЛА ГРОМОВА И МИРОВОЙ ЭТОС ГАНСА КЮНГА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье проводится сравнительный анализ понятия всеобщей этики в интерпретации М.Д. Громовым творчества А.П. Чехова

и в проекте «Декларации о грядущей глобальной этике» швейцарского теолога Ганса Кюнга. *Чехов* Михаила Громова (1993) и *мировая этика* Ганса Кюнга (1993) выражают глобальный оптимизм в сфере духовного развития человечества после окончания холодной войны. Творчество Чехова и сегодня представляет Россию в пространстве межкультурного диалога, продолжает свое присутствие и в постсоветском мире. Г. Кюнга и А. Чехова объединяет вера в жизнь, которая так необходима человечеству пост-постмодерна XXI века.

Ключевые слова: глобальная этика, мировой эмос, совесть, вера, межкультурный диалог.

The fear of death follows from the fear of life. A man who lives fully is prepared to die at any time.

Mark Twain

Introduction

Of the myriad incarnations of the ethos of which the world consists and by which it is maintained and improved, Anton Chekhov is perhaps, despite serious competition, Russia's finest. Mikhail Gromov's 1993 biography *Chekhov* coincides with the signing, at the Parliament of the World's Religions, of the *Declaration Toward a Global Ethic* drafted by Swiss theologian Hans Küng; 25 years on, we can discern not only that Gromov's *Chekhov* and Küng's *Projekt Weltethos* drive at the same goal of promoting the idea of basic trust in life (*Grundvertrauen*, in Küng's German formulation), but that this goal is central to the continued relevance of both to our troubled time. This short piece is an attempt to juxtapose two names never before juxtaposed – Küng and Chekhov – and to honour both in the process by bringing them together in the same snapshot of possibilities for a new 21st-century post-postmodernity.

Gromov's Chekhov

Mikhail Gromov's extraordinary biography of Chekhov is an attempt to reevaluate the great playwright's legacy in the context of the post-Soviet reality in which Russia and the world still lives. Even more than is normal with great books, the critic is overwhelmed by the desire to quote long chunks of the untranslated text in order to share with the uninitiated reader the same *frisson* of discovery of an unknown, hidden universe of value. The poor taste of such a lazy gesture offers at least some reason to refrain, but in the end, the temptation occasioned by the secret privilege of access proves overwhelming: «Какое соблазнительно простое и какое неверное решение вопроса – считать Чехова атеистом. Без веры, без духовных ценностей, которые всегда назывались святыми, поскольку другого слова для них нет, без мысли о прошлом и надежды на будущее, без боли за близких жить нельзя, как нельзя жить без совести, и никакие иллюзии тут ничего не изменят: нет совести, нет и закона. [...] Нужно веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее место шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своей совестью» [1. P. 13].

The risk of providing a top-ten list of quotes is swiftly replaced by the urge for commentary: the word 'religion' is among the slipperiest, most dangerous (since most likely to occasion misunderstanding) words in the entire English language. Gromov's Chekhov is both more and less than an atheist; he explodes the entire category distinction: «Отец Чехова был религиозным человеком, но в его вере не было терпимости или добродушия. Была жесткая убежденность, внушенная не столько верой в предвечную справедливость и добро, сколько страхом перед казнями ада. Дети знали твердо: их ждут не райские кущи, но геенна огненная, и представления о геенне огненной внушалось им столь предметно и доходчиво, что они потеряли веру в рай. Бог отца в этой

семье был страшным богом; его боялись и, насколько смели и могли, ненавидели» [Ibid. P. 44].

Chekhov's greatness and universality consists in his ability to overcome the 'unhappy childhood' imposed on him by a negatively 'religious' and authoritarian father and to reach the horizon of what Hans Küng calls 'basic trust in life' (*Grundvertrauen* or *Lebensvertrauen*), a 'saying Yes to reality despite all temptations to reject it' [2. P. 21]. The simultaneous impossibility faced by the individual human being in avoiding or denying the reality of her deepest past and her ability to liberate herself from any resulting determinisms reveals the universal and dynamic, necessarily agonistic spirit or 'ethos' at the heart of Chekhov's life's work: «Навсегда сохранится в чеховском творчестве конфликт отцов и детей, и всегда Чехов будет на стороне детей: "Только ту молодость можно признать здоровою, которая не мирится со старыми порядками и глупо или умно борется с ними – так хочет природа и на этом зиждется прогресс"» [1. P. 77]. Chekhov wrote to A.S. Surovin in 1890.

Chekhov also provides the bridge from a 19th to a 20th century understanding of morality in Russia, by extension prompting the question of the leap necessary for a globalising world from the 20th to the 21st Century [Ibid. P. 88, 95]. This focus on conscience allows Chekhov to subsume the sciences within what Confucian scholar Tu Weiming might call a rubric of 'spiritual humanism' [3]; instead of a dualistic, 'two cultures' academic world of empirical science and pseudoscientific hermeneutics, the spirit of empirical, moral and aesthetic inquiry is embedded in a wider intellectual unity [1. P. 162]. Chekhov, like current World Ethos Institute Director Claus Dierksmeier, identifies this universal 'ethos' with the idea of 'qualitative freedom' [4]; Chekhov's ancestors had liberated themselves from serfdom in living memory, and Anton was not about to fall back into the trap of flattering his superiors or, fol-

lowing Tolstoy's late example, denying himself the pleasures of the flesh for the sake of it. Sacrifice for Chekhov needed to assume a more 'modern', tender and generous form and to guard against all the temptations of 'despotism' by inoculating itself against the old intergenerationally contagious disease. Chekhov's literature in general, and his letters to his brothers in particular, act for Gromov as a 'powerful medicine' in precisely this sense: they confirm his view that only love for life can cure the urge to tyrannise others [1. P. 234].

Examples of moral leadership may always remain rare, but these are the people who sustain and develop the 'ethos' of the world:

«Я верю в отдельных людей, и вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных [...] там и сям – интеллигенты они или мужики, – в них сила, хотя их и мало» [Ibid. P. 263]. While a majority may remain deprived of access to this 'World Ethos', the hope of strengthening and spreading it gives meaning to all those lucky enough to belong to the minority, even as private contact with nature and the world as a whole rewards those capable of moral self-cultivation [Ibid. P. 338]. The ancient Russian spirit of *vseedinstvo* ('the oneness of everything'), which Hans Küng will a century later analogously refer to as *Grundvertrauen* or 'Basic Trust in life', is nowhere better embodied in Chekhov's work than in the climax of *Three Sisters*, where Tuzenbach leaves for his final duel but «не будем говорить об этом! Мне весело... Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь! Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Мне кажется, если я и умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе. Прощай, моя милая...» [Ibid. P. 349].

The temporal dimension of this *vseedinstvo* is dramatised by Chekhov in *The Cherry Orchard*, where a tragic absence of *Grundvertrauen* in the majority of human individuals

is foregrounded, and the enlightened minority's post-tribal sense of pity and global responsibility revealed [Ibid. P. 384]. After Chekhov, individuals know that they cannot be held responsible for the crimes of the past, and should not waste time with pointless postcolonial guilt; the only way of embracing transtemporal responsibility is to focus on the present as a way of securing the future. Such responsibility extends right to the very end: «Предсмертные письма Чехова – вот что внушило мне на днях действительный ночной ужас. Это больше действует, чем уход Толстого, – писал Блок. «[...] А Бунину передайте, чтобы писал и писал. Из него большой писатель выйдет. Так и скажете ему от меня. Не забудьте. [...] Пока человек жив, он надеется жить» [Ibid. P. 385, 386, 387-88].

In the end, Chekhov was «перед смертью и до последней минуты стоически спокоен, как герой: Антон Павлович тихо, покойно отошел в другой мир. [...] Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки: *Ich sterbe*. Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительную улыбку, сказал: ‘Давно я не пил шампанского’, покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда» [Ibid. P. 388].

Chekhov and Hans Küng: From Global Ethic to World Ethos

In 1990, Hans Küng undertook the descriptive challenge of revealing the ‘ethos’ common to the world's leading religions: Christianity, Judaism, Islam, Hinduism, Buddhism, and Confucianism. Beyond the descriptive challenges of consensus, however, Küng's *Projekt Weltethos* [5] assumed the normative task of building peace in a post-Cold War world (‘No world peace without peace between the religions,’ in Küng's famous formulation); the 1993 *Declaration Toward a Global Ethic*, signed by religious leaders from across the world

at the Parliament of the World's Religions in Chicago [6], aimed simultaneously at both consensus and transformation. The logic of the declaration format, however (along with its younger 2009 cousin *The Global Economic Ethic Manifesto*), has failed to capture the hearts and minds of either the UNESCO-affiliated cultural elites who may have sought to institutionalise the idea of a Global Ethic, or the ordinary people whose lives may have been improved by contact with the 'ethos' which Küng identified.

For Küng, what all spiritual traditions worth the name – including non-religious ones – have in common is the opening of access to *Grundvertrauen* or *Lebensvertrauen*, 'Basic Trust in life or reality', the courage to 'say Yes to reality despite all temptations to reject it'. Such access is impossible without a secure base for exploration provided by caregivers in early childhood and ongoing avenues for humanistic education; without such *Grundvertrauen*, Küng argues, 'no one can behave ethically' [2. P. 21]. Gromov's biography of Chekhov provides a pleasant antidote, however, to any suggestion that there is a strictly deterministic relationship between nurture and Basic Trust; the terrifying excesses of Chekhov's father, if anything, serve as the exception which helps to prove the rule of a deeper, dynamic, living 'ethos' which all those who engage in moral self-cultivation, and given sufficient assistance, might hope to discover and eventually embody. Chekhov's provincial upbringing in Taganrog, encapsulated in his canonical sisters' famous longing for '*Moskva, Moskva*', was in the end secure and cosmopolitan enough, despite his father's warnings of hell-fire, to awaken the taste for dialogue, for contact with a beyond, with life as a whole, in which Chekhov somehow trusted in advance and to which he felt a certain responsibility.

Küng's colleague Karl-Josef Kuschel has encapsulated this 'world ethos' spirit in the title of his monumental 2011 *Leben ist Brückenschlagen (Life is Bridgebuilding)* [7]. The

immensely complex psychological preconditions for such an open, trusting and purposeful attitude to life, however, are far from being understood and reducible to medical formula; in the meantime, all we have is the cultural patrimony handed down by generations of bridgebuilders from a range of linguistic, ethnic and spiritual backgrounds. Kuschel portrays figures from the late 19th and early 20th Centuries from Mahatma Gandhi to Hermann Hesse and Muhammad Iqbal who all sought dialogue with foreign cultures from a more or less stable base of attachment to their native worlds. Chekhov, the intrepid pioneering traveller to Sakhalin and chronicler of injustices there, belongs to a similar company; the moral and dialogical dimension of existence and the risks associated with such foreign contact come to take precedence over the imperative of local physical survival in a harsh world. When the end does come, it is with a glass of champagne in hand.

While Chekhov moved beyond his father's merchant milieu to pursue careers in medicine and literature and to engage in a range of philanthropic activities, the harnessing of this 'world ethos' by, in, and for business is the central concern of *Weltethos* chief donor and concrete-pump mogul Karl Schlecht. The motivation to engage in customer-driven productivity – the desire to meet the needs of clients via dialogue and with an ethic of sacrifice and service – can in the end, Schlecht concluded from a lifetime in business, be stronger than that of self-centred, *homo economicus*-style profit-maximisation. Profit, good food and the comforts of a smart home are necessary and nice – in short, one need not be Tolstoy [1. P. 228-229] – but the discovery of a 'world ethos' within oneself via contact with inspirational examples like that of Chekhov provides access to a deeper stock of motivation which is both its own reward and part of the answer to many of the material and spiritual problems of 21st-century post-postmodernity. The 'world ethos' is not a new religion, and does not require that one sub-

scribe to one of the ‘world religions’ with which Kūng began and in which he identified the existence of this ‘ethos’, but it does require a certain attitude to life which may or may not be categorised as ‘religious’ (Ronald Dworkin, for example, has coined the phrase ‘religion without God’ [8] to describe the position of the morally serious atheist or agnostic); it is in this sense that it would be wrong, as Gromov argues, to categorise Chekhov as a simple nihilist or relativist just because he takes a deeply critical attitude to his father’s fear-mongering Orthodox Christianity. Likewise, Kūng’s contribution to postwar Christian and ecumenical theology was to remind the world that Jesus, as well as the spiritual leaders of the other major world religious traditions, inspired and was inspired by *Grundvertrauen* rather than any dread of hellfire or veiled totalitarian threats to ‘believe’ [9].

Chekhov himself, in his life and work, provided a similar inspiration for a modern audience, and made explicit the distinction between the ancient tribal morality of our Pleistocene ancestors, with its local conscience for concrete acts of wrongdoing, and the universal morality of a ‘world ethos’ enshrined in the world’s leading religious traditions as they emerged in the Axial Age: a conscience which never rests because it identifies dialogically with the world or life as a whole, not just with the day-to-day survival of the local tribe. A counterproductive Tolstoyan asceticism in the face of the paralysing enormity of this cosmic responsibility is not Chekhov’s answer; something in the ‘Chekhovian mood’ described by Gromov, however, pushes beyond the tragic indecision of Shakespeare’s Hamlet to affirm the modern, in reality more or less post-Axial idea of *Grundvertrauen*. Just as Shakespeare was able to celebrate this post-tribal idea in the form of both tragic and comic theatre and to update it for his time, so too was Chekhov able to dramatise the same tension between the demands of local tribal engagement and the dreams of dialogue

with an enticing but endlessly demanding beyond. Learning to live in this restless modern state and to affirm life as a whole, despite our inability to fulfil our endless responsibilities, was the common cause of Anton Chekhov and the architects of the *Projekt Weltethos*. This is something much more than consensus agreement on the rules of engagement for globalisation; it is an entire spirit or attitude regarding life and how to live it, in which dialogue and humour eventually supersede all forms of tribal law. Respect for local law is not precluded or improperly diminished, but the authority of such law is no longer misinterpreted as absolute; Basic Trust in life itself eventually trumps all attempts by tribal leaders to monopolise public discourse in their own interests. The world's major Axial and post-Axial religions all provide an antidote to this 'crushing tribal group-think', in Peter Hitchens's memorable phrase [10], but so too does the literary output of Anton Chekhov by reminding us, more than 100 years on, of our true human condition, and showing us that there is nothing to fear in it but fear itself. Mikhail Gromov was right to remind the world with his biography of Chekhov in the aftermath of Soviet collapse that post-Soviet Russia still had the spiritual resources and cultural memory to call on in order to be a net contributor to a 'world ethos' rooted in Basic Trust in life, and that the totalitarian experiments of Soviet communism had not buried these precious traces.

Late Russian philosopher Pyotr Grechko (1947-2016) wrote at the end of his life that he '[believed] in the power of technological change more than socialist, liberal, or any other ideology'. Grechko argued that 'modern communications technology, and indeed all new technology in general', generates its own 'ethos', the 'prospect' of which is set to become 'the main vector of transformation from a globalising to a globalised world' [11]. Küng and Chekhov remind us, however, that for all its 'potential', technology will forever remain the handmaiden of ethics, and that the medium is ultimately *not* the

message. Rather than embracing a postmodern, technological relativism, Küng and Chekhov seek to reconnect us with something older, an ethos which technology can certainly help (or not) to diffuse, but the roots of which are in individuals and their characters, not postmodern sociological processes.

REFERENCES

1. *Громов М.* Чехов. М.: Молодая гвардия, 1993.
2. *Küng H.* Wozu Weltethos? Religion und Ethik in Zeiten der Globalisierung. Freiburg: Herder, 2002.
3. *Tu W.* The Global Significance of Concrete Humanity: Essays on the Confucian Discourse in Cultural China. New Delhi, Centre for Studies in Civilisations, 2010.
4. *Dierksmeier C.* Qualitative Freiheit: Selbstbestimmung in weltbürgerlicher Verantwortung, Bielefeld, Transcript, 2016.
5. *Küng H.* Projekt Weltethos, München: Piper, 1996 (1990).
6. *Küng H.* Declaration Toward a Global Ethic // Parliament of the World's Religions. Chicago, 1993. Available at: https://parliamentofreligions.org/pwr_resources/_includes/FCKcontent/File/TowardsAGlobalEthic.pdf (accessed 15 April 2017).
7. *Kuschel K.-J.* Leben ist Brückenschlagen. Stuttgart: Patmos, 2011.
8. *Dworkin R.* Religion Without God. Harvard University Press, 2013.
9. *Küng H.* Was ich glaube (What I Believe). München: Piper, 2010.
10. *Hitchens P.* God Does Exist // Oxford Union, 2012. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=VnIH4gomOqc&t=5s> (accessed 15 April 2017).
11. *Гречко П.* «Китайская мечта»: личные наблюдения и впечатления // Global Affairs. 2015. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Kitaiskaya-mechta-lichnye-nablyudeniya-i-vpechatleniya-17474> (accessed 27 April 2017).

*А.А. Косорукова
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия.
E-mail: a.kosorukova@yandex.ru*

МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР ЧЕЛОВЕКА МОДЕРНА В КОНТЕКСТЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА Ф. НИЦШЕ

В статье рассмотрены особенности этических идей Ницше в контексте разговора о неклассической рациональности в понимании морального выбора. Автор прослеживает влияние метода генеалогии на понимание обусловленности морального выбора неморальными мотивами, выявляет параллели данного понимания морального выбора с особенностями неклассического мышления о человеке.

Ключевые слова: моральный выбор, этика Ницше, генеалогический метод, ресентимент, постклассическая философия.

Ф. Ницше – мыслитель, обусловивший, наряду с С. Кьеркегором, К. Марксом и З. Фрейдом, поворот к современной философии [1. С. 102], которая во многом определяет и задает специфику современности как постклассического мышления. Философия Фридриха Ницше – пример критики классического идеализма и проекта Просвещения, в котором рождаются перспективы рассмотрения человека, его воли и морали, до сих пор актуальные и требующие новых интерпретаций.

Как отмечает М. Хайдеггер, Ницше, воплощая свою задачу критики современной метафизики, сам остается на ее основаниях [2. С. 405], в частности в вопросе создания новых метафизических конструкций. Также Ю. Хабермас в критике парадигмы Просвещения отмечает, что критика модернизма Ницше впадает в перформативное противоречие, когда критикуя модерн, он остается приверженцем

понятий и идей модерна [3]. В этом смысле фигура Ницше в контексте рассмотрения вопроса о классической и постклассической рациональности задает дополнительные вопросы об отнесении модерна к постклассике и о критике в модерне классики и оснований самого модерна. Особый интерес представляет вопрос об этическом ракурсе критики классики и проекта модерна, который влияет на отношение к понятию морали и морального в их классических и неклассических формулировках. Рассмотрим на примере философии Ницше вопрос о моральном выборе, как он предстает в контексте критики морали в постпросвещенческом проекте Ницше.

Генеалогический метод Ницше, являясь одним из важнейших открытий в этике, задает основание для вопроса о том, как осуществляется моральный выбор и каковы возможные искажения морали в моральном выборе. Генеалогия как работа с истоками моральных понятий и концепций противопоставляется, с одной стороны, трансцендентализму проекта Просвещения как раскрытию идеальных оснований реального и веры в возможность логического устройства существующего, а с другой стороны – популярному в 19 веке историзму⁸, постулировавшему внутреннюю логическую связь и изоморфность предшествующего и настоящего, возвеличивание прошлого [4].

Генеалогический метод обращает внимание, прежде всего, на неясности в обосновании идеалистического представления о добре. Задаваясь вопросом о корнях самого словоупотребления, Ницше возводит понятие доброго, хо-

⁸ Прежде всего – расхожих версий историзма. Ницше сам подхватывает критическую направленность историзма против трансцендентализма, при этом разочаровываясь в дальнейшем в таком порождении историцистского мышления, как романтизм. Так, критика романтизма осуществляется в нападках на Вагнера, который оценивается как декадентский «возбудитель истощенных» и «тиран» [5. С. 539].

рошего к понятиям знатного, благородного, душевно породистого – в их противопоставленности низкому, пошлому, плебейскому. Моральный выбор в данном случае – вопрос о выборе доброго и отвержении злого – полностью определяется названным определением добра и зла.

Однако и здесь проявляется критика историцизма, мораль в современном значении порождена переверачиваем изначального смысла доброго и злого, а значит и искажением сути морального выбора. Мораль современного европейского человечества возводится Ницше к восстанию рабов в морали, осуществленному историческим христианством по принципу ресентимента, или мести слабого [6. С. 50]. Моральный выбор становится выбором слабого и ничтожного (даже Ничто – в случае аскетических идеалов⁹), так как моральные ценности постулируются исходя из чувства неприязни к сильному и затмевающе прекрасному. Смысл возврата должного значения рыцарско-аристократической морали выражен следующими идеалами: «...дайте же мне... взглянуть на что-либо совершенное, до конца удавшееся, счастливое, могущественное, торжествующее, в чем было бы еще чего страшиться! На какого-либо человека, который оправдывает человека, ...ради которого можно было бы сохранить веру в человека!..» [7. С. 430].

Один из принципиальных выводов для теории морали из генеалогического метода – идея обусловленности

⁹ Ницше подчеркивает, что человеку свойственно «скорее хотеть *Ничто*», лишь бы не хотеть ничего [7. С. 524]. В каком-то смысле Ницше признает важнейшую заслугу христианства в спасении воли и самопреодолении человеком себя. Однако им отрицается приписываемая исторически сложившемуся христианству основа такого воления – чувство ресентимента, реактивность, остаточный принцип реакций, которые исключают должную, по Ницше, линию прямого и самоутверждающего целеполагания.

морального неморальными мотивами. Данная идея конкретизируется в «Генеалогии морали» в рассуждениях о понятии вины, совести («нечистой совести»), аскетизма (типа аскетического священника).

Идея обусловленности морального выбора неморальными мотивами играет двойную роль в мысли Ницше. С одной стороны, данная идея является критикой отчужденного существования морального сознания, которое, по преимуществу, для Ницше выстраивается на неморальных требованиях (на восстании рабов в морали). С другой стороны, им же ставится вопрос о статусе морального сознания (и морального выбора) как принципиально отчужденного сознания. Мораль обусловлена или чувством ресентимента (мораль рабов), или опирающегося на волю к власти целеполагания (мораль сверхчеловека). Первое недостойно звания морали в силу неморального основания такого выстраивания оценок (Ницше отмечает, что христианство уничтожает само себя, обращаясь к принципу правдивости). Второе – мораль сверхчеловека – основывается на воли к власти как принципе, что тоже не может восприниматься классической (аристотелевской и кантовской) этикой как мораль, где добродетели есть самоцель (автономное понимание морали).

Возможно, именно взгляд на Ницше через критику классики и модерна в теории морали помогает понять значение воли к власти как основы морали для автономной этики. «Низведение морали» из мира трансцендентальных идей обусловлено критикой не только неморальности мотивов отчужденной морали, но также и призывом объединить в морали ее абстрактно-всеобщий характер с конкретным личностным мотивом. Критика отчужденности абстрактной морали парадоксальным образом направлена на уточнение смысла самооценности, но самооценности не формальной, а взывающей к личностному выбору ее как цели.

В этике Ницше мы видим следующие признаки неклассической рациональности, как она определена у М. Мамардашвили: «непрозрачность» субъекта для логического постижения, влияние субъекта на процесс наблюдения, определение субъекта и его свойств деятельностью [8]. С данными признаками напрямую связаны этико-психологические открытия Ницше, которые во многом ответственны за исторический поворот мышления к данным новым его свойствам. «Непрозрачность» субъекта морального выбора (субъекта, обосновывающего поступок) выражается в идее несводимости ценности к внешней реакции (к объяснению постулирования данной ценности внешней реакцией – это нересентиментное полагание ценности). Влияние субъекта на процесс морального выбора означает не только влияние на выбор средств, но и неотторжимость от ценности воли к власти-могуществу, которую можно и не учитывать, но тогда возникает как раз преодолеваемая Ницше линия нигилистического полагания ценности (полагание как бы ради самой ценности). Определение субъекта его деятельностью, его жизненными обстоятельствами, его стремлением к максимально могущественной жизни – то, что по Ницше не может быть отвергнуто мыслью без пагубных последствий для самой воли. Более того, воля к власти как воля к жизни и самоутверждению каждый раз, по Ницше, осуществляет переоценку ценностей, но не в смысле реакции на то, что отрицается, а в смысле продуцирования ценностей на пути роста и самовозвышения развитой и развивающейся далее жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ясперс К.* Ницше и христианство. М.: Медиум, 1994.
2. *Хайдеггер М.* Ницше. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2006.

3. *Базаргани Д.Т., Ларсари В.Н.* «Постмодернизм»: может ли современная ситуация быть описана термином «постмодерн»? // Интернет-журнал «Гефтер». URL: <http://gefter.ru/archive/14194> (дата обращения: 13.03.2017). (Bazargani D.T., Larsari V.N. «Postmodernism»: Is the Contemporary State of Affairs Correctly Described as «Postmodern»? // Journal of Social Issues & Humanities. January 2015. Vol. 3. Iss. 1. P. 89-96.)

4. *Марков Б.В.* Хайдеггер и Ницше // Интернет-проект «Философская антропология». URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/nicshe/nitshe_i3.htm (дата обращения: 13.03.2017).

5. *Ницше Ф.* Казус Вагнер // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.

6. *Косорукова А.А.* Проблема добродетели в поздних произведениях Ф. Ницше // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2013. № 3. С. 46-54.

7. *Ницше Ф.* К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1990.

8. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 1994.

Е.М. Курмелева

*Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия.*

E-mail: soc_phil@mail.ru

МЕТАМОРФОЗА ДРУГОГО

В статье рассматривается трансформация мышления-о-Другом/другом в рамках современного философского дискурса. Другой трактуется как различие, которое, укореняясь в сознании, изменяет привычные представления человека о мире и самом себе.

Ключевые слова: Другой, генеалогия Другого, мышление-о-другом, различие, сознание, философия тождества, философия различия.

Идеи, как известно, отражают эпоху, их породившую, точнее выражают (отражение по определению пассивно и «страдательно») и тем самым формируют ее облик. Время, иными словами, говорит с нами... и говорит, наряду с прочим, посредством идей. Расшифровывая эту речь, мы лучше понимаем свою эпоху, ее настоящее, прошлое и будущее. Знаки и символы времени множественны, зачастую они случайны и мимолетны – порождаются различными обстоятельствами, привязаны к конкретной ситуации. Идеи же являются не просто знаками времени, они, как правило, знаковы для своего времени, фиксируют особенности, своеобразие той или иной эпохи, имеют не случайный, а необходимый характер.

Если поставить себе задачу показать своеобразие той или иной эпохи в культурном смысле посредством анализа ряда значимых для нее понятий-идей, то выстраивая этот ряд по отношению к современности, мы непременно использовали бы понятие Другого, вместе с такими словами, как коммуникация, различие, язык, симулякр, тело и т.д. К Другому оказываются стянуты все узловые проблемы современности, сквозь призму этого понятия прочитываются сегодня главные (и казалось бы, неизбежные) мировоззренческие константы: сознание, общество, мир и даже Бог.

В отношении использования сегодня термина «Другой» две вещи представляются очевидными. Первая – частотность этого слова в том или ином языке должна быть велика, в чем несложно убедиться, заглянув в соответствующие (частотные) словари. По основным европейским языкам частота использования термина в устной и письменной речи колеблется в пределах 50-150-го места (в списках самых употребляемых слов в зависимости от задействованной методики расчета). Вторая – термин «Другой» не обходит вниманием ни одна современная социально-

гуманитарная дисциплина, т.е. концепт Другого опосредует наше мышление о том или ином, воспользуемся языком Гуссерля, регионе социокультурной реальности.

Обратимся, однако, к происхождению термина «Другой», а именно – к его генеалогии. Генеалогия (др.-греч. *γενεαλογία*) имеет в своем составе, помимо логоса, *γενεά*, что переводится, как «семья», «род». Хотелось бы, иными словами, говорить не просто об истинном (исходном) происхождении слова «Другой», что подразумевает этимология (от древнегреч. *ἔτιμον* – истинное значение слова), а о некотором семействе, языковой семье, образующей и поддерживающей довольно разнообразную палитру оттенков-значений этого термина, формирующей его коммуникативный (словоупотребительный) контекст.

Можно условно выделить, очертить эту палитру, основные лингвистические составляющие этого контекста, обращаясь к древнегреческому, латинскому, европейским или славянским языкам. Везде речь пойдет об одной и той же языковой семье. Генеалогическое древо *другого* образует примерно одинаковая совокупность слов, приоткрывающих, конечно, и нечто истинное в отношении значения этого термина (если вслед за древними верить, что истина – это несокрытое, то, что само себя кажет, приоткрывает, хотя сегодня к этому уже можно добавить приоткрывает – при определенных условиях, которые еще нужно создать, в некоей диспозиции). Другой в различных языках – это следующий, соседний, друг, второй, один (из двух), различный, отличный, иной, последний, ближний и т.д. Заметим, что здесь, вместо только что использованного «и т.д.», можно было бы написать «и др.» – другое, т.е. иное, отличающееся, но, вместе с тем, стоящее в этом же ряду, друг за другом, привязанное к некоторой ситуации, рассматриваемое в некоем контексте.

«Заострим» только что отмеченную особенность того, как термин «Другой» используется (использовался) в обыденном языке. Отнюдь не случайно речь зашла о генеалогии. Другой долгое время мыслился как составляющая некоего ряда/рода. Это слово позволяло отличать одно состояние или явление от другого, но всегда в пределах какой-либо разворачивающейся во времени или пространстве тождественности. Философский язык, используя это слово, во многом следовал за обыденным, не замечая этой особенности.

Категория Другого почти не используется философами вплоть до XX в. Новоевропейский разум исключает из своей сферы все, что разрушает его тождественность. «Почти» – потому что, конечно, можно найти намеки на присутствие Другого в категории Иного, известной нам с античности, в трансцендентности Бога, в категориях *Я – не-Я* Фихте, *в-себе-бытие – бытие-для-иного* Гегеля, *Я – Ты* Фейербаха и т.д. Но все эти имена, под которыми в мышление субъекта о самом себе проникает, проскальзывает Другой, ничего не меняют ни в самом субъекте, ни в онтологии, в рамках которой он (субъект) только и может говорить о самом себе – в онтологии тождества.

Все языковые конструкторы мышления, в которых угадываются различные фигуры Другого, долгое время мыслились в категориях философии тождества. Но в XX веке мы наблюдаем удивительную метаморфозу, случившуюся с Другим, или, если угодно, некий катаклизм глобального масштаба – Другой становится самостоятельной фигурой. Его присутствие (обнаружение) раскалывает реальность, изменяет ее коренным образом. На первый взгляд, происходит что-то сродни удвоению мира, которое ознаменовало утверждение религиозного сознания. Другой взрывает онтологию тождества, выстраивая на ее месте онтологию различия. Другой и есть

различие, которое выходит из тени тождества и заявляет о своем «самостоянии».

Приход самостоятельного Другого, конечно, не воспроизводит удвоение мира на прежнем уровне. Реальность Другого трансцендентна, но она не является более ценной, она не лучше и не хуже окружающей Я реальности. В аксиологическом смысле они равнозначны. В плане генезиса – дело обстоит сложнее. Здесь просматривается некая двусмысленность. С одной стороны, можно мыслить Другого как некую абсолютную противоположность Я, связывать с его фигурой необходимость противостояния (Я полагает себя посредством исключения Другого), утверждения себя «вопреки» (Сартр) и прочее. С другой стороны – Другой явно воздействует на наше Я, определяет его настолько, что от философии требуются уже стратегии защиты от воздействия Другого, техники нахождения точек независимого от него существования (эти линии ускользания от Другого ищет, например, постмодернизм). Самым радикальным поворотом в этом плане является мышление себя как Другого, т.е. попытка перевести Другого из плана трансценденции в план имманентности, вплоть до растворения, исчезновения этого Другого в структурах мышления по причине вездесущности его присутствия и вместе с тем подспудной тотальности влияния на сознание. Можно указать в этой связи на Лакана и его трактовку бессознательного как речи Другого. Не находим ли мы его (Другого), в конце концов, даже в трансцендентальном сознании Гуссерля, не он ли на самом деле скрывается за трансцендентальным Эго, являясь подлинным источником конституирования всех смыслов как различающих тождеств?

Конечно, Гуссерль не трактует Другого столь абсолютным образом – рассматривая в картезианских медитациях конституирование смысла Другого в сознании, он

делает попытку преодолеть солипсизм, одновременно предлагая решение проблемы объективности познания и мира. Но решая свои задачи, он вводит Другого в святая святых – в структуру самого разума. Другой предстает как имманентная трансцендентность. Переживая феномен Другого, сознание вместе с тем переживает опыт чуждости в себе самом. «То, что... я, который есть я, может осознать нечто другое, то, что не есть я, нечто мне чуждое, – пишет Гусерль, – это, следовательно, предполагает, что не все свойственные мне модусы сознания относятся к числу тех, которые составляют модусы моего самосознания» [1. С. 135].

Трансцендентальная субъективность оказывается по своей сути трансцендентальной интерсубъективностью, что позволяет Гуссерлю дальше обосновать объективность и единственность мира, но не позволяет выйти за пределы философии тождества. «*Другой*, согласно смыслу своего конституирования, отсылает ко мне самому» [Там же. С. 122].

Философия тождества тесно связана с представлениями о самотождественности сознания. Мышление себя как Другого разрушает привычную онтологию субъективности, но вместе с ней и традиционные представления о человеке, мире и познании. Другого сложно ухватить, поскольку он дан нам только опосредованно, но его действительное место в сознании, как представляется, еще предстоит выяснить. И точно так же, как нельзя помыслить сознание вне его интенциональности, нельзя понять Другого вне исходящих от него различий – не осуществив переход от мышления о Другом/другом как составной части некоего ряда (рода) к мышлению о нем как источнике этого ряда. Можно сказать и иначе – Другой нуждается в извращении от «кровно-родственных связей» точно так же, как в свое время от них пришлось избавляться мифологи-

ческому сознанию (речь идет о преодолении антропоморфизма в объяснении мира) в рамках перехода от мифа к логосу (процесс, который все еще не завершен). Но это новое мышление-о-Другом/другом неизбежно трансформирует и саму философию, по крайней мере откроет новую страницу в ее истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2010.

*Н.М. Малиновская
НИУ «МЭИ»,
Москва, Россия.*

E-mail: ninamalinovskaya@yandex.ru

ПРАВО НА МОРАЛЬ

Автор рассматривает морально-нравственные ориентации человека в контексте влияния на его жизнь таких феноменов, как деньги и машины. Обосновывается необходимость различения механизмов нравственности и морали.

Ключевые слова: грех, культурное одичание, машина, механизм, моральный закон, нравственность, экономика, этика.

Право на мораль – это право судить о добре и зле. От Сократа и до Августина философы и теологи рассуждали о понятии блага, но не сомневались в своем праве об этом рассуждать. После непродолжительной полемики Августина и Пелагия по проблеме первородного греха в 431 году пелагианство осуждено на Вселенском соборе в Эфесе как ересь. Христиане лишены права на мораль, в нем нет

никакой необходимости. Во-первых, знание о добре и зле исходит от Бога и записано. Во-вторых, создан институт церкви, которая обеспечивает и контролирует выполнение заповедей. Христианская мораль надолго перешла в состояние нравственности (в трактовке Гегеля).

По этой же причине марксистская этика в лице лучших своих представителей [2] отказалась от различения морали и нравственности как категорий этики. Моральные принципы записаны в Моральном Кодексе строителя коммунизма, ставшего составной частью третьей программы КПСС. Одна из трех целей программы – формирование всесторонне и гармонически развитой личности, которая «сочетает в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство» [6. Ч. II. Разд. V] Осуществление принципов гарантировано деятельностью партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Коммунистическая мораль должна была перейти за 20 лет в состояние коммунистической нравственности в ходе реализации принятой в 1961 г. XXII съездом КПСС третьей программы партии.

Если бы жизнь не менялась, то мораль была бы не нужна. Аристотель назвал этическое знание практическим, оно должно способствовать правильным поступкам. Необходимость в морали возникает тогда, когда человек в своей деятельности сталкивается с проблемами, не разрешимыми никакими другими средствами, кроме моральных. Мораль можно сравнить с высшей математикой, где, в отличие от элементарной математики, берут в расчет *переменные* величины. Революции в математике связаны с революционными изменениями в социальной практике. В эти же эпохи наблюдается всплеск интереса к морали в философии.

Мораль и нравственность действуют по-разному. В технике механизмом называется преобразователь движения

деталей машины (частей машины как системы). Деметафоризация технического термина в отношении социальных и культурных процессов произошла в XVIII веке. Механизмы нравственности и морали приводят в движение противоположные принципы мышления: *делай, как принято в обществе – делай по-другому, как можно лучше*. В механизме морали «преобразование движения» происходит за счет противопоставления сущего и должного, хорошего и лучшего. «Чтобы быть моральным, каждый поступок должен прежде всего совпадать с моим намерением, ибо право моральной воли состоит в том, что в ее наличном бытии получает признание лишь то, что внутренне существовало как умысел» [3. С. 160].

В социобиологии разработана теория многоуровневого отбора: индивидуального, полового и группового. В результате внутривидового отбора и внутривидовой конкуренции осуществляется эволюционное развитие вида. В результате межвидовой конкуренции формируются механизмы защиты вида от агрессии изнутри, альтруизм. Эдвард Уилсон остроумно заметил, что грехи – результат внутривидовой конкуренции, а добродетели – межвидовой. Общая опасность и беда заставляют победителя внутривидовой конкуренции смирить гордыню. Если этого не произойдет, вид проиграет в межвидовой конкуренции. Право на мораль имманентно содержит право на грех.

Термином «мораль» философию обогатил Цицерон, восклицая «*O tempora! O mores!*» и не имея при этом в виду ничего хорошего. В романских языках нет специального слова для нравственности. Например, в английском есть *morality, moral (morals), ethics*. Но это не вполне то же самое, что в немецком и русском языках, соответственно, «*Sittlichkeit*» и «нравственность». Неудивительно поэтому, что именно немецкий философ начал различать мораль и нравственность как ступени в развитии объективного духа.

«Моральность и нравственность, которые обычно считают одинаковыми по их значению, здесь (*т.е. в «Философии права»*) взяты в существенно различных смыслах. Кажется, впрочем, что и представление также проводит между ними различие. Кант пользуется в своем словоупотреблении преимущественно выражением моральность, и практические принципы этой философии полностью ограничиваются этим понятием и даже делают невозможной точку зрения нравственности, более того, совершенно уничтожают и возмущают ее. Но даже если бы моральность и нравственность были этимологически равнозначными, это не мешало бы использовать эти различные слова для обозначения различных понятий» [Там же. С. 94].

Гегель создавал «Философию права» (1821) в целях преподавания. В те времена одной из основных дисциплин на философском факультете была математика. Студент, «переваривший флюксии второго и третьего порядка» (по выражению Беркли), «переварит» и гегелевскую диалектику. Ступени в развитии идеи он не станет понимать как последовательную смену их во времени, но как необходимые моменты общей идеи. «Добро есть намерение, возведенное в понятие воли».

Этика и математический анализ. Личность и творчество Канта принадлежат XVIII веку. Старший современник и в некоторой степени соотечественник Канта Леонард Эйлер успел ко времени выхода «Критики чистого разума» создать приложения анализа к различным сферам практики. Эйлер – самый плодовитый математик всех времен. Им написано более восьмисот научных работ. Без его внимания не осталась и денежная система, он посвятил одну из своих работ пенсионным фондам для вдов. Он умел считать деньги и даже торговался с монархами о жалованье. Государи благосклонно относились к ученому, и занятия математикой позволяли ему обеспечивать безбедную

жизнь многочисленному семейству. Феномен Эйлера как математика заключался в его непостижимой способности находить практическое применение «априорным синтетическим суждениям» высшей математики.

Но все это не имеет отношения к морали. Моральный субъект не должен заниматься расчетами. «Критика практического разума» названа так не с точки зрения социальной практики XVIII века – механики, экспериментального естествознания и политических революций, но в соответствии с аристотелевской классификацией эпистем. Тем не менее в кантовском моральном субъекте виден честный немецкий труженик-протестант. В поучительных примерах о действии чистого морального долга фигурируют главным образом купцы, ростовщики, кредиты и депозиты [5]. Деньги вызывают самые сильные движения души у личности в буржуазном обществе.

Предположим, что «в данное время у меня имеется депозит, владелец которого умер и не оставил никакой расписки...». Обсуждаемые ситуации все в том же роде: «У кого-то находится чужое, доверенное ему имущество, собственник которого умер, а наследники его ничего не знают и никогда не смогут узнать об этом имуществе...». Теперь спрашивается, позволительно ли при таких обстоятельствах употребить это имущество в свою пользу? Без сомнения, собеседник ответит: нет! И вместо всяких других доводов может только сказать: это несправедливо, т.е. противоречит долгу. Ничего нет яснее этого». Денежный долг трансформируется в моральный долг. По крайней мере, одна координата для этики уже есть – кредитно-денежные отношения.

Всем известна Притча Иисуса о талантах. Талант – это мера веса (в метрической системе – более 16 кг золота или более 26 кг серебра) и денежная мера в древности. Пример с деньгами и тогда был наиболее понятным, и сейчас школьники на ЕГЭ решают задачи о банковских процентах.

Кантовский моральный субъект принимает решения свободно, не думая о последствиях, внутри у него моральный закон. Современные теории принятия решений превращают человека в аналитическую вычислительную машину: «Адекватное видение реальности, глубокое понимание стоящих проблем и технических трудностей, верный план и точный механизм его реализации со всеми необходимыми по ситуации изменениями, конечно, с использованием наиболее эффективных технологий – единственный путь к успеху» [4. С. 227]. Что на это можно возразить? Успех не всегда благо. Гегель: «Принцип, гласящий: пренебрегай последствиями твоих поступков, и другой: оценивай свои поступки по их последствиям и сделай их масштабом правого и доброго – одинаково абстрактно рассудочны. Последствия как собственное имманентное формирование поступка открывают лишь его природу и суть не что иное, как он сам; поэтому поступок не может отречься от них или презирать их. Но и наоборот, среди последствий находятся также вторгшиеся извне и привходящие случайно, не имеющие никакого отношения к природе поступка [3. С. 162].

Гегель вслед за Кантом, рассматривает мораль в виде права субъективной воли, но лишь как момент, ступень развития объективного духа. Ценность человека определяется его внутренним побуждением, и тем самым точка зрения моральности есть для себя сущая свобода. В морали содержится противоположность, потому что человек предстает как единичная воля, а добро есть всеобщее. Эта противоположность снимается на следующей стадии развития объективного духа – нравственности. Высшей формой нравственности является государственное законодательство. Правовые отношения складываются в обществе по поводу границ свободы. Гегель не доверяет моральному субъекту самому

диктовать закон, в противовес знаменитому кантовскому «моральному закону во мне».

Гегелевское понимание нравственности не прижилось. Закон есть закон. В обыденном представлении мораль и нравственность по-прежнему «одинаковы по их значению». Но Гегель на пороге промышленной революции предвидит появление таких моральных субъектов, которые перевернут все представления о добре и зле. Говорят: «хищническая, эгоистическая, потребительская» мораль, но не нравственность. Бывают «дикие нравы», но не нравственность. Язык сам улавливает оттенки смысла. Нравственность существует в виде не оформленных законодательно устойчивых образцов поведения в типичных ситуациях. Благодаря несовпадению закона, морали и нравственности личность имеет право на свободное моральное самовыражение.

Моральная философия и политическая экономия.

Тем временем «англичанин-мудрец» уже изобрел свою паровую машину. Другой англичанин купил патент на машину и честно взял изобретателя в компаньоны. К 1801 году компания «Болтон и Уатт» изготовила более пятисот паровых машин. Вот и вторая координата – машина.

Третий англичанин, ровесник Канта, Адам Смит в университете Глазго прошел курс нравственной философии, но прославился как классик политической экономии. Свою теорию общественного богатства Смит противопоставил концепции физиократов (Кенэ), все рассуждения которых сосредоточены на доходах от земли. Величайшее открытие Адама Смита состояло в том, что источником богатства является не земля, а труд, и что труд производит богатство везде, не только на земле. Эмпирически установить этот факт невозможно, так как богатый живет не трудясь, а бедный, наоборот, трудится, но не богатеет. Смит удалось связать понятия богатства и труда за счет абстракт-

ции «богатство народа». По сравнению с нравственной философией политическая экономия более бесстрашна, но все равно остается этически нагруженной.

Среди прочих проблем политэкономия занялась исследованием нравственности хозяйственного порядка Нового времени. В трактовке Смита Система совершенной свободы (иногда он называет промышленный капитализм «системой естественной свободы»), в конечном счете, представлена как свобода предпринимательства и торговли. Торговля, ростовщичество – источники богатства. И труд – источник богатства? Смит не настаивает, что труд делает богатым отдельного человека. «Богатство народа» предполагает наличие в обществе также и нищеты. Гегель высоко оценил новую науку за то, что она отыскивает принципы, действующие в массе случайностей, в бесконечном множестве единичностей. При этом «следует признать, что эта наука есть та область, где рассудок, исходящий из субъективных целей и моральных мнений, изливает свое недовольство и моральную досаду» [Там же. С. 234]. На первом плане у политэкономии находится нравственная проблема социальной справедливости, богатства и бедности. Книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» написана под воздействием нравственного чувства, чего автор и не скрывал.

В марксистской политэкономии особое внимание уделяется противоположности классовых интересов. Маркс обличает хищнический характер капитала. До 1986 года вся экономическая наука в СССР основывалась на «Капитале» Маркса, подразделяясь, в свою очередь, на политэкономия капитализма и политэкономия социализма.

На экономическом факультете МГУ кафедра политэкономии сохранилась до сих пор, несмотря на то, что после перестройки данная научная дисциплина исключена из номенклатуры научных специальностей. В последние го-

ды, однако, интерес к политической экономии с ее исследованиями экономических интересов различных социальных слоев оживился. Прошли дискуссии в ряде стран о предмете политической экономии. В 2011 г.: «Неолиберализм и кризис экономической науки». В 2012 г.: «Политическая экономия и взгляд на капитализм».

Кстати, помимо политэкономии, нравственное содержание хозяйства является одной из главных идей «Философии хозяйства» Ю.М. Осипова [6].

«*Математическая экономика*». Экономика постаралась освободиться от этики, полагаясь на авторитет математики. Немецкий экономист Иоганн Генрих фон Тюнен (1783-1850) первым использовал дифференциальное исчисление в экономике. Окончательное превращение политической экономии в экономику связано с деятельностью Уильяма Стэнли Джевонса (1835-1882), профессора логики, философии и политической экономии в Манчестере и Лондоне, одного из основоположников теории предельной полезности. Хотя Джевонс и не завершил труд под названием «Принципы экономики», политическая экономия стала называться *экономикой*. Все переменные в экономике выражаются в символической денежной форме.

Для того чтобы применять количественные методы к общественным явлениям, необходимо сначала установить какое-то подобие между людьми и единицу измерения. В 1881 году, вышла книга «Математическая психология» Фрэнсиса Эджуорта, в которой каждый человек считался машиной по получению удовольствия. Оказалось, что без этики не обойтись. «Арифметика счастья» уже была использована Иеремией Бентамом. С помощью дифференциального исчисления Эджуорт доказал, что в мире совершенной конкуренции каждая такая машина по преследованию эгоистических целей достигнет наивысшего счастья, которое только может создать общество.

В долгосрочной перспективе все объединения типа профсоюзов обречены на поражение. Родословная, богатство, положение в обществе объясняются тем, что одни машины просто лучше других. В книге Эджуорта отсутствовали даже намеки на социальные конфликты. Она имела большой успех [10. С. 220-221].

Протестанты в XVI веке искали в текстах Писания оправдание своему обогащению, боялись не пройти с деньгами в Царство небесное. Предприниматель должен тратить деньги не на увеселения или накопление, а на все более рациональную организацию промышленного производства с целью роста капитала. В разряд тяжких грехов попали бесполезная трата времени, пустая болтовня, излишества, суетное тщеславие, превышающий необходимое время сон. Аскетизм служил своеобразной имитацией бедной жизни. Однако к концу XIX века нравственная переоценка гедонизма стала экономической необходимостью, условием экономического роста. Реабилитированы смертные грехи, особенно телесные, такие как блуд, лень, чревоугодие.

К началу XX века перспектива всеобщего достатка начала всерьез беспокоить бизнес, особенно в Америке, и бизнес позаботился об изменении отношения потребителей к покупкам. «Американец важен для своей страны не как гражданин, а как потребитель», – сказал президент Кулидж. Результатом стало рождение консьюмеризма. Вместо того чтобы продавать покупателю товары, рекламная индустрия приступила к торговле счастьем. «Вандербильдихи» уже сто лет морально дезориентируют Эллочек-Людоедок. Сформировалась особая потребительская мораль. Она не нравственность, так как «по ту сторону добра и зла».

Гегель: «То, что англичане называют comfortable, есть нечто совершенно неисчерпаемое и уходящее в бесконечность, ибо каждое удобство обнаруживает и свое неудобство, и этим изобретениям нет конца. Удобство стано-

вится поэтому потребностью не столько для тех, кто непосредственно пользуется им, сколько для тех, кто ищет выгоды от его возникновения» [3. С. 236]. В итоге гораздо более подходящей для математики величиной оказалась сумма регулярного дохода гражданина. Машина по производству удовольствий превращается в деталь мегамшины по производству денег, которая использует механизмы других смертных грехов: гордыня, зависть («гниль для костей»), алчность. Хайлбронер рассказывает об одной из первых финансовых пирамид. В 80-е годы XIX века в Америке два мошенника оформили покупку медной компании «Анаконда», не потратив ни доллара и получив 36 миллионов чистой прибыли [10. С. 273], не нарушив закона. Математический расчет в сочетании со знанием психологии и никакого мошенничества! Если бы такие проекты немедленно вызывали моральное негодование, то финансовые пирамиды были бы невозможны. Сначала-то каждый рассчитывает получить прибыль без трудовых затрат, а возмущается потом, когда его уже обманули. И перестройка у нас не прошла бы.

Использование смертных грехов в качестве факторов развития экономики приводит, как показывает В. Дашкевич, к культурному одичанию [1. С. 615]. Что мы можем этому противопоставить?

Но не для этого же Кант и другие протестантские мыслители отстаивали право личности на мораль.

Сейчас пишут очень много книг о перспективах современной цивилизации, о необходимости перемен в мышлении и деятельности, но непонятно, кому они адресованы. Изменить мир не может человек, который является только деталью мегамшины: политической, военной, туристической, образовательной, потребительской и любой другой. «Богатство народа», «трансцендентальный субъект», «объективный дух», «общественное бытие и общественное соз-

вание» – абстракции, выработанные мыслителями XVIII и XIX веков, раскрывают социальную сущность человека. Один человек может изменить только свой маленький мирок. Тем не менее рано отказываться от права на мораль.

Поскольку экономика претендует на получение объективного знания, она не может разорвать свою исконную связь с нравственной философией.

Во-первых, проблема бедности признана глобальной проблемой современности и трудно сказать, в какой степени это моральная, а в какой – экономическая проблема [8].

Во-вторых, проблема смысла жизни приобретает трагически неразрешимый характер в условиях депрофессионализации и невостребованности экономикой трудоспособных граждан.

Механизм морали предполагает способность человека принимать самостоятельное решение, оставаясь при этом социальным существом. Мораль должна реализовываться в нравственности и экономике. Морали всегда было легче ответить на вопрос, чего не делать. Для ответа на вопрос, что делать, следует рассмотреть жизнь человека в координатах профессии и смысла жизни, социального статуса и профессиональной карьеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дашкевич В.С.* Великое культурное одичание: арт-анализ. М.: Russian Chess House, 2013.
2. *Дробницкий О.Г.* Понятие морали. Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
4. *Жолков С.Ю.* Реальность и прагматические теории. Как принимать решения. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015.
5. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Соч. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965.

6. *Осипов Ю.М.* Время философии хозяйства. В трех книгах с приложением. М.: Экономистъ, 2003.
7. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1961.
8. *Стиглиц Дж.* Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать с оставшимися 99% населения? М.: ЭКСМО, 2016.
9. *Стройк Д.Я.* Краткий очерк истории математики. М.: Наука, 1978.
10. *Хайлбронер Р.* Философы от мира сего. М. Астрель: CORPUS, 2011.

С.А. Нижников
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия.
E-mail: nizhnikovs@mail.ru

О. Марчевски (O. Marchevsky)
Прешовский университет,
Прешов, Словакия.
E-mail: ondrej333@gmail.com

КОНЦЕПТ «ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ*

В статье рассматривается концепт «осевого времени» К. Ясперса, как он представлен и развит в современной философии в России. Анализируются идеи таких философов и историков фи-

* Статья подготовлена при поддержке гранта ФГСН РУДН, проект «Знание, разум и вера в историко-философском дискурсе: сравнительные исследования», № 100335-0-000. В статье получают развитие идеи, опубликованные автором в работе «Смысл "осевого времени" в творчестве А.В. Семушкина и М.К. Мамардашвили» // Вестник РУДН. Серия «Философия». № 4. 2015. С. 96-105.

лософии, как М.К. Мамардашвили (универсализм «осевого времени»), А.В. Семушкин (разрушение первобытного мифа и рождение рефлексии), П.П. Гайдено (прорыв в сферу трансцендентного), А. Мень (библейский профетизм как составляющая «осевого времени») и П.К. Гречко (безграничная коммуникация). Вскрывается определенная общность позиций указанных мыслителей, универсализм их мышления и открытость иным культурам, готовность к диалогу.

Ключевые слова: «осево время», профетизм, диалог, универсализм, трансценденция, экзистенция, философская вера, коммуникация.

Понятие «осевого времени», разработанное Карлом Ясперсом, выдающимся немецким философом XX века, в его работе «Истоки истории и ее цель» (1948), оказалось востребованным в современной философии в России. Многие отечественные мыслители обращались к данному понятию, использовали его в своих философских и историко-философских исследованиях и построениях. Напомним, что согласно К. Ясперсу в период «осевого времени» складывается культурно-мировоззренческое пространство, связывающее Восток и Запад в единую «ось» духовного родства. Философия и религия этой эпохи обнаруживают готовность к коммуникации и диалогу. Когда эти учения соприкасаются, оказывается, что «в каждом из них речь идет об одном и том же», а «человечество имеет единые истоки и общую цель» [1. С. 31]. Память об этой творческой эпохе сопровождает человечество не только на протяжении всей последующей истории, но и является, на наш взгляд, спасительным для современной цивилизации, современной культуры и глобализирующегося мира. Поэтому, сознательно или подсознательно, современный человек угадывает в ней свою духовную прародину. Возврат к ней и восстановление ее первородной глубины и общечеловеческой значимости есть первый шаг на пути к духовному

единству человечества, без которого невозможно решение глобальных проблем современности.

Согласно Пиаме Павловне Гайденко, Карл Ясперс стремился «...дать интерпретацию мирового исторического процесса с позиций философской веры. Философия истории Ясперса выросла из стремления мыслителя найти исторические истоки современности, связать порванные жестоким XX в. нити, соединяющие сегодняшнее человечество с более чем двухтысячелетним развитием, как бы восстановить разорванную связь времен». При этом он подверг критике существовавшие концепции исторического развития: «...в полемике со Шпенглером Ясперс настаивает на единстве мирового исторического процесса, а в полемике с марксизмом – на его “духовной составляющей”». Это связано с пониманием Ясперсом того, что «...подлинная связь между народами – *духовная, а не родовая, не природная*». Подобное единство, полагает П. Гайденко, мыслитель видит в «трансцендентном источнике» [2. С. 310-311, 314]. Для Ясперса «Социальные условия проясняют факт, но не дают ему каузального объяснения. Ибо определенное социальное состояние само принадлежит к совокупному духовному феномену осевой эпохи» [3. S. 39]. П. Гайденко комментирует это следующим образом: «Осевое время Ясперса – это священная эпоха мировой истории. А священная история потому и священна, что хотя она и происходит на земле, но корни и смысл ее – неземные. Напротив, для верующего человека она сама является последним истолкованием всего, что совершалось, совершается и свершится на земле» [2. С. 314-315]. По сути духовная революция «осевого времени» знаменует собой, как подчеркивает П.П. Гайденко, прорыв человека к трансцендентному, к вечности, к сознанию и универсальному пониманию истины, выразившемуся в появлении как философии, так и мировых религий.

Анатолий Васильевич Семушкин отмечал, что «осевое время» играет важнейшую роль в генезисе философии и духовной культуры: «По своей ключевой значимости в истории человечества осевое время сопоставимо с событием становления человека как существа разумного: оно так же относится ко всей предшествующей истории, как происхождение человека ко всей предшествующей органической эволюции. Исторически человек рождается и живет как бы дважды... В то далекое время произошел самый резкий поворот в истории..., демаркирующий всю культурную историю на две несводимые друг к другу фазы: доосевую культуру, обращенную в прошлое, и послеосевую, открытую в будущее». Этот поворот предрешил и судьбу мифа: «с этого момента он если и не исчезает, то утрачивает свою заглавную функцию» [4. С. 25, 29-30]. Возникает *рефлексия* как новое качество сознания, а мысль приобретает свободу и бесконечные возможности творческого самовыражения [1. С. 33]. В это время, вместе с появлением первых философов, формируется кодекс общечеловеческой мысли, веры и морали [3. С. 31].

«Осевое время» – это начало сознательной истории человечества, побуждение к которому К. Ясперс назвал «одухотворением» [Там же. С. 21]. А. Семушкин называет творчество первых философов «священным писанием» философской веры, ее «евангелие». Последующая цивилизация предала заветы первых учителей человечества; она вытравила из человека глубину мировоззренческого страха и озабоченности и сделала из него беспечного потребителя и прогрессирующего завоевателя природы. Теперь задача состоит в том, чтобы восстановить утраченную веру отцов вселенской «философской церкви», возвратиться к изначальной смысложизненной озабоченности человека самим собой [5. С. 300-301].

Мераб Константинович Мамардашвили, в свою очередь, характеризует «осевую эпоху» как «универсальный замысел культуры»: до этого рубежа мы имеем дело с локальными культурами и этническими религиями, а после – с мировыми религиями, с универсальным измерением культуры, носящей общечеловеческий характер. Это же касается и науки: «Ведь наука – это прежде всего такой вид знания и деятельности, который по определению внекультурен или сверхкультурен, или универсально культурен... По-видимому, должен был появиться такой тип сознания, такой тип мышления и тип работы, которые вырабатывали представления, не имеющие локального культурного значения, общие для человеческого разума – помимо и поверх культурных различий. Иными словами, наука появляется как универсальное измерение человечества» [6. С. 72].

Человек рассматривается М. Мамардашвили как «искусственное существо», само себя рождающее тем процессом, «который называется историей и культурой». Концентрированно он осуществляется и осмысливается метафизикой, религиозной или философской, использующей для этого определенные символы, представления о неких «высших объектах» [7. С. 16-17] и «иных мирах». Философия для Мамардашвили также всеобща: «...есть (не “существует”, а “есть”!) одна философия, по-разному выполненная в текстах разных стран, культур и личностей. Просто одна и та же действующая в ней сила вспыхивала в мире как разные имена» [8. С. 19]. С другой стороны, мы видим возникновение «метафизических религий особого рода», которые Мамардашвили называет «религиями личностного спасения», мировыми религиями, отличая их от массово-архаических, коллективистских и локальных. Рассматривая «осевое время» в разных регионах, он говорит о «единой стилистике», которая связывает и Будду, и Лао-

цзы, и Парменида. Если подойти к этим, казалось бы, разнородным явлениям «феноменологически», то открываются «символические» соответствия [9. С. 14-15].

Новоевропейское мышление оскопило философию – из любви к мудрости она превратилась в рациональный дискурс о вещах, пав жертвой сциентизма технократической цивилизации. Она утратила платоно-аристотелевское самосознание, богословие как свою составную часть, утратила высшую мудрость – профетическую и божественную, осознание того, что философия начинается не только с Фалеса, но и с библейских пророков. Эту мысль значительно проясняет творчество отца Александра Меня, напоминающего, что и «пророки жили в эпоху духовного пробуждения человечества, которую Ясперс удачно назвал “осевым временем”» [10].

Профетическое движение, поясняет о. Александр, «явилось составной частью общего стремления людей найти новое мирозерцание, обрести высший смысл жизни» [11. С. 9]. В понимании философии как *philosophia perennis* совпадают откровение божественное (религия) и человеческое (философия). «Для философии, – подчеркивает К. Ясперс, – религия не враг, а то, что ее существенно затрагивает и возбуждает ее беспокойство». «Греческий и ветхозаветный монотеизмы, – продолжает Ясперс, – совпадают», хотя монотеизм религиозный создан «силой действительности Бога в сознании пророческой экзистенции», а философский – «мысленной трансценденцией» [1. С. 456, 458]. С позиций о. Александра Меня также «борясь против язычества и суеверного магизма, ханжества и деспотизма, пророки провозгласили чистый этический монотеизм...» [11. С. 468]. Ясперс добавляет, что «греческий и ветхозаветный монотеизмы сообща создали западную мысль о Боге. Они интерпретировали друг друга. Это было возможно

потому, что в вере пророков была абстракция, аналогичная философской абстракции. Вера пророков превосходит по своей мощи философскую веру, так как идет от непосредственного видения Бога, но уступает философии в ясности мысли...» [1. С. 459].

Вера у К. Ясперса есть «сознание экзистенции в соотнесении с трансценденцией». Но что мыслится в качестве последней, ведь не может же сущность человека составлять предельное основание онтологии. В качестве предмета веры у Ясперса выступает некое *объемлющее*. Философия для него есть «трансцендирующее мышление», Для Ясперса вера не иррациональна, но раскрывается лишь в союзе со знанием. Философская вера должна являть себя в «мышлении и обосновании», «в философскую веру разум входит как необходимый момент»; «подлинная вера есть акт экзистенции, осознающий трансценденцию в ее действительности». Она также не может стать исповеданием. Далее Ясперс поясняет: «В философствовании человек совершает прорыв своего естества, но посредством своей сущности. То, что он в этом прорыве схватывает как бытие и как самого себя, и есть его вера. В философствовании мы идем путем, который ведет к истокам веры, присущим человеку как человеку» [Там же. С. 433-434, 440, 428, 431].

Вместе с тем по Ясперсу, в отличие от теократии Вл. Соловьева, «никаких слияний вообще быть не должно. Потому что каждый религиозный путь должен познавать сам себя». Полнота культуры для о. Александра Меня, также как и для Карла Ясперса, «раскрывается в совместном творчестве народов». О. Александр Мень приводит слова Августина, которым следовал и сам: «В главном – единство, в спорном – свобода, во всем – любовь». «Каждый путь к Богу имеет свое зерно истины, а христианство есть универсальная религия» [12. С. 261-263, 272].

Ясперс же полагал, что библейская религия должна быть «освобождена от признака исключительности», имея в виду христианство. П. Гайденко в этой связи отмечает, что «Ясперс не вполне справедлив по отношению к религии, в частности к христианству: фанатизм и нетерпимость христианства у него сильно преувеличены». Она цитирует на страницах своей книги католического теолога Габриэля Симона «Ось мировой истории по Карлу Ясперсу», который упрекает Ясперса в возвращении от христианства к иудаизму: «... мышление Ясперса коренится в Ветхом Завете, там его духовная родина, там его любимые библейские образы – Иов, пророки. Центр тяжести библейской религии лежит для него в Ветхом Завете, особенно у пророков: Ясперс ближе к иудаизму, чем к христианству» [2. С. 308]. Вместе с тем Ясперс признавал, что «Библия и библейская религия являются основой нашего философствования, дают нам постоянную ориентацию и служат источником незаменимого содержания. Философствование Запада – признается это или нет – всегда связано с Библией, даже тогда, когда оно борется с ней» [1. С. 466].

Ясперс, как полагает П. Гайденко, был озабочен поисками общей для всего человечества идеи, которая объединяла бы различные культуры и имела общую основу для всех религий. Существующие религии, в том числе мировые, не смогли предложить такой универсальной идеи. Только философская вера, по Ясперсу, может стать общей для всего человечества. Она имеет глубокие корни в исторической традиции различных культур [2. С. 312].

Отец Александр Мень подвергает определенной критике понятие философской веры Ясперса, ибо попытка подняться над религиозными различиями может привести к синкретизму, который не в силах решить данную задачу. Тем более, что для христианства, как и для других мировых религий, такой метод не является приемлемым. О.

Александр также отмечает, что христианство уже давно перестало игнорировать иные духовные традиции, но стремится понять их и объяснить. В своих рассуждениях он ссылается на труд английского историка Кристофера Доуса «Прогресс и религия» (1929), согласно которому в большинстве доктрин «осевого времени» (например, в брахманизме, у греческих философов) сохранились представления о неизменном круговороте событий по принципу вечного возвращения, в котором нет новизны и развития. Исключением были ветхозаветные пророки: «в то время как философы Индии и Греции размышляли об иллюзорности или вечности космических процессов, израильские пророки утверждали нравственную цель истории, толкуя события своего времени как откровение божественной воли. Для них не могло быть вопроса о возвращении всех вещей в вечном цикле космических метаморфоз; ибо сущность их учения о божественном Промысле в мире – это его неповторимость» [13. Р. 125].

Что касается христианства, то в нем еще больше, чем в Ветхом Завете, раскрылась уникальность и ценность истории и ее смысл. По мысли Доусона, эта идея – не итог естественной эволюции верований, а прорыв к чему-то абсолютно новому, «направившему европейскую цивилизацию с ее старой орбиты на путь, по которому она никогда бы не последовала сама» [Ibid. Р. 128]. А. Менъ подчеркивает, что, как и Ясперс, Доусон считает, что важнейшим стимулом для возрождения культуры должно стать обращение к утраченным духовным ценностям, а не к абстрактной философской вере с ее неопределенным «всеобъемлющим» [Ibid. Р. 194].

По Меню, «в основу всего должны быть положены взаимопонимание, терпимость и диалог... Современный мировой кризис показывает, что ни враждебность, ни оборонительный изоляционизм, ни эклектика не имеют буду-

щего. Диалог же может оказаться плодотворным для всех сторон. У последователей мировых религий есть, что сказать человечеству. Христианство несет ему свое Евангелие, свое служение, свою любовь». При этом «диалог становится уже не роскошью интеллектуалов, а требованием самой жизни» [14].

Имел свой взгляд на достижения и упущения осевого времени и Петр Кондратьевич Гречко, отмечая, вслед за Ясперсом, «формирование человека в его духовно-коммуникативной открытости миру» [15. С. 228]. Он надеялся также ту эпоху качеством «духовной эталонности по отношению ко всему последующему развитию...», подчеркивал в качестве основной черты осевого времени духовную открытость, характеризующуюся «универсальностью, переходящей в трансцендентность», что истолковывалось им как теоретическое и практическое «расширение границ человеческого существования», возникшее из потребности человека «иметь в своей жизни нечто более высокое и совершенное...» [16. С. 221, 219]. Однако наибольший интерес у него вызвала такая характеристика осевого времени К. Ясперса, как призыв к *«безграничной коммуникации»* [1. С. 49], ибо та эпоха «предопределила сущность и возможность всей последующей коммуникации между людьми». Более того, Петр Кондратьевич, в отличие, например, от П. Гайдено, делает акцент не на прорыве в сферу трансцендентного, а именно на коммуникацию как важнейший завет осевого времени: «истины в последней инстанции нет, так как в качестве этой инстанции выступает человеческая коммуникация... Другой, более совершенной и адекватной инстанции в мире просто нет»; «вовлеченность в коммуникацию делает людей равными перед лицом бесконечного поиска Истины» [16. С. 228, 222-223]. Именно стремление к Истине породило и само осевое время, и безграничную коммуникацию людей как равных и свободных личностей.

Однако для Петра Кондратьевича осевое время прецедентно, более того, основы духовной сущности человека, заложенные первым «осевым временем», «износились», в связи с чем он возлагает надежду на «новое осевое время», о котором у Ясперса сказано только вскользь. Именно оно должно разрешить сложнейшие и актуальнейшие вопросы современного глобализирующегося мира, «индуцировать безграничную, универсальную коммуникацию между людьми», когда она в полной мере раскроет свой безграничный исторический потенциал [Там же. С. 224-227].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.
2. *Гайденко П.П.* Прорыв к трансцендентному. М.: Республика, 1997.
3. *Jaspers K.* Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Zürich, 1949.
4. *Семушкин А.В.* «Осевое время» как условие и предпосылка генезиса философии на Западе и Востоке // Избранные сочинения: В 2-х тт. Т. 2. М.: РУДН, 2009. С. 17-31.
5. *Семушкин А.В.* Философская вера экзистенциализма и ее притязания на универсальное мировидение // Избранные сочинения: В 2-х тт. Т. 2. М., РУДН, 2009. С. 286-305.
6. *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.
7. *Мамардашвили М.К.* Опыт физической метафизики. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
8. *Мамардашвили М.К.* Символ и сознание. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
9. *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
10. *Мень А.* Ветхозаветные пророки. URL: <https://litlife.club/br/?b=227035&p=2> (дата обращения: 13.04.2017).

11. *Мень А.В.* История религии: В 7 т. Т. 5. М.: Слово, 1992.
12. *О. Александр Мень* отвечает на вопросы слушателей. М.: Фонд имени Александра Меня, 1999.
13. *Dawson Ch.* Progress and Religion. New York, Doubleday, 1960.
14. *Мень А.* К проблематике «осевого времени» (О диалоге культуры и религии) // Трудный путь к диалогу. Сборник статей и эссе. М.: Радуга, 1992. URL: [http://alexandrmen.ru/books/trudnput/osevoevr.html#\[48\]r](http://alexandrmen.ru/books/trudnput/osevoevr.html#[48]r) (дата обращения: 13.05.2017).
15. *Гречко П.К.* Онтометодологический дискурс современности. М.: ЛЕНАНД, 2015.
16. *Гречко П.К.* Различия: от терпимости к культуре толерантности. М.: РУДН, 2006.

Н.А. Ореховская
Финансовый университет при правительстве РФ,
Москва, Россия.
E-mail: orehovskaya@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

В работе рассматриваются основные аспекты общения молодежи в социальных сетях. Используются статистические данные социологических исследований, проведенных в России за последний год.

Ключевые слова: социальная сеть, молодежь, интернет, общение, виртуальная реальность.

Компьютеры активно входят во все сферы человеческой жизни, воздействуя при этом не только на отдельного человека, но и на общество в целом. Исследовательская область социальных сетей сегодня характеризуются

тем, что возникли такие понятия, как «виртуалистика», «информационное пространство». В настоящее время нет однозначного отношения к этим феноменам, так как они могут быть инструментом в поляризованных общественных отношениях со знаком «плюс» и «минус». В связи с этим задачей нашей статьи является осмысление существующих противоречий и определение степени участия молодежи в социальных сетях.

Невозможно представить ни одну область жизнедеятельности современного человека, не связанную с компьютером. Информатизация и компьютеризация в современном социуме приобретают глобальный размах. Советник президента РФ по вопросам развития интернета Герман Клименко отмечает: 80 млн. жителей России пользуются интернетом [1]. При взаимодействии человека с новыми информационными технологиями (компьютерами, программным обеспечением, новыми видами средств массовой информации) происходит опосредствование деятельности новыми знаковыми системами и средствами.

Интернет становится для населения и, в частности, для молодежи реальной реальностью, которая населена людьми со множеством социальных проблем и оценок. Эта реальность создана человеком и для человека. Человек – главный субъект, мерило этого мира и его главное богатство. Социальные сети в современном обществе выполняют глобальную коммуникационную функцию. Информационные технологии охватывают человека со всех сторон в планетарном масштабе. Основными факторами данного процесса, бесспорно, являются социально-экономическое, культурно-образовательное развитие и технологические прорывы. Масшовость и доступность позволили сделать сеть новым информационным и коммуникационным пространством [2].

Информационно-коммуникационная среда отчетливо вскрывает противоречия между стремительным раз-

витиём новых форм массовой коммуникации в интернете и неоднозначностью воздействия данных форм на сознание молодежи. А молодежь школьная, студенческая, как показывает статистика, является по ряду причин ключевой аудиторией сегодняшнего интернета. В настоящее время риски и угрозы в сфере информационных технологий резко увеличились. В жизни сетевого пространства присутствуют экстремистские идеи, пропаганда наркотиков, оружия, всевозможных сект, западных субкультур, различных деструктивных организаций и элементы сетевого хулиганства, которые становятся информационным оружием массового поражения. Основная опасность этих явлений для молодежи состоит в том, что они могут оказывать разрушительное воздействие на человека. В этом контексте уместно вспомнить события на украинском майдане. Тогда буквально по свистку активизировалось огромное количество молодежи. Мы должны учиться делать выводы.

Вместе с тем социальная сеть выступает также инструментом позитивных начал. Для большинства пользователей интернета, в том числе на территории различных государств, посещение социальных сетей стало нормой повседневной жизни. Люди расширяют деловые контакты, знакомятся, общаются, обмениваются информацией по различным деловым вопросам, обмениваются опытом. Как известно, молодежь сейчас читает все меньше и меньше печатных изданий. В качестве реакции на подобный вызов времени некоторые интернет-компании, например, проводят публичные чтения классических произведений. В этом случае важным является сохранение культуры чтения как таковой. Позитивным аспектом является также функционирование интернет-магазинов. В некоторых субъектах РФ через сеть осуществляется взаимодействие пациента и врача. Наряду с вышеизложенным в сети общаются с родственниками, коллегами, единомышленниками, однокласс-

никами. Востребованы знакомства, так как общение в интернете снижает психологический барьер.

Таким образом, совсем неоднозначно то, каким образом социальные сети влияют на общение и коммуникацию людей. С одной стороны, они действительно облегчают поддержание отношений, расширяют возможности новых знакомств, поиска друзей, работы. Но, с другой стороны, общение в социальных сетях порождает и ряд проблем, таких как отрыв пользователя от общения с семьей, родными. Из-за того, что человек проводит свободное время за компьютером, возникает дефицит живого общения. Чрезмерное увлечение виртуальным общением может отразиться на учебе, работе, личной жизни, психическом и физическом здоровье и т.д.

Так, в ряду актуальных проблем для пользователей оказывается зависимость от социальных сетей, причем, как отмечают психологи, зависимость от интерактивных ресурсов намного сильнее, чем от обычных компьютерных игр. Это результат того, что то время, которое студент обычно проводит в интернете, обмениваясь с друзьями последними новостями, просматривая их странички, комментируя посты и фотографии, как правило, намного продолжительнее, чем время, затрачиваемое на игру. Зависимость от социальных сетей определяется тем, что человек проводит в них больше времени, чем вне них. А если основные эмоциональные переживания человека происходят в виртуальной реальности, у него возникает желание постоянно находиться в сети. В итоге получается, что общение в социальной сети не дополняет общение с реальностью, а зачастую просто заменяет его. Зачастую это просто непродуктивная трата драгоценного времени [3].

Социальные сети создают для современной российской молодежи множество проблем. Одна из них – чувство социального одиночества. Чтобы выйти из этого порочно-

го круга, молодые люди стремятся к расширению своего общения. Компьютеризация общества является важнейшим фактором формирования современного компьютерного сознания. Как следствие, высокими темпами растет популярность виртуальной коммуникации, а также социальных сетей. Такие сети удовлетворяют социально-духовные потребности молодежи. Студенчество – наиболее активная молодежная группа, поэтому рост дальнейшего влияния социальных сетей во многом будет зависеть от того, насколько актуально для студентов вхождение в такие группы.

Какой же вид активности в социальной сети проявляют студенты? Как показывают исследования, большинство пользователей используют ресурсы для прослушивания музыки, просмотра видео, музыкальных клипов, фильмов. На втором месте, конечно, общение. Далее следуют различные приложения и игры [1].

Сравнение пользователей соцсетей по половозрастной характеристике за февраль 2017 г. демонстрирует, что женская аудитория превалирует во всех основных социальных сетях, кроме LiveJournal и Twitter, причем в последнем статистика ближе к балансу мужского и женского начал, а в Instagram, напротив, очевидна ярко выраженная женская направленность – более 75% от общей аудитории. Самым возрастным оказался Мой Мир, около 70% аудитории – старше 25 лет, а самой молодежной остается социальная сеть ВКонтакте – более 50% авторов младше 25 лет [4].

В настоящее время социальные сети играют все большую роль. Помимо функций общения, они становятся средствами информационного управления, существенным инструментом информационного влияния в целях манипулирования сознанием личности. Ведь социальная сеть – интерактивное многопользовательское пространство,

контент которого наполняется его посетителями с возможностью указания какой-либо информации об отдельном человеке. Аккаунт пользователя легко могут найти другие участники сети [5].

В социальных сетях зарегистрировано более миллиарда человек по всему миру и подавляющее большинство не представляет свою жизнь без Интернета. Эта ситуация накладывает глубокий отпечаток на их жизнь как в позитивном, так и в негативном смысле. Говоря о достоинствах интернет-общения, можно подчеркнуть, что общение в социальных сетях дает возможность контактировать друг с другом в любое время суток. С помощью социальных сетей довольно часто организуются реальные встречи одноклассников или однокурсников, что, безусловно, сближает людей. Есть вероятность знакомства с людьми, разделяющими наши увлечения или занятыми в той же профессиональной сфере, что означает обмен мнениями, информацией и знаниями. Это позволяет анализировать и наращивать свой опыт [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клименко Г.* Какие реальные проблемы у виртуального мира // Аргументы и факты. 2017. № 12.
2. Википедия. Свободная энциклопедия. Виртуальная реальность. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Virtual_reality (дата обращения: 15.03.2016).
3. Психологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2014. № 24.
4. Brand Analytics 2016. Аналитика информационного поля бренда. URL: <http://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-cifry-i-trendy-za-fevral-2016-g/> (дата обращения: 15.03.2016).

5. Влияние через социальные сети / Под ред. Н.В. Крыгиной. М., 2015.

6. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А., Удовик В.Е.* Информационное общество и формирование новой эпистемологической парадигмы современной науки. М., 2013.

7. *Ивлева М.И.* Ценностный аспект корпоративной культуры // Аксиология культуры в контексте вызовов современного мира. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 47-53.

8. *Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Иноземцев В.А.* Основные культурно-философские предпосылки формирования логики как философской дисциплины в допетровскую и петровскую эпохи // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. № 4. С. 127-132.

9. *Баграмянц М.Л.* Формирование психологической концепции одаренности. Теоретико-историческое исследование. М., МАМИ, 2008.

10. *Ореховская Н.А.* Толерантность массового сознания молодежи как фактор социально-политической стабильности российского общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 145-150.

11. Политология / Колл. авт.: Пусько В.С. и др. М., 2014.

12. *Chistyakova O.* Rationalization of Contemporary Culture and Education in the Context of Religious Resistance to Violence // Proceedings of the 2016 International Conference on Arts, Design and Contemporary Education. 2016. С. 1192-1198.

13. *Orehovskaya N.A.* Problems of Youth Unemployment in Russia // Differences, Inequalities and Sociological Imagination: View from Russia Papers of Russian Sociologists for the 12th Conference of the European Sociological Association. Russian Society of Sociologists; Institute of Sociology of the Czech Academy of Sciences (IS CAS); European Sociological Association; Editor-in-Chief V. Mansurov. 2015. С. 311-315.

В.И. Панов
ФГБНУ «Психологический институт» РАО,
Москва, Россия.
E-mail: ecovip@mail.ru

ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ К СУБЪЕКТ-СРЕДОВЫМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯМ*

На основе анализа основных направлений экологической психологии вводится представление о базовых типах экопсихологических взаимодействий: объект-объектный, субъект-объектный, объект-субъектный и субъект-субъектный, включающий в себя субъект-обособленный, субъект-совместный и субъект-порождающий. Приводится пример этих взаимодействий в системе «человек – природная среда». Показывается, что эти типы взаимодействия выступают не только как предмет изучения, но и как теоретический конструкт для интерпретации эмпирических данных и для определения методологической позиции. Вследствие чего их более правильно называть не экопсихологическими, а субъект-средовыми взаимодействиями.

Ключевые слова: экологическая психология, человек, окружающая среда, экопсихологическое взаимодействие, субъект, объект, субъект-средовое взаимодействие.

Необходимость типологизации взаимодействий между компонентами отношения «человек – природная среда» возникла в ходе теоретического анализа основных направлений экологической (средовой) психологии: психологической экологии, экологического подхода к восприятию Дж. Гибсона, психологии окружающей среды (инвайронментальной психологии), психологии экологического сознания, психологии глобальных изменений, средовой концепции Бронфенбренера. В результате этого анализа стало понятно, что, несмотря на различия в объекте и

* Работа выполнена в рамках госзадания ФГБНУ ПИ РАО.

предмете изучения разных направлений эколого-психологических исследований, их объединяет общая методологическая позиция – использование отношения «человек – окружающая среда» в качестве исходной предпосылки для экспликации психических феноменов в качестве объекта и предмета психологического исследования [2].

При этом в качестве объекта экологической психологии, общего для разных ее направлений, выступают психологические аспекты взаимодействий между компонентами отношения или системы «человек – окружающая среда (природная, социальная)». Эти аспекты могут относиться как к психике самого человека, взаимодействующего со средой, так и к психологическим или квазипсихологическим свойствам и качествам самой окружающей среды, что задает различия в предмете эколого-психологических исследований. Помимо этого, различия в предмете разных направлений экологической психологии исходно задаются типом взаимодействий между компонентами отношения «человек – окружающая среда». Первоначально эти взаимодействия были рассмотрены нами на примере взаимодействий в системе «человек – природная среда», вследствие чего они и были обозначены как *экопсихологические взаимодействия*.

В зависимости от того, активную или же пассивно-реактивную позицию занимает каждый из компонентов отношения «человек – окружающая среда» по отношению к другому компоненту, выделены шесть базовых типов экопсихологических взаимодействий: объект-объектный, субъект-объектный, объект-субъектный и субъект-субъектный, включающий в себя субъект-обособленный, субъект-совместный и субъект-порождающий. Базовыми эти взаимодействия названы по двум причинам. Во-первых, эти шесть типов взаимодействий имеют универсальный (образно говоря, «топологический») характер, т.е.

не зависят от предметного содержания и вида среды, и потому вполне применимы для анализа взаимодействия человека с разными видами окружающей среды, для разных отношений «человек – окружающая среда». В том числе для изучения коммуникативных взаимодействий в диадах «ученик – преподаватель», «клиент – нотариус» [2, 4]. Во-вторых, взаимодействия в системе «человек – окружающая среда» могут быть представлены и другими типами, производными от указанных шести базовых типов взаимодействия. Например, когда лес (природная среда) оказывает активное психологическое воздействие на человека, принимающего это воздействие, то речь должна идти о квази-объект-квасисубъектном взаимодействии между человеком и природной средой, т.к. лес выполняет квазисубъектную роль, а человек – квазиобъектную.

В качестве примера приведем описание экопсихологических типов взаимодействия между компонентами отношения «человек – природная среда»:

- *Объект-объектный тип* является исходной предпосылкой для психологической экологии, в рамках которой окружающая среда (как совокупность химико-физических факторов и условий) психологически индифферентна (безразлична) к человеку, ее свойства не несут в себе изначально заложенной в них психологической нагрузки. Взаимодействие между средой и организмом человека остается на физико-химическом и имеет механистический (объектный) характер.

- *Объект-субъектный*, когда окружающая среда, активно воздействуя на те или иные сферы психики человека, выполняет по отношению к нему субъектные функции, в том время как сам человек, относительно пассивно принимая это воздействие, находится по сути в роли объекта (квазиобъекта) средового воздействия. Эта логика лежит в основе психологии средовых влияний (средовой психологии),

когда предметом исследования выступает, например, такое воздействие природной среды на человека, результатом которой является реабилитация или угнетение его психического состояния или работоспособности [1].

- *Субъект-объектный*, когда человек целенаправленно воздействует и изменяет свойства природной среды с определенной целью: использование природных ресурсов для удовлетворения своих человеческих потребностей и, напротив, охранные действия человека по защите природной среды и т.д. Например, антропоцентрический тип экологического сознания [Там же], проектирование паркового ландшафта или заповедника.

- *Субъект-субъектный*, когда каждый из компонентов системы «человек – природная среда» активно воздействуют друг на друга, т.е. выполняет по отношению к другому субъектную роль. Например, эгоцентрический тип экологического сознания. При этом не следует отождествлять свойство быть живым со свойством субъектности, ибо человек способен субъектифицировать, т.е. наделять свойством субъектности и неживые средовые объекты [Там же]. Однако такое взаимодействие может иметь различную направленность и характер, т.е. различные подтипы взаимодействия, сосуществующие и сменяющие друг друга или же, напротив, исключают друг друга. А именно:

- а) *субъект-обособленный*, когда каждый из компонентов отношения «человек – природная среда» активно воздействуют друг на друга, но при этом каждый из них преследует «свои интересы» и активно противодействует воздействию со стороны другого. Вследствие чего взаимодействие между ними оказывается безрезультатным, неконструктивным и даже наносящим вред одному или каждому из них. Пример, ситуация глобального экологического кризиса: человек наносит вред миру природы, а природа, развиваясь по своим законам, начинает в ответ «мстить» человеку;

б) *субъект-совместный*, когда взаимодействия «человека» и «природной среды» подчинены общей цели. Например, в случае сохранения планеты как среды обитания речь должна идти о коэволюционном развитии человечества и планеты. Но при этом собственная «субъектность» человечества и планеты как сосуществующих форм природного бытия остается без изменений. Необходимым условием для этого является экоцентрический тип экологического осознания, ориентирующий на коэволюционный вариант взаимоотношений человека с миром природы;

в) *субъект-порождающий тип* характерен для системы «человек – природная среда» («человек – мир природы», «человек – планета»), когда результатом совместного развития компонентов этой системы становится ее превращение в совокупного субъекта совместного развития и человека и природной среды. При этом каждый из компонентов (субъектов) этой системы выступает для другого в роли фасилитатора их совместного преобразования и объединения в единого, совокупного субъекта совместного развития. Примерами порождения такого субъекта совместного развития могут служить система «человечество – планета» и ноосфера как продукт развития этой системы. Но это может быть и система «мать – ребенок», «психотренинговая группа», «этнос» и т.п. [2, 4, 5].

Исходя из вышесказанного, определение предмета эколого-психологического исследования требует предварительного определения вида и типа взаимодействия, с помощью которого конкретизируется отношение «человек – окружающая среда». А именно:

- *психологическая экология*: «человек – физико-химические свойства внешней среды» имеет в своей основе объект-объектный тип взаимодействий и, соответственно, объект-объектный тип рассуждений;

- экологический подход к восприятию Дж. Гибсона построен на отношении «индивидуум как субъект восприятия – среда обитания как объект восприятия» и реализует субъект-объектный тип взаимодействия между человеком и средой обитания и, соответственно, субъект-объектную логику рассуждений;

- в психологии окружающей среды (инвайронментальная психология), реализующей отношение «человек – окружающая среда (пространственная, природная, образовательная, информационная и др.)», взаимодействия между компонентами указанного отношения могут иметь противоположный вектор направленности, т.е. как «объект-субъектный (влияние среды на человека), так и «субъект-объектный» (влияние человека на окружающую среду);

- психология глобальных изменений построена на отношении «человек как субъект восприятия и мышления – глобальные изменения состояния планеты как объект восприятия и осмысления» и предполагает реализует субъект-объектный тип взаимодействия;

- психология экологического сознания: «человек – природная среда (мир природы)», где в основе антропоцентрического типа экологического сознания лежит «субъект-объектный» тип взаимодействия, а в основе экоцентрического сознания лежит «субъект-субъектный» тип взаимодействия, когда «мир природы» и «природные объекты, представляющие «природную среду», субъективируются человеком, т.е. наделяются способностью выполнять субъектные функции [1]. Поскольку речь здесь идет о коэволюционном развитии человечества и природы, то в нашей терминологии это скорее «субъект-совместный» тип взаимодействия человека с миром природы.

В ходе дальнейших исследований нами было установлено, что экопсихологическая типология взаимодействий между компонентами отношения «человек – природная

среда» приложима к анализу и изучению взаимодействий человека с разными видами окружающей среды (образовательной, профессиональной, информационной и др.), а также взаимодействий в межличностных отношениях и в межвидовой группе «человек – домашняя собака» [2–6]. Вследствие чего стало понятно, что указанные типы эконсихологических взаимодействий имеют более широкий спектр применения, а не только выступают описанием взаимодействий человека с природной средой. В ходе наших исследований эти типы взаимодействия выступали в трех контекстах:

а) в качестве предмета теоретического или эмпирического изучения;

б) в качестве теоретического конструкта для изучения взаимодействий, например, в межличностных отношениях в студенческой группе или для интерпретации эмпирических данных о коммуникативных взаимодействиях в профессиональной работе нотариуса;

в) в качестве исходной предпосылки для формирования методологической позиции, а именно выбор гносеологической или онтологической парадигмы исследования [4, 5].

Поэтому представленную выше типологию взаимодействий между компонентами отношения «человек – окружающая среда» правильнее называть более общим термином, не привязанным к взаимодействиям только с природной средой, т.е. не эконсихологической, а субъект-средовой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дерябо С.Д., Ясвин В.А.* Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1996.
2. *Панов В.И.* Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004.

3. *Панов В.И.* Психодидактика образовательных систем: теория и практика. СПб.: Питер, 2007.
4. *Панов В.И.* Экопсихологические взаимодействия: виды и типология // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 13-27.
5. *Панов В.И.* Экопсихология: парадигмальный поиск. М.: ПИ РАО; СПб.: Нестор-История, 2014.
6. *Панов В.И., Никольская А.В.* Взаимодействия в малой группе: экопсихологический подход // Малая группа как объект и субъект психологического влияния: материалы Всероссийской научной конференции / Под общ. ред. А.С. Чернышева. Курск, 2011. С. 83-99.

М.Х. Рахимов, Ф. Тураев
Таджикский технический университет,
Душанбе, Таджикистан.
E-mail: rakhimov55@mail.ru,
turayev@mail.ru

ПРОБЛЕМА «ДРУГОГО» В ФИЛОСОФИИ Ж.-П. САРТРА

Статья посвящена проблеме бытия человека и его отношения к «Другому». Анализ производится на основе работы Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто».

Ключевые слова: бытие, сознание, Я, Другой.

В своей работе «Бытие и ничто» Сартр подвергает анализу индивидуальное сознание с точки зрения его социальности или интерсубъективности, выраженное в категории «бытие-для-другого». Этой проблеме посвящена третья часть книги. Согласно Сартру, бытие-для-себя предполагает бытие для другого. С целью раскрытия социального характера сознания личности Сартр подробно и в

деталей исследует социально-психологический феномен «взгляда». В данном контексте он изменяет в сторону большей глубины и охвата положение Гегеля и Маркса, согласно которому каждый смотрится в другого, как в свое зеркало. Главное внимание Сартр фиксирует на негативной функции сознания как свободы. Всякое опредмечивание обнаруживает себя только как отчуждение, чуждость и враждебность. И хотя свобода другого и не может быть отчуждена, именно возникший на ее основе конфликт выступает фундаментом отношений людей друг с другом.

В этой же части Сартр излагает положения своего экзистенциально-психоаналитического метода. Посредством этого метода раскрывается фундаментальный проект личности. В каждом отдельном эмпирическом поступке, жесте и т.д. этот проект рассматривается посредством сравнительного анализа различных действий личности: через наблюдение, документы и свидетельства о жизни, в которых проект может быть расшифрован.

В понимании сути теории «бытия для себя и бытия для другого» Сартр опирается на Канта, Декарта, Гуссерля, Гегеля и Хайдеггера. В ходе своего анализа Сартр выявляет ряд недостатков и упущений в понимании сущности феноменологической редукции со стороны упомянутых философов. В частности, Гуссерль допускал, что «бытие другого» измеряется в своей реальности посредством «познания», т.е. познание вообще измеряет бытие. Таким образом, резюмирует Сартр, «чтобы редуцировать бытие к ряду значений, единственная связь, которую Гуссерль смог установить между моим бытием и бытием другого, есть связь познания; он не сумел так же, как Кант, избежать солипсизма» [1. С. 259].

Интенциональный метод наряду с редукцией предполагает и конституцию, которая характеризует сознание с точки зрения его свободы. Рассмотрение сознания как свободы позволяет подняться над ситуацией. В отличие от

«cogito» Декарта и «бессознательного» Фрейда Сартр на первое место ставит не чистый акт самосознания, а дорефлексивное сознание.

В решении данной проблемы Сартру в большей мере импонирует позиция Гегеля, которая была изложена им в первом томе «Феноменологии духа». Бытие «Другого» было направлено не для конституирования мира и эмпирического «Эго» субъекта, а для существования сознания субъекта как самосознания.

Первоначально сознание себя в гегелевском проекте представлено как синкретическое, нерасчлененное отношение, которое стремится реализовать себя, придавая себе объективность и очевидное существование, и стать, в конечном счете, носителем всеобъемлющего, подлинного самосознания. Самосознание означает быть тождественным с самим собой и с самосознанием других, т.е. оно утверждает свою самость только лишь посредством исключения другого. Они находятся в форме такой двойной связи, которая, с одной стороны, есть состояние тождественности, а с другой – внутреннего отрицания. Признание наличия другого позволяет определить то, что я есть я, а не другой, следовательно, «он дается как несущественный объект, со свойством отрицательности. Но этот Другой является также самосознанием, таким, каким он мне является как обычный объект, погруженный в бытие жизни. И таким же образом я являюсь другому: как существование конкретное, чувственное и непосредственное» [Там же. С. 260].

Иными словами «Я» и «Другой» находятся во взаимном отношении друг с другом, нацеленном на то, чтобы познать себя в другом. «В самом деле, – отмечает Сартр, – только поскольку каждый человек противопоставляется другому, он есть абсолютно для себя; он утверждает против другого и по отношению к другому свое право быть индивидуальностью» [Там же]. Исходя из этого Сартр отвергает

«cogito» Декарта быть отправной точкой для философии, ибо последнее возможно вследствие появления для себя как индивидуальности, которая, в свою очередь, обусловлена признанием другого. Следовательно, бытие для другого является необходимым условием бытия cogito или самосознания, в котором «Я» постигает себя как объект, или иначе «путь внутреннего мира проходит через другого». Взаимоотношения «Я» и «Другого» Сартр уподобляет известной конструкции: «Господин – Раб», где «Я» выступает в роли Господина, а последний – Раба. Несмотря на гениальные догадки Гегеля о признании значения бытия «Другого» в становлении «самосознания» личности, его теоретическая формула «Я» есть «Я» определялась в рамках абстрактного познания, где «Я» выступает эквивалентом самосознания. Сартр обвиняет Гегеля, впрочем, и Гуссерля в «эпистемологическом оптимизме»: если первый отождествляет познание и бытие, то второй – особым образом измеряет бытие познанием.

В гегелевской конструкции «Другой» является объектом, и я постигаю себя как объект в другом. Но для Сартра важно то, чтобы «Я» постигал другого не как объект, а в качестве субъекта. Когда другой воспринимается как объект и «Я» постигает себя как объект в другом, тогда одно из этих утверждений разрушает другое: «чтобы я мог явиться в другом как объект, нужно, чтобы Я постигал бы другого в качестве субъекта, то есть чтобы я его воспринимал в его внутреннем мире. Но поскольку другой является мне как объект, моя объективность для него не может мне явиться». [Там же. С. 266].

Из предшествующих Сартру современников наиболее близко в понимании сущности проблемы онтологического существования человека подошел Хайдеггер. Ему удалось обосновать два важных требования к решению данной проблемы:

1) «отношение» человеческих реальностей должно быть отношением бытия;

2) это отношение предполагает поставить в зависимость человеческие реальности друг от друга в их сущностном бытии.

Определяющей категорией хайдеггеровского учения является понятие «бытие-в-мире», которая характеризует человеческую реальность. Она состоит из трех взаимосвязанных моментов: «мир», «бытие в» и «бытие». В его описании мир является посредником для человеческой реальности. Посредством мира она возвещает о себе, о том, чем она является; «бытие-в» означает расположенность и рассудок (понимание). Главной характеристикой бытия человеческой реальности является то, что оно выражает ее бытие с другими, т.е. это есть «бытие-с» («Mitsein»). «Быть в мире значит посещать мир, преследовать мир, а не быть к нему приклеенным; и как раз другой определяет меня в моем «бытии-в-мире» [Там же. С. 269].

Несмотря на значимость выдвинутых Хайдеггером идей о взаимоотношениях человеческой реальности и другого, его учение несет в себе следы абстрактного проекта на манер кантовского субъекта. Поэтому его Mitsein (бытие-с) не приближает, а удаляет от реальности и не способно разрешить психологическую и конкретную проблему предназначения другого.

Чтобы познать в целостности отношение бытия человека к бытию-в-себе, необходимо, на взгляд Сартра, ответить на два важных вопроса: вопрос о существовании другого и вопрос об отношении моего бытия к бытию другого.

Познание сущности своего бытия-в-себе человек осуществляет через «взгляд» другого. Первоначально сознание человека представлено как нерелексивное сознание, которое не может содержать самость человека, его Я-эго, выступающее как чистое ничто. Нерелексивному

сознанию Я дано в качестве объектов мира, поскольку оно является сознанием мира. «Я дается как объект только для рефлексивного сознания» и оно воспринимает Я как объект непосредственно. Иными словами, осознание Я происходит в том случае, если оно есть объект для другого, то есть когда Я имеет свое основание «вне себя» [1]. При этом Эго никуда не уходит: оно остается с человеком, но не как чуждый образ, а как неосознанное и в принципе существующее для другого.

Истинное человеческое Я или Эго нельзя познать гносеологически, его можно пережить посредством стыда или гордости. Именно «стыд или гордость открывают мне взгляд другого и самого меня на краю этого взгляда, заставляют меня переживать, не познавать рассматриваемую ситуацию» [Там же. С. 284]. Взгляд другого овладевает бытием человека, и соответственно стены, дверь, замочная скважина, все те вещи – инструменты, в середине которых находился данный человек, поворачивают лицо к другому, которое в принципе избегает указанного индивида. Иными словами, взгляд другого как бы отчуждает бытие человека, его Я от него самого, которое является, по сути, своим Эго для другого в середине мира, который течет к другому.

По мнению Сартра, стыд открывает истинное бытие человека, его Я. Для этого достаточно, чтобы кто-то смотрел на него. С появлением другого человек приобретает натуральный вид, то есть проявляет себя в своей естественной природе.

Постыжение взгляда другого может также породить страх и затвердевание и отчуждение собственных возможностей человека, которые он до этого постигал тетически (предполагаемо). Например, темный угол дает человеку возможность спрятаться, является качеством или инструментальностью данного объекта – как его идеальное и объективное свойство. В свою очередь эти свойства объекта

принадлежат комплексу, названному Сартром «ситуацией». Суть этой ситуации заключается в том, что все возможности индивида спрятаться в темном углу при появлении другого переводятся в возможность другого раскрыть или задержать данного человека. «Поэтому, – отмечает Сартр, – мое отношение к объекту или потенциальности объекта распадается под взглядом другого и является для меня в мире в качестве моей возможности использовать объект, поскольку эта возможность избегает меня в принципе, то есть, поскольку она переводится другим к своим собственным возможностям. Например, потенциальность темного угла становится данной мне возможностью спрятаться в нем от одного того факта, что другой может перевести ее к своей возможности осветить угол своим карманным фонариком». [Там же. С. 230]. В этом случае, при взгляде другого, от данного индивида «ситуация» ускользает или, по выражению Сартра, «я не являюсь больше хозяином ситуации».

Человек, оказывающийся в состоянии объекта оценок, находится, по Сартру, в состоянии рабства перед свободой другого. Описанная ситуация не является плодом какой-либо концептуальной идеи: любой человек в своем опыте оказывался однажды застигнутым врасплох в положении виновного или просто смешного. «Через взгляд другого я вижу себя застывшим в середине мира, в опасности, безвозвратным. Но я не знаю, ни каким я являюсь, ни каково мое место в мире, ни какой стороной этот мир, где я нахожусь, обращен к другому» [Там же].

Взгляд другого есть необходимое условие объективности Я-эго, то есть другой – это и есть само Я-эго, которые составляют единое целое. Иными словами другой присутствует для Я-эго человека повсюду, посредством которого Я-эго становится объектом.

От анализа бытия-для-другого к бытию Я Сартр переходит к разъяснению вопроса отношения Я к Другому.

Формулу этих отношений Сартр выводит следующим образом: «Для себя в качестве самого себя включает в бытие Другого в свое бытие, поскольку оно находится под вопросом в своем бытии как не являющееся Другим» [Там же]. Суть этих отношений, разъясненных Сартром, заключается в том, что Я-эго, отрицая и отчуждая себя и таким образом становясь объектом для Другого, признает и утверждает не только Другого, но и существование своего Я-для-другого. Сартр заключает, что «это отчужденное и отрицаемое Я является одновременно моей связью с другим и символом нашего абсолютного разделения» [Там же].

Согласно Сартру, Я-объект, по сути, есть я, каким я являюсь, который всегда ускользает от меня. Я-объект есть граница между двумя сознаниями, обеспечивающий связь и взаимодействие Я-эго и Я Другого. Я-объект не следует сводить ни к Я-в-себе, ни к Я-для-себя. Я-объект Сартр характеризует как реальное бытие, означающее «мое бытие-для-другого», которое не позволяет ассимилировать одного за счет другого.

Присутствие Я-объекта и Другого-субъекта обеспечивает объективацию Другого как второй аспект отношения Я к Другому, служащий импульсом для нового постижения Я-себя как свободной самости. В этой диаде Я-эго, реализуя свою самость, становится ответственным за Другого, но так как Другой появляется для Я как деградированное присутствие, то Другой и Я вместе ответственны за существование Другого, отмечает Сартр.

Познание реальных свойств Другого осуществляется индивидом не чистым сознанием, а через определение, названное Сартром «бытием-в-ситуации», когда Другой находится в середине мира. И постигается оно как объективное единство орудий и препятствий. Исходя из этого Сартр заключает, что, поскольку «Другой появляется как объект, он дается мне в принципе как целостность, он про-

стирается по всему миру, как мирская сила синтетической организации этого мира». [Там же. С. 314]. Если Я-индивид обращается к Другому и воспринимает его как целостность, то он воспринимает Другого как целостность-объект, также как и мир воспринимается индивидом как нечто целое. Иными словами, Я-индивид воспринимает Другого как мир, но только единичные отношения выделяются как формы на фоне мира, и это восприятие происходит сразу. По образному выражению Сартра, «вокруг этого человека, которого я не знаю и который читает в метро, присутствует весь мир... И не только его тело, как объект в мире, определяет его в бытии; это и его удостоверение личности, и направление движения вагона, в который он сел, и кольцо, которое он носит на пальце. Не в качестве *знаков* того, чем он является (это понятие знака нас снова отослало бы на самом деле к субъективности, которую я не могу даже понять и в которой он как раз, собственно говоря, ничто, поскольку он есть то, чем он не является, и не есть то, чем он является), но как реальные характеристики его бытия...» [Там же. С. 315].

Человек (или его Я) испытывает присутствие Другого как «квазицелостность субъектов» и на основании этой целостности он испытывает в значительной мере присутствие конкретного субъекта. Но квазицелостность субъектов не позволяет выделить Другого как реального объекта. Субъективная квазицелостность преобразуется в целостность Другого-объекта на основании того, что он есть, существует как реальный объект. Сартр приходит к следующему выводу: «существование другого переживается с очевидностью в факте и через факт моей объективности. ...Моя реакция на мое отчуждение для другого выражается восприятием другого как объекта. Короче говоря, другой может существовать для нас в двух формах: если я его испытываю с очевидностью, я не способен познать его; если я

его познаю, если я действую на него, я только достигаю его бытия-объекта и его вероятного существования в середине мира; никакой синтез этих двух форм невозможен. Но мы не можем здесь останавливаться: этот объект, каким другой является для меня, и объект, которым я являюсь для другого, обнаруживаются *как тела* [Там же. С. 323].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М: Республика, 2000.
2. *Колядко В.И.* Предисловие // Ж.-П. Сартр. Бытие и ничто. М.: Республика, 2000.
3. *Зотов А.Ф.* Экзистенциализм Сартра // Зотов А. Современная западная философия. М.: Высшая школа, 2005.

С.В. Рудановская
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия.
E-mail: rudsv@live.ru

КРИТИКА ЯЗЫКА КУЛЬТУРЫ И ТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ¹⁰

В статье рассматриваются особенности социальной критики, которая изначально рождается из недоверия к привычной для обыденного сознания знаковой среде. Особое внимание уделя-

¹⁰ Текст данной работы первоначально был опубликован автором в коллективной монографии «Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы» (под ред. П.К. Гречко и Е.М. Курмелевой. М.: РОССПЭН, 2009. Глава «Социальная критика: вызов постутопической интерпретации»). Здесь печатается с некоторыми изменениями и дополнениями.

ется семиотике, сочетающей в себе критическое разоблачение стандартов восприятия, свойственных «наивным читателям» (массовой аудитории), и аналитическое описание читаемого (текстов культуры) – сложных символических образований, артефактов, существующих благодаря разнообразным процессам языкового творчества и социального конструирования.

Ключевые слова: социальная критика, массовая культура, семиотика, власть языка, текстуализация, «искушенный читатель», интерпретация.

Объект социальной критики рождается из опыта недоверия к языку культуры, обнаружения «зазоров» и «пустот» в вербальных формах, претендующих на «нормальное», адекватное отражение действительности. Любая критика начинается с различения «ложного» языка культуры, желания называть вещи своими именами, прекращением «автоматической», неосознаваемой языковой деятельности. Способность видеть вещи по-иному, абстрагируясь от устоявшихся клише, воздерживаясь от привычных разговоров, способность выхватывать из потока воспринимаемого нечто, провоцирующее на несогласие, протест, рефлексию, отличает сознание критика от других. Критик молчит там, где другие могут говорить бесконечно, не испытывая потребности остановиться и осмыслить сказанное, и говорит там, где заканчиваются все остальные разговоры, не идущие против существующего порядка вещей. Критик пытается сделать язык прозрачным, прорваться за пределы тезауруса культуры к реальности как она есть.

Критика – своеобразное переименование вещей, освобождение их от привычной позитивности, необходимого присутствия в жизни человека, разрушение состояния перемирия или примиренности человека с действительностью. В современном обществе переименование вещей, с одной стороны, не представляет проблемы, поскольку со стороны экспертов, политиков, деятелей культуры допус-

каются различные трактовки событий, плюрализм интерпретаций. Информационная среда открыта для новых заявлений, осуждающих, утверждающих, разоблачающих. С другой стороны, переименование вещей становится все более сложным процессом, поскольку исключает какое-либо сопротивление со стороны самих вещей, смысловые поля которых размываются, теряют очертания, превращаются в переменные. Можно говорить все, что угодно, не встречая сопротивления действительности, которая в целом становится «рыхлой» из-за переизбытка индивидуальных проектов, образных рядов, нарративов, распространяемых в масс-медиа и претендующих, каждый по-своему, на адекватное отражение событий [1. С. 14].

В настоящее время становится все сложнее полностью отрицать актуальное состояние вещей и бороться за осуществление идеалов, поскольку не существует единых трактовок ни того, ни другого. Линейная логика протеста оказывается заблокированной принципиально алогичной, но привычной информационной средой, в которой сосуществуют все «за» и «против» любого значимого события. Факты, против которых можно протестовать, соскальзывают в бесконечную сферу интерпретаций, в сферу выяснения отношений (действительно ли то или иное событие имело место, и если имело, то какой в этом смысл). Действительность превращается в сеть разговоров, дискуссий, точек зрения. Любой порыв отрицания сталкивается со смысловой неопределенностью происходящего и, в свою очередь, неминуемо обрастает альтернативными интерпретациями, застывает в подвешенном состоянии, не изменяя, но подтверждая сложность общественной жизни и относительность ее трактовок.

Одновременно подобная ситуация показывает, что критика не должна сводиться лишь к переименованию вещей, иначе ей грозит превращение в разговор о разговоре,

который на выходе дает еще один разговор среди множества подобных. В современных условиях инфляции интерпретаций возникают два типа критической рефлексии, не подразумевающих процесса простого «переименования», выдвижения альтернативных описаний реальности. Первый тип имеет дело с физическими и техническими параметрами, указывая на возможные риски, катастрофы, экологические проблемы, пределы экономического роста. Это тип критики функциональной, которая опирается на более или менее четкие критерии «нормы» и «патологии», методологии вычисления и прогнозирования сбоев. Объект этой критики имеет определенные константы, вписан в систему, работающую по известным законам, и дает о себе знать, когда что-то идет не так.

Второй тип критики имеет дело с языком культуры как таковым. В данном случае критика не добивается интеллектуального прорыва «к самим вещам», окончательно разоблачения привходящих субъективных значений. Вместо дихотомии «истинное – ложное» она руководствуется принципом дифференциации дискурсов, семантических полей, языковых практик, которые определяют видение действительности. Социальная критика борется не столько с языком или языками, сколько с индифферентностью большинства по отношению к значениям и смыслам, в этих языках сокрытых или заключенных. Ее цель вернуть сознание из сферы языкового потока, где оно захвачено образами, словами, информацией, в сферу различения границ, причин формирования смыслов. Альтернативой разговорам, происходящим в «безвоздушном» пространстве, является интерпретация, озадаченная дискретностью культурного поля.

В рамках критической интерпретации действительность выступает в качестве многопланового текста, который, однако, нельзя представить целиком, от начала до

конца, т.к. у него нет единого автора, завершенной структуры, одной магистральной линии повествования и даже одного языка. Есть «малые тексты», посредством анализа которых происходит целый ряд критических разоблачений: власти знака, по природе пластичного, открытого, но приобретающего форму изначально данного, не подвергаемого сомнению; власти дискурса, борющегося с хаосом впечатлений, но подавляющих самовыражения человека; власти цитат, которые заставляют оставаться на почве повторения, создавая эффект новизны. Разоблачения не претендуют на всеобщность, они описывают фрагменты культурно-исторического опыта, акцентируя внимание на моментах становления и объективации артефактов, прежде всего, в языке культуры. К текстам относятся и популярные бестселлеры, и рекламные сюжеты, и парадигмы научного знания, и культурные практики, встроенные в канву повседневности. В рамках семиотики разрабатывается модель критического анализа, который позволяет проследить все нюансы процессов социального конструирования, оформления границ символических систем, а вместе с ними и оформление пределов вопрошанию со стороны читателей, зрителей, слушателей, авторов, т.е. со стороны тех, кто живет социальными текстами и принимает участие в их создании.

Обращение с культурой как с многоплановым текстом во многом напоминает демифологизацию, в результате которой в массе бесконечных разговоров, историй открываются устойчивые структуры, мотивы власти и подчинения, привычка к повторению, овеществлению и отчуждению. Текст – то, что предназначено для вдумчивого чтения, предмет, исключающий бессвязность, бессмысленность, семантическую пустоту. Различить текст – увидеть сложное образование со своими правилами игры, построения сюжета, рациональностью действия, логикой

изменений, повторениями, заимствованиями и находками, новыми комбинациями известных элементов. Так, например, разбирая известный бестселлер Я. Флеминга, посвященный Дж. Бонду, У. Эко замечает использование элементов волшебной сказки, прочтения мира в черно-белых тонах, проявление бинарного мышления, обращение к герою-машине, находит пересечение всевозможных цитат из классических произведений [2]. Ту же работу по исследованию сюжетных линий фактически выполняет и Р. Барт, обращаясь к исследованию «глубинной» рекламы моющих средств, новостям о наводнении, представлениям о мозге Эйнштейна и др. [3]. Различить текст – осознать многообразие языковых приемов, коммуникативных ходов, приводящих к согласию и пониманию «очевидного», выделить сложные символические и психологические структуры, лежащие в основе расхожих формул повседневного общения и массовой культуры.

С одной стороны, критическая рефлексия в целом противостоит тенденциям упрощенного восприятия действительности в массовом сознании [4], сопротивляется практике «наивного чтения», скованного привычными ассоциациями, закрывающими доступ к многообразию смыслов. С другой – не имеет ничего общего с практикой радикальной «переоценки ценностей», приводящей к деонтологизации и обесмысливанию сферы социального как сферы *только слов*. Позиция критика в данном случае – позиция «искушенного читателя», который не ставит под вопрос существование реальности текстов, но старается понять эту реальность в ее гетерономии, генезисе и возможностях, как артефакт, отражающий особенности человеческой природы и общества. «Искушенный читатель» избегает одновременно власти языка, который он делает предметом дескриптивного анализа, и власти реальности самой по себе, которую он методологически рассматривает

как систему человеческих значений. Тем самым «искусшенный читатель» воздерживается от излишнего доверия к текстам культуры, свойственного «естественной установке сознания», и не испытывает тотального разочарования в социальном как таковом, свойственного романтическому умонастроению.

Целью критики становится понимание того, «каким образом общество производит стереотипы (эту вершину искусственности), которые затем оно и потребляет, принимая их за прирожденные человеку смыслы (эту вершину естественности)» [5. С. 561]. При этом искусственное не становится тем, что подлежит отрицанию или разрушению. Выявить искусственное означает приостановить воздействие «привычных ассоциаций, в соответствии с которыми мы живем, пережить жизнь по-новому» [6. Р. 118]. Негативный опыт разоблачения эстетических эффектов, воздействующих на сознание потребителей, контрастирует в семиотике с позитивным опытом герменевтической интерпретации, феноменологического описания форм, «созданных Воображением», которые нельзя читать по диагонали, поверхностно, как и любое другое «произведение искусства»¹¹.

Критика не только прослеживает власть языка, но и открывает его пластичность и вариативность, демонстрируя изобретательность и богатые выразительные возможности, скрытые в текстах, которые хотя и оказываются соблазнами и ловушками для наивных читателей, но не

¹¹ Как пишет Р. Барт, «это повествования, образы, портреты, разного рода экспрессивные образования, идиолекты, страсти, структуры, обладающие видимостью правдоподобия и в то же время недостоверностью истины. Я охотно назвал бы «семиологией» последовательность операций, позволяющих (или сулящих возможность) обращаться со знаком как с расписным полотном или, если угодно, с вымыслом» [5. С. 565].

теряют при этом своей эстетической привлекательности для вдумчивого чтения. Объект критики – это в то же время источник эстетического удовольствия, неослабевающего интереса к формированию мысли, хитростям языкового сознания. «Самое интересное в критике – находить определенные колебания (waves) и мини-колебания внутри колебаний, фиксируя поступательные и обратные движения – [создавать] целую метео-карту интеллектуальной деятельности» (Дж. Хартман) [7. Р. 84].

Опыт различения текстов – своеобразный протест против скоростного ритма современности, при котором способность размышлять, не отклоняясь от предмета размышлений, заменяется способностью переключаться или произносить общие фразы, далекие от того, чтобы стать событием, прежде всего в жизни самого критика. Критик не относится к языку как пользователь или потребитель, который забывает о сказанном или прочитанном после получения желаемой информации, удовлетворившись первыми впечатлениями, но постоянно чувствует и осознает присутствие языковой стихии, захватывающей поверхностностью изложения, запутывающей неопределенностью и все-таки провоцирующей на бесконечную рефлексия по поводу общества, его истории и собственной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ваттимо Дж.* Прозрачное общество. М.: Логос, 2002.
2. *Eco U.* The Role of the Reader. Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington and London: Indiana University Press, 1979.
3. *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
4. *Чистякова О.В.* Человек в медиатизирующемся мире постсовременности: антропологические смыслы и социальные

следствия // Человек. Общество. Инклюзия. М.: Издательство Московского государственного гуманитарно-экономического университета. 2016. № 2-1 (26).

5. *Барт Р.* Лекция // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

6. *Eco U.* The Open Work. Cambridge, Massachusetts, 1989.

7. Criticism in Society: Interviews with Jacques Derrida, Northrop Frye, Harold Bloom, Geoffrey Hartman, Frank Kermode, Eduard Said, Barbara Johnson, Frank Lentricchia, J. Hillis Miller by Imre Saluzinszky. N.Y., L.: Methuen, 1987.

Ф.В. Тагиров

*Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия.*

E-mail: tagirov_fv@rudn.university

ЭРОС И ВЛАСТЬ: ОТ ПОДАВЛЕНИЯ К ДИСЦИПЛИНАРНОМУ И СИМВОЛИЧЕСКОМУ КОНТРОЛЮ

В статье рассматриваются принципы взаимодействия эроса с механизмами власти. Анализируются два основных подхода к данной проблеме: репрессивная гипотеза и теории дискурсивно-дисциплинарного и символического контроля. Также исследуется вопрос, приводит ли освобождение сексуальности, принесенное сексуальной революцией, к действительному освобождению субъекта.

Ключевые слова: взаимодействие, репрессия, контроль, эрос, сексуальность, авторитарность, субъект, идентичность.

Когда человек в своем сознании преодолевает (трансцендирует) пределы традиционной модели легитимации власти (М. Вебер), принцип реальности, ставящий

пределы его принципу желания (З. Фрейд), отныне представляется субъекту этого желания в значительной степени историчным, социогенным и, значит, этот принцип может быть изменен вместе с определенными изменениями социального пространства.

Границы, положенные любви, сексуальности и эротизму, неизбежно ощущаются субъектом этих практик как сковывающие его желания, подавляющие. Отсюда рождается идея о репрессии, осуществляемой по отношению к эротическому.

Совокупность процессов культурно-символического, политического, юридического характера, направленных на освобождение от данного подавления, получила название «сексуальная революция». Однако было бы нелишне снова и снова поднимать вопрос, не оказывается ли вдруг субъект этого освобождения еще более зависим как от собственной сексуальности, так и от принципов, регулирующих и регламентирующих его субъектность?

Репрессивная гипотеза

Идея, которую М. Фуко назвал «репрессивной гипотезой», находит свое теоретическое оформление в XX в. прежде всего в трудах З. Фрейда, В. Райха и Г. Маркузе. С ней в определенном смысле солидаризуются Б. Рассел в своей работе «Брак и мораль», Э. Фромм и целый ряд других мыслителей.

Что подавляется? По мнению З. Фрейда и Г. Маркузе, в первую очередь ощущает на себе репрессивное воздействие любая сексуальность, кроме генитальной и то взятой в ее репродуктивном значении. Вместе с тем, как показывает В. Райх, и нормальная генитальная сексуальность оказывается ограниченной существующим принудительным порядком [1]. Авторитарная мораль, которая находит самооправдание в том,

что она защищает человека от его же собственных извращенных наклонностей, вредоносных, а зачастую и губительных как для окружающих, так и для него самого, на самом деле сама и порождает эти наклонности и «нездоровые» стремления.

Отчего же индивид в современном обществе не знает здоровой и естественной половой жизни? По мнению Райха, основные структуры нездорового отношения к сексуальности закладываются еще в детстве. На сегодняшний день существует множество подходов относительно влияния среды на развитие ребенка [2]. Райх обращается к его окружению с точки зрения авторитарного воздействия последнего. Авторитарное воспитание приводит к формированию личности, для которой самые естественные формы проявления сексуальности жестко ассоциируются с чем-то постыдным и запретным, и впоследствии такой индивид, как правило, оказывается не способным полноценно реализоваться в здоровой половой жизни [1].

Принципиальную роль в ограничении здоровой сексуальности индивида, по убеждению Райха, также играет традиционно-патриархальный и буржуазный институт брака, который в той или иной степени всегда утверждает себя в принудительной форме.

Другой теоретик репрессивной гипотезы, Г. Маркузе, понимающий эрос подобно позднему Фрейдю в предельно широком смысле, пишет о специфической кастрации, которой подвергается индивид в репрессивной цивилизации. Подавленный индивид оказывается лишен всякого эротизма, не отвечающего принципу воспроизводства рода. Воспроизводство (рода) и производство (благ и средств их производства) представляются двумя задачами, которым всецело должен посвятить себя индивид и на алтарь которых ему необходимо положить всякое удовольствие во имя принципа Прометея [3].

Изначальная ситуация: куда уходят корни репрессивно-авторитарного общества? Согласно Фрейду, репрессивно-авторитарное общество восходит к ситуации убийства братьями своего отца, монополизовавшего право на удовольствие. Со временем братья воспроизводят отцовскую фигуру, но на этот раз помещают ее на недостижимый для смертного трансцендентный уровень. Так репрессивная власть и ее легитимация институционализируются посредством морали и религии [4]. Райх, в свою очередь, подвергает критике универсальность данной модели, уточняя, что она применима только к обществам патриархального типа. На общества, где человек еще не имел представлений об отцовстве, обращает наше внимание и Б. Рассел [5. С. 41-47].

Текущее социальное устройство: что должно быть изменено? Райх оспаривает позицию Фрейда относительно сублимации как оправдания подавления сексуальной энергии, поскольку Фрейд не различает удовлетворенную и неудовлетворенную сексуальность [1. С. 39-52]. Подавление здоровой сексуальности способно производить только нездоровую культуру. Примеры обратного являются, скорее, исключениями, нежели правилом [1].

Наличествующий социальный порядок, по Райху, построен на авторитарных принципах, которые обеспечивают его воспроизведение в каждом новом поколении. Основной причиной успеха у масс фашистских идеологий, с точки зрения Райха, выступает не столько фюрерская фигура и не столько наличие социально-экономических противоречий, существующих в обществе, сколько преобладающая характерологическая структура личности, чьи первичные биологические потребности постоянно подавляются [6. Гл. 2].

Деструктивность (принцип Танатоса) современного принципа реальности порождается тем, что совокупный

объем подавления (подавление вместе с прибавочным подавлением), будучи оправданным на определенном этапе исторического существования, становится избыточным и гнетущим по мере дальнейшего развития общества в связи с открывшимися возможностями освобождения индивида как субъекта эроса [3. Ч. 1. Гл. 4].

Шанс альтернативы? Репрессивный характер, присущий культуре, рассматривается Фрейдом как данность. Сексуальная мораль, по убеждению Райха, всегда авторитарна, но необходимость в ней должна отпасть по мере освобождения здоровой сексуальности индивидов, составляющих данное общество. При этом, несмотря на постепенный характер требующихся изменений, Райх подчеркивает, что речь по-прежнему идет о сексуальной революции, а не о сексуальной реформе, поскольку необходимо произвести не просто определенные изменения в рамках текущего социального порядка, а преодолеть сам авторитарный порядок как таковой. Согласно Фромму, альтернативу современному положению вещей представляет так называемая «гуманистическая культура», а иначе любовь ждет только разложение [7. Гл. 3].

Общественное развитие, по Маркузе, не является самоцелью, оно должно было вывести человека из царства нужды и ликвидировать необходимость постоянной борьбы за выживание. Он утверждает, что исторически изжившему себя идеалу Прометея должны быть противопоставлены образы Нарцисса и Орфея, выражающие собой формы нерепрессивного эроса, которые связаны со счастьем бытия, не противопоставленного природной реальности, а полноценно включенного в нее, бытия, для которого мир выступает в первую очередь объектом эстетического наслаждения. Человек нерепрессивной цивилизации руководствуется новой либидозной моралью, которая строится не на рациональности производства и репродуктивно-

генитальной сексуальности, как старая мораль, а на рациональности удовольствия. Маркузе вводит еще одну инстанцию в модель индивидуальной психики, предложенную Фрейдом: Сверх-Оно. Сверх-Оно, также как Сверх-Я, является внутренней управляющей инстанцией, но исходит не из перенесенных внутрь субъекта репрессивных норм и идеалов, а из присущего здоровому желанию стремления к самоограничению.

Вопросы к репрессивной гипотезе. Одной из самых неоднозначных проблем, с которыми мы сталкиваемся, является вопрос о сексуальности без принуждения. Даже не принимая во внимание те или иные демографические обстоятельства (вроде «на десять девочек по статистике девять ребят»), мы склонны усомниться, могут ли все индивиды данного общества быть в равной степени субъектами здоровой/полноценной сексуальной жизни и сексуального удовлетворения, если сексуальность избирательно-типична?

Отметим также, что подобно тому, как, согласно известной формуле, невозможно построить коммунизм в отдельно взятой стране, возможность построения неавторитарного, нерепрессивного общества в определенных границах без значительной самоизоляции данного социума от остальных вызывает сомнения.

Наконец, не являются ли подобные рассуждения всего лишь утопией, а если так, то в чем ценность подобных умозрительных построений? И здесь нам стоит вернуться к рассуждениям Маркузе, который говорит о преобразующей роли фантазии применительно к принципу желания и принципу реальности. Мечта одного человека об альтернативном общественном порядке разбивается о принцип реальности, но чем больше людей начинают мечтать о чем-то схожем, тем менее иллюзорной становится их мечта и тем более относительным оказывается принцип реальности.

Репрессивная гипотеза, в том или ином виде разделяемая многими и сегодня, не является единственным продуктом критического осмысления положения эроса в экономике власти. Иная, во многом отличная, картина была предложена теориями дискурсивно-дисциплинарного и символического контроля.

Теории дискурсивно-дисциплинарного и символического контроля

Теории дискурсивного и символического контроля – результат нового осмысления, ставшего возможным в изменившемся обществе. Но также – это и теория осмысления *изменившегося общества*. Это изменение в значительной степени проявляется в и производится *благодаря* явлению, получившему название «сексуальной революции».

Основные тенденции, проявившие себя в процессе сексуальной революции, не ограничиваются исключительно сферой сексуальности, но включают в себя широкий спектр социальных преобразований, таких как изменение системы брачно-семейных отношений, трансформация системы гендерной стратификации, а также гендерных идентичностей и гендерных ожиданий, пересмотр взглядов на телесность, эмоциональную жизнь, речевые практики и дискурсивные проблематизации и т.д. [8. С. 43-47]. Но является ли сексуальная революция действительно революцией, направленной на освобождение индивида, или же процессы, объединенные под этой яркой этикеткой, лишь отражают новый этап в эволюции системы контроля, которая благодаря достигнутому в зрелых индустриальных обществах уровню экономического благополучия смогла отказаться от примитивных и грубых форм силового принуждения?

Дисциплинарно-дискурсивный контроль: формирование субъекта желания. Фуко противопоставляет репрес-

сивной гипотезе представление, согласно которому «удовольствие и власть не упраздняют друг друга; они не противостоят друг другу; они следуют друг за другом и усиливают друг друга» [9. С. 149]. Сексуальность не столько подавляется, сколько контролируется, а вместе с ней и посредством ее контролируется и индивид.

Помимо того что, как считает Фуко, власть сама получает удовольствие от преследования запретных удовольствий, власть не просто применяется к субъекту сексуальности, она же его и формирует. Что из себя представляет индивид до его «субъекции» властным дискурсом, сказать затруднительно. Рождая субъекта сексуальности, субъекция, как показывает Батлер, производит его на свет зависимым от дискурса, который он не выбирал [10. С. 16].

Основным типом идентичности, посредством которой индивид осознает свою субъектность в области эроса, является, безусловно, гендерная идентичность. По мнению Батлер, само понимание пола гендерно детерминировано, поскольку даже наше определение биологических различий обусловлено культурно, а, следовательно, гендерно, поэтому не гендер есть категория, вторичная по отношению к полу, а наоборот [11. Р. 8]. Наличествующие в обществе механизмы, регулирующие желание субъекта, по Батлер, производятся в соответствии с существующей гендерной нормой, отклонение от гендерной нормы, конкретные возможности которого этой же нормой и заложены, как правило, не освобождают от нее, а только способствуют активизации практики нормализации и, как следствие, укреплению реальности нормы [12. Ch. 2].

Продолжая логику Фрейда и Райха, Батлер признает, что механизмы подчинения индивида власти закладываются еще с младенчества, и основным проводником здесь выступает любовь. Ребенок испытывает по отношению к

своим родителям пассионарную (страстную) привязанность, однако его к ним любовь стоит на пути обретения своего Я (Эго). «Обращающийся против себя (своего желания) субъект в этой модели выглядит условием продолжения своего существования» [10. С. 22]. Любые индивидуальные структуры репрезентации субъектности неизбежно основываются на принципе исключения (себя – себе подобных – из числа других, поскольку субъект производится в ситуации, из которой он исключаем), а значит, всегда воспроизводят бинарную оппозицию и логику властных отношений [13].

Внутренний механизм самоконтроля устроен так, что субъект не только склонен подчиняться власти, когда последняя непосредственно к нему обращается, но и носит в себе готовность выполнить властные требования еще даже до того, как они предъявлены. В этой связи Батлер отсылает к понятию «интерпелляция» у Луи Альтюссера и к приводимому Альтюссером примеру, в котором на неопределенный оклик полицейского «Эй ты!» многие проходящие обязательно обернутся, подумав, не к ним ли обращается представитель власти. Батлер также замечает, что не только идентичность работает на систему контроля, но также и механизмы дисидентификации, «отторгнутой идентификации», когда власть как бы не замечает тебя, не признает твоей идентичности, заставляют индивида включаться в логику власти, дабы добиться ее признания.

Эрос под властью экономики. Экономические модели и экономические идеологии бывают различными [14]. В процессе сексуальной революции принцип производства, который, согласно репрессивной гипотезе (Маркузе), подавлял эрос, подчинил сексуальность себе и включил ее в свои циклы: отныне это производство желания и удовольствия. Не покидая экономику власти, эрос оказался под властью экономики.

Полицейский контроль внешнего принуждения, который Ж. Бодрийяр обозначает как контроль «во имя отца», постепенно сменяется значительно более мягким контролем «во имя матери» [15. С. 213-214], успех которого обусловлен тем, что те желания, которые, по мнению материнской инстанции, должен испытывать субъект, не есть воплощение внешней воли, но есть исконно желания самого субъекта, неудовлетворение которых не приведет к наказанию, но будет стоить субъекту его собственного наслаждения.

В современном обществе, где сексуальность из частной задачи, ограниченной семейным пространством, превращается в одну из основополагающих общественных (структурных) функций субъекта, субъект приучается получать удовольствие от того, насколько успешно он вписывается не только в логику желания Другого, но и в логику существующих в обществе моделей сексуальности. Стремление к подобному удовольствию Бодрийяр называет третичным нарциссизмом [Там же. С. 210-212]. Идеальный образ достигнутой самореализации подразумевает либо достижение нарциссического совершенства (абсолютный объект желания для всякого Другого), либо обладание этим совершенным объектом (и тем самым причастность к нему через его депривацию, власть над ним, присвоение). Этот символ фантазматического совершенства, отталкиваясь от концепции Лакана, Бодрийяр определяет как фаллос, который становится, по его утверждению, абсолютным означающим – то есть образ совершенного объекта желания может фактически отсылать к произвольным значениям (практикам, благам, субъектам и т.д.). Желанным индивид становится не только благодаря определенным физиологическим или личностным качествам (или даже, например, символам власти), но и в силу обладания любыми символами, которые «принято» считать «значи-

мыми» в текущий момент времени [Там же. С. 218-220]. С другой стороны, желая быть желанным, субъект всячески стремится к приобретению (присвоению) этих символов («фаллических субститутов»), что делает его зависимую включенность в экономические отношения не менее (а возможно, еще более) «крепостной», чем когда она основывалась на физической нужде. Как отмечает Д.Г. Подвойский, «Полностью удовлетворить желания потребителя невозможно, поскольку они не заданы наперед» [16. С. 73]. Когда экономика становится достаточно развитой, чтобы освободить индивида «из царства необходимости», вместо освобождения, о котором мечтал, например, Маркузе, индивид получает иллюзорный фаллос, в погоню за которым он и устремляется.

Изначальная ситуация: где начинается дисциплинарно-нормализующий и символический контроль? Начало распространения дискурсивно-дисциплинарной власти, согласно исследованиям Фуко, может быть датировано XVIII-XX вв. В конце XVIII – начале XIX вв. категория «плоти» вытесняется категорией «организма» [9. С. 221], что позволяет желанию и удовольствию стать объектами уже не церковного, а светского «научно обоснованного» регулирования (сначала медицинского, а затем психиатрического). Право властных инстанций забирать жизнь заменяется на право принуждать к ней [Там же. С. 242-244]. Именно сосредоточенность на жизни приводит к формированию «нормализующего общества» [17].

Общество «фаллического обменного стандарта» [15. С. 218-220], хоть и имеет предысторию, но, по сути, возникает вместе с утверждением общества массового потребления и достижением уровня благополучия, при котором основные потребности индивида, как правило, удовлетворены, и желание субъекта все больше переносится с символов, отсылающих к конкретным материальным объектам

или институционализированным статусным позициям, на символы, которые непрерывно производятся с изначально заложенной задачей быть желанными [18] (симулякры третьего порядка, по Бодрийяру [19. С. 36-41]).

Вопросы к теориям дискурсивно-дисциплинарного и символического контроля. Согласно теории дисциплинарного контроля, любая консолидирующая идентичность работает по принципу исключения и тем самым сама воспроизводит отношения власти. Однако как можно выступать за свои права, отстаивать собственные интересы без консолидации на основании некой общей идентичности?

Другим неоднозначным положением этой теории является ее главная предпосылка, утверждающая несубстанциальность субъекта. Но можем ли мы быть уверены в том, что субъект и его желание целиком и полностью формируются под влиянием дискурсивно детерминированной субъекции, и что даже естественно-биологические их аспекты проявляются социально исключительно через призму определенного дискурса или определенной нормы? Вопрос, который мы не можем не задать в этой связи: а существует ли субъект в какой-то исходной форме до его субъекции? Предположим, что да, но, скорее всего, не как константа (что значило бы «натурализацию» субъекта) и даже не как функция, но и не просто как переменная (Батлер: «субъект» не равно «индивид», это «место для переменной», «структура в непрерывном формировании» [10. С. 23]), а как функция от функции, предсуществующая по отношению к динамике возможных значений этой переменной. Проблема в том, как вывести эту функцию, если не в категориях конкретного дискурса?

Также стоит специально расследовать, отменяет ли дискурсивный и символический контроль его

классические формы? Можно допустить, что нет, но они определенно отходят на второй план. Однако в случае возникновения условий, ставящих под угрозу функциональность дискурсивного и символического контроля, методы жесткой власти снова берутся на вооружение. При этом практики дискурсивного и символического контроля никуда не уходят, а перенаправляются на поддержание ужесточившихся политических регламентаций.

Наследие репрессивной гипотезы. Теория дискурсивно-дисциплинарной власти считает репрессивную гипотезу произведенной внутри конкретного дискурса власти и с сомнением относится к эвристической значимости самого понятия «подавления» в силу его неопределенности, предпочитая ему категорию «контроля». Однако, несмотря на это, определенные элементы репрессивной гипотезы способны «пережить» теорию дисциплинарного дискурса.

Теория символического контроля и общества «фаллического обменного стандарта» Бодрийера предполагает недостаточную релевантность репрессивной объяснительной модели по отношению к современному обществу, изменившемуся со времени, когда были сформулированы основные принципы этой теории. Сексуальность из объекта подавления превращается в средство контроля. Вместе с тем, поскольку измерение эроса не исчерпывается сексуальностью, а включает в себя любовь как индивидуально-личностное отношение и трансгрессивный эротизм, не сохраняется ли подавление в их случае? Когда сексуальность становится структурной функцией субъекта, не она ли вытесняет из практик самореализации субъекта любовь и эротизм?

Шанс альтернативы? Рассуждая о возможной абсолютности нормы, Батлер оспаривает постулат Лакана,

согласно которому символический Закон аисторичен [12. Ch. 2].

Согласно Фуко, акцент должен быть перенесен с сосредоточенности на сексуальном желании (которое формируется и направляется дискурсивно) на внимание к телу и его удовольствиям – это может послужить основанием для выступления против власти сексуальности [9. С. 266]. Чем же телесные акты и удовольствия тела отличаются от сексуальности? Сексуальность невозможна без дискурсивно формируемой идентичности, в то время как тело способно ускользнуть от логики идентичностей и бинарных оппозиций, поскольку тело, по Батлер, не мужское и не женское, а всегда единичное, идентичное только самому себе – при том не вообще какому-то инвариантному себе, а себе в текущий момент времени [11. Part 3].

Неучастие в механизмах власти, полное самоустранение из них для субъекта невозможны. Однако, по мнению Батлер, дискурсивная сигнификация эротического может быть подорвана пародийным в них участием, создающим множественную сигнификацию, «идентичность *et cetera*» [11. P. 143], которая размывает устойчивые идентичности. Если мыслить индивидуальность не как то, что участвует в практиках, а как производимый ими эффект, то вместо обобщающей консолидирующей идентичности следует производить множество локальных и дифференцированных стратегий, которые должны привести не к обретению каких-то конкретных прав представителями конкретной идентичности, а к радикальному умножению демократических практик как таковых [12. Ch. 2].

На схожих основаниях Бодрийяр противопоставляет сексуальности с ее четко расчерченной логикой принцип соблазна, способного обратить любую логику [20. Часть 1]. В соблазне раскрывается сила женского,

принцип кажимости, неопределенности: у женщины нет природы, сущность женщины – не иметь сущности, но в этом-то и заключается ее сила. Когда женщина утверждает истину, свою природу, сущность, некую логику, она попадает в регистр мужской силы и включается в принцип производительности.

Логика сексуальности – это логика производства: людей, удовольствия, значений, истины, идентичностей. Соблазн у Бодрийера описывается как то, на чем строится любовь (добавим: эротизм, как мы понимаем его вслед за Ж. Батаем): не подчиниться логике другого, превратившись для него (для нее) в объект, и не подчинить его (ее) себе, а бросить вызов его (ее) субъектности по принципу архаичного дара: сможет ли он(а) ответить нам еще большим соблазном? Оскопленность субъекта, по Бодрийеру, заключается вовсе не в том, что приписывали ей Фрейд или, скажем, К. Хорни, она – в его неспособности поддаться соблазну. Быть соблазненным и тем самым почувствовать, как зашаталась твоя субъектность – главный страх современного человека.

Соблазну всегда присуща некая недосказанность, тайна, реальность в степени $n-1$. Именно эта недостача, признание собственной принципиальной неполноценности и может пробить брешь в фантазматической крепости фаллического совершенства, которым одержим сегодня субъект. Всеприсутствующая сексуальность с ее императивом максимальной реальности (гиперреальности), производящей образы в степени $n+1$, казалось бы, не оставляет места для соблазна и его тайны: когда тебе дают все и еще немного слишком, у тебя отнимают все. Однако, по убеждению Бодрийера, соблазн и в современном обществе всегда находит дорогу, оперируя знаками сексуальности, но намекая – а не подразумеваю ли я под этим что-то совсем другое?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Райх В.* Сексуальная революция. Часть 1. М., 1997.
2. *Баграмянц М.Л.* Проблема одаренности в контексте социальной среды // *Философия и общество.* 2005. № 1 (38).
3. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Киев, 1995.
4. *Фрейд З.* Тотем и табу. М., 2008.
5. *Рассел Б.* Брак и мораль. М., 2004.
6. *Райх В.* Психология масс и фашизм. М. 2004.
7. *Фромм Э.* Искусство любить. М., 2015.
8. *Кон И.С.* Сексуальность и культура. СПб., 2004.
9. *Фуко М.* Воля к истине – по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
10. *Батлер Дж.* Психика власти: теории субъекции. СПб., 2002.
11. *Butler J.P.* Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York, 1990.
12. *Butler J.P.* Undoing Gender. New York, 2004.
13. *Тагиров Ф.В.* Пол и идентичность: от бинарной логики к гуманизму плюральности? // *Вестник РУДН. Серия «Философия».* 2016. № 2.
14. *Орехов А.М., Ахмедов Ф.Н.* Экономическая идеология: опыт интерпретации // *Социум и власть.* 2013. № 6 (44).
15. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000.
16. *Подвойский Д.Г.* Вызовы «текущей современности»: ответы Зигмунта Баумана // *Человек.* 2010. № 1.
17. *Тагиров Ф.В.* Эрос: между нормой и перверсией // *Философия права.* 2011. № 4 (47).
18. *Тагиров Ф.В.* Аксиологический релятивизм и современная дистопия Эроса // *Вестник Омского университета.* 2015. № 4.
19. *Курмелева Е.М., Мещерякова Л.Ю.* Симулякр и общество в современной социальной теории // *Вестник РУДН. Серия «Социология».* 2006. № 2.
20. *Бодрийяр Ж.* Соблазн. М., 2000.

О.В. Чистякова
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия.
E-mail: olgachis@yandex.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ Я И ДРУГОГО В МНОГООБРАЗИИ КУЛЬТУРНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ КОММУНИКАЦИЙ ПОСТМОДЕРНА

В статье проводится философское рассмотрение взаимоотношений *Я* и *Другого* в этнокультурных и межрелигиозных коммуникациях общества постмодерна. Особое внимание уделяется смысловому прояснению процессов отчуждения и одновременного взаимовлияния, обогащения (*strangification*) в пространстве межкультурных отношений *Я* и *Другого*. В межрелигиозных коммуникациях под феноменом *Другого* понимается Бог как объект и в то же время субъект взаимоотношений «Человек – Абсолют».

Ключевые слова: этнокультурная коммуникация, межрелигиозная коммуникация, современная культура, постмодерн, отчуждение, Бог, Другой.

Постмодерн: Мы и Другие

Проблема дихотомических взаимоотношений *Я* и *Другого* в философии всегда была и будет оставаться актуальной, пока существует человечество.

В обществе постмодерна сам концепт и роль Другого (под которым может пониматься другой человек, социальная группа, этнокультурное и религиозное сообщество и т.д.) во многом вытеснено из реального взаимодействия людей. Место Другого занято технологиями, компьютерами, социальными сетями. По сути появившийся в постмодерне феномен *ирреальной реальности*, связанный с информационными технологиями и медиатизацией общества, стал выполнять заместительную

функцию Другого по отношению к категории Мы/Я. Однако параллельно виртуализации социального пространства, сопровождающейся вторжением симулятивного, иллюзорного мира в отношения людей, происходит процесс нивелирования духовной сферы, вытесняется сама возможность со-переживания, любви и сострадания к человеку. Ведь сострадать компьютеру попросту невозможно, как собственно и компьютер «безыскусен» (Ж. Бодрийяр), лишен чувственных экзистенциальных качеств. Тем не менее именно машина, компьютер зачастую становится тем Другим, посредством которого современный человек осуществляет коммуникации и определяет свою социокультурную идентификационную основу.

Эпоха постмодерна по своим антропологическим характеристикам радикально отличается от предшествующего модерна и даже позднего модерна. Динамика социума XXI в. столь стремительна, столь подвержена воздействию цифровых медиа, что создается новая философско-антропологическая типология «человека цифрового» («digital human») с тенденциями растворения уникальных черт личности и унификации индивидуального личностного начала. С формированием так называемого «сетевое общество» сущностно трансформируются и осуществляемые коммуникации, основывающиеся на постоянно создаваемой и воспроизводимой медиатизированной «нереальной реальности» (Н. Луман) [1], воспринимаемой человеком в качестве объективной и истинной. Общество становится «спектаклеобразным» (Р. Дебор), где социальность «растворяется» в постоянно циркулирующих информационных потоках, а индивид вытеснен из объективных взаимоотношений по поводу какого-либо вида деятельности. В медиакommunikациях в таких условиях на первый план выходят продуцируемые и постоянно транслируемые массмедиа социальные мифы, которые во многом обусловли-

вают общественное сознание [2]. Индивидуальность и уникальность человека теряются, а сакральность и духовность вытесняются на второй план.

Вместе с тем, несмотря на явные постсекуляризационные процессы постмодерна, «религия... неминуемо занимает то поле, которое оказывается свободным – *личностное* пространство современного человека, потерявшего опору и вынужденного подчиняться как внешним, так и внутренним факторам быстротекущего бытия» [3. С. 117].

Я и Другой в межкультурных коммуникациях

Глобализационные процессы эпохи постмодерна предполагают осуществление межкультурных коммуникаций в мировом масштабе. Поэтому взаимодействие и диалог с другими людьми – представителями иных этнокультур, конфессий, деноминаций, социальных групп – невозможны исходя из личностной *самозамкнутости* человека. Глобальный мир предполагает открытость обществ и каждого человека другому обществу и другому человеку. Мы просто «обречены» на взаимное обогащение знаниями, опытом, культурой, талантом и научной одаренностью. Внутренний мир субъектов наполнен реалиями и ценностями других культур и других социумов, которые индивидуализируются, преобразовываются в *свои*, оригинальные, или *чужие*, непринимаемые, отторгаемые. Поскольку коммуникации в глобализирующемся мире имеют характер межкультурных, то в них всегда будет фиксироваться непохожесть, *другая* различимость [4, 5, 6], возможность отторжения. Философ П.К. Гречко в этой связи ярко отмечает: «...очевидно, что коммуникация имеет место лишь там, где есть различия; вообще человеческая коммуникация – это диалог различий. В случае, когда в коммуникацию вступают представители разных культур, вопрос о различиях не возникает – они феноменально выражены и

эмпирически даны. Коммуниканты здесь не просто Другие, но друг другу еще и Чужие. Сложнее разглядеть Других среди своих, т.е. в массе тех, кто принадлежит к одной культуре... свои Другие призваны разрабатывать, генерировать универсалии (одной) культуры, тогда как чужие Другие – межкультурные универсалии» [7. С. 120].

Коммуникационное пространство постмодерна поликультурно, поскольку глобализация в любое общество привносит культурное, этническое, религиозное многообразие. В этом многообразии человек постигает себя в процессе восприятия Других, часто незнакомых и чуждых ему людей. Последние могут радикально изменить взгляды, внутреннюю жизнь, личностное Я индивида, на чьем пути повстречались эти *незнакомцы*. Иногда мы встречаем людей, чье влияние столь велико, что мы чувствуем *отчуждение* от самих себя и всецело подвергаемся их завораживающей силе и воле. Мы пытаемся постичь сущность этих Других, но и сами передаем им наши интенции, чувства, помыслы. Этот процесс взаимного постижения сущности человеческой природы представители феноменологии называли одновременной *тождественностью* и *отчуждением Я и Другого* (*strangification* – от *stranger* (англ.) – незнакомец, посторонний, чужестранец). Феноменологи Э. Гуссерль, Э. Левинас, постмодернисты Ж. Делез и Ж. Деррида разделяли идею *взаимного влияния* в дихотомии *Я и Другой*. Они обращались к их противоречивости и различиям, их особенным характеристикам, подчеркивая необходимость постижения глубины персонального Эго, сущности Другого. Другой – это гарант моей самости, реальная личность, при встрече с которой мое Я либо изменяется, либо исчезает.

Следует подчеркнуть, что в период глобализации процесс целостного взаимопроникновения Я и Другого (как и их возможного отчуждения) реален и объективен,

наполнен особенностями их встречи. Если мы хотим постичь собственную природу, мы должны глубоко проникнуть в сущность Других, этих *посторонних*, незнакомцев, проходящих и покидающих нас людей. Необходимо понять их интенции, культурные и религиозные особенности, причины их игнорирования (или, наоборот, восприятия) людей, находящихся *не* с ними, стоящих особняком. Одновременно это – процесс *самопознания* и *самоосознания* своего Я посредством принятия и понимания *инаковых* культурных ценностей, религиозных и моральных норм. При этом «Другой напоминает о динамике и разнообразии бытия, является исключением из правил, но одновременно претерпевает на себе власть норм и правил, существующих в обществе» [8. С. 71].

Отношение между Я и Другим конкретное, особенное. Другой изменяется каждый момент его жизни, а потому в процессе взаимоотношений с ним я также становлюсь Другим, неузнаваемым для меня самого. Влияние Другого по отношению ко мне изменяет меня и может оказаться весьма радикальным. Это и есть процесс взаимного осознания и обогащения друг друга, последовательной и чередующейся практики познания различий – культурных, ментальных, религиозных, поведенческих.

Интересную рефлексию межкультурного взаимовлияния в рамках *Я и Другой* представляет канадский философ китайского происхождения Винцент Шен. Он предлагает исследовать этот процесс с позиции современных реалий, но с использованием конфуцианских традиционных понятий *Жэнь* (человеколюбие, гуманность) и *Шу* (мудрость, ум, знание). В. Шен заменяет категорию *Другой* французского постмодернизма и феноменологии понятием «многие другие», поскольку последнее, с его точки зрения, фокусирует внимание на конкретном онтологическом контексте, в котором родился, воспитывался и развивался че-

ловек. Мы живем среди *многих Других* и должны принимать их в наши жизни, воспринимать или отторгать – с этой точки зрения концепт «многие другие» более реалистичен и логичен, чем, например, понятие «Другой для Другого» Э. Левинаса [9].

С точки зрения В. Шена, конфуцианские термины Жэнь и Шу в наибольшей степени отражают понимание Другого как на онтологическом, так и на этическом уровнях. Жэнь устанавливает внутренние моральные взаимоотношения среди людей, начиная с семьи и завершая верховной властью. Шу расширяет горизонты и апеллирует ко всему, что может находиться сверх личности, семьи, общества, государства и достигать Поднебесной. Шу часто интерпретируют как мыслеформу, означающую использование своего Я для морального отношения к Другим. В. Шен считает, что именно этот концепт может быть разъяснен в современном дискурсе процесса взаимовлияния и взаимоотчуждения Я и Другого с дальнейшей трансляцией этих отношений к другим людям в сферах их религиозного, морального, социального бытия [Ibid.]. Главное здесь – взаимность и последовательность отношений, которые неминуемы в эпоху глобализации.

Межкультурный диалог с Другими – представителями иных этносов, религий, гражданских наций – невероятно актуален сегодня, но он может состояться, если каждый человек (Я) делает шаг вовне, за пределы своих самоограничений и собственного самосознания, чтобы *встретить* Другого, понять и разделить его особенности, что в конечном итоге ведет к взаимному обогащению знаниями, ценностями, внутренними качествами, религиозной и культурной жизнью и т.д.

Иерусалимский философ Мартин Бубер, характеризуя культуру прошлого века, именовал ее «обездоленной», неустроенной, богооставленной. В такую эпоху обостря-

ются чувства одиночества, неуверенности в завтрашнем дне, потерянности, задавленности, что заставляет мыслителей обращаться к социальным и антропологическим проблемам.

Постмодерн, как нам представляется, в определенной степени возвращает общество к тем же ипостасям, о которых писал М. Бубер, но только в более концентрированном виде. Личность оказывается в ситуации «как бы не у себя дома» в стремительно меняющемся мире с убыстренным течением социального времени, дегуманизацией общественного бытия [10], «детерриториализацией» пространства и культуры. Однако человек остается человеком со своим внутренним миром и желанием человеческого общения в любую эпоху.

Поэтому в современных нам культурах в обостренном виде вновь возникает фундаментальная проблема отношений Я и Другого. В настоящее время человек духовно опустошен прежде всего из-за отсутствия внимания и сопереживания других людей, любви и понимания того Другого, единственного человека, которого он готов впустить в свою жизнь и сделать его центром своего существования. Человек постмодерна остро чувствует необходимость *возврата Другого* в философском и общекультурном смысле. Необходимо воспроизводство, обновление духовной и социокультурной жизни общества, в которой главенствующее место будет занимать Другой как феномен, на которого будет направлено основное внимание социальных групп, общества в целом, и конечно, отдельной личности.

Я и Другой в межрелигиозных коммуникациях

Общество постмодерна философы и теологи часто определяют *постсекулярным*. Казалось бы, в плюралистичных постсекулярных обществах, охваченных трансформацией институтов позднего модерна, религия, вера,

сакральные чувства субъектов также должны неминуемо раствориться и исчезнуть на фоне обмирщения жизни. Однако налицо явно противоположный процесс – *параллельно усиливающейся секуляризации в обществе складываются тенденции актуализации религии и внимания к вероучениям*. Образующиеся социальные институты, сообщества и группы людей вовсе не исключают существования и влияния теологии, религиозного многообразия и стремления современного человека к религиозной самоидентификации наравне с культурной и гражданской.

В динамике преобразований XXI века мыслители (особенно западные) начинают часто использовать понятие Бога, интерпретируют его и даже создают новые типологические формы теологии и религиозного дискурса. «Оказывается, что постсекулярный мир не менее прежнего требует осмысления Бога и отношения к нему человека, рационализации взаимодействия человека и церкви, осознания возможностей деятельности церковных организаций и объединений в социальной сфере государственной жизни... Религия в этом многообразии бытия становится одним из источников индивидуальной идентификации, и в этом плане она предлагает человеку идею Другого» [11. С. 45-46]. Другой в религиозных коммуникациях – это человек не только иной культуры, но и иного понимания Бога, иного вероучения.

В религиозном мировоззрении *Другой* для человека – это и есть *Бог*. Посредством обращения к вере и религиозным ритуалам человек где-то ослабляет тяжесть кризисов и реформ, которые довлеют над ним. По сути *секулярность требует повышенного внимания к религиозности*. Сегодня очень важно учитывать *позитивное* в религии, то ценностно-значимое, что могут привнести религия и религиозная вера – в рациональном их постижении – в развитие общества и в социокультурную идентификацию личности.

Религия в философском плане обладает *антропологической* сущностью, она отражает духовный потенциал каждого человека, а потому может служить воспитанию целостного молодого человека, учитывая его уникальность и одаренность [12]. Функция религии, на наш взгляд, подчас сродни языковой – посредством религиозных взаимоотношений огромное количество людей могут общаться, взаимодействовать и разделять свои моральные и духовно-нравственные потребности и предпочтения. *Религия* есть *особое средство коммуникации* и, конечно, она имеет свою аудиторию. Традиционные религии транслируют определенную моральную и сакральную информацию, и современное общество должно использовать этот факт. Коммуникативную роль религий сегодня нельзя недооценивать.

Представляется, что религия (в широком философском понимании этого термина) помогает *преодолению отчуждения* человека от Другого (субъекта) в их взаимодействии. Идея Бога априори нацелена на объединение людей. Благодаря религиозным коммуникациям люди преодолевают межкультурные и поведенческие различия, недопонимание, чуждость друг к другу. Талантливый испанский философ XIX – начала XX вв. М. Унамуну отмечал, что процесс осознания своего Я требует глубокого понимания Бога. Бог есть идея, которая помогает универсализировать мир и постичь себя. *Бог* есть *Другой*, но без него человек не способен обладать знанием своей самости (Я). Без понимания инобытия Другого, его непохожести, не может быть сознания человека, и без сознания (веры) человека не может быть понят Бог. Бог пронизывает материальный мир и объединяет два мира – чувственный и Божественный – (Я и Другого) в одно онтологическое понятие любви. Любовь есть фундамент для меня и Другого [13].

Заключение

По сути в нашем глобальном мире мы все странники и незнакомцы. Мы все Другие друг для друга и даже для себя. Тем не менее именно в постижении Другого каждый субъект способен понять свою жизнь и увековечить ее, оставить свой неповторимый след. Идея взаимного духовного обогащения в отношениях *Я–Другой* позволяет принимать Другого, встречать его в рамках одного сообщества на основе межкультурного и межрелигиозного диалогов и взаимопонимания.

Социальная жизнь сегодня требует, чтобы Другой существовал в ней как центр бытия, как центр культуры, как центр того Я, который идет навстречу Другому.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М., Праксис. 2005.
2. *Ponizovkina I.F.* The Revival of Myths in the Modern World // The Modern World: Experience, Problems and Prospects. Materials of the International Research and Practice Conference. М., «Professional science», 2016.
3. *Чистякова О.В.* Насилие и религия как социальные феномены современности (философско-антропологический контекст) // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2015. № 1.
4. *Бузская О.М.* Экология коммуникаций. О ценностях XXI. Saarbrucken, 2015.
5. *Ivlev V., Bargamyants M., Selyutin A.* The Methodological Role of Categories of Chance, Necessity and Possibility of Scientific Knowledge // Известия МГТУ «МАМИ». 2008. № 1. С. 250-254.
6. *Ivlev V.Yu., Barkova E.V., Ivleva M.I., Buzskaya O.M.* Environmental Approach to the Study of the Modern Stage of Information Society Development: Research Prospects // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Т. 11. № 16. С. 9113-9124.

7. *Гречко П.К.* Онтометодологический дискурс современности. Историческая продвинутость и ее вызовы. М., ЛЕНАНД, 2014.

8. *Рудановская С.В.* Приближение к Другому: опыт прочтения «Соляриса» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2015. № 1.

9. *Shen V.* Confucian Altruism, Generosity and Justice: A Response to Globalization. Washington, DC. Council for Research in Values and Philosophy, CUA, 2016.

10. *Понизовкина И.Ф.* Духовно-нравственные ресурсы человечества и гуманизм // Аксиология культуры в контексте вызовов современного мира. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. М., Профессиональная наука, 2016. С. 102-109.

11. *Чистякова О.В.* Общество и религия в секулярную эпоху: теоретические подходы и эмпирическое взаимодействие // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2016. № 2.

12. *Баграмянц М.Л.* Проблема одаренности в контексте социальной среды // Философия и общество. 2005. № 1 (3). С. 66-81.

13. *Unatuno M.* Tragic Sense of Life. New York, Dover Publication, INC, 2005.

14. *Баграмянц Н.Л., Ивлева М.Л.* Проблемы и перспективы современного профессионального образования как динамичной системы // Известия МГТУ «МАМИ». 2012. Т. 1. № 1. С. 340-345.

15. *Ивлева М.И.* Межкультурные коммуникации в российской университетской философии // Культура диалога культур: постановка и грани проблемы. Материалы Международной научной конференции. Ответственные редакторы И.М. Меликов, А.А. Гезалов. 2016. С. 253-256.

16. *Chistyakova O.* The «Other» Culture Formation in Russia. The View Through the Informational Society Theory and Actual Process of External Migration // Proceedings of the 2016 3rd International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2016). Advances in So-

cial Science, Education and Humanities Research. Xiamen, China, 2-4 декабря 2016. С. 626-631.

17. *Ореховский А.В.* Теоретико-методологический анализ понятия «толерантность» в отечественном гуманитарном познании и его практическое значение // Гуманитарный вестник. 2014. № 2 (16).

18. *Zemtsov B.N.* Philosophy and History of the Soviet Law. Saarbrücken, 2014.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«"ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ" И П.К. ГРЕЧКО: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ»

*Н.Л. Смакотина
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия.
E-mail: smakotina@mail.ru*

ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В статье показаны реалии российского общества, которые обуславливают выбор стратегий поведения молодежи. Выделены виды идентичности, указывающие не только на территориальную принадлежность индивида, но и на его «культурную укорененность».

Ключевые слова: идентичность, молодежь, региональная идентичность, самоидентификация.

В современных трансформирующихся обществах одной из основных проблем является идентичность человека, будучи взаимосвязанной с социальными условиями и общественной ситуацией, она становится в большей степени непредсказуемой.

Идентичность «столь же обязательна, сколь и не отчетлива», она определяется как «неявное множество, не поддающееся строгому определению и неподвластное стандартным методам измерения». Идентичность важна прежде всего потому, что определяет поведение человека и группы. Она формируется, укрепляется, изменяется только под воздействием социальных условий в результате групп-

пового взаимодействия [1. С. 29]. Особенное значение для дальнейшего развития имеет идентичность молодежи, представляя социальный потенциал любого общества. Современная молодежь характеризуется многообразными группами, отличающимися по их жизненным притязаниям.

Сегодня роль молодежи в социуме заключается не только в выполнении социально-профессиональных ролей и функций, в сохранении в своем поведении социально одобряемых норм, но и в активном преобразовании существующих моделей, ценностей и установок.

Идентичность, являясь одним из важнейших факторов, направляющих и реализующих молодежный потенциал, проявляется в сознании в виде ориентации на поступки определенной направленности, в интенсивности проявления социальной активности, в степени готовности к принятию и выполнению молодыми людьми социальных ролей и гражданских обязанностей, в качестве выполнения социальных функций и реализации своего потенциала в интересах страны.

В трансформирующемся обществе молодое поколение выступает источником новых объективных изменений, транслятором ценностей и моделей поведения, которые передаются далее от поколения к поколению. Современное российское общество – динамичное, с быстроменяющимися «правилами игры», которые обуславливают выбор стратегий поведения, конкретных способов решения проблем, оказывают существенное влияние и на процессы самосознания молодежи.

В основе культурной идентичности, в отличие от иных ее видов, лежит принятие личностью ценностей данной культуры. Отношение молодежи к Западу и западной цивилизации «взвешенное», основная масса – 61,5% – придерживается мнения, что в этой цивилизации много и хорошего, и плохого. Немного таких, кто убежден, что за-

падная цивилизация доказала свое мировое превосходство и выступает образцом для всех остальных народов – 13%, и таких, кто видит в Западе больше плохого, чем хорошего – 15,1%. Доля относящихся к западной цивилизации безразлично тоже небольшая – 10,4%.

Более позитивным является отношение молодежи к российским традициям и стилю жизни: 40% опрошенных считают (среди русских – 40,7%, украинцев и белорусов – 23,3%, татар – 33,3%, представителей других этносов – последователей ислама – 40%, представителей малочисленных этносов – 36,2%), что российские традиции и стиль жизни – это основа духовности народа, которую надо возрождать и развивать. Такая позиция молодежи, по всей видимости, есть следствие того, что в период советской истории народ Российской Федерации вобрал в свою культуру многие элементы большинства населявших страну этносов, совместно с которыми русские переживали благоприятные и неблагоприятные этапы в истории великого государства [2. С. 80].

В то же время, культура может рассматриваться как необходимая, но не единственная часть национальной идентичности. Например, часть молодых людей, попавших под влияние глобализационных процессов, может идентифицировать себя с Россией, но не придерживаться культурных традиций своего народа и не руководствоваться ценностями его культуры как основным элементом своей ценностно-нормативной системы.

Немаловажную роль играет «региональная идентичность», которая указывает не только на территориальную принадлежность индивида, но и на его «культурную укорененность». Культурно-ландшафтные образования, дифференцированные по культурно-историческому, лингвистическому, этноконфессиональному и другим признакам, выступают основанием для формирования собствен-

ной идентичности молодых людей. Укорененность на определенной территории может являться как следствием отсутствия возможностей для мобильности, так и результатом осознанного выбора места проявления социокультурной, гражданской и экономической активности молодежи, подчеркивая глубину региональной идентичности молодого поколения.

В современное время наиболее актуально выделение региональной идентичности, исходя из административного деления России, т.к. другие основания не столь отчетливы в силу различных причин, например, утраты традиций, размытости ареалов, особенностей территориальных образований. Тогда как административно-территориальное деление России остается относительно стабильным на протяжении длительного времени, т.е. большинство россиян воспринимает сегодняшние административные границы как естественную территорию и культурную данность.

Особенности культурной составляющей региональной идентичности молодежи могут быть выделены на основе изучения укорененности населения (места рождения отдельного человека и доли уроженцев региона) и самоидентификации молодого человека как представителя данного региона. Результаты эмпирических исследований показывают, что интенсивность распространения местного патриотизма коррелирует с величиной доли уроженцев региона.

Особенность местного патриотизма проявляется в соответствующих настроениях, создании образа и прототипа патриота малой родины в жизни молодежи, понимании и знании молодым поколением местной символики, праздников, памятников культуры, традиций, подчеркивающих индивидуальность региона. Важным показателем региональной идентичности молодежи выступает политический показатель, а именно доверие к местной власти, а в некоторых пограничных регионах и отношение к выходу

из состава России, которые, однако, могут быть репрезентативны не для всех регионов и зависят от продолжительности и истории пребывания региона в составе России. Развитие регионального патриотизма, например, на Дальнем Востоке, в Калининградской области влечет за собой рост доминирования региональной идентичности над общероссийской или государственной, что требует более внимательного отношения к этим регионам и более тесного взаимодействия с молодежью. В некоторых регионах, напротив, сложность процесса самоидентификации современной молодежи проявляется в том, что в сознании молодого поколения просто отсутствует дифференциация между региональной и общероссийской идентичностями. В этой связи особенно значимым видом, выражающим особенности национально-культурной идентичности молодежи, является гражданская идентичность молодого поколения современной России, которая отражается в государственной идентичности в виде отнесения себя к гражданам России, россиянам.

В качестве ценностной составляющей, дополнительно характеризующей гражданскую идентичность молодежи, выступает система отношений «государство и молодежь», проявляющаяся в представлениях молодого поколения о наиболее эффективном способе построения взаимоотношений молодежи (в том числе и молодежных организаций) и государства, а также в оценке необходимых направлений и степени важности направлений работы государства с молодежью.

Существует необходимость создания новых подходов к объяснению взаимодействия индивида и общества в моменты духовных, культурных, социальных потрясений. Для того чтобы молодой человек действовал определенным образом, необходимо привить ему надлежащие ценности, а это – реализация воспитательной функции обра-

зования. Известно, что воспитательный компонент после более чем двадцатилетнего исключения из системы образования сегодня возвращается в том числе и в вузы. Проблема в том, что ему просто нет там места, он остается формальным и в большинстве случаев на практике не работает. Сегодня предлагаются разные модели образования, но надо задавать вопрос: есть ли в них место воспитательному компоненту, формирующему у молодых людей ценностные установки и российскую идентичность, как основе их поведения (в профессиональной сфере в том числе)?

Отсутствие работающей современной воспитательной стратегии в российской образовательной системе способствует распространению в молодежной среде развлекательных ценностей, замещающих ценности трудовые. Молодежь рисует себе образ заграницы как места, где существует возможность упорно не трудиться и при этом в полной мере пользоваться всеми благами западной цивилизации. Возникает трансформация ценности труда и желание многих молодых людей уехать за границу в поисках «другой жизни». Российская культурная традиция предстает в глазах молодых людей как навязываемый взрослым поколением архаизм, в то время как пренебрежение традициями своей страны, погоня за модой и красивыми вещами грозит обернуться негативными процессами в российском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлова И.Б. Исчезающее большинство. Социология современного общества. М.: ИСПИ РАН, 2014.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.
3. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016.

*И.В. Фролова
Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан,
Уфа, Россия.
E-mail: irina.v.frolova@mail.ru*

РЕАЛЬНАЯ VERSUS СЕТЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ДИАЛЕКТИКА ОТРАЖЕНИЯ И ИСКАЖЕНИЯ

Статья посвящена проблемам реальной и сетевой идентичности в эпоху постмодерна. Основываясь на конструктивистском подходе к идентичности, автор рассматривает особенности ее формирования в сети в разные периоды развития интернет-коммуникации. Дается оценка специфики разных модификаций сетевой идентичности.

Ключевые слова: постмодерн, интернет-коммуникация, реальная идентичность, сетевая идентичность.

Существование современного человека – человека эпохи «после Модерна» – сложно помыслить вне интенсивных информационных процессов. Средства массовой коммуникации формируют унифицированные символические пространства, которые, навязывая своему потребителю специфические состояния вовлеченности и присутствия, обладают не меньшей степенью убедительности, чем повседневная реальность [1]. При этом сетевая коммуникация продуцирует виртуальную, точнее, «сетевую» личность и «сетевую» идентичность, которая в большей или меньшей степени теряет качество подлинности. Появляется новый субъект, порождаемый эрой постмодерна – субъект, открытый для восприятия информации, утративший самоотчетственность, «кинетичный», настроенный на подвижную идентичность и принципиально отличающийся от субъекта эпохи модерна – стабильного, однозначно центрированного, настроенного на фиксированную идентичность.

Неслучайно М.Ф. Бендл подчеркивает, что теоретической основой исследования идентичности сегодня становится конструктивистский подход. Согласно его установкам, на индивидуальном уровне идентичность представляет собой ядро личности, но ядро пластичное и подверженное манипуляциям. Для крайних версий конструктивизма характерно отрицание самого понятия ядра и представление идентичности целиком и полностью как продукта дискурса. Господство конструктивизма австралийский исследователь связывает с рядом проблем «самости», одной из которых выступает гибкость самоопределения индивида. Если в эпоху модерна идентичность определялась в терминах устойчивых и предсказуемых социальных процессов и структур, то в настоящее время, когда эти структуры и процессы перестали быть столь стабильными, определение идентичности строится на изменчивых и неустойчивых основаниях, о чем свидетельствует и анализ сетевой идентичности [2. С. 63-64].

Е.П. Белинская отмечает принципиальное сходство ситуации постмодерна, характеризующейся постоянными ролевыми и поведенческими переключениями в различных социальных ситуациях, с построенным по принципу гипертекста виртуальным пространством, дающим возможность пользователю играть с различными социальными ролями и формирующим на этой основе множественное «Я». Постмодернистская ситуация «утраты Я» и инсценировка индивидуальности через ее «фасады» имеет прямые аналогии с тем, что в сетевой коммуникации единственной реальностью личности оказывалась лишь реальность ее самопрезентации. И, наконец, состояние неопределенности постмодерна вызывает к жизни креативного субъекта, который в силу потери социальных ориентиров должен конструировать собственные социальные отношения и идентичность – практически так же, как это происходит в сетевой реальности.

Вернемся к вопросу, вынесенному в заглавие – отражает или искажает реальную идентичность сетевая? Для интернет-коммуникации периода конца 90-х – начала 2000-х годов в силу ее технологических особенностей, предполагающих анонимность, гипертекстуальность и ограниченность сенсорного опыта, была характерна альтернативность виртуальных «Я-образов» пользователя, расширенные возможности «игры с идентичностью». Имела место рассогласованность реальных и сетевых идентичностей в силу множественности и изменчивости последних, которые носили либо «компенсаторный» характер (сетевая идентичность – выражение идеализированного Я пользователя или отражение вытесненных его аспектов), либо «поисковый» (сетевая идентичность – новый опыт) [3. С. 32-33].

Н.Н. Лепехин и А.В. Дубко подчеркивают, что в первых сервисах (чаты, MUDs) коммуникация, опосредованная компьютером, носила скорее развлекательный характер, поэтому и идентичности принимали подчас уродливые, искажающие реальность формы и были неустойчивыми. О принципиальных отличиях конструирования идентичности F2F (face-to-face) и сетевой идентичности можно говорить, начиная с появления сервисов, связанных с жизненными потребностями и имеющих выход в реальность, например таких, как сайты знакомств. Тем не менее отличительной особенностью конструирования идентичностей является наличие (в реальном взаимодействии) и отсутствие (в интернет-коммуникациях) тела. Отсутствие физического воплощения дает свободу, недостижимую в реальном мире. Благодаря внетелесной и – до определенной степени – анонимной природе взаимодействий в сети пользователи имеют полный контроль над тем, что и как раскрывать о себе. Исключение физического контакта позволяло преодолеть преграды и создать желаемую идентичность. Наряду с этим для интернет-общения была характерна асинхрония, когда

текстовая коммуникация не требовала немедленной реакции и давала возможность обдумать ответ.

Для сегодняшней интернет-коммуникации на платформе WEB 2.0 характерно «снятие» альтернативности сетевого и социального миров. Интернет-общение максимально приблизилось к F2F (реальному) взаимодействию: электронная почта и чаты доросли до IM систем, типа Skype, ICQ, преодолевших асинхронию при помощи микрофонов и веб-камер. Анонимность методично изживалась при помощи паролей, имен, с постепенным переходом на настоящие имена или адреса электронных ящиков, с добавлением все новых идентифицирующих параметров [4. С. 145-146].

Последние данные демонстрируют, что пользователи социальных сетей предоставляют о себе преимущественно достоверную информацию, то есть социальные сети являются эффективным ресурсом для выражения реальной идентичности пользователя. Л.Ф. Косенчук отмечает, что исследование, проведенное в 2010 г. американскими и немецкими учеными, подтвердило гипотезу, согласно которой социальные сети выступают эффективным ресурсом для выражения реальной идентичности [5]. Авторы обосновали и подтвердили экспериментально, что социальные сети транслируют различные аспекты личности, такие как ближайшее окружение, внешность, интересы, симпатии и антипатии, образы поведения, которые в целом представляют достоверную информацию о человеке, хотя отдельные положения и могут быть идеализированы. Большинство их пользователей открыто заявляют о себе, проецируя реальную идентичность в виртуальную среду. Формы самопрезентации индивида в Интернете, такие как ник, аватар, страница в социальной сети, благодаря свободе их конструирования привлекательны для пользователей как символические объекты, отражающие подлинную сущность «Я» [6].

Сетевая идентичность становится «виртуальной оболочкой» реальной идентичности. При этом стремление к самопозиционированию посредством постов в Инстаграм, выплеск эмоций в комментариях в виде исповедей и субъективного анализа окружающего мира, сумбурные регулярные выкладки по поводу собственных целей, планов и задач – все это похоже на доказательства собственной значимости, побег от повседневности и одиночества [7. С. 31]. В сетевом пространстве люди выражают так называемые «потенциальные» и «желаемые» сущности – иначе говоря, возможные для этого человека, но по какой-то причине не реализуемые. Не случайно для конструирования сетевой идентичности сейчас в большей степени характерно не выдумывание новых, не связанных с реальностью сущностей, а модифицирование и приукрашивание сущности, используемой в реальной жизни. Поскольку интернет-коммуникации становятся продолжением повседневных контактов из реального мира, сетевая идентичность должна сразу отсылать к идентичности, презентуемой в F2F взаимодействиях, а потому должна быть достаточно единообразной с «Я» из реальной жизни.

Отдельный интерес гуманитариев и в особенности психологов вызывают люди с высоким уровнем сетевой идентичности. Как свидетельствует проведенный анализ, такие личности не отличаются болезненной вовлеченностью в сеть, и в целом влияние виртуального мира на них нельзя назвать негативным. Сами они его оценивают сугубо позитивно. Их эмоциональная мотивационная сфера, субъективное благополучие также не характеризуются проблемами. Однако сетевая идентичность искажает реальную, переориентируя ее исключительно на индивидуальный уровень, в то время как социальный уровень исчезает [8. С. 120].

Несмотря на тенденции сближения позиционирования субъектов в сетевом и реальном пространстве, О.В.

Славинская отмечает, что наряду с приукрашиванием собственного «Я» в сети все еще распространено и радикальное изменение ролей. Наиболее яркие проявления экспериментирования с идентичностью – виртуальная «смена пола» и девиантное поведение; оба эти явления широко представлены в интернете. Ложная идентичность в сети является серьезной межличностной проблемой, которая сопровождает заинтересованных в предъявлении ложной информации лиц. Личностные качества, которые в ситуации реального взаимодействия довольно очевидны (например, возраст, внешний вид или социальный статус), в интернет-коммуникации могут изменяться и симулироваться сколько угодно. Это открывает широкие возможности для манипуляции и лжи [9. С. 193]. Для того чтобы избежать обмана, необходимо вызывать участника коммуникации на прямой диалог посредством, например, Skype.

Резюмируя, можно сделать следующий вывод. Реальная и сетевая идентичности сегодня имеют тенденцию к сближению, когда в онлайн-коммуникациях сетевые идентичности четко представляют оффлайн-идентичности. Тем не менее однозначной оценки сетевых идентичностей у исследователей нет: есть критически воспринимающие фиктивные идентичности как небезопасный для общества маскарад, есть поддерживающие поиск своего «Я», остающегося скрытым в оффлайн-ситуациях. В любом случае этот феномен эпохи «после Модерна» требует внимания и постоянной рефлексии представителями социально-гуманитарного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Костина А.В.* Кризисное состояние идентичности в современном мире: причины и предпосылки // Знание. Понима-

ние. Умение. 2009. № 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Recessionary (дата обращения: 16.04.2017).

2. Бендл М.Ф. Кризис «идентичности» в эпоху высокого модерна // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология. Реферативный журнал. 2003. № 2. С. 62-67.

3. Белинская Е.П. Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичностей пользователей социальных сетей // Образование личности. 2016. № 2. С. 31-39.

4. Лепехин Н.Н., Дубко А.В. Доверие к виртуальной идентичности в интернет-среде // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2011. Выпуск 4. С. 145-151.

5. Косенчук Л.Ф. Концепции виртуальной или сетевой идентичности: критический анализ // Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал. 2014. № 5. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14630> (дата обращения: 16.04.2017).

6. Жарова О.С. Идентичность личности в мире виртуальной интерактивности // Восточно-европейский научный вестник. 2016. № 2. С. 31-32.

7. Козлова Н.С. Реальная и виртуальная идентичность // Социум и власть. 2015. № 2. С. 118-121.

8. Славинская О.В. Склонность личности к искажению информации о себе: виртуальные идентичности и самопрезентация // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2015. № 15-2. С. 192-198.

*А.З. Черняк
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия.
E-mail: abishot2100@yandex.ru*

ИСКУССТВЕННЫЙ РАЗУМ И ТРАНСГУМАНИЗМ

Статья посвящена обзору аргументов, которые используются и могут быть использованы для решения вопроса о том, является

или нет какая-то реальная или воображаемая сущность мыслящей как человек, и насколько подобная аргументация вообще может иметь теоретическое обоснование. Автор придерживается той точки зрения, что этот вопрос не может быть на данном этапе развития человеческой мысли решен на уровне теории.

Ключевые слова: трансгуманизм, искусственный разум, мышление, психофизическая проблема, функционализм, аргумент перевернутых качеств, китайская комната.

Трансгуманизм предполагает, что бытие человеком не сводится к бытию сущностью того биологического вида, свойства которого мы сейчас считаем для нас определяющими. Возможность создания искусственного разума может быть аргументом в пользу правоты трансгуманизма; но для этого надо иметь возможность доказать, что искусственный разум разумен по-человечески. Конечно, даже выяснив, что сущность обладает разумом подобным человеческому, ученые не получают автоматически достаточных оснований приписывать ей все остальные свойства, которые мы считаем существенными для бытия человеком – например, сознание. Но, по крайней мере, это будет весомым аргументом в пользу уместности подобного подхода.

Как мы решаем, что является искусственным разумом, а что нет? Есть ли какие-то объективные основания для отождествления чего-то, созданного нами и не тождественного нам самим, с сущностью, разумной в том же смысле разумности, который мы приписываем самим себе (или в каком-то достаточно близком к этому смысле)? Философы и ученые, занимающиеся изучением и созданием искусственного интеллекта, традиционно уверены в том, что они есть или, по крайней мере, могут быть найдены. У истоков этого оптимизма стоит известная статья Тьюринга «Может ли машина мыслить», в которой описан тест на искусственный интеллект, предлагающий в качестве достаточного основания для приписывания разумности, ана-

логичной человеческой, функциональное подобие машины человеческому интеллекту, т.е. ее способность решать те же задачи, которые решает человеческий интеллект, с тем же успехом [1. С. 6-8]¹².

Ясно, что если мы готовы понимать под мышлением просто выполнение программы, то можно наделять мышлением любой автомат; но если вопрос о возможности искусственного разума сводится к вопросу о том, можно ли придумать такое понятие мышления и разумности, которое было бы применимо к тому, что демонстрирует автомат того или иного типа, он перестает иметь какое-либо познавательное значение (разве что мы узнаем, отвечая на него, что-то новое о нашей способности изобретать понятия). Этот вопрос имеет теоретическую ценность главным образом как вопрос о принципиальной возможности того, чтобы какая-либо машина, не обязательно реальная, обладала мышлением, подобным человеческому. Наш обычный способ приписывать ментальные свойства другим существам состоит в их приписывании на основании наблюдения за их поведением и проведения аналогий между наблюдаемым поведением и какими-то образцами нашего собственного поведения, интерпретируемого как следствие нахождения в каком-то ментальном состоянии, реализации какой-то ментальной установки или мотива и т.п. Также важную роль в этом процессе играет умозаключение, относящее того, кому приписываются ментальные свойства, к человеческому виду.

¹² Тест Тьюринга предполагает использование метода вопросов и ответов и, конечно, можно возразить, что не все практические задачи, решаемых человеком посредством своего разума, могут быть представлены в таком виде. Тем не менее можно представить себе такие расширения данного теста, в которых машина не только успешно (как человек) рассуждает обо всех релевантных видах деятельности, но и участвует в них наравне с людьми, будучи снабжена соответствующими органами.

Поскольку ситуация, при которой машина, сконструированная соответствующим образом и снабженная достаточно сложной программой (так называемая машина Тьюринга), не выглядит невозможной, по крайней мере, теоретически, постольку из этого можно сделать вывод, что есть теоретическая возможность построить автомат, функционально эквивалентный человеку.

Если некоторые возможные миры, которые мы создаем, в том числе, художественными средствами, являются отражением наших наиболее вероятных реакций на некоторые возможные обстоятельства, что кажется весьма правдоподобным допущением, то уместно предположить, что эти произведения с той или иной положительной достоверностью показывают нам, как мы вели бы себя, будь наш мир таким, что в нем некоторые машины уже прошли тест Тьюринга. Почему же, если верить этим сюжетам, люди все равно не готовы или не до конца готовы признать функционально эквивалентные нам машины мыслящими как мы?

Основания, которые в этих мирах имеются для деления машин мышлением и разумом, зачастую богаче, чем просто прохождение теста Тьюринга единичным автоматом. Поведение единичного автомата, сколь бы похожим на наше оно ни было, всегда можно счесть отклонением от статистической нормы. Кто-то может даже признать, что в этом конкретном единичном случае каким-то мистическим (т.е. пока не объяснимым наукой) образом то, что в принципе не может обладать разумом и мыслить как человек в силу принадлежности к своему виду, вопреки этой закономерности, приобрело подобное качество (например, благодаря прямому Божественному вмешательству). Такое признание позволит считать данную конкретную машину мыслящей как человек и, тем самым, ставшей чем-то большим, чем просто машина, но не позволит сде-

лать вывод о том, что машина как таковая (т.е. не ставшая каким-то чудом чем-то большим) способна мыслить как человек. Однако во многих фантастических мирах, о которых здесь идет речь, не единичные машины, а целые классы машин систематически проходят тест Тьюринга; люди, таким образом, имеют дело не с уникальным случаем, а с регулярным проявлением функциональной эквивалентности человеку разных представителей одного и того же вида. Если бы функциональная эквивалентность была достаточным основанием наличия мышления, то систематическое наблюдение такой эквивалентности должно было бы рано или поздно перевесить, по крайней мере, в глазах ученых, философские аргументы, связывающие существование мышления только с человеческим видом или определенным биологическим устройством. Кроме того, искусственный разум в этих мирах часто размещается в телах, внешне похожих на человеческие, что создает условия для формирования у людей эстетической привязанности к этим существам, подобной их привязанности к себе подобным.

Таким образом, люди, действующие в мирах, о которых идет речь, и решающие в них, чем им считать функционально эквивалентных людям искусственных существ, имеют более сильные основания для признания за этими существами статуса мыслящих как люди, чем те, которые способны сдать тест Тьюринга.

Тем не менее похоже, что в этих мирах нет исчерпывающего аргумента, который позволил бы действующим в них рациональным субъектам решить, следует наделять искусственные существа разумом или нет. Показывают ли имеющиеся возражения, что этот тезис не верен, и может ли их опровержение показать, что он верен?

Одно из самых популярных возражений против отождествления мышления со способностью решать зада-

чи и, соответственно, быть воплощенным в какой-то программе, известно как аргумент *перевернутых качеств*; особенно сильной считается та версия этого аргумента, которая получила название аргумента *отсутствующих качеств*¹³. Утверждается, что функциональный анализ мышления не способен отразить «качественные» характеристики, существенные для определения типа, по крайней мере, некоторых психологических состояний – так называемые Qualia. Однако можно также усомниться в том, что подобная симуляция будет достаточно полной для функциональной эквивалентности человеческому мышлению. В этом состоит стандартный ответ защитников сильного тезиса искусственного интеллекта и функционального анализа мышления на аргумент перевернутых и отсутствующих качеств.

Все свидетельства в пользу наличия ментального состояния определенного вида у себя самого или у другого, которые у нас есть – интроспективные и поведенческие, – свидетельствуют также и в пользу качественного тождества этого состояния некоему образцовому состоянию данного вида. Если они не достаточны для приписывания качественных характеристик ментального состояния, то в той же мере они не достаточны и для приписывания самого этого состояния.

Однако хотя это – хороший контраргумент против аргументов перевернутых и отсутствующих качеств, он далеко не так хорош как свидетельство в пользу достаточности функционального тождества состояний для приписывания им ментального тождества. Если о любом качественно отличном от данного состоянии можно сказать, что оно на тех же основаниях функционально отлично от него, это может свидетельствовать не только о качественной не-

¹³ См. [2], [3].

различимости функционально тождественных, но и о слабости тех оснований, которые используются для установления тождеств и различий обоих видов. Таким образом, я полагаю, что этот аргумент показывает не истинность тезиса психофункционального тождества, а невозможность его опровержения посредством определенной аргументации. Поэтому на приведенном основании мы не можем ответить на вопрос, может ли машина в принципе мыслить как человек.

Другой известный аргумент против машинного функционализма и идеи искусственного интеллекта предложил Д. Сёрль: это так называемый аргумент китайской комнаты [4. Р. 30-33]¹⁴. Но в случае человека в комнате нам заранее известно, что он не знает китайского и не понимает иероглифов; мы не знаем то же самое заранее в случае с компьютером. В любом случае оппонент Сёрля может настаивать на том, что если компьютерный чип запрограммирован определенным образом – например, ему дано полное описание синтаксиса китайского языка, – то он тем самым приобретает способность понимать письменный китайский, что бы мы ни думали о сущности понимания.

Можно выделить много уровней процессов, происходящих в человеке – нейронные и физические, например:

¹⁴ Сёрль сравнивает человека, не знающего китайский и запертого в комнате с инструкцией, описывающей последовательности действий, которые надо выполнять в ответ на поступающие сигналы в виде китайских иероглифов, строго выполняющего эту инструкцию, имитируя, таким образом, поведение человека, знающего китайский и общающегося с внешним миром на этом языке, с поведением компьютера, управляемого программой, описывающей определенные последовательности действий, которые машина должна выполнять в ответ на стимуляции соответствующих видов. В обоих случаях, утверждает Сёрль, никакого мышления и коммуникации на китайском языке не будет.

они точно отличаются от тех, что происходят в компьютерах. Но делают ли они нас мыслящими? Если да, то мышление и понимание на этом уровне состоит в активации определенных нейронов в ответ на активацию других нейронов вследствие поступления извне лингвистических входных данных, что может быть описано набором формальных правил, аналогичных синтаксису. Тогда формально процессы в мозгу, предположительно отвечающие за мышление, принципиально не отличаются от процессов, которые могут происходить внутри какого-то компьютера. Если же процессы в мозгу не достаточны для порождения мышления, то понимание и мышление остаются загадочными процессами с точки зрения современной науки. Тогда не только компьютеры, но и люди не могут иметь мышление, если мышление строго неформально. Но раз мы его имеем, возможно, оно, по крайней мере, может управляться формальными правилами?

Конечно, можно требовать, чтобы понимание и представление, обеспечивающие репрезентативность и интенциональность ментальных состояний, включали элемент сознания. В этом случае мы никак не сможем приписывать машине интенциональность – направленность на что-то, а ее состояниям – репрезентативность, не имея достаточных оснований приписывать ей сознание, каковых у нас, скорее всего, никогда не будет. Но гипотеза, согласно которой интенциональность с необходимостью предполагает сознательность или даже доступность для осознания, сталкивается с серьезными контраргументами, пожалуй, главный из которых – правдоподобная гипотеза, согласно которой существуют интенциональные бессознательные состояния.

Я полагаю, что машина не может иметь строго человеческие мысли и ментальные состояния, поскольку она, как минимум имеет отличную от нас природу. Но это не исключает возможности того, что какая-то машина сможет

мыслить как человек, т.е. функционально подобным человеку образом. Миры ряда фантастических фильмов и игр показывают, по крайней мере, что определенной совокупности характеристик, демонстрируемых искусственными существами, может быть достаточно для того, чтобы часть рационально мыслящих людей признала их в общем и целом подобными себе в плане мышления и психики. Однако вся эта совокупность факторов, похоже, не обеспечивает достижения людьми консенсуса или хотя бы формирования решающего большинства, которое наделило бы соответствующие создания человекоподобным мышлением и разумом. Эти модели, таким образом, показывают, что современное состояние исследований в области искусственного интеллекта и психологии не позволяет четко ответить на вопрос: «Может ли машина в принципе мыслить как человек и, в частности – может ли она мыслить подобным образом вследствие своего программного обеспечения?». Это не значит, конечно, что более сильные аргументы в пользу какого-то ответа не могут появиться в будущем. Но в фантастических мирах, о которых мы говорим, нет указаний на то, что люди, отказывающиеся в них считать искусственных существ, ведущих себя как люди, мыслящими как люди, или признающие их таковыми, знакомы с какими-то релевантными аргументами, не известными нам сейчас. Если наше будущее похоже в интересующих нас аспектах на миры этих произведений, то из этого следует, что решающим основанием приписывать или нет искусственный разум, понятый обсуждаемым здесь способом, существам, демонстрирующим сходное с нами поведение и требующим классификации в силу своей роли в человеческой жизни, будут, скорее всего, не аргументы какой-то психологической теории, а религиозные, политические, моральные, возможно даже эстетические и эмоциональные соображения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тьюринг А.* Может ли машина мыслить? Саратов: Изд.-во ГосУНЦ «Колледж», 1999.
2. *Shoemaker S.* Functionalism and Qualia // Block N. (ed.). Readings in Philosophy and Psychology. Vols. & 2. Cambridge: Harvard University Press, 1981. P. 251-267.
3. *Block N.* Troubles with Functionalism // Block N. (ed.). Readings in Philosophy and Psychology. Vols. & 2. Cambridge: Harvard University Press, 1981. P. 268-305.
4. *Searle J.* Minds, Brains and Science. Harvard University Press, 2003.

М.А. Шувалова
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия.
E-mail: mash-shuvalov@yandex.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: ГРАЖДАНСКАЯ И СЕТЕВАЯ

В статье анализируется понятие идентичности человека, рассматриваемого через призму современного коммуникативного пространства. Понимая сеть как организацию социальную, можно выявить взаимоотношение гражданской и сетевой идентичностей человека.

Ключевые слова: коллективная идентичность, самоидентичность, сетевая идентичность, сеть, структура, гражданская идентичность, субъект.

Существуют различные трактовки понятия «идентичность». Эту проблематику рассматривают во многих областях, среди которых можно отметить сферу психоанализа личности, философские разработки, социологические и со-

циокультурные исследования. Дадим следующее ее определение: «Идентичность – категория социального и гуманитарного знания, ориентированная на выявление и описание смысловых характеристик индивидуальных и коллективных действий в контексте (само)определения принадлежности субъектов данных действий к тем или иным группам и/или сообществам и соответствующим ценностно-нормативным регуляциям» [1. С. 18]. Опираясь на данную характеристику, добавим, что выделяются также коллективная и индивидуальная идентичности человека. Человек, соотнося себя с какой-либо референтной группой, во-первых, самоопределяется, так как формирует и приобретает ценностно-смысловые принципы, а во-вторых, становится частью сообщества, приобщается к коллективу и самоутверждается по отношению к нему. Коллективная идентичность – это «комплекс сознательных и бессознательных представлений, установок и практических действий, который, являясь значимой личностной характеристикой, определяет отнесение человеком себя к какому-либо сообществу» [2. С. 26]. Формируя гражданскую и сетевую идентичности, человек общается к определенного рода сообществу.

Опираясь на данную характеристику понятия «коллективная идентичность», можно сказать о том, что гражданская и сетевая идентичности представляют собой разновидность коллективной. Стоит заметить, что коллективная идентичность не может формироваться без определения человеком своей самоидентичности. Здесь хочется вспомнить определение современной самоидентичности человека, данное П.К. Гречко: «Современная идентичность – это всегда самоидентификация, выявляющая и утверждающая самость человека <...> как гетерогенное единство экзистенциально-смысловых устремлений индивида. Идентичность сегодня – средство артикуляции своей самости» [3. С. 39]. Обретение человеком идентичности предполагает наличие предраспо-

ложенности к взаимоотношению с Другим, что в свою очередь определяет и формирует пространство для их коммуникации [См. там же].

Важно заметить, что индивидуальная и коллективная идентичности человека могут быть гармонично взаимосвязаны, а могут вступать в противоречия. Коллективная идентичность может выступать средством к самоопределению человека, достижению некоторого идеала. Но также возможно, что она будет подавлять личность, так как неосознанное принятие ценностей и убеждений ведет человека к потере собственной идентичности, подчиняет индивидуальное сознание коллективному.

Возвращаясь к гражданской идентичности человека, скажем, что определение понятия «гражданская идентичность» в современной литературе является спорным, иногда даже противоречивым. В отечественных исследованиях оно появилось относительно недавно, поэтому не существует единого мнения по поводу данного понятия, трактовки которого расходятся между собой не только по существенным характеристикам, присущим концепции «гражданская идентичность», но и по смыслам, которые закладываются в ее основу (сближение понятий гражданской идентичности с государственно-правовой, национальной).

Гражданскую идентичность можно рассмотреть со стороны двух аспектов: теоретического и практического. Если говорить о практической стороне, то гражданскую идентичность можно найти уже в древнегреческом полисе [4]. Что же касается теоретических разработок, то понятие «гражданская идентичность» изучается в работах французских просветителей [5], что связано в первую очередь с возникновением и становлением национальных государств.

Отметим, что разработка понятия «гражданская идентичность» актуализируется в современном мире потому, что процессы глобализации и одновременно с ними

явления, которые направлены на утверждение самоидентичности индивида в рамках поликонфессиональных и мультикультурных государств, занимают все большее место в жизни современного человека. Сегодня мы говорим о становлении сетевого общества. Автор, который внес новое видение в разработку данной проблематики – Мануэль Кастельс, – по праву считается теоретиком концепции сетевого общества, которое характеризуется им как «созданное сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... Все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предшествовавшие социальные формы» [6. С. 505]. Сетевое общество подчиняет себе организацию социальных отношений, в которые вступает индивид, а значит, человек в современном мире, точнее в информационном обществе, становится сетевым участником, у которого формируется сетевая идентичность.

Существует два подхода к рассмотрению сетевой идентичности человека: во-первых, данная идентичность трактуется как отождествление личности с группами, созданными в интернет-пространстве, во-вторых, – понимается как разновидность пространственной идентичности в сетевом пространстве [7. С. 34-35].

Если говорить о первом подходе, то можно выделить несколько основных характеристик сетевой идентичности: 1) осознанное конструирование личностью своей сетевой идентичности [8. С. 100]; 2) легкость видоизменения и конструирования, а также диалогичность, то есть взаимодействие с другими участниками сети, но в то же время с компьютерным интерфейсом, и динамичность данного явления (быстрое видоизменение во времени)

[Там же]; 3) этой идентичностью могут обладать не только индивиды, но также сообщества и макросообщества [9]; 4) в качестве основного компонента сетевой идентичности выделяется пространство, но с оговоркой, что содержание пространства в силу текучести может реконструироваться и изменяться [Там же].

С сетевой идентичностью неразрывно связано понятие «сеть». Данное понятие является относительно новым, что характеризуется бурным развитием в конце XX века интернет-технологий. Происходит осмысление деятельности человека внутри киберпространства, что связывается с возникновением ряда вопросов по поводу сетевой идентичности человека, его действий внутри сетевых групп, которые могут стихийно образовываться в интернете. Но также речь идет об изменении традиционного иерархического строения общества на сетевое, которое имеет свои характерные черты, то есть возможность перенесения опыта сетевого пространства, понимаемого в техническом смысле в сфере информатики, на социальные процессы, происходящие в современном мире.

Одним из существенных отличий иерархических структур от сетевых является положение субъекта принятия решений. Для иерархической структуры характерна медленная адаптация к изменяющимся условиям окружающей среды из-за большого количества элементов системы, что способствует замедлению процесса принятия решений. Согласно Г.В. Сориной, лицом, принимающим решения (ЛПР), может выступать как индивидуальный, так и коллективный субъект [10. С. 127]. Когда речь идет о системе, выстроенной согласно иерархическому принципу, то необходимо заметить, что ЛПР в рамках жестко определенной структуры может недооценить или переоценить информацию, которая «не вписывается в имеющийся у него образ реальности» [Там же].

Говоря о коллективном и анонимном субъектах принятия решений, хотелось бы обратиться к статье М.В. Виноградова и Г.В. Сориной «Субъект принятия решений: становление и деятельность», в которой рассматриваются два вида субъектов: сетевой, обладающий всеми признаками коллективного, и анонимный, который может выступать как в качестве индивидуального, так и коллективного [11. С. 63].

Обращаясь к сетевой идентичности как разновидности пространственной идентичности в сетевых структурах, отметим, что через сетевые организации можно рассматривать гражданскую идентичность человека: в условиях процесса глобализации человек постепенно утрачивает территориальную принадлежность, то есть сегодня необязательно осуществлять идентификацию с конкретным, физическим пространством, так как появляется возможность организации межнациональных сообществ и групп, без определенной привязки к месту происхождения и/или проживания. Однако нельзя сказать, что пространственная характеристика полностью исключается из формирования человеком гражданской идентичности, она просто имеет другое выражение, которое не привязано к конкретной территориально-административной единице. В качестве таковой могут выступать сетевые сообщества, представляющие собой референтные группы и играющие роль определенных пространственных отношений.

Также в условиях общедоступности разнообразных интернет-ресурсов у каждого появляется больше возможностей по определению своей идентичности, так как расширяются границы индивидуального мира: можно публично и в то же время анонимно высказывать свою позицию по отношению к самым разнообразным вопросам, утверждать себя в качестве полноправного участника разнообразных сетевых сообществ, изменять свои физиологические характеристики (пол, возраст и т.п.), осуществлять

различные стратегии коммуникации. Увеличение количества ресурсов и связанные с этим возможности касаются не только человека, но также и разнообразных организаций, в том числе и государства [12]. Развитие сайтов, которые позволяют установить коммуникацию между государственными органами управления и гражданами напрямую, а также формирование электронной экономики, частью чего является электронное правительство (e-Government), показывают расширение сетевого (виртуального) пространства на ключевые сферы жизни общества.

Вспомнив М. Кастельса и его теорию сетевого общества, все больше внедряющегося в систему социальных отношений, следует посмотреть на позиции, которые занимает человек в современном мире. Можно увидеть наличие сетевых организаций, в которые включен индивид. Социальное пространство может быть рассмотрено с позиции сети, и тогда гражданская идентичность как разновидность социальной предстает в качестве сетевых отношений, в которые включен человек. Обращаясь к работам П. Бурдьё, можно выделить характеристику, которая дана социальному пространству: «структура рядоположенности социальных позиций» [13. С. 50]. Гражданскую и сетевую идентичность объединяет, во-первых, то, что человек не может обрести себя вне социального контекста, и, во-вторых, то, что социальные положения, которые занимает индивид, формируют организованное определенным образом пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
2. Лапкин В.В., Семенов И.С. Идентичность: рамочные понятия // Политическая идентичность и политика иден-

тичности: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

3. *Гречко П.К.* Идентичность – современные перспективы // Ценности и смыслы. 2009. № 2 (2).

4. *Кравченко Н.Ю.* Кризис концепта гражданской идентичности: социологическое измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». 2015. Вып. № 3. Т. 15.

5. *Фахрутдинов Р.Р., Мамедлаев Р.Ю.* Феномен идентичности: гражданской или этнической // Казанский педагогический журнал. 2013. Вып. № 3 (98).

6. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999.

7. *Фадеева Л.А.* Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

8. *Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю.* Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2.

9. *Мартьянов Д.С.* От сетевой идентичности к политике идентичности в сети интернет: смена парадигмы? // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 1.

10. *Сорина Г.В.* Принятие решений как интеллектуальная деятельность. М.: «Канон +» «Реабилитация», 2009.

11. *Сорина Г.В., Виноградов М.В.* Субъект принятия решений: становление и деятельность // Ценности и смыслы. 2013. № 4 (26).

12. *Санина А.Г.* Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциальный, пространственный и деятельностный аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2010. Вып. № 4.

13. *Бурдые П.* Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства. М.: Алетейя» 2007.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

**ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА П.К. ГРЕЧКО**

В двух томах

Том II

Издание подготовлено в авторской редакции

Дизайн обложки О.Ю. Бондарь

Подписано в печать 28.11.2017 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 30,46. Тираж 100 экз. Заказ 1896.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41